

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
ЧЕЛЯБИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ГОРОХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы первой региональной музейной конференции

Челябинск
2010

УДК 908
ББК 63.3 (235.55+26.89)
ISBN 978-5-905081-03-3

Гороховские чтения: материалы первой региональной музейной конференции/отв. ред.:
Н.О. Иванова. - Челябинск: типография «Проспект», 2010. - 250 с.: ил.

Первый выпуск «Гороховского сборника» - это начало новой традиции Челябинского областного краеведческого музея. Основную часть настоящего сборника составляют материалы научной конференции «Гороховские чтения», среди которых читатель встретит статьи по истории Южного Урала, истории Челябинского краеведческого музея и его коллекциям, а также по теории, методике и практике музейного дела. Другую часть сборника составляют воспоминания Т.В. Палагиной и В.С. Боже о прошлом Челябинского краеведческого музея, его сотрудников, выставках, научной работе и повседневной жизни.

Редакционная коллегия: Н. О. Иванова, Н. А. Антипин, А. А. Гамазова, Е. М. Есикова,
Э. О. Запорожская, М. Ш. Гайнуллин

Ответственная за выпуск Н. О. Иванова

Конференция организована при поддержке Министерства культуры Челябинской области

Печатается по решению редакционно-издательского совета Челябинского областного краеведческого музея

В оформлении использованы фотографии из фондов Челябинского областного краеведческого музея

ISBN 978-5-905081-03-3

ISBN 978-5-905081-03-3

9 785905 081033

© Челябинский областной краеведческий музей, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	
I. Материалы первой региональной музейной конференции «Гороховские чтения»	
Н. А. Антипин Иван Горохов и его музей	
Е. Д. Королева Уральские краеведы из «духовных»	
Е. М. Есикова Предметы православной культуры в фондах Челябинского областного краеведческого музея: к истории формирования коллекции	
И. С. Ивлиева Челябинск в живописи Игнатия Вандышева	
Е. П. Турова Народные приметы Челябинского уезда (из фонда Челябинского областного краеведческого музея в объединенном государственном архиве Челябинской области).....	
Е. А. Чайко «Вспомню я теперича, какая воля девичья...» (образ советской девушки в частушках конца 1940–начала 1950-х годов)	
О. В. Филипцова Детские и молодёжные игры жителей посёлка Арси Нагайбакского района Челябинской области (из опыта экспедиционной работы)	
В. И. Таушканова Реставрация мебели и предметов из дерева в Челябинском областном краеведческом музее (из опыта работы)	
Т. В. Палагина Первый опыт международной выставки (из фондов Челябинского областного краеведческого музея)	
А. Н. Машарова Выставка: «Текстиль. Трансформация впечатлений»	
Н. А. Ваганова Из опыта методической работы Челябинского областного краеведческого музея (1997–2004 гг.).....	
Б. К. Кожаметов, Г. М. Сафарова, Э. Р. Усманова Музеи Казахстана в XXI веке. Анализ ситуации	
Н. О. Иванова, Н. А. Ваганова Музеи Челябинской области (современное состояние и ближайшие задачи).....	
У. А. Алимова «Виртуальный музей» как средство музейной коммуникации	
И. В. Андреева Литературный вебсайт-музей как средство актуализации литературного наследия советской эпохи	
Н. Богданюк Керамические изделия Саткинского района	
Э. У. Абдулхакова Икона «Жены-мироносицы у Гроба Господня» XVII века из собрания Челябинского областного музея искусств	

В. М. Кузнецов, У. А. Алимова Формирование ценностного отношения школьников к памятникам природного и исторического наследия родного края на основе средового подхода	
Е. И. Литвинова Школьный учебный центр древних технологий при лаборатории археологических исследований Челябинского государственного педагогического университета (возможности использования в учебном процессе)	
И. В. Купцов Всё было... (Походы монголов на половцев, волжских булгар, Русь и «вечерние страны» в 1236–1242 гг.)	
Р. Н. Гизатуллин «Многие Бухарцы приезжают сюда пожить на распахку...» (среднеазиатская диаспора в дореволюционном Троицке)	
Е. Г. Подгайко «Самодельные» общества города Троицка Оренбургской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.)	
В. М. Климова Отражение изменений государственной политики по отношению к Церкви после восстановления Патриаршества в 1943 году в деятельности местных властей города Троицка	
С. Н. Ростовцев Со стареньким «фэдом» на грозном Т-34 (к биографии А. Ходова, известного Челябинского фотографа)	
И. С. Янгирова «Энтузиаст русской литературы» – Иван Петрович Малютин	
А. Д. Шапиро Методические рекомендации по описанию металлических наконечников стрел	
А. Д. Таиров, И. В. Ульянов Случайные находки предметов раннего железного века на Южном Урале	
А. А. Иванов, М. Л. Плешанов Оружие кочевников Южного Урала в погребальных комплексах II в. до н.э.–II в. н.э.	
К. Г. Коноплева Каменные жертвенники из фондов Челябинского областного краеведческого музея	
Э. А. Шайгородский Ихтиофауна озёр Южного Урала	
В. В. Дерягин, А. В. Дерягин Краткий очерк истории палеолимнологии Южного Урала	

II. Воспоминания о Челябинском областном краеведческом музее

Т. В. Палагина Чередой воспоминаний	
В. С. Боже Музейная дюжина. Воспоминания о годах работы в Челябинском областном краеведческом музее	

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Проводимые Челябинским областным краеведческим музеем в 70–90-х годах XX века конференции «Природное и культурное наследие Урала» и «Выдающиеся представители научной, общественной и культурной жизни Урала» пережили заданный формат, так как заявленная тематика сегодня исследуется крупными научными центрами Южного Урала – в академических, вузовских и научно-исследовательских учреждениях (УрО РАН, ЮУрГУ, ЧелГУ, ЧГПУ, ЧГАКИ и др.). Результаты исследований ежегодно подводятся на конференциях в указанных учреждениях. Конференции «Лазаревские чтения» (ЧГАКИ, ЧелГУ) и «Бирюковские чтения» (ЧГПУ, ЧелГУ) посвящены в основном исследованиям жизни и творчества ученых краеведов А. И. Лазарева и В. П. Бирюкова, а также проблемам фольклора, лингвистики и новейшим открытиям в этой области. Реалии сегодняшнего дня, повышенный интерес и внимание государства к деятельности музейных учреждений, необходимость консолидации музейных работников, ученых исследователей, преподавателей и студентов высших учебных заведений для решения основных задач, которые ставит сегодня перед музеями государство, делают необходимым проведение ежегодного музейного мероприятия.

Челябинский областной краеведческий музей предлагает присвоить новому научному форуму имя Ивана Гавриловича Горохова. Именно он был основоположником краеведческого движения в регионе, основателем и первым директором музея в Челябинской области. Почти полвека Иван Гаврилович руководил первым музеем нашего края, пережив с ним самые сложные периоды XX века – революцию 1917 года, Гражданскую войну, Великую Отечественную войну, послевоенное восстановление, сумев при этом сохранить свое детище.

Сегодня музей, после нескольких десятилетий упадка, переживает новое рождение, связанное с появлением у учреждения специализированного просторного здания, фондохранилища, построением новой экспозиции. Обретая новые формы, музей стремится обрести и новый образ, обращаясь к истокам своей истории, когда И. В. Горохов формировал уникальный музей, опыт которого актуален и сегодня. Сотрудники Челябинского областного краеведческого музея провели большую работу в фондах музея, в областном государственном архиве по крупицам собирая материалы о личности и деятельности первого директора. Была организована выставка «Иван Гаврилович Горохов: основатель и первый директор музея», открывшаяся в музее 2 ноября 2009 года к 125-летию со дня рождения И. Г. Горохова, издан буклет «Иван Гаврилович Горохов (1.11.1884–3.01.1970 гг.): 125-летию со дня рождения основателя музея посвящается», вышла в свет книга «Иван Горохов и его музей. Материалы к биографии основателя Челябинского краеведческого музея», подготовлена к печати монография Н. А. Антипина «Челябинский краеведческий музей. 1913–1957», ведется большая работа по сохранению фотографического наследия Ивана Горохова (необходимо перенести на цифровые носители более трех тысяч фотонегативов на пленках и стеклах и провести колоссальную работу по их классификации и описанию).

Состояние музейного дела в регионе также требует проведения организующего мероприятия, которое будет не только подводить итоги музейной работы за год, но и станет практической школой, на которой будут обсуждаться злободневные проблемы музейной практики (организация хранения и комплектования фондов, научные исследования в музее, новые формы работы с посетителями и др.).

Конференция 2010 года, продолжая традиции и опыт предыдущих конференций, в сложнейших условиях «системного кризиса» музейной деятельности состоялась благодаря поддержке Министерства культуры Челябинской области.

Материалы, собранные в данном сборнике представляют различные аспекты музейной деятельности – прежде всего – это блок статей, посвященных Челябинскому краеведческому музею, истории его создания и развития, коллекциям, украшающих фонды музея, научным исследованиям, опыт организации и проведения выставок (в том числе международных), предварительные результаты экспедиционной деятельности летом 2010 года (археологическая и этнографическая экспедиции). Ученые-историки города Троицка представили интересные материалы по неизвестным страницам истории своего района.

Редакционная коллегия сочла возможным поместить в материалы конференции воспоминания сотрудников Челябинского областного краеведческого музея о недавнем прошлом учреждения, как бы продолжая его историю со дня основания.

ИВАН ГОРОХОВ И ЕГО МУЗЕЙ

Под таким названием в 2010-м году Челябинский областной краеведческий музей выпустил сборник, посвященный его основателю Ивану Гавриловичу Горохову. Это издание – очередной этап в процессе изучения истории музея, которому предшествовало открытие 2 ноября 2009-го года выставки «Иван Гаврилович Горохов – основатель и первый директор музея. К 125-летию со дня рождения». Выставка представила первый период формирования музея, музейных коллекций и сферы деятельности учреждения в те годы, когда его возглавлял И. Г. Горохов. Кроме того, к выставке была выпущена брошюра с краткой автобиографией Ивана Горохова и отзывами о нем коллег, фотографиями из фондов музея, а также с библиографическим списком научных работ, статей, докладов, тезисов выступлений И. Г. Горохова¹. Прделанная работа стала основой для подготовки и издания сборника «Иван Горохов и его музей: Материалы к биографии основателя Челябинского краеведческого музея». В книге представлены статьи о жизни и деятельности краеведа, его личные документы, воспоминания о нем коллег и близких, переписка. В сборнике опубликованы научные работы, статьи, доклады, тезисы выступлений И. Г. Горохова, посвященные геологии края, развитию краеведческого движения, музейного дела, задачам и перспективам исследования Южного Урала, а также просветительской работе. Книга иллюстрирована фотографиями, многие из которой опубликованы впервые. Другим важным для музея событием в процессе обращения к своему прошлому является учреждение региональной научно-практической конференции «Гороховские чтения», одной из задач которых является объединение музейного сообщества Челябинской области, создания площадки для коммуникаций музейных работников, обсуждения насущных вопросов и проблем развития музейного дела.

Жизни и деятельности И. Г. Горохова посвящено немало публикаций, что говорит о значимости личности для истории и культуры Челябинска и региона². Однако позволю себе кратко остановиться на его биографии. И. Г. Горохов родился 20 октября (ст. ст.) 1884-го года в Кургане в семье мещанина. «После смерти отца в 1895 году наша семья (мать, я и сестра), – писал Иван Горохов в автобиографии, – остались без всяких средств к существованию, так как отец за время своей жизни не сделал никаких сбережений»³, но торговая фирма, в которой служил отец, выделила семье Гороховых небольшую пенсию, позволившую получить детям образование. Иван Горохов был определен в Тобольское духовное училище, которое он окончил с отличием в 1900-м году и вскоре был принят в Тобольскую духовную семинарию. В 1906-м году И. Г. Горохов окончил семинарию, казалось, его жизнь предопределена – женитьба, рукоположение в священники и служба в приходе. Но он выбрал другой путь. Сначала Иван Горохов поступил на юридический факультет Казанского университета, а в 1907-м году зачислен на естественнонаучное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. В столице он учился и работал: сначала давал уроки, в 1910–1914-м годах «служил по вольному найму писцом, а затем помощником бухгалтера в Санкт-Петербургском гинекологическом институте профессора Отто»⁴. Здесь же он встретил и свою будущую жену Лидию, которая будет сопровождать его всю жизнь. В 1913-м году И. Г. Горохов получил «выпускное свидетельство», дающее право на сдачу государственных экзаменов, которые он сдал в 1916-м году и в феврале 1917-го года получил диплом. Осенью 1914-го года решением Оренбургского учебного округа тридцатилетний выпускник университета был назначен преподавателем естествознания и географии в Нижне-Тагильское реальное училище⁵. Осенью 1915-го года переведен в Челябинское реальное училище преподавателем, в котором он работал до конца 1917-го года. Так, Иван Гаврилович Горохов оказался в Челябинске, в котором с 1918-го года он развернул активную деятельность по созданию музея.

Идеи организации в Челябинске музея появились ещё в 1913-м году, когда И. М. Крашенинников выступил с инициативой учреждения в Челябинске естественно-исторического музея и научного общества⁶. И. М. Крашенинников сообщал президенту Уральского общества любителей естествознания О. Е. Клеру: «Мне удалось, поднимая вновь в Челябинске вопрос о создании естественно-исторического музея, выяснить, что теперь здесь среди педагогов учебных заведений есть довольно много лиц с «естественным» образованием. При разговорах... выяснилось, что кружок лиц в количестве 10 человек весьма горячо относится к этой идее и готов поработать над созданием музея»⁷. 5 сентября 1913-го года в Челябинском реальном училище собрались горожане, в числе которых были преподаватель и инспектор реального училища Я. Л. Борман, преподаватель

учительской семинарии Д. В. Мошков, городской голова В. А. Семейн и другие⁹. Собравшиеся решили организовать в Челябинске естественно-исторический музей (тематическую ориентацию музея обусловили естественно-научные интересы организаторов) и местный филиал Уральского общества любителей естествознания⁹. Для экспозиции музея было решено использовать помещения реального училища. Музей просуществовал недолго, он был свёрнут в 1914-м году, чему способствовала начавшаяся мировая война. Таким образом, до 1917-го года Челябинск не получил исследовательского центра, который бы изучал и описывал край, популяризировал знания о Южном Урале.

Вопрос о начале истории краеведческого музея является дискуссионным. До последнего времени датой его рождения было принято считать 1 июля 1923-го года, когда состоялось торжественное открытие музея. Однако уже несколько лет до этого он действовал. Возможно проследить линию преемственности от 1913-го года к 1918-му году: в работе над организацией в городе первого музея принимал участие Д. В. Мошков. Он же явился одним из инициаторов создания весной 1918-го года Приуральяского общества изучения местного края и музея местного края. Эту идею поддержал и И. Г. Горохов, который позже заменил Д. В. Мошкова на посту главы Общества, на его же плечи легла основная работа по созданию в Челябинске музея. В сотрудничестве И. М. Крашенинникова с Д. В. Мошковым, а последнего с И. Г. Гороховым наблюдается преемственность главной идеи – необходимости создания в Челябинске музея. К тому же, очевидно, имущество первого естественно-исторического музея легло в основу музея, который начал организовываться в 1918-м году. Определенным этапом в становлении музея является постановление Челябинской уездной земской управы от 30 декабря 1917-го года (12 января 1918-го года) о назначении И. Г. Горохова заведующим музеем отдела народного образования¹⁰. С этого началась музейная работа Ивана Горохова. И, несмотря на то, что музей имел образовательную, вспомогательную специфику, его заведующий пытался развивать в рамках музея исследовательское направление, накопление знаний о крае. В 1963-м году И. Г. Горохов отмечал в автобиографии: «Получив приглашение от-

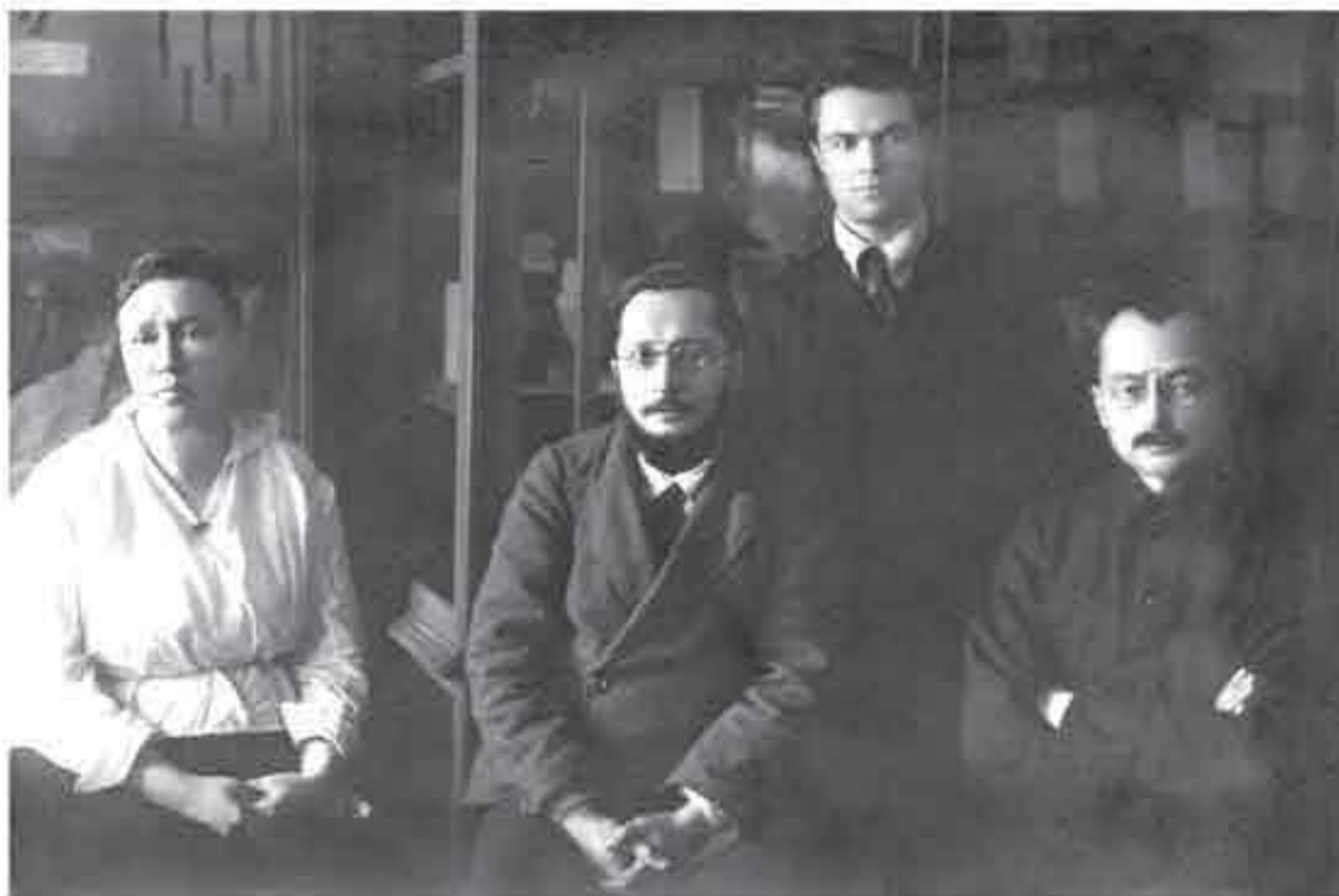

Рис. 1. Сотрудники Челябинского музея местного края. Сидят (слева направо): заведующая отделом наглядных пособий А. Ф. Сурьянинова, археолог С. Н. Дурылин, заведующий музеем И. Г. Горохов. Стоит библиотекарь М. И. Меркурьев. 1924 г.

дела народного образования Челябинского уездного земства, я с 1 января 1918 года перешел в земство и стал работать по организации музея. Несколько позднее, 18 апреля 1918 года, в Челябинске организовалось Общество изучения местного края, которое положило начало организации в Челябинске краеведческого музея»¹¹.

Иван Горохов ставил перед музеем широкие задачи. В одном из отчетов он отмечал, что «Челябинский губернский музей местного края должен отражать природу края, его естественные богатства, историю края, быт и занятия его населения, и его промышленность»¹². Среди задач музея стояли: изучение природы края, древней истории, этнографии и естественно-производительных сил; просветительская работа через ознакомление населения края с его особенностями и богатствами (лекции, выставки, экскурсии, объяснение экспонатов, издание трудов). Как видно, на первом месте в задачах музея стояли исследовательские¹³. Исходя из задач музея, было положено начало формированию отделов: местной природы (геология, минералогия, палеонтология, растительный и животный мир); отдел археологии, истории и этнографии; отдел промышленности, в том числе экономика и сельское хозяйство; музей (отдел) наглядных пособий. В музее было положено основание нескольким вспомогательным учреждениям, таким образом, создавался целый научно-исследовательский комплекс. Формировалась библиотека, фотографическая, минералогическая и химическая лаборатории, биологический кабинет¹⁴. Музей виделся как крупный институт, центр, объединяющий в себе несколько разноплановых музеев, лабораторий. Он должен был занять место культурного центра, изучающего регион, что наиболее актуально в начале 1920-х годов, когда на Южном Урале, в губернском центре – Челябинске, отсутствовали другие исследовательские институты. Музею предстояло взять на себя задачи изучения края во всем его многообразии, чем способствовать восстановлению экономики региона и её развитию¹⁵.

Одна из первых задач музея – исследовательская, вся прочая деятельность учреждения, по мысли И. Г. Горохова, должна была строиться на исследованиях, проводимых музеем. При этом изучение края имело практический характер. Так, Иван Горохов, ещё до начала индустриализации понимал, что восстановление экономики невозможно без исследования природных богатств региона, поэтому в 1920-е годы музей организовал ряд экспедиций по изучению месторождений полезных ископаемых края¹⁶. Позднее полученные знания будут использованы при строительстве промышленных предприятий. Здесь необходимо отметить организационный талант заведующего музеем. Ивану Горохову удалось собрать в музее или наладить связи со многими исследователями Южного Урала. Он привлёк в музей археолога и искусствоведа С. Н. Дурылина (сотрудник музея в 1923–1924-м годах), археолога К. В. Сальникова (сотрудник музея в 1937–1940-м годах), сотрудничал с академиком А. Е. Ферсманом, известным уральским краеведом В. П. Бирюковым и многими другими, что позволило существенно продвинуться в изучении региона.

Исследовательская работа музея строилась на организации краеведов, любителей края, тех, кто интересовался его прошлым и настоящим, окружающей средой¹⁷. Поэтому при музее 2 ноября 1922-го года по инициативе И. Г. Горохова организовано Челябинское общество изучения местного края, и в этом смысле музей должен был стать центром.¹⁸ Общество объединило в себе наиболее активных краеведов, а также учащихся, что отражало другую задачу деятельности музея – образовательную, просветительскую. На заседании Общества 1 июля 1923-го года, посвященного открытию музея, Иван Горохов призывал: «Пусть все, кому дорого дело восстановления хозяйства жизни страны, и в частности нашего края, примут посильное участие в деле изучения того края, где они живут, и со своей стороны положат камень в основание познания Великой России»¹⁹. Общество изучения местного края подразделялось на секции (татаро-башкирскую и русскую этнографические, археологическую и естественно-историческую), имело правление и председателя (первым председателем Общества был И. Г. Горохов)²⁰. Общество работало до конца 1920-х годов, когда распалось, чему способствовало трудное положение музея, оказавшегося без помещения. В 1933–1937-м годах при Челябинском областном краеведческом музее действовал краеведческий кружок, в 1936–1937-м годах организовано Общество изучения Челябинской области. Однако 1937-й год стал роковым для челябинских краеведов, как и для всего краеведения: с упразднением Центрального бюро краеведения исчезло и Общество изучения Челябинской области, расстреляны краеведы-активисты: И. Н. Сверчков, В. А. Бухарин, М. А. Протасов, В. Д. Хартуляри²¹. Наступил длительный период, когда И. Г. Горохов безрезультатно пытался организовать краеведов вокруг музея. Лишь в апреле 1957-го года, то есть спустя 20 лет, удалось каким-то образом разрешить многолетнюю проблему, когда при музее была создана секция ветеранов Октябрьской революции и гражданской войны (историко-революционная секция), а в апреле 1958-го года – ветеранов Великой Отечественной войны (военно-историческая секция). Однако названные организации имели

строго определённый профиль и тематику в своей деятельности.

Действовавшие при музее в 1920–1930-е годы краеведческие общества имели широкие задачи. Они занимались изучением истории края: краеведы участвовали в археологических исследованиях, проводимых музеем. Кроме того, сотрудники музея совместно с членами обществ занимались изучением богатой этнографии Южного Урала, флоры и фауны, недр региона. Имея общественную поддержку и исследователей-любителей, что особенно было актуально при ограниченности штатного состава музея, челябинский музей занимался изучением края. Подобное сотрудничество оказалось плодотворным. Одним из итогов можно считать издание музеем и Обществом нескольких книг, включавших в себя широкий спектр информации: природа края, экономика, археология, история, этнография²². Два первых десятилетия существования музея дали его фондам множество ценных и уникальных предметов: древние орудия труда и керамика, ботаника, чучела местных животных, геологический материал; были собраны масштабные нумизматическая, этнографическая, археологическая, геологическая коллекции. В процессе комплектования фондов реализовывалась и другая идея Ивана Горохова – сохранение памятников культуры. Он видел, как в революционном огне уничтожается историческая память народов России, поэтому неоднократно призывал местные власти обратить на это внимание. И. Г. Горохов собирал в фонды музея церковную утварь из закрывающихся храмов, а в конце 1930-х годов стал одним из инициаторов сохранения Далматовского Успенского монастыря как памятника, организуя исследования и описания развалин, которые вскоре были взяты под охрану государства.

Если музей начинается с фондов, то его продолжение это экспозиция. Выставка – основная форма музейной коммуникации, образовательные и воспитательные цели которой осуществляются путём демонстрации музейных экспонатов, организованных, объяснённых и размещённых в соответствии с разработанной музеем научной концепцией. Через экспозицию музей создаёт образы, необходимые для понимания прошлого, познания окружающей среды или создание представления о мире. Экспозиция выполняет одну из главных функций музея – образовательную, общекультурную. Один из теоретиков музейного дела в Советской России отмечал: «Мы часто слышим, что книга скучна, что надоело читать и т. д. Так вот музей стремится заменить нам эту скучную и

Рис. 2. Фрагмент экспозиции Челябинского музея местного края. 1924 г.

Рис. 3. Археологическая коллекция Челябинского музея местного края. 1929 г.

трудную для чтения книгу другим способом получения того же необходимого для нас научного знания: путем наглядного и строго определенного сопоставления целого ряда предметов, совокупный осмотр которых дает нам знание»²³. Поэтому от музея при построении экспозиции требовалась особая тщательность, чтобы предметы могли сформировать доступный и яркий образ²⁴. К. Э. Гриневич предлагал и другой принцип построения экспозиции. Необходимым условием для его реализации являлась активная деятельность краеведческого общества, действующего при музее, наличие организованного исследовательского сообщества, тогда музей с его экспозицией мог стать «оборотной стороной деятельности краеведческого кружка»²⁵. Именно таким виделся Челябинский музей местного края его организаторам: этот принцип будет реализовываться в первое десятилетие музея.

В этом плане интересен доклад Ивана Горохова «Музейные выставки в жизни музея», зачитанный им на заседании Общества изучения местного края 30 ноября 1924-го года по случаю открытия выставки «Итоги работы музея за год»²⁶. Докладчик отметил, что современный музей ушел от типа «кунсткамеры», теперь «лозунги наших дней: широкая демократизация знаний вообще»²⁷. И. Г. Горохов говорил о просветительских задачах музея и еще до публикации статьи К. Э. Гриневича осознал, что «просветительская работа музея вытекает из уже имеющихся знаний о крае; отсюда с главная задача музея – исследование и изучение края»²⁸. Однако просветительская работа музея не должна была ограничиваться стенами музея: говорилось о расширении деятельности музея среди масс, в районах, среди комсомола, школьников и просвещенцев. В этом же докладе Иван Горохов говорил и о выставках, которые в соответствии с закладываемым принципом должны были носить периодический характер, то есть в это время не планировалось создавать постоянную экспозицию, ибо невозможно бесконечно читать одну книгу. Вслед за исследованиями должна изменяться и экспозиция: «музей – организм, который живёт!», – заключал И. Г. Горохов²⁹.

Исходя из такой концепции музея, не предполагалось строительство постоянной экспози-

ции. В 1920-е годы музей организует несколько временных выставок. В 1924-м году в стенах музея открылось две выставки. Первая из них, посвященная 150-летию Пугачевского движения в Челябинском крае, открылась в январе 1924-го года и была организована С. Н. Дурьлиным³⁰. Эта выставка соответствовала духу времени, когда активно поднимается проблематика народных движений, революционной борьбы. Поэтому актуальность приобрели темы Пугачевского восстания, «Картофельного бунта» на Южном Урале в 1842–1843-м годах и прочих народных волнений. В 1925-м году в СССР отмечалось столетие восстания декабристов. Челябинский музей откликнулся на этот юбилей: в декабре 1925-го года в музее открылась выставка, посвященная восстанию декабристов³¹. В 1924–1925-м годах музеем организованы две выставки «Итоги работы музея за год»³², которые и явились отражением идеи И. Г. Горохова о музее – научном центре. На выставках представлялись результаты работы сотрудников музея: предметы, обнаруженные в ходе археологических исследований, собранный ботанический и геологический материал, поступившие предметы этнографии. По поводу открытия итоговой выставки 1925-го года заведующий музеем местного края писал: «Нынешняя выставка посетителю должна дать общую картину геологической жизни земли вообще и нашего края в частности. Картина эта далеко не полна, так как изучение края еще только что началось, но это имеет свою хорошую сторону: открывает возможности исследования края каждому из нас, жителей Челябинского края, которые часто, к своему стыду, совершенно ничего не знаем ни о прошлом края, ни о его истории, ни о богатствах, тающихся в его недрах, ни о мире животных и растений края»³³. Однако традиция ежегодных отчетных выставок оказалась недолгой.

Одна из важных задач музея, которую ставил перед учреждением Иван Горохов, – просветительская³⁴. Экспозиция, несомненно, являлась самым действенным инструментом в просветительской деятельности музея. Так, по поводу организации в центре Челябинска музея под открытым небом (по сути, парк) И. Г. Горохов отмечал: «...в музей, расположенный под открытым небом, среди цветников, зайдет всякий – и запыленный усталый рабочий, и заезжий крестьянин, и школьник, и учитель. А учитель нашу идею понесет в села и деревни – к тому люду, который лечится у знахарок и который не знает края, где он живет»³⁵. Однако сотрудники музея использовали и другие способы для просвещения посетителей³⁶. В первую очередь лекции. В конце 1923-го года Иван Горохов опубликовал в местной газете программу двух циклов лекций: «Восемь лекций по химии» (лектор И. Г. Горохов) и «Восемь лекций по истории культуры Челябинского края» (лектор С. Н. Дурьлин). Однако платность лекций (2 рубля золотом за цикл или 30 копеек за отдельную лекцию) отпугивала потенциальных слушателей³⁷. Тем не менее, чтение лекций не остановилось. Просветительское значение носили выставки и лекции, организуемые в музейной библиотеке, которые, впрочем, согласовывались с музейными выставками, представляя для желающих литературу на определенные темы³⁸.

В 1920-е годы Иваном Гороховым была сделана огромная работа по организации музея, и к концу десятилетия директор музея по итогам расширенного пленума Уральского областного бюро краеведения (10–13 июня 1928-го года) отмечал: «Выступления и доклады с мест показали, что наиболее интенсивная работа по изучению края ведется в Свердловске, с его массой учреждений, Перми, Тобольске, Нижнем Тагиле и Тюмени. На одном из первых мест стоит и работа Челябинска, что отмечено было в том внимании и предупредительности, с которыми были встречены челябинские представители и их доклады»³⁹.

Принцип построения музейной работы, заложенный изначально, был нарушен в конце 1920-х годов, когда произошло усиление идеологического контроля, пропаганды, окончательно утверждается тоталитарное государство, выстраивается жесткая идеологическая среда, исключавшая всякое свободомыслие. Наступил период тотального контроля над любой самодеятельностью. Краеведы, музейные работники потеряли право на свободное творчество. Экспозиционная сфера деятельности музеев превращается в инструмент идеологической пропаганды.

Тем не менее, И. Г. Горохов и в новых условиях не забыл о давних идеях. В 1935-м году в рукописном журнале «Челябинский краевед» (№ 4/19) он опубликовал статью «Будущий музей», в которой изложил свои представления о возможном и желательном пути развития Челябинского областного краеведческого музея. Он отмечал, что краеведческий музей должен объединить в себе несколько музеев, то есть стать комплексом музейных учреждений. Так, в будущий музей должны были войти: областной краеведческий музей, музей эволюционного развития растительного и животного мира, антирелигиозный музей, картинная галерея, педагогический музей, политический музей, музей города, музей под открытым небом (зооботанический сад), научная библиотека, вспомогательные учреждения, мастерские, кабинеты⁴⁰. И. Г. Горохов ссылается на генеральный план

Рис. 4. Фрагмент выставки «Роль Челябинска в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», открывшейся в Челябинском областном краеведческом музее 16 апреля 1946 года. 1946 г.

развития Челябинска, согласно которому областному краеведческому музею, а также центральной библиотеке, научно-исследовательским институтам, дому научных работников предполагалось отвести квартал, ограниченный улицами Цвиллинга, Карла Маркса, Советской и сквером имени Карла Маркса (ныне бульвар Славы), что в центре современного Челябинска.

И. Г. Горохов и спустя десять лет не отказался от своей идеи музея – культурно-го центра, объединяющего в себе разнообразные учреждения, призванные изучать край, хранить знания о нем, просвещать население. Но в силу изменяющихся политических условий Иван Горохов скорректировал и свои идеи, добавив в структуру будущего музея идеологические, пропагандистские функции. Однако этому не суждено было притвориться в жизнь.

В 1930-е годы произошло перестроение экспозиционной работы, которой теперь отводилась определенная функция – идеологической пропаганды. В музее появилась постоянная экспозиция⁴¹. Она была оригинально сконструирована. В ней органично переплетались такие крупные разделы, как история Земли, история края (от древности до современности), природа Южного Урала (живой и растительный мир) и самый большой раздел – социалистическое строительство. Несмотря на постоянную экспозицию, музей продолжал организовывать и временные выставки, отражающие текущую исследовательскую работу музея. Например, в 1938-м году археолог К. В. Сальников, проводивший раскопки на Южном Урале во второй половине 1930-х годов и работавший в это время в музее, организовал выставку по итогам экспедиций⁴².

Испытанием для музея стали годы Великой Отечественной войны, когда он был лишён своего здания⁴³. Тогда музейные помещения были переданы в ведение Наркомата внутренних дел, и в 1941–1944-м годах в здании Свято-Троицкой церкви, в котором музей помещался с 1929-го года, размещались эвакуированные архивы⁴⁴. Фонды музея были размещены в нескольких помещениях, а И. Г. Горохов в некоторые периоды оставался единственным сотрудником музея, исполняя обязанности сторожа. Челябинский областной краеведческий музей, в лице И. Г. Горохова, и в тяжёлые годы войны продолжал исследовательскую работу, направленную на помощь фронту. Иван Горохов

Рис. 5. Директор краеведческого музея И. Г. Горохов. Фотография И. Г. Горохова, 26 ноября 1933 г.

изучал минералы и растительность Южного Урала⁴⁵. Наркомат просвещения РСФСР в ответ на отчет музея за 1942-й год отмечал 17 апреля 1943-го года: «Рассмотрев присланный вами отчет о работе музея за 1942 год и план на 1943 год, музейно-краеведческий отдел НКП РСФСР отмечает большую научно-исследовательскую работу музея, направленную на изучение своего края для нужд народного хозяйства и обороны страны»⁴⁶. За свои труды И. Г. Горохов был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»⁴⁷. Однако признание общественности он получил намного раньше. Краевед, биолог, общественный деятель, председатель Общества сельского хозяйства, сотрудник Челябинского областного краеведческого музея в 1934–1937-м годах М. А. Протасов в 1927-м году отмечал: «Цените героическую работу Ивана Гавриловича Горохова. Он герой и сила, сумевший привлечь к работе музея ценных и беззаветных сотрудников... Все они под руководством Ивана Гавриловича делают большое дело, но никогда по своей скромности не скажут об этом»⁴⁸.

После войны музей под руководством Ивана Горохова продолжил свою работу. В 1946-м году открылась выставка «Роль Челябинска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»⁴⁹. Возобновились ботанические, археологические и этнографические экспедиции музея. И. Г. Горохов возглавлял Челябинский областной краеведческий музей до 1957-го года, когда из-за ухудшения здоровья вынужден был оставить свою должность, но продолжал работать в музее до 1959-го года, исполняя обязанности хранителя фондов⁵⁰. Таким образом, Иван Гаврилович Горохов отдал музею более 40 лет своей жизни. В 1963-м году в автобиографии он отметил: «Подводя итоги почти прожитой жизни, я доволен, что мне удалось выполнить мои юношеские мечтания: получить естественно-научное образование, приложить свои знания и опыт в деле изучения нашего края – Южного Урала, и создать и выпестовать в ставшем для меня родным Челябинске – наш краеведческий музей». Скончался И. Г. Горохов в Магнитогорске 3 января 1970-го года.

Примечания

¹ Иван Гаврилович Горохов (1.11.1884–3.01.1970): 125-летию со дня рождения основателя музея посвящается / Сост. Н. А. Антипин. Челябинск, 2009.

² Бирюков В. П. Иван Гаврилович Горохов // Краевед. записки. Челябинск, 1962. Вып. 1. С. 190–195; Боже В. С. Были первыми // Челябинский рабочий. 1989. 18 мая; Он же. Рождение музея // Труд и время (Челябинск). 1991. 8–14 июля; Он же. Краеведы и краеведческие организации Челябинска (до 1941 г.): справ. пособие. Челябинск, 1995; Он же. И. Г. Горохов и В. П. Бирюков: (К истории взаимоотношений) // Двенадцатые Бирюковские чтения: тез. науч.-практ. конф. Челябинск, 1996. С. 101–104; Он же. Жизнь и труды Ивана Горохова // Летописцы земли Уральской: материалы к истории челябинского краеведения / сост. В. С. Боже. Челябинск, 1997. С. 24–49, 89–91; Горохов Иван Гаврилович (1884–1970) : (110 лет со дня рождения) // Край наш южноуральский, 1994: рек. библиогр. указат. лит. к знам. и пам. дат по Челяб. обл. / сост. И. Н. Пережогина. Челябинск, 1993. С. 58–60; Палагина Т. В. Музей, личность и время: Иван Гаврилович Горохов // Декабрьские диалоги : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. памяти Ф. В. Мелехина, 4–5 дек. 2006 г. / науч. ред. Л. В. Чайко. Омск, 2006. Вып. 10. С. 231–234; Она же. Оставил в наследство музей // Урал. музей (Екатеринбург). 2008. № 7–8; Антипин М. О. Челябинский краеведческий музей (1920–1930-е годы) : концептуальный розвиток // Збірник наукових праць. Серія «Історія та географія» / Харк. нац. пед. ун-т ім. Г. С. Сковороди. Харків, 2010. Вип. 39. С. 141–144; Он же. Челябинский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Личность в истории Великой Отечественной войны. Неизвестные страницы провинциальной истории: областная конференция. Доклады, выступления. Копейск, 2010. С. 27–31.

³ Челябинский областной краеведческий музей (ЧОКМ). А-1794-а. Пр. 131/1.

⁴ Там же.

⁵ Директор Нижне-Тагильского реального училища 6 июня 1916 года сообщал директору Челябинского реального училища: «...бывший преподаватель вверенного мне училища И. Г. Горохов за все время пребывания своего в Нижне-Тагильском реальном училище, в качестве исполняющего обязанности преподавателя естествознания и географии в 1914/15 учебном году, относился к своему делу внимательно, серьезно; старался разрабатывать порученные ему курсы вполне методически и исполнял практические работы естествознания вполне добросовестно». (ЧОКМ. А-1794-а. Пр-131).

⁶ Боже В.С. Краеведы и краеведческие организации Челябинска... С. 20.

⁷ Он же. Клер Онисим Егорович // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2005 / Сост. И. Н. Пережогина и др. Челябинск, 2004. С. 54–55.

⁸ Боже В. С. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Челябинск, 2006. Т. 2. С. 39, 133–134, 181.

⁹ Он же. Краеведы и краеведческие организации Челябинска... С. 20–21; Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГАЧО), ф. Р-634, оп. 1, д. 3, л. 6–6 об.

¹⁰ ОГАЧО, ф. Р-1542, оп. 1, д. 5, л. 6.

¹¹ ЧОКМ. А-1794-а. Пр. 131.

¹² ОГАЧО, ф. Р-627, оп. 1, д. 542, л. 3.

¹³ Там же, оп. 3, д. 284, л. 2.

¹⁴ Там же, л. 2–2 об.

¹⁵ Там же, д. 283, л. 21 об.

¹⁶ Горохов И. Г. Знаем ли мы наш край? // Челябинский красный библиотекарь. 1925. № 1–2. С. 101–109.

¹⁷ Он же. Изучайте свой край!: Ко всем, кто интересуется местным краем и его изучением // Советская правда (Челябинск). 1923. 12 января; Он же. Изучайте свой край! // Челябинский рабочий. 1948. 4 июля.

¹⁸ ОГАЧО, ф. Р-634, оп. 1, д. 3, л. 1–2.

¹⁹ Там же, л. 34 об.

²⁰ Там же, л. 38, 86; д. 11, л. 7 об. –9 об.

²¹ Там же, ф. Р-627, оп. 3, д. 320а, л. 6, 18–19 об.

²² Сборник материалов по изучению Челябинского округа / Изд. музея и Общества изучения местного края; ред. И. Г. Горохов и др. Челябинск, 1927. Кн. 1; Материалы по изучению Челябинского округа Уральской области. Челябинск, 1929. Вып. 1, 2; Полезные ископаемые Челябинского округа. Челябинск, 1930.

- ²³ Гриневи́ч К. Э. Что такое музей?: (О просветительном значении музеев) // Известия Центрального бюро краеведения. 1928. № 2. С. 7.
- ²⁴ Гриневи́ч К. Э. Краеведческий музей, его задачи, структура и принципы экспозиции // Краеведение. 1929. № 2. С. 96–109.
- ²⁵ Гриневи́ч К. Э. Что такое музей... С. 9.
- ²⁶ ОГАЧО, ф. Р–634, оп. 1, д. 3, л. 97–97 об.
- ²⁷ Там же, л. 97.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же, л. 97 об.
- ³⁰ Там же, ф. Р–627, оп. 3, д. 286, л. 21 об.; Горохов И. Г. Первая годовщина музея местного края // Советская правда. 1924. 1 июля.
- ³¹ ОГАЧО, ф. Р–634, оп. 1, д. 11, л. 13 об.
- ³² Там же, ф. Р–627, оп. 3, д. 293, л. 34 об.; ф. Р–634, оп. 1, д. 11, л. 13 об.
- ³³ Горохов И. Г. К открытию выставки в музее местного края // Советская правда. 1925. 13 декабря.
- ³⁴ Он же. Музей местного края // Советская правда. 1923. 28 ноября.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ См. подробнее о работе с посетителями музея: Муратов М. В. О работе с посетителями музея // Краеведение. 1926, № 4. С. 425–438; Соловьев К. А. Краеведный музей и школа // Там же. 1929. № 7. С. 396–408.
- ³⁷ Горохов И. Г. Музей местного края...
- ³⁸ ОГАЧО, ф. Р–627, оп. 3, д. 289, л. 6; д. 302, л. 11 об.
- ³⁹ Там же, д. 300, л. 8 об.
- ⁴⁰ Там же, д. 314, л. 16.
- ⁴¹ Там же, д. 322, л. 44 об.
- ⁴² Там же, д. 348, л. 6.
- ⁴³ Там же, д. 389, л. 91 об.
- ⁴⁴ Там же, д. 396, л. 6; д. 394, л. 4; д. 389, л. 12; Неизвестные страницы истории Челябинской областной картинной галереи: (По материалам одного следственного дела) / Публ. Г. С. Трифоновой // Челябинск неизвестный: краевед. сб. / Сост. В. С. Боже. Челябинск, 2002. Вып. 3. С. 516.
- ⁴⁵ ОГАЧО, ф. Р–627, оп. 3, д. 397, л. 14 об.; д. 396, л. 7.
- ⁴⁶ Там же, д. 394, л. 1.
- ⁴⁷ ЧОКМ. А–1794–а. Пр. 131.
- ⁴⁸ ОГАЧО, ф. Р–634, оп. 1, д. 3, л. 238 об.
- ⁴⁹ Там же, ф. Р–627, оп. 3, д. 408, л. 12 об.
- ⁵⁰ ЧОКМ. А–1794–а. Пр. 131.

УРАЛЬСКИЕ КРАЕВЕДЫ ИЗ «ДУХОВНЫХ»

Среди историков и краеведов дореволюционной и советской России было немало выходцев из духовного сословия или представителей других социальных групп, получивших образование в учебных заведениях духовного ведомства. Не только социальное происхождение и духовное образование, но сущность и содержание христианства, православной Церкви сыграли свою роль в формировании мировоззрения, выборе жизненного пути у любителей природы, старины, народной культуры, стремившихся к напряженной интеллектуальной и общественно-значимой деятельности. Влияние это было преимущественно опосредованным, носители его зачастую порывали с привычной средой, *alma mater* и официальным благочестием. Но в патриотическом и подвижническом труде писателей, ученых, педагогов, организаторов музеев, архивов и библиотек, общественно-политических деятелей не трудно усмотреть то наследство, от которого решительно и безоглядно отказывались «дети».

Иллюстрацией данного тезиса послужили материалы из жизни и деятельности известных краеведов Урала П. П. Бажова, В. П. Бирюкова, И. Г. Горохова и Н. М. Чернавского. Все они окончили духовные училища и семинарии. Владимир Павлович Бирюков (1888–1971 гг.) родился в семье псаломщика села Першинского Шадринского уезда Пермской губернии, Николай Михайлович Чернавский (1872–1940 гг.) – в Полтавском поселке Троицкого уезда Оренбургской губернии. Родители обоих были выходцами из духовного сословия. Отцом Ивана Гавриловича Горохова (1884–1970 гг.) был мелкий торговый служащий. Павел Петрович Бажов (1879–1950 гг.) родился в семье мастера Сысертского металлургического завода Пермской губернии.

Духовные семинарии – средние специальные учебные заведения, давали хорошее гуманитарное образование. Одну из сторон его специфики сформулировал студент первого курса историко-филологического факультета Московского университета В. О. Ключевский в письме к своему другу и однокашнику по Пензенской духовной семинарии. Соглашаясь с мнением преподавателя-священника, он писал, что «духовный (семинарист, сиречь и академик) живет больше в области понятий о предметах, чем в среде самих предметов; потому он сделает отличное определение предмета, а светский отлично опишет предмет»¹.

Увлечение выпускников духовной школы изучением истории и культуры России и своего края не могло быть случайным. П. П. Бажов в письме к Е. А. Пермяку назвал «перелопачивание» им пластов старины для своего творчества работой «рядом с историей»². Так как церковная история является частью богословия, то в отличие от светской истории, она имеет собственный предмет изучения, цель, задачи и методологию.

Богословие учит, что Церковь основана Христом, ее земное устройство есть образ Царствия Небесного. Следование обещанию, что Христос «вчера и сегодня и во веки Тот же», по выражению митрополита Антония Сурожского, делает Церковь «продолжением Христова присутствия». Эффект Божественного присутствия тем самым стирает временные границы между прошлым, настоящим и будущим. Священное Предание продолжает Священное Писание в проповеди и исповедании Нового завета. Это помогает понять естественный интерес и благоговение верующего человека к истории Церкви. «Человек, к истории нечуткий, вряд ли может быть добрым христианином», – утверждал известный православный богослов XX века о. Г. Флоровский³. Становится понятным, почему любимым чтением православного народа было чтение житийной литературы: молитвенное обращение верующего к угодникам Божиим объединяло одних и других в одной церковной семье. Духовное родство автора жития с описываемым праведником отмечал В. О. Ключевский.

Свою речь в Московской духовной академии в 1912-м году на собрании памяти преподобного Сергия Радонежского знаменитый историк посвятил значению святого для русского народа и государства. «Игумен земли Российской», а также все святые угодники своим духовным подвигом уподобились Христу и из «исторического факта» стали практической заповедью». Заслуживает внимания метод, предлагаемый Ключевским для изучения духовной жизни России. Если бы некий наблюдатель, – размышлял историк, – подобный древнерусскому летописцу, «спокойным неизменным взглядом ... и ровной беспристрастной рукой «записывал «еже содеяся в Русской земле» из века в век, он бы увидел, что поток людей к мощам преподобного не иссякал ... несмотря на неоднократные и глубокие перемены. Причиной тому – чувство, переживаемое молитвенником у раки преподобного, у этого чувства «уже нет истории». Такое «писание, – подводит итог лектор, –

было бы полной глубокого содержания историей нашей всенародной политической и нравственной жизни»⁴.

«Исторический факт» и «практическая заповедь» сливаются в православном богослужении, что иллюстрирует не только вне (сверх) историчность православия и Церкви, но и ее богоустремленность. Участниками внешней и внутренней жизни Церкви чаще своих сверстников обязывались быть питомцы духовных школ.

Одним из внешних выражений понимания духовенством важности бережного отношения к своему прошлому и живой связи с ним стало составление церковно-приходских летописей. Эти описания направлялись в духовные консистории, а также публиковались в «Епархиальных ведомостях» и трудах ученых архивных комиссий. Материалы содержали сведения по географии и истории села и церкви, об особенностях социально-экономического и религиозно-нравственного уклада жизни населения. Авторами статей были в основном священники. Жанровое единообразие летописей упрочилось после публикации в «Оренбургских епархиальных ведомостях» подробной «Программы историко-статистического описания церквей»⁵.

Вдохновителем и активным организатором составления церковных летописей в Оренбургской губернии и первым в России был епископ Варлаам (Денисов). 12 апреля 1865-го года местная консистория заслушала его выступление об истории летописания и его значимости. Указом Св. Синода от 12 октября 1868-го года предлагалось организовать «заведение» летописей и другим архиереям. В 1870-е годы издаются распоряжения о повсеместном летописании. В 1880–1890-е годы программа летописания совершенствовалась. Тем самым было положено начало церковному краеведению параллельно с повсеместным развитием краеведения, в определенной мере отражавшего и осваивавшего опыт работы статистических комитетов, Русского географического общества, археологических комиссий. Несмотря на напоминания епархиального начальства об обязательном летописании, таковым оно не стало. В 1912-м году корреспондент «Оренбургских епархиальных ведомостей» констатировал, что летописи ведутся в одном из пятидесяти приходов.

Так как летописи не получили повсеместного распространения, например, автору неизвестны летописи церковей города Челябинска (не сохранились или еще не обнаружены), то в экскурсах современных исследователей краеведческого движения не встречаются ссылки на этот вид источника и оценка вклада церковного краеведения⁶. Дореволюционные исследователи знали о существовании церковно-приходских летописей и активно использовали их обширный и разнохарактерный материал (напр.: Архангельский И. Материалы по истории города Троицка // ТОУАК. – Оренбург, 1900. Вып. VI; Лавровский В., иер. Статистическое описание градо-Троицкого собора // ОЕВ. 1874. № 12. Отд. неоф.; Чернавский Н. М. Село Ратчино // ОЕВ. 1896. № 2, 3. Ч. неоф., Казанско-Богородицкий монастырь в г. Троицке // ОЕВ. 1900. № 6. Ч. неоф. и др.).

Пренебрежение к Церкви, ее служителям, к вере в Бога воспитанники духовных школ приобретали, как это ни парадоксально звучит, в период своего обучения. Духовные семинарии послужили рассадником безбожия и государственно-политической оппозиционности. Явление это и причины «теплохладности» общества и учащейся молодежи описаны в воспоминаниях и в современной исторической литературе. По словам И. Г. Горохова, в детстве он был «глубоко верующим ребенком ... все, чему его учили, он принимал за чистую монету ... за три года семинарии он полностью разочаровался в вере»⁷. Горохову буквально вторит В. П. Бирюков.

Причины такой духовно-церковной эволюции семинаристов разнообразны, укажем на две: контингент учащихся и наставников. Духовные училища и семинарии принимали на обучение детей не только из духовного сословия. Интерес поступавших из не «духовных» заключался, чаще всего, в единственной возможности получить общее образование бесплатно или почти бесплатно. По этим соображениям попали в духовное училище И. Г. Горохов и П. П. Бажов. На вопрос сверстника о причине поступления именно в это училище: «В попы метишь? Кутейка, балалайка, соломенная струна?», юный Бажов отвечал: «Дешевле тут приедем содержаться. Общежитие вон скоро откроют. Меньше десяти рублей в месяц. И формы не надо»⁸. В. О. Ключевский назвал духовно-учебные заведения богадельней учащихся и учащихся, «призреваемых там под предлогом науки: там больше богохульствуют, чем богословствуют»⁹. В. П. Бирюков в своих воспоминаниях приводит такой поразительный факт. Его однокашник по Пермской семинарии В. А. Игнатов рассказывал ему о преподавателе В. Я. Струминском (впоследствии члене-корреспонденте академии педагогических наук), который в ответ на приветствие учащихся в первый день после пасхальных каникул весной 1905-го года «Христос воскрес!», ответил вопросом: «Разве?»¹⁰. Поэтому вполне закономерными были бунты «духовников» со второй половины XIX века и понятны требования, например, учащихся Оренбургской семинарии, выдвинутые в петиции 22 октября 1905-го года. В документе деклариро-

валась необходимость коренного реформирования образования: всеобщее бесплатное обучение, отделение школы от Церкви; духовные школы сделать независимыми от власти правящего архиерея, ограничить объем богословских предметов за счет расширения общеобразовательных, отменить обязательное посещение богослужений. Петиция заканчивалась словами: «Мы сознаем, что такая реформа возможна лишь при обновленном строе в России»¹¹.

В отличие от Чернавского, мировоззрение Бажова, Бирюкова и Горохова сложилось как материалистическое. П. П. Бажов придавал огромное значение марксизму, открывшему то «высокогорье», которое позволило ему «по-новому посмотреть на знакомое ... прошлое»¹². Уже будучи директором Челябинского краеведческого музея, в отчете о летних экскурсиях 1926-го года, И. Г. Горохов записал рассказы старожилов Коельского поселка о местных старообрядцах. Отшельников из их среды он охарактеризовал «живыми анахронизмами с их своеобразным мировоззрением, где вымысел и воображение перемешались с действительностью и где чувствуется веяние глубокой умирающей старины с ее устремлениями в высь, к далекому и безмолвному небу»¹³. В. П. Бирюков утверждал, что все веры-религии обещают ее (вечную жизнь, – Е. К.), и ни одна не выполняет этого обещания, а лишь обманывает¹⁴.

Н. М. Чернавский после окончания в 1896-м году восточного факультета Казанской духовной академии служил в духовно-учебном ведомстве: наблюдателем церковно-приходских школ Тургайской области, помощником смотрителя в Оренбургском духовном училище, смотрителем училища во Владикавказе, инспектором духовных семинарий в Чернигове, Оренбурге. Несмотря на неоднократные попытки перейти в министерство народного просвещения, удалось это ему сделать только в октябре 1918-го года. Свой отказ принять священнический сан Чернавский в письме к родным объяснял неприятием атмосферы ханжества, лжи, лицемерия, царившей в духовном ведомстве и среди духовенства. Предложения принять монашеский постриг после развода с женой отвергал, мотивируя чужеродностью для него этого пути¹⁵.

О своей мировоззренческой эволюции Николай Михайлович поведал в автобиографии 1938-го года: «до Революции был человеком верующим и религиозным, но, разумеется, и с зачатком сомнения! ... с переездом в г. Свердловск (1929 г. 1 янв.) порвал уже всякую связь с духовным миром ... самой религией и культом. И хотя в ряды воинствующих безбожников и не включился, ибо для этого надо стать в своей совести чистым атеистом, но определенно и глубоко убежденно вступил на почву рационализма и даже, можно сказать, агностицизма ... А потому при всяком удобном случае активно ... выступаю и борюсь с религиозным суеверием...»¹⁶. В 1922-м году в своем рукописном материале «К обновлению православной церкви» Чернавский утверждал, что требуется капитальная перестройка всего обветшавшего здания, а не частичное обновление, предлагаемое «Живой церковью». К проявлениям обскурантизма и суеверий он отнес важнейшие догматы и канонические положения православия: признание семи таинств, поминовение усопших, почитание икон, мощей и предлагал уничтожить их. К «великой реформе церкви» инициатор призывал идти «испытанным путем, проделанным уже на Западе в начале XVI столетия при реформе католичества»¹⁷. В автобиографии Чернавский признается, что содрогается «от стыда и муки за слепое исповедание его в прошлом – по традиции и рутине!»¹⁸.

Протестные настроения в духовной школе рекрутировали среди воспитанников преданных читателей творчества писателей критического реализма; участников тайных обществ и рукописных журналов. Семинарист Бирюков издавал сатирические альманахи «Черносотенные губернские ведомости» и «Церковные делишки», а также журнал «Бурса». Павел Бажов почти три года заведовал подпольной библиотекой в Пермской семинарии.

Выпускники средних и высших духовных заведений, обучавшиеся на казенный кошт, обязаны были отработать в своем ведомстве шесть лет. Не желавшие «идти в попы», трудились чиновниками, учителями. Бажов решил учительствовать в начальной школе под Невьянском. Инспектор потребовал от него преподавания не только светских предметов, но и закона Божия. Бажов отказался, так как это обстоятельство исключало бы возможность общения с местными старообрядцами. По отъезде в Екатеринбург преподавал в духовном училище русский язык¹⁹.

Те, кто стремились продолжить образование в высшей светской школе, не без препятствий, но поступали в провинциальные и столичные вузы. После окончания Тобольской семинарии в 1906-м году Горохов сначала поступил на юридический факультет Казанского университета, а через год стал студентом естественного отделения Санкт-Петербургского университета. В. П. Бирюков в 1913-м году окончил Казанский ветеринарный институт, в 1919-м году стал вольнослушателем историко-филологического факультета Томского университета.

Тягу к углубленному изучению природы, народной жизни и творчества, коллекционирова-

нию, к научному поиску будущие краеведы испытывали еще в студенческую пору. Например, первая публикация будущего историка Оренбургской епархии и губернии Н. М. Чернавского увидела свет на страницах «Оренбургских епархиальных ведомостей» в 1895-м году, когда он был студентом академии²⁰. С особенностями музейной работы и коллекционирования И. Г. Горохов познакомился еще в годы учебы в Тобольске и с признательностью вспоминал имя одного из энтузиастов Тобольского музея²¹.

Для Н. М. Чернавского научная работа была главным делом его жизни, и все время он стремился получить возможность «всецело и беззаветно» отдаться ей для изучения истории местного края и тюркологии²². Бажов, Бирюков и Горохов, на каком бы поприще они ни трудились, целью своей жизни считали служение народу. «С юношеских лет, – писал В. П. Бирюков, – живя в трудной обстановке, я пришел к заключению, что высшей формой деятельности является труд «на пользу общую» ... Только тот живет вечно, кто потрудился для других и спокойно умирает с сознанием, что его жизнь не пропала даром и сам он остается жить в потомках. А все остальное – «от лукавого!»²³. Заканчивая текст автобиографии, И. Г. Горохов удовлетворенно отмечал: «Подводя итоги почти прожитой жизни, я доволен, что мне удалось выполнить мои юношеские мечтания: получить естественно-научное образование, приложить свои знания и опыт в деле изучения нашего края – Южного Урала, и создать и выпестовать в ставшем для меня родным Челябинске – наш краеведческий музей»²⁴.

В 1939-м году в своем приветствии к Ивану Гавриловичу (двадцать пять лет его педагогической и общественно-политической деятельности) Н. М. Чернавский назвал «завидной участью» «возможность специализироваться на одном только культурном поприще и беззаветно отдаваться работе...». Здесь же сетует, что когда-то и он «стоял и стремился посвятить себя на всю жизнь делу архивного строительства и научно-исторической работе в г. Челябине ... но судьба отнеслась ко мне иначе и заставила меня [скитаться] на службе разных профессий»²⁵.

Ирония судьбы, действие которой Николай Михайлович признавал в своей жизни, проявила себя в том, что ученую степень магистра богословия и общественное признание он получил за свое фундаментальное сочинение «Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем» (1900–1903 гг. вып.). В советское время в «глазах фанатиков», – писал историк, это звание и объект его научной деятельности были обращены в один из его «жупелов»²⁶ (12. С. 450). В СССР его работы дореволюционной поры были квалифицированы «ненужными и вредными обществу». Многие замыслы по написанию капитальных трудов по истории Оренбургской епархии, Челябинска, царскому законодательству по Уралу, тюркологии и исламоведению не были реализованы или опубликованы. Богословствовал выпускник академии уже в революционную эпоху, обвиняя православие в ортодоксии и призывая к его обновлению. Перемещаемый с одного места работы на другое, свою трудовую деятельность Чернавский закончил счетоводом-бухгалтером. В 1939-м году Николай Михайлович, хотя и давал указания сотрудникам Челябинского областного краеведческого музея о хранении и использовании его архива после своей смерти, но, несмотря на тяжелую болезнь, продолжал обрабатывать материалы по истории Челябинска²⁷ (17. С. 22–23).

Идейно-политические убеждения молодых людей – народнические или марксистские – формировались в стенах духовной школы. Народовластие, признание за народом роли творца истории, право его на борьбу за социальное освобождение, а позднее – свержение существующего строя, стали главными лозунгами программы борцов за народное счастье. В 1911-м году Бажов женился на выпускнице епархиального училища В. А. Иваницкой. Брак был основан на любви и единстве устремлений. В этом плане характерно стихотворение Павла Петровича, преподнесенное им невесте в день свадьбы. Вот концовка этого стихотворения:

*Об руку смело идем мы вперед,
Крепкую веру храня,
Рано иль поздно, а все же взойдет
Русского счастья заря.
Если же нам суждено не дойти,
Оба погибнем на честном пути.*

И хотя, как указывал писатель в анкетах, он придерживался анархо-народнических взглядов, в годы революции и гражданской войны стал активным участником событий на Урале и на Алтае, в сентябре 1918-го года стал членом РКП (б)²⁸.

На этом фоне совершенно естественно, что увлеченность, практическая устремленность,

общественная открытость этих людей нашла свое применение в годы социалистического строительства. Так как курс на массовость и «демократизацию» знаний стали лозунгом времени, И. Г. Горохов, в частности, предлагал создать музей под открытым небом, как часть экспозиции главного музея. «Не всякий пойдет в «закрытый» музей, – пояснял директор ... Но в музей, расположенный под открытым небом ... зайдет всякий — и запыленный рабочий, и крестьянин, приехавший на базар, и школьник, и учитель». Заканчивает обращение Иван Гаврилович энергичным призывом: «Итак, за работу!»²⁹.

Думается, что роль духовного образования в формировании личности молодого человека рубежа XIX–XX веков заключалась не только в оформлении общих ее составляющих: системы ценностей, нравственности, общественно-политической позиции и кругозора. Необходимо учитывать специфику духовной школы – носительницы истины христианства и Церкви. Служение ближнему, народу и Отечеству, преданность, подвижничество – важнейшие христианские добродетели, потому что являются внешним выражением любви – фундамента взаимоотношений людей, человека и Бога. Но так как просвещенное общество отказалось от Бога, то весь его положительный духовно-нравственный и творческий потенциал был адресован обществу, в какие бы политические формы оно ни облекалось.

Политическая лояльность героев нашей статьи не обернулась, по выражению А. И. Солженицына, «замордованной» волей. Профессионализм и мужество отличали их в общественно-государственной деятельности и в отношениях с людьми. Так, в 1923-м году Горохов не побоялся пригласить на работу в Челябинский музей С. Н. Дурылина – выдающегося деятеля русской культуры и священника, высланного в Челябинск за свои убеждения. В 1930-е годы он заступился за сотрудников своего музея И. Т. Черных и П. В. Мещерякова, уволенных в ходе разворачивавшихся в стране репрессий³⁰. Множество собранных и спасенных документов и предметов «старой» России, создание хранилищ для этого богатства – заслуга таких людей. С первых лет советской власти В. П. Бирюков обосновался в Шадринске, где развернул активную краеведческую деятельность: организовал музей и библиотеку при нем, художественную галерею, местный архив, приступил к изучению словаря, истории и быта народов Урала. Во время Великой Отечественной войны Бирюкову с единомышленниками удалось остановить разрушение Спасо-Преображенского собора в городе.

Критическое отношение к самодержавной России не поколебало твердости позиции исследователей в отстаивании необходимости объективного изучения и освещения истории. В одном из писем, незадолго до своей смерти, Н. М. Чернавский заклеил «писаками» людей даровитых, но излагающих исторические факты тенденциозно и набрасывающих «тьму» на все прошлое³¹. Известно, что в сказах Бажов рисует недоверчивое и обличительное отношение рабочих к «начальству» и его слугам. Сам же писатель предостерегал молодых авторов от подражания Г. Успенскому в его «Нравах Растеряевой улицы» при описании прежних порядков.

По уверению большинства выпускников духовной школы, во взрослой жизни они состоялись вопреки вере и культовой практике РПЦ. Но жертвенный дух любви – главной христианской заповеди – пронизывает нравственный облик и творчество большинства бывших «духовных». Одни краеведы известны и прославлены, имена других еще ждут внимания исследователей. Своей многотрудной деятельностью они стяжали благодарную память потомков, какой бы горечью ни были исполнены последние годы жизни, например, Н. М. Чернавского и И. Г. Горохова.

Примечания

¹ Ключевский В. О. Материалы разных лет. Соч. в 9 т. – М., 1990. Т. 9. С. 145.

² Бажов П. П. Отслоения дней. Дневниковые записи, письма // Избранные произведения. – М., 1986. С. 384.

³ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991. С. 507.

⁴ Ключевский В. О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства // Православие в России. – М., 2000. С. 308–310.

⁵ Программа историко-статистического описания церквей и приходов Оренбургской епархии // ОЕВ. 1897. № 13–14. Ч. офиц. С. 176–178.

⁶ Напр.: Боже В. С. Краеведы и краеведческие организации Челябинска (до 1941 г.). Справочное пособие. – Челябинск: Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1995.

⁷ Иван Горохов и его музей: материалы к биографии основателя Челябинского краеведческого музея / сост. Н. А. Антипин. – Челябинск, 2010. С. 52.

⁸ Бажов П. П. Далекое – близкое // Избранные произведения. – М., 1986. С. 178.

- ⁹ Ключевский В. О. Материалы разных лет... С. 377.
- ¹⁰ Бирюков В. П. Уральская копилка. – Свердловск, 1969. С. 99.
- ¹¹ ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 223. Л. 110–111 об.
- ¹² Бажов П. П. Отслоения дней... С. 413, 418.
- ¹³ Иван Горохов и его музей... С. 130.
- ¹⁴ Бирюков В. П. Указ. соч. С. 27.
- ¹⁵ ОГАЧО. Ф. 874. Оп. 2. Д. 11, 3.
- ¹⁶ К биографии Н. М. Чернавского / Публикация Е.П. Туровой // Челябинск неизвестный: Краеведческий сб. Вып. 3 / Сост. В. С. Боже. – Челябинск, 2002. С. 452, 459–460.
- ¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 120. Л. 7–8.
- ¹⁸ К биографии Н. М. Чернавского... С. 460.
- ¹⁹ Батин М. А. Павел Бажов. – Свердловск. 1983 // bazhov.ural.ru. 15.02.2010.
- ²⁰ Чернавский Н. М. О сборщиках пожертвований на храмы // ОЕВ. 1895. № 8. Ч. неоф. С. 229–233.
- ²¹ Палагина Т. В. Горохов Иван Гаврилович – педагог, музейный работник. 1884–1970. 120 лет со дня рождения // <http://chelmuseum.ru>. 1.07.2010.
- ²² К биографии Н. М. Чернавского... С. 454.
- ²³ Бирюков В. П. Указ. соч. С. 27–28.
- ²⁴ Иван Горохов и его музей... С. 71.
- ²⁵ Иван Горохов и его музей... С. 79.
- ²⁶ К биографии Н. М. Чернавского... С. 450.
- ²⁷ Боже В. С. Историк Оренбургского и Уральского края // Летописцы земли Уральской: Материалы к истории челябинского краеведения / Сост. Боже В. С. – Челябинск: Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1997. С. 22–23.
- ²⁸ Батин М. А. Указ. соч.
- ²⁹ Иван Горохов и его музей... С. 99.
- ³⁰ Боже В.С. Жизнь и труды Ивана Горохова // Иван Горохов и его музей. С. 16–17.
- ³¹ Боже В.С. Историк Оренбургского и Уральского края... С. 22.

ПРЕДМЕТЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОНДАХ ЧЕЛЯБИНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ

Челябинский областной краеведческий музей в своих фондах имеет православные предметы разных групп хранения. Они входят в состав таких коллекций, как «Иконы» и «Декоративно-прикладное искусство», «Книги», «Драгметаллы», «Металл», «Ткани». Фондовые предметы православной культуры XVIII–XX вв. разнообразны – это иконы (живописная, резная, литая, шитая, наборная икона), оклады, культовая деревянная скульптура, плащаницы, церковная утварь, священнические облачения, богослужебные ткани, нательные и иерейские наперсные кресты, богослужебные книги, открытки религиозного содержания. Самые крупные коллекции православных культовых предметов хранятся в двух фондах музея. Первый – «Иконы», фонд насчитывает 270 единиц хранения. Второй – «Декоративно-прикладное искусство», где хранится 179 предметов: меднолитые иконы, складни, кресты. Историю появления того или иного предмета православной религии в фондах музея не всегда можно выяснить. Этот вопрос требует специального изучения.

Появление первых икон в фонде музея относится еще к досоветскому времени, когда в 1913-м году образовался кружок любителей старины. Инициатором его создания был выдающийся географ и палеоботаник И. М. Крашенинников. Первая мировая война и его отъезд из Челябинска не дали Ипполиту Михайловичу возможность реализовать идею преобразования кружка в музей. Пришедшие на смену И. М. Крашенинникову преподаватели Челябинского реального училища Д. В. Мошков и И. Г. Горохов приняли активное участие в официальном открытии музея. В 1918-м году было создано «Общество изучения местного края», организовавшее первую выставку экспонатов, основой которой, возможно, была часть коллекции ранее существовавшего кружка любителей старины¹.

Уже в начале своего существования фонды челябинского музея содержали значительные коллекции нумизматики, археологических и этнографических находок, гербарные коллекции, а также иконопись. В 1913-м году для создания коллекции иконописи кружок любителей старины имел контакты с местной кафедрой Русской православной церкви². В 1920–1921-м годах «Общество изучения местного края» пополнилось предметами, собранными во время летних экспедиций. В 1925-м году была составлена программа сбора предметов и материалов по русской этнографии Челябинского края. Среди них была выделена группа предметов религиозного почитания, где перечислялись «иконы, ризы, кресты, складни, кадильницы, свечи, вербы, лампы, предметы для украшения икон, четки, пасхальные яйца, евангелия, молитвенники»³.

Многие православные предметы появились в музее в грозные 1920–1930-е годы, когда проводилась политика «воинствующего атеизма», закрывались и разрушались храмы. Предметы православного культа из закрытых церквей города были отданы советской властью в краеведческий музей и, благодаря этому, они сохранились до нашего времени.

В 1922-м году в фондах музея появилась икона «Святая Параскева Пятница» XIX века из церкви Рождества Богородицы станции Челябинск⁴. Еще, согласно Книги поступлений, в 1923-м году из этой же церкви в музей поступило одиннадцать икон. Среди них было несколько образов Богородицы (Тихвинская, Казанская, Владимирская), икона Вседержителя, праведного Симеона Верхотурского, святителя Николая Мирликийского. Число и месяц этого поступления в книге не указаны⁵.

В 1923-м году милиция передала в музей икону Богородицы «Владимирская» и образ «Двунадесятые праздники». Тогда же, от Народного суда, была передана «икона – вещественное доказательство к уголовному процессу в г. Челябинске 14. III. 1921 г. по обвинению священника Малахова в религиозном шарлатанстве, в связи с обнаружением камня, коему приписывались чудотворные действия». Икона была оценена в 25 рублей⁶.

26 мая 1923-го года заведующий музеем И. Г. Горохов обратился в Челябинский горсовет: «При закрытии железнодорожной церкви в распоряжение Горсовета поступило ее имущество, среди которого имеются вещи музейного значения (старинные медные монеты, иконы-складни, тканая икона в ризе – католическая, икона старинная, шитая бисером). Обращаясь в Горсовет, прошу:

1. Разрешить произвести осмотр церковного имущества.
2. Отобрать вещи, имеющие музейный интерес.
3. Составить опись их.
4. Просить Горсовет о передаче их в Челябинский музей местного края»⁷.

Просьба И. Г. Горохова была удовлетворена, но 26 июня 1923-го года последовало обращение заведующего музея в Губэкономсовещание. В нем говорилось о том, что «по предложению Горсовета

Рис. 1. Ковчег для частиц мощей святого апостола Андрея Первозванного. Конец XIX в. Находился в Свято-Троицком храме Челябинска. С 1929 года – в Челябинском областном краеведческом музее

сотрудники музея произвели осмотр вещей, изъятых из железнодорожной церкви. При сем прилагается список вещей, которые необходимо передать музею... Прошу дать распоряжение Госторгу о выдаче указанных вещей музею. Кроме того, по имеющимся сведениям, среди извлеченных из церкви вещей должны быть медные монеты (старинные) и большая библиотека старопечатных книг. Ничего этого в складах Госторга не имеется. Прошу выяснить, где в настоящее время находятся и монеты, и книги, и дать возможность музею произвести осмотр их»⁸. К сожалению, сам список отобранных вещей не сохранился.

27 мая 1923-го года в Челябинский Горсовет от И. Г. Горохова поступила просьба «предложить органам, ведающим учетом имущества закрытой «Перцевской» церкви, вызвать представителей Челябинского музея местного края для осмотра и отбора вещей и книг, имеющих музейный интерес, и передать их в распоряжение музея»⁹.

Вышеперечисленные обращения И. Г. Горохова говорят об активном участии Челябинского музея местного края в сохранении православных раритетов закрывающихся церквей. Ценные предметы храмов были известны специалистам музея и их старались спасти при разорении церквей и конфискации их имущества, как мы видим на примерах челябинских церквей Рождества Богородицы и Покровской.

В октябре 1924-го года по распоряжению Окрисполкома, отдел социального обеспечения передал в музей большую коллекцию икон (тридцать единиц) из церквей Челябинска. Была произведена их оценка, шесть из них были оценены по 100 рублей каждая, оставшиеся двадцать четыре – по 1 рублю¹⁰. В книге поступлений не отмечено, какие это иконы и из каких церквей они были конфискованы. Поскольку часть документов того времени, в том числе и коллекционные описи, утрачены, ответить на эти вопросы сейчас очень трудно. Возможно, что они были в числе 148 безномерных икон, обнаруженных в 1984-м году в ходе сверки фондов музея и занесенных большей частью в основной фонд, и, частично, в научно-вспомогательный¹¹.

В 1925-м году из упоминавшейся уже церкви Рождества Богородицы передали еще девять «икон и образов различных». Еще три иконописные работы поступили из закрытой Покровской церкви¹².

13 ноября 1929-го года, согласно записи в Книге поступлений, в фондах музея появился ковчег с мощами апостола Андрея Первозванного и великомученика Пантелеимона (рис. 1). Он был передан в дар от Округкома партии ВКП (б) через старосту окружных антирелигиозных курсов П. Я. Шахова, жителя Челябинска¹³. Судьба этого предмета связана с историей Русской православной церкви XX века.

В 1884-м году настоятель Свято-Троицкой церкви Челябинска протоиерей Иоанн Днепровский привез в город мощи апостола Андрея Первозванного и великомученика Пантелеимона¹⁴. Святые были пожертвованы иноками Андреевского скита Святой горы Афон Свято-Троицкому храму в вечное владение¹⁵. Для мощей был изготовлен ковчег, который является подлинным произведением русского искусства конца XIX века. Сделан он в Санкт-Петербурге, о чем свидетельствует специальное клеймо. Ковчег имеет прямоугольную форму. Изготовлен из металла желтого цвета и серебра в техниках ковки, чеканки и резьбы. Корпус со съемной крышкой покоится на ножках в виде лап хищного животного. Стенки и углы ковчега украшены накладным растительным декором. На крышке ковчега помещено скульптурное изображение главы святого апостола Андрея Первозванного в окладе, в ее лобной части — отверстие для мощей святого. Оклад состоит из двух частей: венца и покрывала, украшенного резным растительным декором. Глава и части оклада съемные. Над головой святого сделано углубление, в которое помещен ковчежец с частицами святых мощей великомученика Пантелеимона.

До 1929-го года ковчег находился в алтаре челябинской церкви в честь Святой Троицы. В описи церковного имущества за 1891-й год, хранящейся в Государственном архиве Челябинской области, зафиксировано, что в алтаре храма «находится медный позлащенный киот с серебряной чеканной работы главою апостола Андрея Первозванного. В этом киоте находятся части Святых Мощей: в челе серебряной главы вложены части черепа Святого апостола Андрея Первозванного, а позади серебряной главы, в особом небольшом медно-позлащенном ковчежке, вкладывающемся в киот, находится часть Святых мощей Святого Великомученика и Целителя Пантелеимона. Святые пожертвованы местной церкви в вечное владение в 1884-м году Свято-Андреевским скитом, находящимся на Святой горе Афонской»¹⁶.

При закрытии Свято-Троицкого храма и изъятии церковного имущества в 1929-м году приемная комиссия обнаружила в небольшой металлической раке частицы мощей. В русле развернутой в стране атеистической пропаганды газета «Челябинский рабочий» опубликовала 5 октября 1929-го года заметку «Развенчанные мощи», где сообщалось, что изъятые мощи переданы в музей. В современное время ковчег для мощей апостола Андрея Первозванного хранится в Челябинском областном краеведческом музее, а святые мощи – во вновь открытом Свято-Троицком храме.

Рис. 2. Скульптура «Святой Николай Мирликийский Чудотворец» (в разделе экспозиции по истории православия). Середина XVIII в. Скульптура находилась в Челябинском Христорождественском соборе, с 1932 года – в Челябинском областном краеведческом музее

Культурные предметы из закрывающихся церквей поступали в музей вплоть до 1932-го года. В октябре 1931-го года был закрыт Челябинский Христорождественский собор, здание снесено в июне-июле 1932-го года. Из убранства храма в фонды музея были переданы раритеты, имеющие музейное значение: деревянная скульптура святителя Николая Мирликийского, плащаница, иконы Божией Матери «Казанская», «Троеручица», «Тихвинская» и образ святого Иоанна Богослова, а также янтарные, хрустальные и стеклянные четки¹⁷. Эти данные подтверждаются записью в Книге поступлений в фонды музея¹⁸. Более подробная информация имеется по двум предметам. Скульптура «Святой Николай Мирликийский» (рис. 2) датируется 1740-ми годами. В «Путеводителе по Уралу» журналист и краевед В. А. Весновский писал: «В одном из приделов храма в особом киоте имеется в натуральный рост фигура святого Николая Чудотворца, в полном облачении, сделанная не то из дерева, не то из какой-то массы». Поверх левкаса, покрывающего деревянную статую, нанесен орнамент в виде жемчуга и других изобразительных элементов, что придает скульптуре дополнительную парадность. На святом Николае одежда из зеленого и красного бархата. Митра украшена медными звездами и камнями (горный хрусталь, аметист), на ней изображены лики херувимов¹⁹. Плащаница Христорождественского собора была изготовлена в 1800 году в Арзамасском девичьем Никольском монастыре.

В фондах музея имеются иконы, чья дореволюционная история известна хотя бы отчасти, а о времени и причинах поступления в фонды нет информации. При описании иконы Божией Матери «Иверская» (рис. 3) на обратной стороне иконы была обнаружена надпись: *«Икона сия писана и освящена на св. горе Афонской в русском св. Великомученика и Целителя Пантелеимона Монастыре, от коего и послана в благословение Христолюбивым жителям в благодатную помощь, покров и заступление всем с верою и любовию прибегающим к Вселогой Владычице мира и умильно молящимся к Ней предъ пречистымъ Ея образомъ. 18__ г.»*. Был установлен важнейший факт: икона выполнена в Русском Свято-Пантелеимоновском монастыре на Афоне (Греция) в XIX веке. Икона в фондовой коллекции сразу обращает на себя внимание. Это крупный образ – 106 x 69 см. По своим живописным особенностям икона отличается от русских икон академического стиля и уральской иконописи. В Челябинске в конце XIX – начале XX веков были две Иверские иконы с Афона. Одна находилась в кабинете священника Свято-Троицкой церкви Иоанна Днепропольского. Афонские монахи подарили ему икону во время его паломнической поездки на Афон в 1884-м году²⁰. Другая афонская икона Божией Матери «Иверская» имела в Челябинском Одигитриевском женском монастыре с 1881-го года. Она была принесена с Афона по ходатайству игуменьи монастыря Рафаилы и торжественно встречена обителью и городом, по словам делопроизводительницы монастыря Раисы Будриной, автора книги «Челябинский Одигитриевский женский монастырь». По ее свидетельству, икона в дальнейшем почиталась как монахинями, так и горожанами²¹.

Икона Божией Матери «Ахтырская» (рис. 4) в серебряном окладе 1796-го года, которая хранится в фондах Челябинского областного краеведческого музея, находилась до 1917-го года, по данным описи церковного имущества этого храма, сделанной в марте 1891-го года²², в иконостасе Свято-Троицкой церкви.

Икона святого Александра Невского была написана в Челябинске иконописцем Кречетовым. Это был дар учеников Челябинского городского училища своему духовному отцу протоиерею Александру Николаевичу Протасову, который они сделали 15 июня 1887-го года. Эта информация написана по нижнему полю иконы. Сын этого священника – Михаил Александрович Протасов – работал биологом в Челябинском областном краеведческом музее с 1934-го по 1937-й годы. Скорее всего, он и передал отцовскую икону в фонды музея. 22 ноября 1937-го года М. А. Протасов, в возрасте 76 лет, был арестован, обвинен в контрреволюционной деятельности и расстрелян; в 1956-м году был реабилитирован посмертно²³.

В 1946-м году, в связи с открытием церкви Рождества Богородицы в Челябинске, областной краеведческий музей, на основании постановления СНК СССР от 30 июля 1944 г. за № 811, передал общине храма 147 музейных предметов, необходимых для совершения богослужений: 86 икон, 4 хоругви, два напрестольных креста, два кропила, 53 богослужебные книги²⁴. В конце 1950 – начале 1960-х гг. церковь была вновь закрыта, а судьба предметов, переданных из музея храму, в настоящий момент неизвестна.

В 1970-е годы в фонды Челябинского областного краеведческого музея поступила фелонь (риза) из бархата, украшенная нашивками и вышивкой. Облачение священнослужителя датируется первой половиной XX века. Предмет попал в фонды музея вследствие закрытия церкви в селе Медведево Чебаркульского района Челябинской области²⁵.

Были поступления от органов УВД в 1980-х годах. В 1980-м году из Южноуральского народного суда поступили конфискованные иконы «Святой Архангел Михаил» (конец XIX в.), «Христос, Саваоф и Святой Дух» (начало XX в.) и «Покров Богоматери» (XIX в.). В 1981-м году сотрудниками ОБХСС у жи-

Рис. 3. Икона Божией Матери «Иверская». 1880-е гг. Выполнена в Русском Свято-Пантелеимоновском монастыре на Афоне (Греция). Хранится в фондах Челябинского областного краеведческого музея

Рис. 4. Икона Божией Матери «Ахтырская», в серебряном окладе. Оклад 1796 года. Хранится в фондах Челябинского областного краеведческого музея.

теля Ленинграда, который занимался скупкой в селах области, было изъято и передано в музей семь иконописных работ, две из которых («Богородица Владимирская» и «Вседержитель») были занесены в фонд Драгоценных металлов, так как имели серебряные оклады²⁶.

Второе направление комплектования коллекции предметов православия – приобретения, сделанные в процессе экспедиций с археологическими, этнографическими и другими задачами. Так, участниками этнографической экспедиции 1971-го года по досоветскому отделу из города Нязепетровска были привезены две иконы: «Святая Великомученица Екатерина» и «Вседержитель». Целе-направленных экспедиций по выявлению памятников православного искусства в области и Уральском регионе краеведческим музеем не предпринималось²⁷.

В современное время самым распространенным источником поступления в фонды музея предметов православной культуры является приобретение у частных лиц. В основном, это иконы и книги православного содержания. Предметы передаются в дар и закупаются через Экспертную фондово-закупочную комиссию музея. Так, наиболее ранние образцы (XVIII в.) поступили в фонды во второй половине XX века и были приобретены у частных лиц. И, тем не менее, базовая часть православной коллекции Челябинского областного краеведческого музея – это спасенные от уничтожения иконы, находившиеся в храмах Челябинска.

Примечания

¹ Боже В. С. Краеведы и краеведческие организации Челябинска (до 1941 г.). Челябинск, 1995. С. 20–29.

² Школьникова А. А. История формирования коллекции иконописи в фондах Челябинского областного краеведческого музея. Дипломная работа. Челябинская государственная академия культуры и искусства (ЧГАКИ). Рукопись.

³ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 634. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.

⁴ Школьникова А. А. Указ. соч.

⁵ Книга поступлений в фонды Челябинского краеведческого музея. 1925–1929 гг.

⁶ Инвентарная книга Челябинского Губернского Музея Местного Края. 1922 г.

⁷ Р-627. Оп. 3. Д. 542. Л. 53

⁸ Там же. Л. 55.

⁹ Там же. Л. 62.

¹⁰ Инвентарная книга... 1922 г.

¹¹ Школьникова А. А. Указ. соч.

¹² Инвентарная книга... 1922 г.

¹³ Книга поступлений в фонды Челябинского краеведческого музея за 1929 г. (Запись от 13 ноября 1929 г.)

¹⁴ От Афона до Челябинска. История одной православной реликвии. / Сост. Е. М. Есикова. – Челябинск, 2009.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 4. Д. 12. Л. 104 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 400. Л. 9.

¹⁸ Книга поступлений в фонды Челябинского краеведческого музея за 1932 г.

¹⁹ Весновский В. А. Путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1904. С. 357.

²⁰ Альбокринов Ф. Протоиерей отец Иоанн Петрович Днепровский (некролог) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1898. №16. С. 616–626.

²¹ Челябинский Одигитриевский женский монастырь. / Сост. Р. Будрина. М., 1904. С. 29.

²² Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-220. Оп. 4. Д. 12. Л. 107.

²³ Боже В.С. Протасов Михаил Александрович // Челябинск: Энцикл. Челябинск, 2001. С. 667.

²⁴ ГАОО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 400. Л. 3–4 об.

²⁵ Акт предмета ОФ 2927/1 (иерейская фелонь) фондов Челябинского областного краеведческого музея.

²⁶ Акты поступлений в фонды Челябинского областного краеведческого музея за 1956–2000 гг.

²⁷ Школьникова А. А. Указ. соч.

ЧЕЛЯБИНСК В ЖИВОПИСИ ИГНАТИЯ ВАНДЫШЕВА

Рис. 1. И. Л. Вандышев. Автопортрет. Бумага, карандаш. 1951 г.

В конце XX–начале XXI века практически ни одно издание по истории Челябинска (учебник, энциклопедия, альбом) не обходится без репродукций картин челябинского художника Игнатия Лукича Вандышева (рис. 1), хранящихся в фондах Челябинского областного краеведческого музея. В работающей второй год экспозиции «Музей на крыше» они занимают центральное место. Отпечатанные на специальной бумаге, на современном типографском оборудовании, они сразу привлекают внимание посетителей, маня к себе своими яркими и сочными красками, заставляют вглядываться в персонажей, искать среди построек знакомые здания, сооружения, угадывать, что сейчас находится вот на этом месте, как оно изменилось? Наряду с открытками, фотографиями и другими материалами по дореволюционной истории города, картины И. Вандышева оживляют Челябинск конца XIX–начала XX века.

Игнатий Лукич Вандышев родился в 1891-м году на хуторе Вандышево Троицкого уезда Оренбургской губернии в семье казака. С детства любил рисовать. В годы Первой мировой войны – писарь 10-го Оренбургского казачьего полка. В 1918-м году мобилизован в армию Колчака, с 1920-го года – боец РККА в Омске, где посещал красноармейскую студию,

позднее Сибирскую художественно-промышленную школу № 1. Вернувшись на родину в 1921-м году, работал в Троицкой окружной газете «Вперёд», уральской областной «Крестьянской газете». В 1927-м году поступил на единый художественный рабфак Высшего художественно-технического института в Петрограде, в 1929–30-м годах учился там же, на 2-м курсе монументально-станкового отделения у П. Сурикова (по классу живописи), Н. Н. Тарабукина (теория и история искусств). Не окончив учёбы, вернулся на родину и преподавал в Уйской школе крестьянской молодёжи. В 1934-м году И. Вандышев переезжает в Челябинск. Сотрудничает с газетой «Челябинский рабочий», принимает активное участие в создании Союза советских художников Челябинска (1936 г.), вступает в кооператив «Художник» при Союзе. В эти же годы создает первые работы, посвященные Челябинску (рис. 2, 3, 4). Жизнь его нелегка. К сожалению, работы в кооперативе мало или нет совсем;

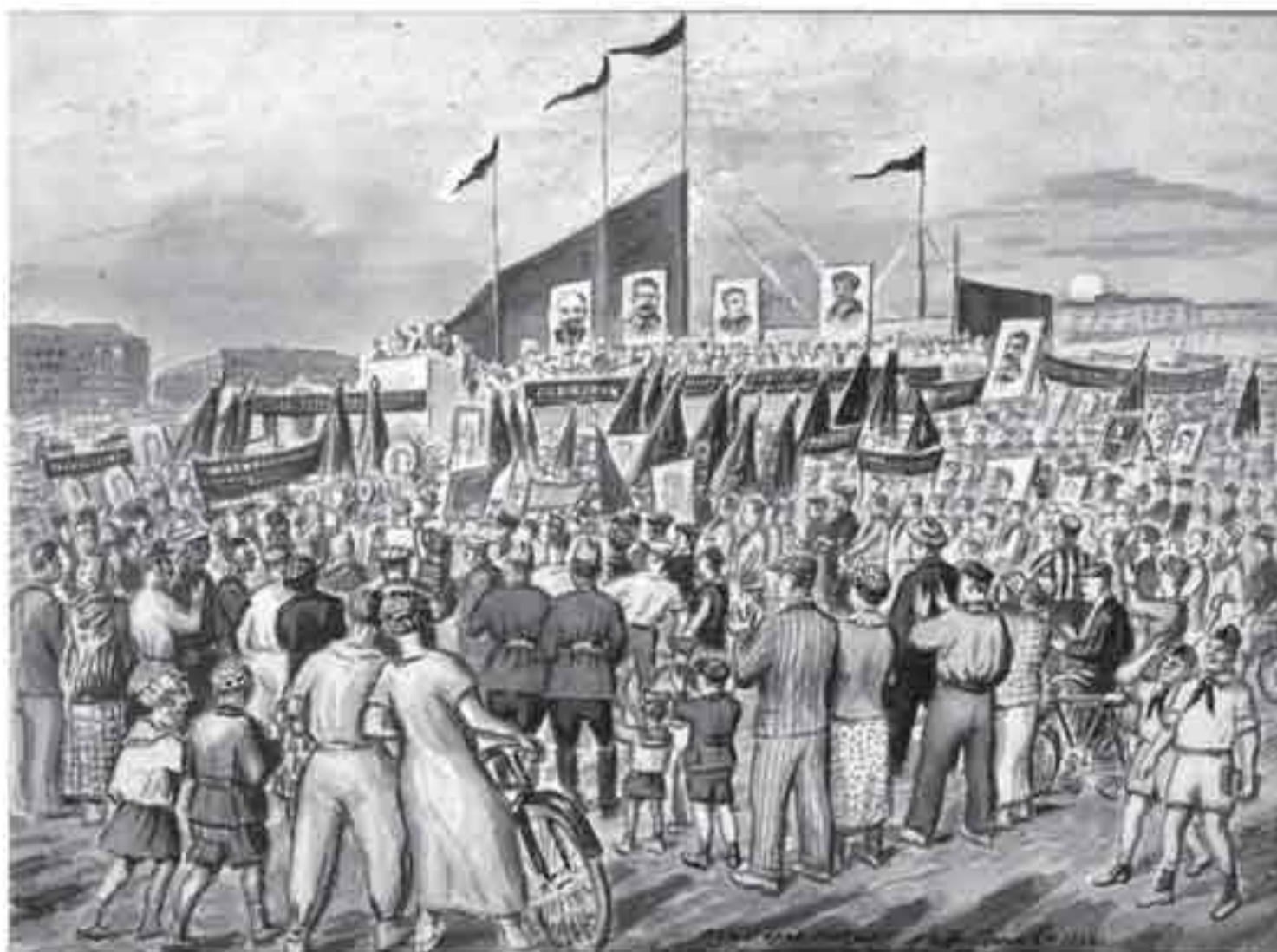

Рис. 2. «Общегородской митинг солидарности Испании в Челябинске». И. Вандышев. Бумага, акварель. 1936 г.

бюрократическая рутина, финансовые проблемы, кадровые неурядицы, невозможность полноценно заниматься творчеством, жесткая зависимость от конъюнктуры страшно угнетают художника. К этому же добавляются жилищные проблемы и многочисленные болезни жены. Из дневника от 14. 07. 1936 г.: *«Живу неважно, не доедаю, денег нет. Сам болел почти весь июнь... Жена сейчас болеет. Все это наводит страшный кошмар, безвыходное положение».* Из дневника от 10.07.1936 г.: *«Творческая работа идет у меня преступно слабо. Картина «Уходящий Челябинск» и та идет тихо. Надо будет это дело двигать, а то с болью я совсем отстал от жизни. Помощи от ССХ (Союза советских художников – И. И) никакой, и работы нет. Сиди себе, да и заработанные деньги до сих пор не получил. Досадно».* Тем не менее, бурно развивающийся и строящийся город, превращаясь на его глазах из захолустного, уездного, с тихой, сонной, размеренной жизнью, в крупный индустриальный центр, захватывает его. Художник пишет: *«Вот над чем я работаю в марте: 1. «Сталинский район», 2. «Уходящая Челяба», 3. «Культурные запросы и новый быт граждан нового Челябинска», 4. «Зарисовки уголков старого и нового Челябинска»»* (из дневника от 07. 03. 1937 г.). Художник в двойном положении. С одной стороны, он жаждет творчества, новых идей, новых сюжетов. А с другой – давит на него окружающая действительность: неурядицы в кооперативе, слабое здоровье свое и жены, *«...неважные условия для работы...»*, *«Я превращаюсь в тряпку. Ведь тем тьма. То ли трусость братья за работу по нездоровью, то ли в Челябинске братья за это бесцельно. Все это выходит нехорошо...»* (из дневника от 07. 05. 1937 г.). Поездка в 1938-м году с группой челябинских художников в Москву, экскурсии по Третьяковской галерее, музею изящных искусств, посещение художественных выставок приободрили его. Из дневника от 28. 06. 1938 г.: *«Сегодня отправили работы на московскую выставку (30 работ), моих 5 штук: 1. «Старый и новый Челябинск», 2. «Там, где был пустырь», 3. Натюрморт «Георгины», 4. «Яблоки красные», 5. Рисунок (черная гуашь) «Новый Челябинск. Ночь»».* Из дневника от 09. 07. 1938 г.: *«...Писать руки чешутся, придется или нет. Темы на каждом шагу; занимает меня лучшая совет(ская) моло-*

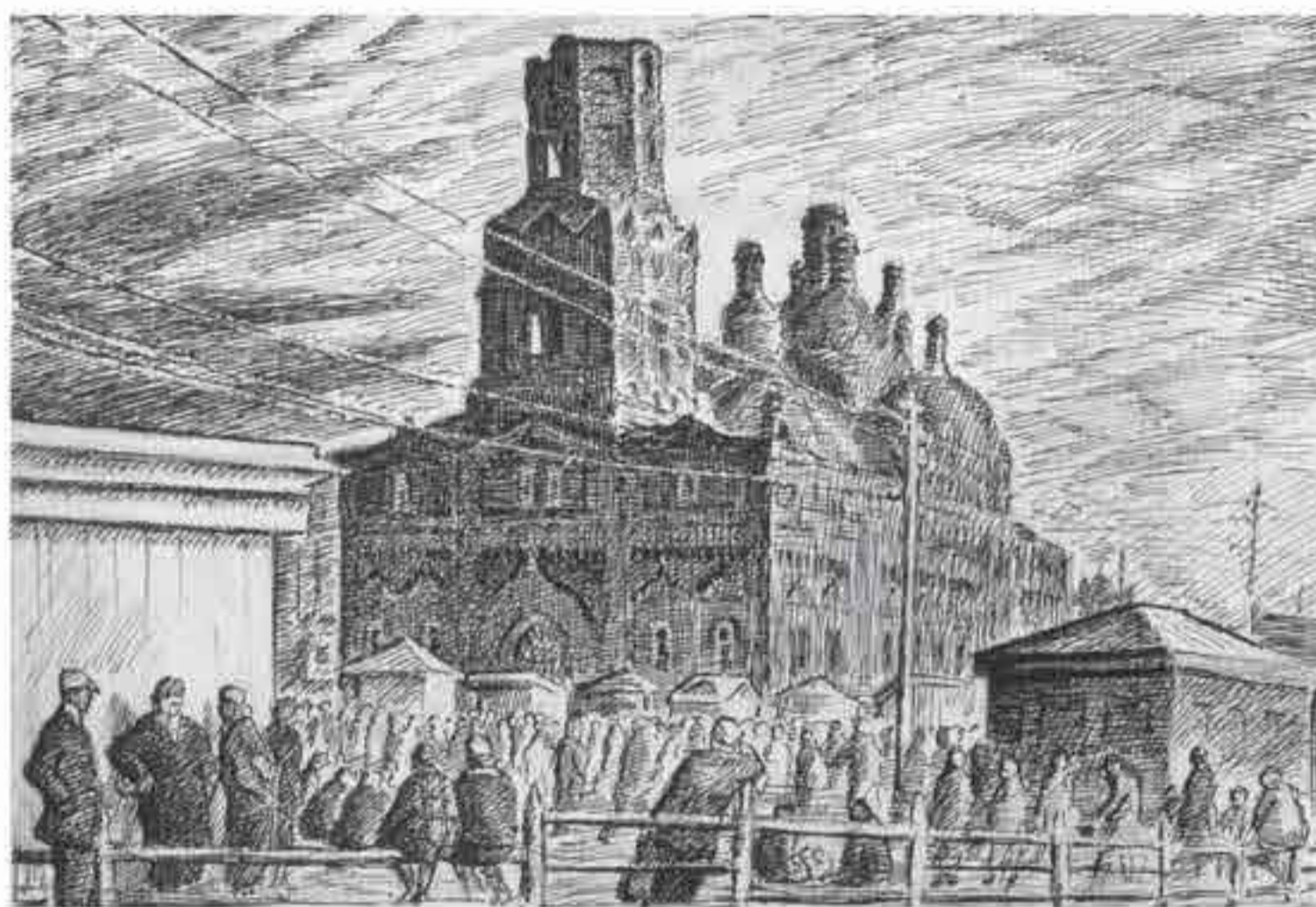

Рис. 3. «У здания Челябинского областного краеведческого музея (Бывшая Свято-Троицкая церковь)»
И. Вандышев. Бумага, тушь, перо. 1936 г.

Рис. 4. «Старый быт Челябины. У дверей торгового дома Валева». Эскиз картины. И. Вандышев. Бумага, карандаш. 1930–1940-е гг.

дежь, но трудность для меня – подыскать натуру. Я мало кого знаю и меня тоже. Платить за натуру нечем, ой да и жить не на что. Ну ничего. Надо больше и больше занимать себя творческой работой, ведь старик уже, а все еще нет у меня ничего». Девизом своего творчества он избирает «правдиво-реально отражать замечательную окружающую жизнь, которую нужно наблюдать ежедневно, ежечасно, ежеминутно. Помнить, что все лучшие художники отражали в своих произведениях свою эпоху... Всюду видишь окружающий быт художника, творца, проникающего в тайны пафоса, созданного народом. Надо слиться с народом, быть его единицей, не отрываться, и тебя поймут. Замыкание – это бич творца-художника. Окончательно закиснет, станет отвратительным (от 02. 08. 1938 г.). Позже с дневником он делится своими впечатлениями, размышлениями: «Надо работать, работать! Больше наблюдать за явлениями природы, за животными, за человеком. Крупных художников и особенно любимых изучать, но не быть эпигоном, подражателем, а надо самому договариваться с природой, ее нарядами, траурами, грустью, бурным состоянием, улыбкой. Особенно изучать надо ее наряды, платья, уборы, ожерелья. Пейзаж надо принимать в целом, как некий организм с полной внутренней жизнью, по сезону одетый в свои наряды. Чувствовало подсознательно человечество: есть красота. Гений художника раскрыл перед ним ее и ввел в сознание... Красота многообразна и каждый ее момент буквально не повторяется, только имеет что-то общее с когда-то бывшим явлением. Она также течет и движется, меняет свой облик, как и сами художники-прорицатели, понимая в прошлом искусство и художников, но не повторяясь, отражают в духе времени все по-новому. Эх, как хорошо познакомиться хоть чуточку с природой и ее явлениями! Но это еще не все. Все – это если я сумею передать образно людям так, чтобы они умели прочесть картину не только как чертеж, а чтобы это все их разобрало до волнения, до чувства, дошло до их сердца, чтобы волновало, сердило, ободряло, вызывало сострадание» (от 12. 07. 1940 г.). В 1940-м году, к 40-летию завода имени Колющенко, он создает два панно – старый и новый завод и картину «Колупаевка». В дневнике он отмечает: «Удачно и быстро получилась улица со старыми домишками-мазанками, в щелях Колупаевки недурно получились отношения обеленных хат со снегом. Надо еще попробовать раз написать для себя – интересно!» (от 08. 02. 1940 г.).

В годы Великой Отечественной войны Вандышев работает над выпусками «Боевого карандаша», участвует в выставке работ челябинских художников. В 1942-м году в ходе творческой поездки на Магнитогорский металлургический комбинат он собирает материал для будущих работ, посвященных труду уральских металлургов. В 1943-м году он возвращается к теме Челябинска. «Работаю по пейзажу города Челябинска, это область творч(еских) работ интересная, но она должна изучаться глубоко и серьезно, при тщательном наблюдении в разное время года. Это то, что обуславливает жизнь, быт, культуру человека, людей живущих, работающих, отдыхающих, и пр(очее) в специальных своих помещениях. Тут кипит общественность, коммунальный быт человека» (из дневника от 16. 12. 1943 г.). В 1945 году картина «Старая Челябинка» вместе с десятком других работ челябинских художников попадает в Москву на выставку. В дневнике от 18. 12. 1945 г. художник отмечает: «...надо работать над картиной «Сенной базар»».

Расцвет творчества И. Л. Вандышева наступает в 1940–начале 1960-х годов. Именно это время совпало с созданием цикла живописных работ, посвященных старому дореволюционному и новому, современному художнику Челябинску. В первое послевоенное время он ощущает необычайный творческий подъем. Радость Победы, всеобщее ликование, надежды на новую, радостную, творческую жизнь. Из дневника от 21. 04. 1946 г.: «...очень сегодня утро хорошее. Радость весны много говорит о сюжетах, которые возникают у художника с пробуждением природы... К жизни, к здоровью, к радости пробуждает великое светило, к самоотверженному труду. Зимнее оцепенение, холод, мороз, завывания позади... Эх! Как бы кисти чародейские. Создать бы картину радости, радости искренней, лучезарной, прозрачной. Веселее, друзья-товарищи. Нам гибель грозила, но ее правая рука сразила. Мы воскресаем с природой. Лучи солнца. Светло. Картину, картину такую!!!!». Он написал не одну такую картину. В 1946-м году им созданы картины «Сенной (Заречный) рынок в зимний день», «Сенная площадь в заречной части города», «Соборная площадь», в 1947-м году – «Большая улица», «Угол ул. Цвиллинга и Спартака», «Алое поле», «Александровская площадь», «Площадь у народного дома в пасхальную неделю», в 1950 году – «Цирк в старом Челябинске», в 1951-м году – «Вид на город из-за реки Миасс», в 1963-м году – «Вид с горы Никольской».

Нужно отметить, что почти все они были созданы Игнатием Лукичом по заказу и на средства Челябинского областного краеведческого музея. В первые послевоенные годы директор Иван Гаврилович Горохов начал формировать музейную коллекцию живописи и графики. Отдельные поступления были и раньше, но именно в эти годы, по заказу музея А. И. Корабельниковым создана серия графических работ с видами дореволюционного Челябинска; у Д. Г. Фехнера было куплено

Рис. 5. «Сенной (Заречный) рынок в зимний день в дореволюционном Челябинске» И. Вандышев. Холст, масло. 1946 г.

несколько авторских линогравюр с видами современного города, и отдельных видов Урала; у В. Я. Гофрата – рисунки с видами зданий в центральной части Челябинска. В документальном фонде музея хранится текст телепередачи «Летописец Челябинска» от 21 сентября 1961-го года на пяти страницах, где сам художник рассказывает об их создании: «Дело это сложное, кропотливое. Каждая картина требует предварительной работы. Вот, например ... картина «Сенной базар». Видите, на месте, где сейчас находится оперный театр, тогда был собор. Как он выглядел? Надо было разыскать его снимок. Но на нем собор изображен совсем с другой точки. Ведь я рисовал вид на Сенной базар со стороны Заречья. Вот мне и пришлось мысленно «поворачивать» собор, видеть его именно с этой точки». Это в прошлом проезд у женского монастыря. Сейчас на этом месте гостиница «Южный Урал». За монастырем видна так называемая «Перцевская Церковь». Там сейчас здание Облисполкома. «На этом месте ежегодно была так называемая «Александровская ярмарка» ... на переднем плане кустарь торгует своими нехитрыми изделиями, деревянными лопатами, лаптями. Далее – ряды более богатых кустарей. А это палатки купцов. А это церковь Александра Невского... А дальше ... лес. Это была тогда окраина города... Я изучал исторические материалы, документы, зарисовывал, что еще осталось, и сам не молодой, помню быт в давние времена. Очень много беседовал со сторожилами. Их описания во многом помогли мне. Среди них был и старый челябинский большевик – подпольщик Василий Степанович Гаврилов. Я написал его портрет. За время работы над ним Василий Степанович мне рассказывал о жизни старой Челябы, о революционной борьбе...».

О чем же рассказывают нам, современным челябинцам, эти картины?

На картинах «Сенной (Заречный) рынок в зимний день», «Сенная площадь в заречной части города» (рис. 5, 6) показана широкая городская панорама левого и правого берегов реки Миасс. На левом берегу, в Заречье, у моста (район современного кинотеатра «Родина»), торговали дровами, сеном, хлебом. Рынок именовался Сенным, а площадь, на которой он располагался — Хлебной. Она представляла собой огромный пустырь, затапливаемый во время разлива реки. По преданиям, здесь не только вели торги, но и наказывали провинившихся горожан.

На правом берегу Миасса располагался «деловой центр» города с каменными зданиями, торговыми заведениями, банком, храмами (многие из них не сохранились). На картине видны трехъярусная колокольня с шлемовидным куполом и высоким шпилем и главы белокаменного Христорождественского собора, начало улицы Ивановской с двухэтажными зданиями; двухэтажное здание

реального училища, усадьба братьев Покровских с одноэтажными каменными службами с двумя решетчатыми окнами; угол улиц Ивановская (ныне улица Труда) и Азиатская (улица Елькина). На дальнем плане — две шатровые крыши со шпилями католического костела, колокольня и пять куполов белокаменной Покровской церкви, четыре купола Вознесенской монастырской церкви, колокольня Одигитриевской церкви, каланча (со шпилем на крыше) общественного дома по улице Уфимской, шатровая с флагом крыша на башне дома Покровских, колокольня и глава кладбищенской Казанско-Богородицкой церкви, три яруса минарета Ак-мечети.

Впоследствии при расширении русла реки Миасс Хлебная площадь ушла под воду. Из культовых сооружений до наших дней сохранилась только Ак-мечеть (Ак-масит, Белая мечеть). В 1930-м году решением Челябинского окрисполкома она была закрыта, здание передано под «клуб нацменов». В годы Великой Отечественной войны здесь находилась большая часть фондов Челябинского областного краеведческого музея и татаро-башкирской библиотеки. С середины 1980-х годов здание использовалось для хозяйственных нужд, купол и часть минарета были утрачены; весной 1989-го года оно возвращено верующим. Близ того места, где некогда возвышался Христорождественский собор, главный собор Исетской провинции, сейчас располагается театр оперы и балета имени М. И. Глинки. Картина «Сенной (Заречный) рынок в зимний день» написана в сине-голубых тонах; она доносит до нас ощущение зимнего морозного дня, свежесть снега, деловитую суету шумного провинциального торга. Сквозь морозную дымку в небе проглядывает солнце. Художник любил его изображать. *«Солнце греет в большие окна, согревает зябнувшее тело, Солнце – это наша жизнь, светит и согревает, дает свет, цвет, светотень, творит форму и красоту, которую первыми должны открывать и показывать людям художники. Солнце – это жизнь, и жизнь – это живая красота»* (из дневника от 06. 10. 1946 г.). В обеих картинах все живет, движется, дышит, создавая широкую яркую картину народной жизни.

На первом плане картины «Соборная площадь» (рис. 7), написанной по дореволюционной открытке «Челябинск. Общий вид с Запада» (рис. 8) — угол Соборной, или Торговой площади (ныне площадь Ярославского) и улицы Уфимской (улица Кирова). На площади — торговые лавки; справа — каменное двухэтажное здание (дом А. П. Холодова) с магазинными вывесками. На втором плане слева — дома по улице Сибирской (ныне улица Труда), среди которых выделяется двухэтажный магазин братьев Яушевых. В центре — Христорождественский собор (четверик с апсидой, увенчан-

Рис. 6. «Старый Челябинск. Сенная площадь в заречной части города» И. Вандышев. Холст, масло. 1946 г.

Рис. 7. «Соборная площадь в дореволюционном Челябинске» И. Вандышев. Холст, масло. 1946 г.

Рис. 8. Карточка почтовая «№2. Челябинск. Общий вид съ запада». Издание фотографа В. Г. Половникова. Бумага, фототипия. 1910-е гг.

ный одной крупной и тремя малыми главами и трехъярусная колокольня с шлемовидным куполом и высоким шпилем).

Собор являлся главным православным храмом Исетской провинции и доминантой крупнейшей в городе Соборной площади. Был заложен 23 марта 1748-го года. Современники описывали его как «мрачный, с высокими сводами и иконами старого письма». В октябре 1931-го года городские власти закрыли собор, в июне — июле 1932-го года его здание было снесено.

Торговую площадь называли именем советского партийного и государственного деятеля Е. М. Ярославского. Во второй половине 1930-х годов при строительстве оперного театра площадь расчистили, убрав оттуда все строения. В 1950-е годы здесь появился сквер. Художнику удалось вдохнуть жизнь в городской вид, отпечатанный на бумаге методом черно-белой фототипии. На улице Уфимской появились горожане, спешащие по своим делам, пролетки, телеги. День из жизни провинциального города заиграл красками.

За основу для написания картины «Большая улица» (рис. 9) был взят вид с дореволюционной открытки «Челябинск. Женский монастырь» (рис. 10). Большая улица считалась главной в городе. Поначалу она называлась Оренбургской, так как выходила на Оренбургский тракт. После освящения Христорождественского собора стала называться Христорождественской. В XIX веке именовалась Большой, так как на ней располагались ратуша, затем магистрат.

Справа на картине — обнесенные стеной строения Одигитриевского женского монастыря, в том числе однокупольная Одигитриевская и пятикупольная Вознесенская церкви. На дальнем плане — трехъярусная колокольня и три купола Христорождественского собора, колокольня и три купола Покровской церкви.

С мая 1920-го года бывшая Большая улица носит имя деятеля российского революционного движения С. М. Цвиллинга (1891—1918 гг.).

В 1926-м году Вознесенская и Одигитриевская (Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии) церкви были закрыты для богослужений, в конце 1920-х годов снесены. Сейчас на их месте располагаются здания администрации Челябинской области и гостиница «Южный Урал», построенная в 1941-м году. На улицу Большую Игнатий Лукич вывел персонажей — обитателей старой

Рис. 9. «Большая улица в дореволюционном Челябинске» И. Вандышев. Холст, масло. 1947 г.

Челябинскъ. № 7 Женскій монастырь

Рис. 10. Карточка почтовая «№7. Челябинскъ. Женскій монастырь». Издание фотографа В. Г. Половникова. Бумага, фототипия. 1910-е гг.

Рис. 11. «Александровская площадь в дореволюционном Челябинске» И. Вандышев. Холст, масло. 1948 г.

Челябы: купца-богача, семью рабочего, богомолков-странниц, монахов.

Картина «Александровская площадь» (рис. 11) особо ценна для нашего музея. В фондах нет ни одной дореволюционной фотографии и открытки с видом этого православного храма и ярмарочного торгового рынка на площади перед ним. По словам И. Л. Вандышева, на полотне – вид со стороны нынешнего Дворца пионеров и школьников имени Н. К. Крупской.

Когда-то на этом месте пасли скот. В 1881-м году в память об убиенном императоре Александре II была заложена Александровская часовня. Прилегающую к ней площадь стали называть Александровской. В том же году сюда перенесли ярмарочный торг, доходы от которого поступали в городскую казну.

На переднем плане картины идет торговля сельскохозяйственным инвентарем и бочарными изделиями. На втором плане – гужевой ряд, деревянные лавки. На дальнем плане виднеется краснокирпичная Александровская церковь с одиннадцатью куполами. Она была заложена в 1907-м году на месте недостроенной часовни, освящена в 1911-м году. В 1922-м году из нее были изъяты все ценности, а 4 марта 1930-го года в ходе антирелигиозной кампании распоряжением Челябинского горсовета она была закрыта. Со здания сняли кресты, купола, шатер колокольни. В дальнейшем здесь располагались поочередно типография, областная картинная галерея, планетарий, технические кружки Дворца пионеров и школьников.

В начале 1980-х годов Челябинские власти решили передать это здание областной филармонии. В 1987-м году немецкая фирма «Германн Ойле» установила здесь концертный орган. С тех пор в здании бывшей церкви располагается единственный в Челябинской области Зал камерной и органной музыки. В 2010-м году здание церкви вновь передано православным верующим.

О работе над этой картиной художник сделал запись в дневнике: *«Ночью работал над эскизом «Ярмарка на Алом поле» (старый Челябинск). Меня тянет к многофигурной композиции как-то веселее, больше жизни. Надо над композициями больше работать в рисунке-карандаше или другими рисуночными средствами (графика), а потом проработанное, прочувствованное лучше определяет цвет в картине. Не знаю: рассудочное, смысловое чересчур, нужно или нет? Может его не нужно так выпячивать, а заинтересовать сначала внешним, а потом уж»* (из дневника от 01. 01. 1948 г.).

Рис. 12. «Дореволюционный Челябинск. Площадь у народного дома в пасхальную неделю»
И. Вандышев. Холст, масло. 1948 г.

Рис. 13. «Базарная (Южная) площади в пасхальную неделю». Фото. 1919 г.

На картине «Площадь у народного дома в пасхальную неделю» (рис. 12), написанной по фотографии (рис. 13) — вид на Южную площадь (ныне площадь Революции) со стороны Народного дома. На широкой площади с качелями, каруселями, ипподромом толпы нарядно одетых, гуляющих горожан. На первом плане — торговля пасхальной снедью: крашеными яйцами, пирогами, наливками. На дальнем плане — Покровская церковь с колокольней и четырьмя куполами, три купола Вознесенской и купол Одигитриевской церкви (до наших дней не сохранились).

На картине «Цирк в старом Челябинске» (рис. 14) — Южная площадь, располагавшаяся на южной окраине города, за чертой основной застройки. Она представляла собой пустырь с редкими деревянными постройками, окруженный березовым лесом. В 1901-м году провинциальный антрепренер А. Коромыслов установил здесь первый в городе палаточный цирк-шапито.

Справа на картине видна часть Большой улицы, на которой располагаются строения Одигитриевского женского монастыря, в том числе белокаменные Вознесенская и Одигитриевская церкви, двухэтажное духовное училище и Покровская церковь с часовней. Слева — деревянное одноэтажное здание таможни (дом инженера А. Перцева), перед ним — белокаменная однокупольная часовня. На дальнем плане слева видны трехъярусная колокольня и купола Христорождественского собора.

1 мая 1920-го года Южная площадь стала называться площадью Революции. Постепенно становилась политико-административным и общественным центром города.

В 1921-м году Одигитриевский монастырь был закрыт, все церкви снесены. В настоящее время на этом месте располагаются здания администрации Челябинской области и гостиница «Южный Урал». Там, где стояла таможня, сегодня находится здание администрации города Челябинска, территорию бывшего Христорождественского собора, снесенного в 1932-м году, занимает площадь Ярославского.

Эта картина написана в сумрачных тонах. Здесь нет солнца, света, столь любимых художником. Однако 100 лет назад это была городская окраина, выгул для скота. Вандышев передает жалкую нищую жизнь этих мест.

Рис. 14. «Цирк в старом Челябинске» И. Вандышев. Холст, масло. 1950 г.

Рис. 15. «Дореволюционный Челябинск. Вид на город из-за реки Миасс» И. Вандышев. Холст, масло. 1951 г.

Рис. 16. «Старый Челябинск. Вид с горы Никольской» И. Вандышев. Холст, масло. 1963 г.

На картине «Вид на город из-за реки Миасс» (рис. 15) показана панорама Челябинска, разделенного рекой Миасс на две части: правобережную («Центр») и левобережную («Заречье»). В старые времена Заречье начиналось гораздо ближе к правому берегу, чем сегодня: ширина реки в этом месте была не более 60 метров, а на левом берегу начинался мыс. Сегодня он является основанием широкой части Кировского моста и не воспринимается как часть левого берега. На этом мысу, возле моста, в 1770-х годах был построен один из первых в Челябинске каменных жилых домов, принадлежавший Ивану Андреевичу Боровинскому, — двухэтажное кирпичное здание, оштукатуренное и выкрашенное светлой краской (на картине крайнее слева). В советское время он был разрушен.

У основания мыса, там, где сегодня стоит кинотеатр «Родина», в XIX веке сформировалась Сенная площадь («площадь для продажи сена и дров»). Впоследствии она именовалась как Сенной, так и Хлебной. В половодья представляла собой водную гладь, на которой возвышались лишь корпуса лавок и кучи камня — остатки фундаментов таких же лавок. Левобережная часть соединялась с «городом» мостом — предшественником нынешнего Кировского.

Основной торговой и общественной улицей была в то время улица Уфимская (ныне улица Кирова) с двухэтажными купеческими домами, в которых располагались лавки и магазины.

Картина «Вид с горы Никольской» (рис. 16) — одно из последних масштабных полотен автора. На ней показана широкая панорама старого Челябинска. На переднем плане — западная часть Заречья; справа, на горке — белокаменная Свято-Симеоновская церковь (во имя Симеона Верхотурского Чудотворца). Освященная в 1883-м году, сначала она была кладбищенской церковью, приписанной к приходской Свято-Троицкой церкви. В годы Советской власти осталась единственным действующим православным храмом в городе.

На втором плане среди жилых построек возвышается Свято-Троицкая церковь (сохранилась до наших дней) из красного кирпича, с пятью главами и колокольной. Узкая бледно-голубая полоса на дальнем плане — река Миасс. За рекой до линии горизонта — низкие постройки, на фоне которых выделяются Христорождественский собор и церковь Александра Невского.

Два полотна художника посвящены новому Челябинску. Это картины «Алое поле»

Рис. 17. «Алое поле в г. Челябинске» И. Вандышев. Холст, масло, 1947 г.

Рис. 18. «Угол улиц Цвиллинга и Спартака в Челябинске» И. Вандышев. Холст, масло. 1947 г.

(рис. 17) и «Угол улиц Цвиллинга и Спартака» (рис. 18). На первой показан детский парк на Алое поле. Такое название получила 1 мая 1920-го года Александровская площадь: по мнению некоторых краеведов, в 1905-м году здесь казаки устроили кровавый разгон рабочей демонстрации. В советское время площадь несколько раз переименовывалась, в 1924-м году, после смерти В. И. Ленина, была названа его именем. В июле 1925-го года здесь состоялось открытие памятника вождю революции, возле которого стали ежегодно проводиться первомайские и октябрьские митинги.

В 1920-х годах площадь начали озеленять; 1 августа 1942-го года здесь был открыт детский парк. Вот что писала о нем газета «Челябинский рабочий»: «Понадобилось немало тепла и любви для того, чтобы парк стал красивым и удобным для занятий и отдыха детей. В центре установлены фигуры Ленина, Сталина, Кирова. Территория украшена белыми вазами, клумбами с цветами и различными скульптурами, устроен большой фонтан «Черномор», построена летняя эстрада, оборудована библиотека-читальня, расставлено 100 новых скамеек, сделаны гигантские шаги, карусель, вертящиеся лошади, кресла-качалки. На спортивной площадке отведено место волейболу, городкам и крокету. Предполагается организация скеттингринга (площадка для катания на роликовых коньках.— Ред.). В первые два дня открытия парка проводятся большие концерты детской художественной самодеятельности под руководством композитора А. М. Черняка».

В «Справочнике по Челябинску» (1951) площадь названа детским парком им. 30-летия ВЛКСМ.

В 1956-м году на территории парка появился Дворец пионеров и школьников, в 1958-м — памятник «Орленок». В середине 1960-х годов в обиход вернулось название «Алое поле». На месте фонтана в 1986-м году, к 250-летию Челябинска, открыт мемориал в честь пионеров-героев. Картина очень светлая, радостная, все в ней дышит спокойствием, благополучием, радостью наслаждения мирной жизнью, тихого семейного отдыха.

На второй картине изображен перекресток улиц Спартака и Цвиллинга в Челябинске в летний день. В 1940-е годы главной улицей города стала улица Спартака (с 18 марта 1960 г. — проспект имени В. И. Ленина), а площадь Революции — главной городской площадью, ансамбль которой начал формироваться в предвоенные годы со строительства в 1938-м году семиэтажного жилого дома с центральным гастрономом (архитекторы П. Кутенков, А. Максимов). В 1941-м году была построена гостиница «Южный Урал» (архитекторы Д. Барагин, Н. Баранов). Представлен Челябинск современному художнику, строгий, деловитый, рабочий. Но свежая весенняя зелень, умытые дождем

улицы, теплое солнце создают впечатление города очень уютного, чистого, приветливого.

Цикл картин о старой Челябине далеко не всеми был принят с одобрениями. Вандышева обвиняли в необъективном показе жизни дореволюционного провинциального города, в том, «...что там много показано крепких стен, хорошо живущих и даже нет ... там полицейского, упитанный купец, хорошо живущий железнодорожники т. п. ... Я нашел себе конек – Старую Челябину и больше ничего не хочу делать... Я не понимаю в моей «Челябе» дегенератов досоветского времени в виде полицейского, подрядчика, купца, старого чиновника. ... меня окрещивают в протаскивании старой идеологии... Крепко сидит в наших корифеях, что Вандышев – это значит лубок, примитив, олеография, и может наполовину они угадывают, но ведь это средство передачи, которые им мешают видеть желание автора хоть простым корявым языком, но сказать правду прошлого...» (из дневника от 26. 10. 1946 г.). Художник в это время чувствует себя неловко в художественной среде. «Моя малообразованность, малошкольность в живописном мастерстве слили то зеркало со стеклом с пузырьками, волнистостью, в котором я силюсь отразить правдиво действительность прошлого и окружающего меня в настоящее время. В моих работах видят безвкусицу, вывернутость, несосредоточенность в центре, несгруппированность и прочее, и прочее. Может я не со всеми согласен, но во многом убеждаюсь... Честная критика полезна, она является напильником, обтачивающим мое сознание» (из дневника от 11. 04. 1947 г.). Однако бывают и моменты радости, удовлетворения от труда: «Появляется общественный интерес к изображениям старого и нового Челябинска. Вчера Иван Гаврилович (Горохов – И. И.) переписал все, что сделано мной по истории Челябинска. Намечается к Октябрю три выставки, и все заинтересованы работами (картинами) такого рода. Вот поработай в таких условиях?» (из дневника от 13. 10. 1947 г.). А условия были таковы: «Мы с Ириной (женой – И. И.) очутились в комнатухе для нашего жилья, куда стащили свои пожитки. Все смешалось: чашки, ложки, горшочки с жестянками с моим клеем, краской, мелом, с ночным горшком. Пишу часто на койке. От хозяйки дома, ее комнаты, ползут (особенно ночью) клопы и прочая нечисть, из подпола блохи в щели лезут, на которых охотимся, как и на клопов, каждую ночь. Боимся этой комнатухи. Боимся, что будет ветер дуть в разошедшиеся щели, сыреть и мокнуть, от чего первые две зимы мы с Ириной болели с риском помереть. Но есть утешение, хозяин собирается сложить очажок, и вторая отрада – это окна на солнце, видно восходы солнечные. Я думаю иногда себе: Может и для меня солнце под старость взойдет, если я, хоть в любых условиях буду осуществлять мои творческие замыслы на пользу моей прекрасной Родины» (из дневника от 18. 10. 1947 г.). «...Я сделал некоторую память для будущего поколения, запечатлел прошлое Челябины. А вот сижу точь-в-точь, как в старой Челябине, в этой хлевушке, догниваю. А ведь можно из меня извлечь много полезного, если бы я не погибал прежде времени. Если бы в условиях... Ну да не до меня» (из дневника от 18. 09. 1955 г.). «...Уж так надоело жить в гнилой конуре, в закутке, и тут же работать. То солнцем режет, то тьма, то верх не видно у работы, а низ мало освещен, работать можно только мелкие работы, и то с грехом пополам. Оба с женой бодем из-за сырого, гнилого, холодного помещения избушки (не избушка, а душегубка, да к тому же дымят печки). Друг другу мешаем. Жена (особенно когда болеет) говорит, чтобы бросил вонять своими растворителями и красками, что загоню ее прежде времени в могилу.

Сижу в Челябинске, много его рисую и пишу, и для потомства останется музейная ценность истории Челябинска, а вот поди же, сижу и догниваю в этой гнилушке... Вот так и творишь! Как счастлива молодежь. Как кончают учебу, приезжают, устаиваются, и им дают квартиры. Знай работай! Их учили хорошо, их встретили прекрасно. Но я рад за них, что хоть им горькой чаши не придется испить...» (из дневника от 02. 08. 1958 г.). Квартиру художник получил лишь только в 1961-м году – за три года до смерти.

«Художник умный и правдивый» – с таким названием в 1972 году в газете «Вечерний Челябинск» вышла о Вандышеве статья Л. Клевенского (Клевенский Леонид Петрович (1894–1977 гг.) журналист, искусствовед, художественный критик, общественный деятель, член СХ СССР (1936 г.). В ней он пишет: «Вторжение нового революционно-прогрессивного в жизнь города Вандышев не только увидел по-новому, но был увлечен поиском новых путей его изображения. Он остро почувствовал величавость романтических взлетов, вдохновенную красоту строительного пафоса».

И действительно, несмотря на то, что он жил почти всю жизнь в плохих условиях, зарабатывал мало, недоедал, мучился от болезней, а самое главное – испытывал неловкость от того, что поздно начал учиться художественному ремеслу, не получил полноценного высшего художественного образования, он остался в памяти современников, в истории города Челябинска. Как человек и как художник он принадлежал к поколению, которое революционные потрясения 1917-го года и их последствия испытало в зрелом возрасте. Он хорошо знал жизнь старой уральской деревни,

в нем крепко жило народное, крестьянское мироощущение и оно претворялось в тех живописных работах, где народная жизнь представлялась в стихийном размахе, яркости, красочности, единстве с природой. Трагизм в том, что наиболее активные творческие годы пришлись на зрелый возраст, когда физических и моральных сил, здоровья на воплощение замыслов оставалось все меньше. «Я как путник запоздалый», – скажет он о себе на обсуждении выставки трех старейших художников Челябинска в 1958-м году, участником которой был.

Талант, преданность искусству и своему призванию, осознание себя художником, упорство, жизненная стойкость во имя искусства, творчества, вызывает уважение и восхищение эти человеком.

Литература, использованная при написании статьи

1. ...И помнит мир спасенный: Графика, живопись периода Вел. Отеч. войны 1941–1945 гг.: Из собр. Челяб. обл. картин. галереи: каталог / сост. и авт. вступ. ст. Н. М. Шабалина. Челябинск, 1995. С. 29, 52.
2. Байнов Л. П. Художники Челябинска. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1979. С. 22, 26–28, 36, 38, 44–45, 59–61, 69, 74, 84, 157, 159.
3. Боже В. С. Рисованные открытки Игнатия Вандышева: (1891-1964) // Челяб. рабочий. 1985. 26 янв.
4. Вандышев Игнатий Лукич // Край наш южноуральский, 1991: библиогр. указ. Челябинск, 1990. С. 33–36.
5. Вандышев И. Л. Живопись. Рисунок. Акварель: выст. к 100-летию со дня рождения: каталог. Челябинск, 1991.
6. Дневник И. Л. Вандышева / публ. О. В. Субботиной и Е. Л. Степановой // Челябинск неизвестный: краевед. сб. Челябинск, 2002. Вып. 3.
7. Изобразительное искусство. 20 век. Челябинск / сост. и авт. вступ. ст. Л. А. Сабельфельд. Челябинск, 1996. С. 9–10.
8. Клевенский Л. П. Художник умный и правдивый // Вечер. Челябинск. 1972. 28 марта.
9. Старейшие художники Южного Урала: кат. выст. Челябинск, 1980. С. 3–10.
10. Трифонова Г. С. Вандышев Игнатий Лукич // Челябинск: энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 135–136.
11. Трифонова Г. С. Вандышев Игнатий Лукич // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск, 2003. Т. 1. С. 564.
12. Трифонова Г. С. Есть казак, который хорошо рисует // Вечер. Челябинск. 1991. 7 февр.
13. Трифонова Г. С. Самобытный живописец // Вечер. Челябинск. 1980. 17 окт.
14. Федотова Л. От сохи – к искусству // Колос (Уйское). 2002. 23 февр.
15. Фоминых П. Я. Вечное древо искусства // Рифей: Урал. краевед. сб. Челябинск, 1987. С. 132–145.
16. Челябинская областная художественная выставка, посвященная 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции: каталог / сост. Л. П. Клевенский. Челябинск: Челяб. рабочий, 1957. С. 30.
17. Челябинская организация Союза художников России / отв. за вып. М. А. Комиссаров; вступ. ст. Л. П. Байнов. Челябинск, 1996. С. 10.
18. Челябинская организация Союза художников России, 1936–1991 / авт.-сост. О. А. Кудзоев. Челябинск: Книга, 1996. С. 285–286.

НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ ЧЕЛЯБИНСКОГО УЕЗДА

(ИЗ ФОНДА ЧЕЛЯБИНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ
В ОБЪЕДИНЕННОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В фонде областного краеведческого музея Р – 627, опись 1, в историко-революционном отделе есть раздел «Этнография. Фольклор». 47 единиц хранения содержат самый разнообразный материал, собранный сотрудниками музея в ходе экспедиций (1923–1937 гг.), студентами Челябинского педтехникума (1928 г.), учащимися Воскресенского района (1927 г.). Впоследствии часть материала была обработана, напечатана на пишущей машинке, но большинство записей сохранилось в рукописях.

Документы раздела охватывают период с 1862-го по 1937-й годы. Среди них и материалы о местном крае, и анкеты «Живая археология» (1926 г.) и «Культура и народное хозяйство» (1925 г.), и рукописи С. Н. Дурылина и Ф. И. Горбунова о собирании предметов этнографии Челябинского края, и множество песен: народных, свадебных, исторических, лирических, плясовых, частушек, колыбельных. Особенно много фольклорных записей на детскую тематику: сказки и присказки, считалки, загадки, прибаутки, песни школьные и песни для забавы малышей, не говоря о всевозможных пословицах и поговорках. Есть даже детские заговоры и школьные приметы, собранные и записанные М. Меркурьевым и А. Сурьяниновой.

Сохранились также записи И. Г. Горохова «Народная медицина Челябинского округа», сделанные его рукой 20 августа 1924-го года и 25 января 1925-го года в селе Полетаево Челябинского округа, со слов А. И. Устюговой им были записаны рецепты травяных сборов для приготовления отваров при зубной боли и заболевании малярией. А от жителя села Пепелино Челябинского уезда С. Т. Давыдова он узнал оригинальные способы лечения лихорадки, о чем также сделал запись в своем блокноте (ОГАЧО, ф. Р-627, оп. 1, д. 292).

Советы по лечению тех или иных заболеваний народными способами содержатся и в других архивных делах (ОГАЧО, ф. Р-627, оп. 1, д. 290, л. 1–120, 130–130 об.). Также в ходе этнографических экспедиций было собрано много народных примет. Часть их дошла до нас почти в неизменном виде, многие слышишь впервые, при этом некоторые удивляют и поражают неожиданным содержанием. И лишний раз убеждаешься, что уральцы – народ не только трудолюбивый; наряду со смекалкой и творческим отношением к делу ему свойственны находчивость и наблюдательность. Все это помогало нашим землякам в течение столетий складывать пословицы и поговорки, сказки и песни; примечать, сопоставлять и делать выводы из многолетних наблюдений за явлениями природы, поведением домашних животных, птиц и растений и передавать эти наблюдения из поколения в поколение.

Спустя десятилетия записи, сделанные музейными работниками, краеведами в 20-е годы прошлого века, помогают лучше представить повседневную жизнь в селах, деревнях и поселках Челябинского уезда в стародавние времена. Материалы этнографических экспедиций будут интересны и тем, кто интересуется историей родного края, и филологам, изучающим фольклор Южного Урала.

Текст документов публикуется без сокращений, стиль и орфография сохранены полностью. Документы публикуются впервые. Вступительная статья и подготовка документов к публикации выполнены Е. П. Туровой.

«Примета – предвестие чего-нибудь (суев. представление).

Приметить – заметить, обратить внимание на кого-нибудь, что-нибудь.

Приметливый – наблюдательный, все замечающий.»

С. И. Ожегов. Словарь русского языка

Приметы, которые встречаются в поселке Полетаевском Челябинского уезда

1. В казачьем пригородном районе есть такой обычай: начиная с кануна Нового года, молодежь среди улицы начинает жечь солому и продолжает до вечера Крещенья. Солому жгут для того, чтобы испугать медведя, который, по понятиям молодежи загораживает женихам дорогу, но хотя медведь и загораживает женихам дорогу, но и парни принимают в этом самое активное участие. Нужно, однако, заметить, что этот обычай постепенно выводится, т. к. за последние годы все меньше и меньше жгут солому, да и больше этим занимаются дети школьного возраста и молодежь, а старшее поколение проводит время на вечерках и спектаклях.

2. В Крещенье, когда идут по воду, девушки-невесты, которым уже исполнилось нужное количество лет для выхода замуж, несмотря на мороз идут не в пуховых платках, а в шелковых для того,

чтобы чужие парни из других деревень приходя могли их увидеть и отличить от женщин. Когда происходит освящение воды на реке, молодежь в это время устраивает своеобразные смотрины. И часто бывает, что молодежь, высмотрев невесту на «иордани», посылают ее сватать, не будучи даже с ней знакомыми.

3. Есть такая примета: в какой день недели был праздник Благовещения, в этот день нельзя начинать никакого серьезного дела – свататься, венчаться, начинать покос, жатву, хотя бы погода была для этого самая благополучная. Бывает, например, так: Благовещение было в понедельник, обстоятельства так складываются, что с этого понедельника нужно начать косить хлеб, но в понедельник ничего нельзя начинать и, не кончив иногда покоса, принимают в субботу за жатву, чтобы уж с понедельника продолжать начатое в субботу. Если сделаешь так, то все пройдет благополучно.

4. Садить огурцы, тыквы, арбузы, дыни нельзя в ясный, солнечный день: будет пустоцвет. Выжидают непременно такого дня, когда на небе будут хоть небольшие облачка.

5. Духов день – купальный день. В него хоть не надевай хорошего платья, все равно обольют. В некоторых местах 24 июня купают, а где в этот день престольный праздник, купанье относят на 3-й день праздника, хотя давным-давно церковь уже празднует по другому святому. Что в день Духа именинница Земля и в этот день нельзя ни могилы копать, ни гряды. Вы, наверное знаете. Согласятся лучше на первый или второй день Пасхи копать могилу, но только не в Духов день.

6. На Пасхе непременно качаются на качелях, в Благовещение кувыркаются на сене, конечно молодежь и дети. Что это означает – не знаю.

7. Есть такая примета: телята не будут «стоять», если оставить в ступке пестик.

8. Нельзя человека, собравшегося куда-либо ехать или идти, спрашивать, куда он едет. Можно «окудыкать» и не будет пути ему. Нужно спрашивать: «Далеко ли ты?» – «На кудыкину гору».

Приметы, записанные в Шигаевском поселке Челябинского уезда

Чтобы дорожке продать гуся, нужно на базар его нести не головой вперед, а хвостом.

При покупке и продаже скота существует ряд поверий: хозяин, вводя купленную скотину во двор, заставляя ее перешагнуть через снятый и брошенный на землю пояс, чтобы скотина не бегала со двора.

Если у лошади грива заплетена в косу, то это значит, что домовый ее любит. Напротив, если утром скотина окажется мокрая, потная, значит домовый ее смочил, ввел в пой; он скотину не любит.

Чтобы умиловить домового, нужно испечь лепешку или ватрушку и положить в хлев к скотине повыше, чтобы домовый съел.

При переводе скотины на новое место надо говорить: «Пой, корми, Буканушка».

При переходе на житье в другой дом надо внести с собой икону и квашню. Выходя из дома следует сказать, обращаясь к печке: «Буканушка-соседушка, с нами на новое жилище» и взять помело. Или другой приговор: «Буканушка, садись на помелище, поезжай с нами на новое жилище. Иначе хозяйство не будет ладиться и скотина не будет жить на новом месте».

Если первый весенний гром будет в скоромный день, то масла будет много, если наоборот (т.е. в среду или пятницу), то масла будет мало.

Если в Мокиев день (11 мая) день теплый и тихий, а кроме того и мокрый, то год будет ягодный и огуречный.

Если кукушка кукует по направлению к лесу, который еще не оделся листьями, то в этом году в деревне будет много воров.

Лошади храпят и чихают – к дождю.

Если ласточки низко над землей летают, то это к дождю.

Если курицы ощипываются, то это к дождю.

Грачи кричат к дождю.

Грачи летают кругами и заигрывают – к дождю. Есть пословица: «Трясется, как щеглок перед ненастьем».

Если ворона кладет в гнездо 2–3 яйца, то неурожай будет; если 4–5, то средний урожай, то 6–7, то выше среднего.

Об урожае можно узнать по гусям. Если гусихи вывели мало гусят, значит год будет урожайный. «Сами с хлебом будем», – говорят крестьянки.

Приметы, записанные со слов жителей сел Сухоборское и Козырево

После того как съешь яйцо, надо давать курицам, а то они не станут нестись.

Если куры дохнут, то чтобы прекратить мор, надо повесить в курятнике вверх ногами дохлую курицу.

Когда весной скотину выгоняют первый раз в табун, ее нужно кормить вербой и выгонять вербой, чтобы приплод был – телка, а не бык.

Когда покупают лошадь, то непременно передают ее с поводом, уздой из полы в полу, а корову передают с кринкой.

Если у коровы хвост ниже коленей и кончик желтый, то молоко пустое.

Когда родится теленок, то посыпают его темя солью, чтобы в будущем его не сглазили.

Когда бывает насморк, то надо поджечь конец хвоста у кошки и поднести его к носу наскоро.

Если на Рождество и на Новый год небо будет звездное – к урожаю.

Если весной первый гром застанет рыбу подо льдом, то будет большой улов.

Свинья визжит к непогоде.

Если в Великом посте бывает гром, то это к голодному году.

Лягушки скачут по земле – к дождю.

Если первая птица весной летит высоко – хлеба будут соломою высокие.

Если собаки воют кверху мордой, то говорят: пожар будет; если книзу мордой, то к покойнику.

Если лошади фыркают, то это к ненастью.

Зимние бураны соответствуют летним дождям.

Если подснежники высокие, то хлеб будет высокий на стеблях.

Если 1 января (в Василия Великого) звездная ночь, то к урожаю.

Если в Евдокию (1 марта) изморозь, то год будет урожайный.

На Крещение ночь темная – урожай темный (хороший, тучный).

Если при заходе солнца небо красное – будет ветер.

Если в табуне впереди идет корова черная, то к ненастью, если другого цвета, то к ведру.

Если солнце село в тучи или луна в тумане – к ненастью.

Май холодный – год дородный.

Если петухи поют днем, то голод слышат, будет голод.

Егорий с водой, Никола с травой.

Гусь стоит на одной ноге – к ненастью.

Если ласточки низко над землей летают, то к дождю.

По народным обычаям нельзя работать в следующие дни:

9 мая в день Николая Чудотворца;

8 мая – Иоанна Богослова – по-народному Ивана Громобая;

20 июля – в Ильин день. Например: стоги метать – иначе они сгорят.

Приметы из села Пепелино

Ворота против ворот у себя во дворе и против ворот соседа не ставят – будет падеж скота.

Сломанное бурей дерево нельзя класть при постройке двора в стену – будет падеж скота; не класть в изгородь – неурожай овощей; не употреблять при постройке избы, иначе умрет преждевременно кто-нибудь из родных.

В который день выезжаешь сеять, не подавай милостыню, иначе будет неурожай.

Когда отелится корова, молодого теленка некоторые протаскивают через хомут, другие посыпают ему солью спину – чтобы не болел.

Огурцы – пища постная – сади в постный день. А некоторые утверждают, что если садить огурцы в постный день, то они будут горькие.

Косы, заплетенные у скотины «буканушкой», расплетать нельзя – несчастье постигнет.

Если скотина не ведется, то говорят: «буканушка не любит».

При покупке коровы или лошади приведя ее домой говорят: «Суседушка-буканушка, прими нашу скотинушку, спаси и сохрани».

При покупке и продаже лошади нельзя брать поводья как продавцу, так и покупателю голой рукой, а обязательно прихватить полой одежды или рукавом рубахи. Объясняется это тем, что среди населения распространена вера в колдунов и если продавец или покупатель при покупке берет повод голой рукой, то значит он делает это неспроста, а с колдовством, и с животным может случиться несчастье.

Список источников

1. ОГАЧО, ф. Р-627, оп. 1, д. 290, л. 1–120, 130–130 об. Подлинник. Рукопись.
2. ОГАЧО, ф. Р-627, оп. 1, д. 292. Подлинник. Рукопись.

«ВСПОМНЮ Я ТЕПЕРИЧА, КАКАЯ ВОЛЯ ДЕВИЧЬЯ...»

(ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ДЕВУШКИ В ЧАСТУШКАХ КОНЦА 1940–НАЧАЛА 1950-Х ГОДОВ)

Статья подготовлена на основе изучения хранящихся в фондах Челябинского областного краеведческого музея полевых отчетов фольклорных экспедиций Челябинского государственного педагогического института¹, а так же материалов, записанных автором в 2001–2010-м годах во время работы в этнографических экспедициях Челябинского областного краеведческого музея и Челябинского государственного университета.

Фольклорные экспедиции проводились преподавателями и студентами Челябинского государственного педагогического института с 1947-го по 1953-й годы в рамках фольклорно-диалектологической секции Челябинского отделения Всесоюзного географического общества. Руководил работами известный советский фольклорист В. Е. Гусев, в те годы работавший преподавателем института. Среди привлекавшихся к работе студентов можно назвать Р. Комякову, А. Балдина, Е. Струнину, Г. Фартниш, Л. Свирида, Н. Овчинникову и др. Перед ними была поставлена задача выявить новые (т. е. советские – Е. Ч.) явления в фольклоре. Для решения ее считалось необходимым изучать фольклор в тесной связи с местной экономической и культурной жизнью. Студенты помимо фольклора собрали информацию о материальном уровне и экономических основах жизни населения, состоянии промышленного, кустарного, сельскохозяйственного производства, семейных хозяйств, о влиянии «новых культурных явлений» – кино, радио, книг, художественной самодеятельности на формирование вкусов и песенного репертуара местного населения. Особое значение придавалось отражению в фольклоре эпохи Великой Отечественной войны. За время работы студентами и преподавателями было записано более 2000 частушек, которые представляют для нас наибольший интерес. Значительный объем собранного фольклорного материала, точно известное время и место сбора повышают его репрезентативность. С разной степенью полноты были составлены описания практически всех населенных пунктов Катавского (ныне Катав-Ивановского), Миньярского (ныне Ашинского), Саткинского районов, включающие сведения о жизненном укладе населения, занятиях, материальной и духовной культуре. Они любопытны не только с точки зрения содержания, но и отношения к предмету описания. Методика проведения экспедиций предполагала целенаправленный характер наблюдения за жизнью населения. Студенты жили в семьях, несколько человек из них получили задание описать жизненный уклад семей, другие – питание, третьи – одежду и т. д. В качестве объекта наблюдений выбирались семьи двух категорий – обычная семья и «передовая» (с точки зрения советской идеологии) семья. Другим способом сбора информации были опросы населения по всем интересующим исследователей разнообразным темам: от личных взаимоотношений в семьях до работы местных предприятий (заводов в городах, артелей, колхозов). Относительно длительное проживание участников экспедиции в каждом из населенных пунктов, близкое знакомство с населением позволили им наблюдать местную жизнь. Отчеты студентов представляют собой фиксацию этих наблюдений и комментарии по их поводу, как авторов, так и самих жителей. В результате этого перед нами предстает бесхитрое описание послевоенной жизни в советской глубинке.

Прежде чем мы предпримем попытку проанализировать на частушечном материале, каким был образ жизни советской девушки в уральской провинции, обратимся к особенностям частушек, как жанра устного народного творчества. В соответствии со спецификой репертуара фольклористами принято различать не только этнографические и географические группы населения, но и группы, характеризующиеся определенным полом, возрастом. В естественной среде бытования частушки всегда оставались жанром молодого поколения. «Частушки – песни молодежи, старое поколение деревни нередко относится к частушке отрицательно»², – замечает Д. К. Зеленин; «Фольклор старшего поколения – деловые и плясовые песни можно считать умирающим... Репертуар молодежи состоит из частушек», – читаем в отчете фольклорно-этнографической экспедиции за 1952-й год³.

Оставаясь жанром молодых, частушки имеют ярко выраженную половую принадлежность⁴. В естественной среде бытования они никогда не исполнялись парнями и девушками вместе: либо по очереди, либо только девушками. Согласно отдельным сведениям⁵, первоначально, частушки пелись только молодыми парнями, во время пляски, на гулянии или в тесном кругу слушателей мужского пола. По свидетельству собирателей, в середине XX века в редких местах горнозаводской зоны Урала лишь уличные частушки исполнялись и парнями и девушками по очереди, в большинстве мест только девушками, тогда как парни сопровождали пение игрой на музыкальных инструментах. Частушки

обычно пели группы девушек. Начинала одна, остальные подхватывали. Иногда они исполнялись девушками по двое – первая спрашивала, вторая ей отвечала. Пели частушки так же во время плясок, «где много дробы»⁶. Отмеченное фольклористами разделение (парни играли, девушки пели) подтверждается в сообщениях информаторов 1920–1930-х годов рождения. В текстах частушек голос и пение упоминаются в приложении к девушкам: «интересны песенки для милого пою», «что подружка не поешь или голос не хорош?», «сегодня я на полюсе перепела песни все», «милый грал, злодейка пела». Отсутствие голоса, не желание петь ассоциируется с горестным душевным состоянием, как правило, возникшим из-за осложнений в отношениях с милым: «Что подружка не поешь, в уголок прижалася?» «Ушел милый на войну, сиротой осталася»; «Куда голос мой девался? Милый пропил на вине. С этой гадиной связался, не стал думать обо мне»⁷ и т. п. Напротив, гармонь в частушечных текстах выступает в качестве мужского символа, игра на гармонии – исключительно мужская привилегия. Приведем некоторые:

*«Ты играй, играй гармонь, играй не унывай.
Ты люби, люби, залеточка, люби, не забывай».
«Из-за лесу, из-за темного тальяночка играт.
Не мой ли рассадовенький в такую даль идет».
«Гармошка венская под лавочкой стояла.
Подружка плакала, милого провожала».*

В этом отношении показателен замеченный в послевоенные годы фольклористами этнографический факт: в случаях исполнения частушек группами гуляющих девушек в отсутствие гармониста, игру гармонии одна из девушек имитировала голосом. Казалось бы, в условиях нехватки парней-гармонистов из-за массовой гибели их на войне, можно было бы и девушкам научиться играть на гармонии (пахали ведь на тракторе), они предпочитали исполнять партию инструмента голосом. Приблизительно в 90 % проанализированных частушек сюжет излагается от женского лица. Именно реалии девичьей жизни наиболее ярко представлены в частушках. Это было замечено еще дореволюционными исследователями. В. И. Симаков на частушечном материале смог дать довольно полное представление о жизни девушки-северянки⁸.

Подобно другим фольклорным жанрам, частушки отражают общепринятые представления. П. Г. Богатырев замечает, что существование фольклора всегда предполагает усваивающую его и санкционирующую его группу⁹, в отношении частушек верно то, что весь молодежный коллектив является как их производителем, так потребителем и цензором. Факт бытования частушки можно расценивать как результат успешного прохождения предварительной цензуры коллектива.

При обращении к фольклору, как к историческому источнику, следует помнить, что мы встречаемся «с весьма разнообразным соотношением традиционных, уходящих своими корнями в более ранние исторические эпохи элементов и элементов, возникших на почве социальной действительности»¹⁰ того исторического периода, когда зафиксировано его бытование. Это замечание можно в полной мере отнести к частушке. Для того чтобы понять, насколько мы можем доверять частушке в качестве источника для изучения конкретной исторической эпохи, обратимся к специфике ее сочинительства. Рассуждая о процессе создания фольклорного произведения, П. Г. Богатырев приводит цитату М. Жуса, содержащую довольно точные объяснения: «Представим себе язык с двумя-тремястами рифмованных предложений, с четырьмя-пятьюстами типов ритмических схем, которые точно зафиксированы и передаются без нарушения устной традиции: личное изобретение состояло бы только в том, чтобы, применяя эти ритмические схемы и фразовые клише в качестве образца, создавать по их аналогии другие ритмические схемы... по возможности схожего содержания»¹¹. Частушкам присуще использование старых смысловых и образных формул для заполнения их новыми оттенками содержания. Благодаря этой способности частушка легко обновляется, варьируется в зависимости от актуализируемого в ней события. В силу вышеотмеченного, к примеру, частушки, появившиеся в Русско-японскую войну, исполнялись в Первую мировую, а затем в Великую Отечественную¹². В подобных случаях сохранялся зачин, но изменялись исторические приметы, иной оказывалась и психологическая оценка, появлялись новые герои:

*«У меня миленка два, два и полагается:
Один по воду идет, а другой стирается»;
«У меня миленка два, два и полагается:
Один в армию уйдет, а другой останется»;
«У меня миленка два, оба Николаи».*

*Одного я продала за два каравая»;
«У меня миленка два, оба инвалиды.
Одного заели вши, а другого гниды».*

Таким образом, сам по себе факт бытования частушки в определенный исторический период означает актуальность ее сюжета. Что касается традиционных поэтических формул, в которых «живет» частушечное событие или явление, то в них, как правило, заключено отношение к событию, его оценка. Приведем пример:

*«Оставайся, моя ягода, на ягодной горе.
Оставайся, мой садовенький, в окопах на войне».*

Событием в данной частушке можно считать то, что «садовенький», то есть из сада – красивый, цветущий, молодой – остался в окопах на войне. Первые две строки четверостишия помогают нам понять отношение девушек к этому событию. Сравнение с несобранной, несъеденной, оставленной на горе ягодой (ее качества – спелость, сладкий вкус подразумеваются и у «садовенького») подсказывает нам, что он погиб, не выполнив своего предназначения в жизни – не создал семьи, не вырастил детей, не построил дом и т. п. Слова «моя», «мой» означают, что факт гибели воспринимается девушкой как личная утрата, погибший не стал ее мужем, оставил ее одну. Однако, ничего не изменить, поэтому – «оставайся».

Приведем еще одну частушку:

*«На горе алый цветочек, я думала пожар.
А кому какое дело, меня милый провожал».*

В русской народной поэзии алый цвет всегда символизировал любовь. В данном случае об алом цветочке упоминается, чтобы подчеркнуть: милый потому и провожал, что любит, в его любви состоит главный смысл частушки.

Частушкам присущ ряд качеств, благодаря которым они могут быть использованы, как важный дополнительный источник информации для исторического исследования¹³. Они сочинялись «на злобу дня», мгновенно реагировали на изменение социальной обстановки, фиксировали ее каждое новое качество. В частушках значима именно оценка произошедшего, так как информацию о разного рода событиях, более детальную и точную, проще почерпнуть из других источников. Как уже было замечено, в их содержании мы найдем собственно событие и его оценку с точки зрения массовых представлений народа, либо обобщение совокупности аналогичных событий и их оценку. Содержание второго рода частушек явилось результатом восприятия и предварительного анализа общественных явлений носителями фольклора. Сравним:

*«Ты, война, ты, война, ты меня обидела,
Ты заставила любить, кого я ненавидела», и:
«Ты, германец, черный ворон, всю Россию победил,
Много девушек оставил и детей осиротил».*

В первой частушке речь идет о единичном событии и его оценке, во второй – об оценке совокупности событий.

Как и любой другой фольклорный жанр, частушки не отражают всего многообразия жизненных проявлений, они бытовали на почве одной из сторон жизни, а именно, – добрых отношений молодежи. Средой воспроизводства частушки объясняются многие присущие ей характерные черты. В частности, набор тем и сюжетов. Приведем замечание В. Я. Проппа о фольклорном сюжете, верное и в отношении частушек: «Сюжет не возникает как прямое отражение общественного уклада. Он возникает из столкновения, из противоречий смешивающих друг друга уклады. Проследить эти противоречия, проследить, что с чем столкнулось в исторической действительности и как эти противоречия рожают сюжет»¹⁴ задача исследователя. По замечанию Д. К. Зеленина, «частушка хочет быть лирикою, т. е. иметь дело с чувствами»¹⁵. События и явления получают в частушках отражение за счет конкретно-личностного преломления в частных судьбах, они, как правило, важны для частушки лишь в качестве фактора, влияющего на отношения милой и миленка или, в целом, парней и девушек. Именно эта особенность частушки превратила ее за годы жанрового существования в устную газету, в летопись русской жизни¹⁶. Благодаря такому свойству, частушки имеют, с одной стороны, многообразный контекст, с другой стороны, характерной чертой жанра является взгляд на мир со строго

определенной точки зрения, парня или девушки, занятых выбором брачного партнера, если шире, отношения полов. Контекст частушек касается характера времяпровождения молодежи, отношений девушек и парней с родителями, девушек с подругами, причин разлуки с милым, трудовой деятельности, эпохальных событий в истории страны, а так же разнообразного мира вещей: одежды, обуви и т. п.

Один из первых исследователей частушек Н. С. Трубецкой отметил еще одно их важное качество, которое необходимо иметь в виду: «Стремление к максимально краткому и максимально яркому выражению мысли и, притом, к ритмическому расчленению мысли согласно строфической схеме четверостишия, – все это порождает громадное разнообразие троп, фигур, затейливых смысловых вывертов. Иной раз получается с виду бессмыслица, значение которой можно понять лишь зная реальный факт, по поводу которого частушка была сложена»¹⁷. В связи с этим большое значение имеет использование дополнительных материалов, проясняющих сюжеты частушек. Основными из них выступают документы, содержащие описания повседневной жизни населения в период бытования фольклора, обращение к которым во многом помогает понять смысл конкретных событий, породивших частушку. К их числу относятся уже упомянутые материалы фольклорных, этнографических экспедиций, содержащих информацию об историческом контексте бытования частушек.

Девичий эталон: «Завивайся чубик мой, пока у маменьки родной»

Традиционно девичеством называли период жизни «девушки в поре», во время которого она должна была определиться с выбором брачного партнера. В послевоенные годы достижение возраста, когда девушке присваивался статус невесты, совпадало с окончанием школы. Тогда образование девушек чаще всего завершалось 4–7 классами, в зависимости от наличия школы¹⁸. По окончании 7-летней школы, они считались вполне зрелыми и готовыми к замужеству. Девочки несколько раньше, уже в 12–13 лет, осознавали свое будущее предназначение. Они проводили досуг подобно тому, как это делали девушки-невесты: собирались на вечерки, где вели беседы, пели частушки и песни. У родителей такое времяпровождение не встречало противодействия, его осуждало школьное руководство. Сохранились воспоминания о директоре школы, который «ходил по домам» и «разгонял учениц, собравшихся на вечерки вместо того, чтобы учить уроки»¹⁹. В одной из частушек школьница сетует: «Все ученье, все ученье, а когда будем гулять?»²⁰. Девушки считали, что их «не за что ругать» – они «девчоночки молоденьки» и «им охота погулять»²¹. Период девичества длился несколько лет и заканчивался либо замужеством, которое могло произойти довольно рано: «Приезжали меня сватать, я играла в куклы», либо выыванием девушки из категории невест по возрасту, что в среднем приходилось на 25 лет:

*«На столе стоят цветы –
Туды-соды гнутся.
Мне не 25 годов,
Женихи найдутся».*

Специфическое восприятие девушки-невесты окружающими и особый тип поведения, принятый в девичьей среде, диктовались представлениями о назначении девичества. К девушкам на выданье сохранялось особое отношение в семье. Им разрешались вольности, не позволяемые другим членам семьи:

*«Посылала меня мама
в огород за редькой,
А я редьки не нарвала,
Простояла с Петькой».*

С девушек на выданье снимали часть домашней работы для того, чтобы они могли больше времени уделить досугу, им позволялось гулять допоздна в будние дни (за исключением субботы) и до утра – в воскресные и праздничные дни. Сюжеты о поздних возвращениях дочерей встречаются во многих частушках:

*«Ты не пой-ка утром рано,
Мой желанный петушок,
Не буди моих родителей,
Со мной сидит дружок».*

Приведем воспоминания жительницы деревни Муратовка: «В воскресенье мама сама на улицу отправляла. На улицу пойдём, поужинаем. С улицы идем, какое-нибудь окошко приоткрыто. Тихонько открыли, разобрались, тихонько поели, постель готова. На койку ложились, не шумели – родители спят»²². С поздними возвращениями домой были связаны, выражаемые в частушках просьбы к «миленькому» купить «ботиночки на резиновом ходу, чтобы маменька не чужала, когда я с улицы приду». Особое положение девушки в семье подчеркивается в тех частушках, где девичья доля сравнивается с долей замужней женщины. Оно оценивается как свободное, а жизнь девушки как беззаботная и счастливая:

*«Вспомню я теперича,
Какая воля девичья.
Вспомню про стариночку
Когда любила милочку».*

Предметом особой заботы девушки был ее костюм, качество которого на прямую связывалось с успехом у парней. Красивый и модный костюм оставался для девушки одним из основных способов привлечь к себе внимание молодых людей, служил своеобразным добрым «оперением»:

*«Сошью кофточку по моде,
На груди два бантика.
Никого любить не буду,
Кроме лейтенантика».*

Одежда для девушки-невесты оставалась одной из главных статей расходов семей, в то время очень небогатых. В частушках мы встречаем обращения девушек к отцу или матери с просьбами о приобретении предметов костюма: «Я у тятеньки просила все суконного плата», «сколь у тятеньки просила я резиновых калош». Материалы частушек позволяют нам выявить набор престижной девичьей одежды. Это нарядная кофточка, юбка, ленточка в косе, шаль, калоши или ботинки «на резиновом ходу». Девичья одежда в будни и праздники различалась по цвету, качеству материала. В будни носили одежду из неброских тканей или домоткани, во время работы на голову повязывали косынку. Ткань для праздничной одежды выбиралась из того, что привозилось в магазины. Ее могли шить «из ситцу» или сатина, но предпочиталась шелковая и шерстяная материи. Основу костюма составляли платье, либо юбка с кофтой. Кофты шили из тонких тканей, юбки – из шерсти или шелка поплотнее. Так, героиня одной из частушек, в числе компонентов праздничного наряда – «получше», упоминает «юбку шелкову». Этнографы-фольклористы, побывавшие в начале 1950-х годов в описываемых местах, подчеркивали необычайную яркость девичьих одежд²³. Они отмечали преобладание в расцветках костюмов «желтого, красного, розового, бордового, голубого» цветов, считавшихся особенно подходящими для девушек – красивыми и привлекающими внимание:

*«Я надену все бордово
И пройду мимо двора.
Милый взглянет и вспомянет,
Скажет: «Милочка моя»».*

Начиная с 9–10 лет, девушки носили косу. Волосы в косу убирала при помощи ярких лент – предмета гордости и неотъемлемой составляющей девичьего образа: «В белой кофточке страдаю, ала ленточка в косе». Ленточки являлись настоящим девичьим сокровищем. Приведем воспоминания Кудрявцевой А. из деревни Муратовка: «Я каждый вечер меняла атласную ленточку в косе. У меня были красная, розовая, синяя, голубая. Ленточки очень берегли. Мама не разрешала их часто стирать. Расплетешь косу, свернешь аккуратно ленточку и положишь в сундук. Ленты гладили утюгом. Зимой в печке уголь брали, летом в глушилке жар. Раздуешь утюг, – мотаешь им из стороны в сторону, пока не разогреется, потом положишь листик бумаги, чтоб ленточка не обмаралась, и гладишь»²⁴. Универсальным видом обуви, носимой и в будни, и в праздники являлись в то время калоши. Резиновые калоши, надеваемые на шерстяной носок, служили выходной обувью для девушек, особенно в сельской местности. О престижности этого вида обуви свидетельствует, в частности, то, что в 1950-е годы выходные лапти красили «кузбаслаком» для имитации внешнего вида калош. В гардеробе девушки черные блестящие калоши являлись обязательным предметом:

Рис. 1. Девушки в праздник. Село Тюлюк. 1950-е г.

*«Мама, дождь,
Не пойду без калош.
Хоть корову продавай,
А калоши добывай».*

Их носили не всегда, берегли: «У меня калоши есть, берегу их к лету». По частоте упоминаний

в частушках калоши занимают одно из первых мест. Костюм дополнялся украшениями – разнообразными бусами, брошами, серьгами, кольцами, бумажными цветами. «Девушки носили бисер и крупные бусы – пронизки и балаболки. Бисер носили в три ряда: к примеру, синий, голубой и смешанный, а пронизки и балаболки надевали по очереди через день»²⁵. О девичьем костюме начала 1950-х годов дают представление и фотографии. Так, на одной из них, снятой в летний воскресный день 1952-го года²⁶, запечатлены девять девушек. Семеро одеты в цветные сатиновые или хлопчатобумажные (комментарии автора фотографии) платья с длинным (у шестерых) и коротким (у одной) рукавом. У двоих – кофта с юбкой. Кофты сшиты из светлой в горошек ткани с длинным рукавом, юбки темного цвета, на поясе. Талия каждой из девушек затянута ремнем или опоясана. У семи девушек на ногах – калоши с шерстяным носком, у двух – туфли и сапоги. Волосы девушек гладко зачесаны и убраны в косу при помощи двух лент, одна – под головой и другая в конце косы. В ушах у трех девушек – серьги. В осенние дни к подобному костюму добавлялись чулки, темный мужского кроя пиджак, платок с кистями на голову. Обязательным атрибутом праздничной девичьей одежды были шаль или полушалок. Так, согласно сюжету одной частушки его героиня «подвязала» в праздничный день «8 марта». Шаль, пожалуй, еще один компонент девичьего костюма, из наиболее часто упоминаемых в частушках, что позволяет считать ее одним из наиболее престижных предметов одежды: «Перед зеркалом стояла, обвязала белу шаль»; «У подружки шали три, у меня четыре» и в других. К лацкану пиджака прикалывали бумажный цветок или брошь, либо надевали бусы. Калоши сменялись на резиновые или хромовые сапоги со спущенными пониже голенищами. В 1950-е годы в гардеробе девушек наблюдалось появление вещей, ношение которых не одобрялось представителями старшего поколения женщин, что, очевидно, следует объяснять уменьшением влияния родителей на брачный выбор своих сыновей. Так, девушки предпочитали носки ярких цветов, что являлось предметом осуждения старших²⁷, а так же более коротких, чем раньше, платьев:

*«Пуцай меня осудят,
Девушку молоденьку.
Я нарочно надеваю
Юбочку коротеньку»*

Таким образом, особый внешний облик девушек, наличие модного костюма, престижных вещей в гардеробе соответствовали «высокому» статусу невесты.

Девичьему статусу соответствовал идеальный девичий образ, предполагавший определенные внешность и поведение. Так, было общепризнано, что для девушки желательно иметь красивую наружность. «Кабы я была девчоночка красивая», – мечтает героиня частушки. Приятная внешность, по мнению девушек, прежде всего, привлекала внимание и вызывала симпатии парней: «хорошеньких любят», «любят за красоту». Составляющими идеала красоты были черные брови («Не за то ли меня любишь, что я чернобровая»), выразительные глаза («За мои веселы глазки все ребята маются»), красивая походка («Тебя любят за походку»). В девушках ценилась манера поведения, сочетавшая в меру скромность, в меру раскованность, решительность, смелость – то, что в частушках выражается словом «боевая». «Боевых-то пуще любят за веселый разговор». Эта особенность характера наиболее упоминаема в частушках. Живость, веселый нрав, умение петь девушки так же считали своими достоинствами, застенчивость – недостатком:

*«Люблю я песни петь,
Люблю повеселиться.
Не люблю в углу стоять,
На людей коситься».*

Пляска является неотъемлемой частью девичьего образа, создаваемого в частушках, она занимала значительную часть досуга:

*«Пошла плясать,
Одна доска хрустит,
Мое дело молодое
Меня бог простит»;
«Меня мама посылала
Курам семечки давать,
А я вышла на крыльцо
Сербияночку плясать».*

Во время пляски девушка могла продемонстрировать красоту, ловкость, грацию, темперамент, и таким образом обратить на себя внимание ухажеров. К числу собственных достоинств девушки относили умение читать и писать, грамотностью гордились перед милым: «Пиши миленький письмо, я теперь ученая». В девичьей среде высоко ценились трудолюбие, сноровистость в работе. Так, этнограф описывает разговор двух девушек 17-ти лет о работе: одна из них – Маня «очень рассердилась, когда другая стала подшучивать, будто за Маню кто-то работал, но ссора быстро уладилась шутками. Девушки заговорили о том, как трудно приходится на сенокосе, особенно на граблях»²⁸. Стремление и умения девушек не оставались незамеченным парнями: «А я вышила платочек, меня милый похвалил». В частушках высмеиваются девушки, которые использовали на работе свою привлекательность «в корыстных целях»:

*«Ой, куда я залетела
Все кусты, да все кусты,
Бригадир одну девчонку
Целовал за трудовни».*

Самооценки девушек и оценка их парнями не всегда совпадали. Девушки надеялись, что добрый нрав, другие положительные качества стоят того, чтобы за них полюбили, резонно замечая: «умный любит за характер, а дурак за красоту». Девушек мало интересовали их роли за пределами отношений девушка-парень. В частушках они называют себя «я», «мы», «девчоночка» и лишь по одному разу встречаем: «звеньевая», «трактористка», «колхозница». В целом же, представления девушек о собственных достоинствах или недостатках формировались с оглядкой на мужскую точку зрения по этому поводу, которая оказывала существенное влияние на формирование эталонного образа девушки.

После войны появилась особая категория молодых незамужних женщин – «разведенки». Она была довольно многочисленной. По свидетельству очевидцев, разведенков было «больше, чем девушек». Статус разведенки – не девица, не жена – ни то и ни се с точки зрения традиционных стереотипов. Именно так они себя ощущали:

*«Меня мамонька родила
В бару под сосеночкой,
На роду мене сказала:
«Будешь разведеночкой».*

Когда жена уходила от мужа, она забирала свое приданое и складывала его обратно в сундук. Возвратившись к отцу и матери, разведенки имели статус, приближенный к статусу девушки. Они считались такими же свободными, как и девушки. В семье Н. из деревни Тюлюк, описанной фольклористами в 1953 году, дочь Маруся (разведенка) была освобождена от некоторых семейных обязанностей, имела возможность гулять и ходить на вечерки. Разведенки ходили по улице своими компаниями, мало смешиваясь с девушками. Часть молодых неженатых ребят ухаживали не за девушками, а за разведенками, мотивируя это тем, что они не такие гордые. Некоторые из разведенков сменили к 20-ти годам по нескольку мужей. По словам наблюдателя, честные девушки переживают по этому поводу, становятся менее гордыми или болезненно гордыми²⁹.

Эталон избранника: «Я Петрушу полюбила, он характером хорош»

Тема личных качеств потенциальных избранников являлась животрепещущей. Ей посвящена масса частушек. Девушкам нравились красивые парни. Внешняя непривлекательность являлась предметом насмешек: «косолапый милый мой», «у милого кривы ноги, если б серые глаза – настоящая коза» и т. п. Стереотип мужской красоты – «белый, высокий», «вьются кудри по фуражке». Длинный чуб и кудрявые волосы считались признаком мужской красоты:

*«У моего милого,
у милого-премилого,
Глазки серы, чуб налево,
Как у Ворошилова».*

Однако в представлении девушек мужская красота сама по себе мало стоила: «Что ты, милый, задаешься красотой и высотой», «на лицо-то мил красивый, а характером дурак». В большинстве

случаев в частушках о мужской красоте упоминается в связи с другими качествами, которые можно разделить на две категории: личные качества и социальная роль ухажера. Так, к числу ценных черт характера ухажера девушки относили умение развлекать, вести веселую беседу – «миленок ... красивый, разговористый», владение гармонью. Заметим, что гармонисты пользовались особым успехом, их высокий престиж в девичьей среде подчеркивается в большом числе частушек:

*«Гармониста я любила.
Гармониста тешила.
Гармонисту на плечо
Я гармошку вешала».*

В представлении девушек «милка» гармониста должна была соответствовать высокому статусу ухажера:

*«Гармониста любить –
Надо чисто ходить.
Надо пудриться, румяниться.
И брови наводить».*

Мужскими считались такие свойства характера, как серьезность, самостоятельность, решительность. Отсутствие их – «чужим умом живет» – оценивалось как дефект, являлось предметом насмешек:

*«У залеточки в дому
Была конференция,
Ему милку выбирала
Вся интеллигенция».*

Робость относили к числу недостатков, не советовали девушки подругам любить лодыря – «с ним одна заботушка», пьянство считалось большим изъяном и являлось предметом насмешек:

*«Все ребята как ребята,
Мой миленок пузырек.
Как завалится в канаве,
Ноги кверху задерет».*

Однако справедливости ради следует заметить, что частушек о пьянстве ухажеров не много, из чего можно сделать вывод о слабой распространенности этого явления среди молодых парней. Большее значение для девушек имел социальный статус ухажера, что в новом качестве отражало традиционное представление о значимости для мужчин деятельности вне дома, в обществе. Девушки отмечали кавалеров с «положением». В почете были: городской начальник, «образованный», шофер, тракторист, стахановец, комбайнер, герой труда. Зачастую характеристика, обозначающая профессиональную принадлежность миленка, становится преобладающей над его личными качествами:

*«Тракториста любить
Не стоит заниматься.
Лучше шофера любить,
В кабиночке кататься».*

Всегда в большей степени ориентированные на работу за пределами дома, являвшиеся связующим звеном между ним и внешним миром, мужчины, в середине XX века в полной мере сохраняли это присущее себе свойство, что давало им большие моральные и материальные преимущества и влияло на их оценку противоположным полом. Добросовестная работа на производстве считалась достоинством мужчины. Сравним два сюжета:

*«Трактор пашет, трактор пашет,
Тракторист платочком машет.
Я сказала: не маши,
Сядь на трактор, допаш!»*

и:

*«Бригадир, бригадир
Я наработалась.
Отпусти меня домой,
По милке соскучалась».*

Если в первой частушке приветствие милого девушка не принимает, пока не доделана работа, то из второй понятно, что в отношении себя у девушки несколько иные приоритеты: ей важнее свидание, чем работа «за кило картошки» (как следует из другой частушки). Девушки предпочитали парней, обладающих мужскими профессиями. Парни, выполнявшие работу, считавшуюся женской, вызывали у них насмешку:

*«Милый мой хорош собою,
Он в колхозе птицевод.
Погулять пошел со мною,
А за ним индюшек взвод».*

В данном случае термин «взвод», примененный по отношению к индюшкам, намекает на занятие, действительно достойное мужчины. Анализ сюжетов частушек позволяет нам утверждать, что популярностью, но весьма сомнительной, у девушек пользовались колхозные бригадиры. Практически во всех частушках они характеризуются как продажные представители власти, любовь с которыми возможна исключительно в корыстных целях и всегда сулит материальные выгоды:

*«Я любила бригадира,
Бригадир любил меня.
Он за каждое свиданье
Ставил мне пол трудодня»*

Или:

*«Я любила бригадира
На работу не ходила,
Каждый день водку пила
И ударницей была».*

Девушек в ухажерах всегда особо привлекали мужская сила, удасть, ловкость, дерзость, храбрость – свойства, которые после войны приписывались вернувшимся фронтовикам-героям. Они были у девушек в особом почете: «Как увижу с орденами, сердце остановится», «я любила лейтенанта и ремень через плечо». Не воевавшие парни не считались престижными кавалерами. В частушках с насмешкою поется о «летчике», который «вылетает» из конюшни, о лысом писаре, которому «некогда писать, надо лысину чесать», о «командире в поле над овечками», о пекаре, у которого «руки в тесте, нос в муке – лезет целоваться» и т. п. Для сравнения, о лейтенанте: «служит в армии он гордо и целует горячо». У кавалеров из «лейтенантиков», военных был, пожалуй, самый высокий статус, даже несмотря на то, что они принадлежали к категории «боля был, да на часок, прилетел как ясный сокол, улетел как голубок». Об их неверности сложено большое число частушек:

*«Я стояла с лейтенантом.
Мимо нас прошел майор.
Пока майором любовалась
Лейтенанта кто-то спер».*

Наличие большого числа инвалидов – «раненых, бракованных» – среди неженатых мужчин являлось приметой послевоенного времени. Проблема отношений с этой категорией женихов, ухажеров стояла перед девушками-невестами очень остро, ей посвящено более трети частушек, касающихся качественных характеристик девичьих избранников:

*«Я на станции стояла,
Санитарный поезд шел.
С деревянною рукою
Ко мне милый подошел».*

Вероятно, моральная сторона этой темы была для всех очень болезненной. С одной стороны

девушки с жалостью относились к раненым ребятам. Они уговаривают подруг: «Любите раненых ребят, они не виноватые», «они за нас, за девушек ходили воевать», «до войны его любила и сейчас обязана». С другой стороны, они предпочитали здоровых парней:

*«Не пойду я, мама, замуж
За бракованного.
Я из армии дождусь
Образованного».*

Частушек с выражением пренебрежительного отношения к раненым, как потенциальным женихам не много, но они встречаются. Массовая гибель мужчин привела к диспропорции мужского и женского населения. В соответствии с официальной статистикой наибольшие потери понесло поколение, родившееся в 1914–1923-м годах, которому в год начала войны исполнилось от 18 до 27 лет. По переписи 1959-го года мужчин этого возраста в среднем по СССР насчитывалось 62 на 100 женщин. Значительные потери произошли в группе 1924–1928-го годов рождения, в ней осталось 83 мужчины на 100 женщин. В условиях послевоенного времени при недостатке холостых парней – первые браки для женщин зачастую становились повторными для мужчин. Мужской неверностью в те годы было трудно удивить. «Некоторые фронтовики уже сменили по две-три жены», – читаем в полевом дневнике студента-практиканта³⁰. В ряде частушек слово «женатый» употребляется в том же контексте, что и «милый», «дроля», «ягодина» и т. п. – в качестве объекта возможной девичьей «любви». Тем не менее, любовь «холостого» была для девушек гораздо предпочтительней:

*«Чем женатого любить,
Лучше холостого.
Он не требует с меня
Подарка никакого».*

«Скучно жить одной девчоночке без милого»: отношения любовной пары, правила знакомства и способы ухаживания

Иметь кавалера для девушки было почетным и считалось зазорным, если его не было. В таких случаях девушки чувствовали себя обделенными: «брошу милого любить – буду несчастливая», и наоборот, если «миленький бывает, нас и горе не берет». Теме отношений любовной пары: незамужняя девушка–неженатый парень посвящено большинство частушек. Во многих из них описывается счастливое состояние девушки, у которой есть ухажер, милый, дорогой, с которым она имеет особые любовные отношения:

*«Голубые глазоньки
Веселы закрываются.
Они стали бы давно,
Кого-то дожидаются».*

По традиции право выбора принадлежало парню. Девушка могла только постараться обратить на себя внимание. Опробованным был способ «себя показать». В теплое время года в выходные дни и по будням вечером, начиная с Пасхальной недели, девушки большими компаниями (иногда по 20 человек) ходили по улице и пели песни и частушки, демонстрируя себя всему местному сообществу: «Все по улицам ходили. В одну сторону сходим, потом в другую»³¹. Приведем взгляд на подобное действие студента-фольклориста: «Несмотря на усталость, молодежь ежедневно, кроме субботы почему-то, отправляется гулять по улице. Берутся за руки и ходят по улице стенками. В середине гармонист, а по бокам две девушки. Парни ходят отдельно по двое – по трое. Гармонист играет, девушки поют частушки на один и тот же крикливый мотив. (Старики, да и сама молодежь говорят, что они эти песни «зевают» или «базлают».) Если гармониста нет, его роль берет одна из девушек: в то время, как девушки поют, она выводит: «туфлы, туфлы, туфлы...». Эта манера появилась недавно, каких-нибудь 6–7 лет тому назад»³². Подобные гулянья молодежи происходили в этот период и в городах. Одна из жительниц города Миньяр вспоминает: «Когда мы большими стали, в церкви был клуб, танцы там были, кино показывали. Ходили мы на танцы, но больше прогуливались по улице Советской и по Конке, где паровозик из завода ходил – самое хорошее место для молодежных гуляний»³³. Ходьба по улице, особенно «мимо дома милого», как одно из девичьих занятий, довольно частый частушечный сюжет: «Дорогой, мимо вас иду одиннадцатый раз». Хожdenие парней под окнами понравившейся

девушки так же было одним из способов демонстрации симпатии:

*«Не ругай меня, маманя,
Что сметану пролила.
Шел Алешка под окошком,
Я без памяти была».*

Пройдя по улицам деревни, девушки с присоединившимися к ним «ребятами» переходили к катанию на качелях, пляскам, играм. Места, где это происходило (на краю села, на мосту или около клуба), обычно, имели особое название – «хоровод», «сковородка» и др. Там девушки и парни собирались в летние будни вечерами плясать, петь песни и частушки, по воскресным дням девушки катали яйца, играли в пронизки и др. Приведем описание подобных гуляний в одной из деревень: «Чаще собираются на «сковородке» – небольшой площадке овальной формы. Здесь вся трава вытоптана. Широко распространен танец «дорогой». Девушки встают парами друг против друга, хлопают в ладоши один раз, затем кружатся на месте по одной с опущенными руками и поют в это время частушки»²⁹. В заводских городах молодежные гуляния были схожи: «Молодежь собиралась в конце плотины, на поляне. Пели «Мой костер», «Где эти лунные ночи», «Кирпичики». Туда приходили человека по два гармонистов. Пели под гитару, балалайку. Гитаристов много было. На Зеленой улице играли в ручеек парами»³⁰. Когда появились клубы, парни и девушки с подобных гуляний могли заходить в клуб не надолго, где, по мнению студента-наблюдателя, было довольно скучно: «девушки садятся по лавкам, сидят, молчат. Если гармонист сыграет, попоют частушки». По оценке одной из информаторов, гулянья были веселым занятием: «война была, но было весело». С точки зрения советских идеологических стереотипов, подобные молодежные гуляния были собраниями «почти никак не организованной» молодежи – «потанцуют, попоют, к полуночи расходятся по домам, всегда бывает скучно»³¹. Для девушек же происходившее на гуляниях было очень важно: «Я плясала, топала, искала себе сокола», – поется в частушке. Проведение девушками всего свободного времени на гуляниях, среди молодежи, с пением и плясками, дававшее возможность себя показать и на других поглядеть, считалось естественным и даже обязательным для молодой незамужней девушки.

Важную роль в жизни девушки играл девичий коллектив – подружки, транслируя определенный стереотип поведения. В частушках прослеживаются различные взаимоотношения, возникающие между девушками. Одна из сюжетных разновидностей частушек представляет собой вопросы одной из подруг и ответы другой:

*«Дорога моя подружка,
Моя, Моя, Моя.
Поди, выпытай миленка,
Милый любит ли меня?»
«Дорога моя подружка,
Я была уж у него.
Он сидит, со мной ни слова,
Трудно выпытать его».*

Девушки выступают по отношению друг к другу в двух качествах – подруженьки или соперницы, «злодеечки». Выражением дружбы могло быть ношение одинаковой одежды по предварительному договору: «Я надела платье бело, надевай, подружка, ты», любовь подруг к двум друзьями: «Мы с подружкой сговорились двух товарищей любить». Мнение подружки имело большой вес, она могла осудить/похвалить за поступок, помочь в создании и, наоборот, расстроить пару. Девушки советовались с подружками относительно ухажеров, одежды и т. п.:

*«Дорога моя подружка,
Как ты припозорила.
Неужели с хулиганом
Я гулять позволила?».*

Задушевное общение девушек происходило на вечерках. Иногда девушки собирались друг у друга, по очереди: «По домам зимой посиделки были. Нас шесть подруг было, мы по одному дню в неделю сидели у каждой». Иногда девушки снимали дом. «Просились к одиноким женщинам. Хозяйке отработывали: обязывались сколько-нибудь спрясть, или пилили и складывали дрова». На посидел-

Рис. 2. Девушки и парни на улице. Поселок Нижний Уфалей. 1956 г.

как девушки выполняли разные работы – «кто прядет – раньше вату перепрядали, кто вяжет, кто лен треплет», вязали кружево, изделия из шерсти, вышивали крестом и гладью. Во время работы разговаривали и пели песни. Закончив работу, водили хороводы, играли, танцевали. После войны, когда и парней, и гармонистов среди них стало меньше, девушки могли заранее пригласить гармониста на вечерку. Парни приходили на вечерки спустя некоторое время после того, как собрались девушки, как правило, с музыкальными инструментами – гармонью, балалайкой или гитарой. Вечерки были увлекательным времяпровождением:

*«Скоро, скоро ли зима,
Скоро ли вечерочки?
Заиграют кавалеры,
Запоют девчоночки».*

Ожидая окончания девичьей работы, парни играли в карты, а потом «заводили» сначала песенные, а затем плясовые мелодии. «Пели Шемахинскую, частушки, потом плясовую начнут. Выйдем, попляшем». Плясали по-разному: «сербиянку дробили», танцевали вальс, краковяк, польку-бабочку, «подыспанку», «ланце». Играли в фанты, «выбирали кого-нибудь и заставляли исполнять желания»³⁷. Каждой из девушек хотелось иметь ухажера. Если его не было, мечтала завести на вечерних посиделках:

*«Неохота уходить
С поля недожатого.
Неохота уходить
Домой без провожатого».*

На вечерках происходило завязывание любовных отношений, формирование новых и общенных уже возникших любовных пар:

*«Коля, Коля, ты отколя?
Коля с крутенькой горы».*

*Начинаю любить Колю
Со вчерашней пары».*

Приблизительно с середины пятидесятых годов, с постройкой повсеместно клубов, молодежь стали «загонять» в клубы, вечеров не стало – «вечорки стали отменять... ругаться стали». Молодежь проводила вечера в клубе. «До двенадцати часов в клубе был ведущий, играл на гармошке, учил танцевать вальс, фокстрот. Танцевали кадрили. Парни выбирали девушек»³⁸.

Некоторые вечерки заканчивались совместными ночевками девушек и парней. Приглашали на ночевку девушки: «Одну песню я не спела, ночевать дружка звала», – поется в частушке. Девушка подсылала подругу к нравившемуся парню с предложением. Парень мог согласиться или отказаться. Иногда парень просился к нравившейся девушке лично или через друга. Происходило это следующим образом: «Ты парня совсем не знаешь, а может быть и знаешь. Вот он приходит и спрашивает, можешь ли ты оставить его ночевать. Он тебе нравится – значит оставляешь. За речкой жила одинокая старушка. Мы с парнями спали у этой старушки. Какая-то мода была. Настелем, может нас четыре девушки и четыре парня. Девчонки в стареньких платьицах спят. Парень при хозяйке девушку никогда не обидит. Если парень не понравился, ты его не приглашаешь, он к другой подходит». Утром девушки прибирали в доме, мыли пол по очереди и сдавали дом хозяйке. Ночевки бытовали дольше, чем вечерки, сменившиеся на вечера в клубе, избе-читальне. «Уже когда в клубе танцевали, соберутся по две-три пары и идут ночевать к старушкам»³⁹. Совместные ночевки парня и девушки могли продолжаться несколько недель или даже лет. Как правило, они носили целомудренный характер – «ночевали, беседовали, про жизнь вспоминали», «всю ночь друг другу рассказы рассказываем, хохочем»⁴⁰, но если это было не так, то ответственность целиком перелагалась на девушку. Девушки же в свою очередь полагали, что целомудренное отношение «милого» является свидетельством его серьезных намерений:

*«Раскудрявая березка,
Нету места у реки.
Если я твоя невеста,
Ты меня побереги».*

Не спать ни с кем для девушки было зазорным, по местному выражению «не авторитетно» – значит, никому не сумела понравиться⁴¹. Для парня приглашение на ночевку тоже было честью, предметом гордости:

*«Что ты милка задаешься,
Как картошка в борозде.
Я с тобой не ночевала,
А ты хвалишься везде».*

Завязавшиеся любовные отношения было принято закреплять подарками. Подарок рассматривался как материальное подтверждение, задаток серьезных намерений. Ухажеры чаще всего дарили головной или носовой «платочек», гребенку, «в косу ленточку», пряники, конфеты, семечки, в особых случаях могли скатать для «милрой» валенки или купить ботинки. Приходить к девушке без подарков считалось неприлично:

*«Извини, моя миленька,
Что гостинца не принес.
Положил в саду на лавочку,
Не знаю, кто унес».*

В ответ девушки тоже что-нибудь дарили – вышитый платочек – «все четыре уголка, утирайся-ка, мой милый, моя легкая рука», кисет или «теплы варежки». Если парень с девушкой расставались, то подарки возвращались: «Отдай, милка, два платочка – голубой да розовый».

Отношения сложившейся любовной пары строились по подобию отношений внутри супружеской пары. Они носили эротический характер. Важной их составляющей были поцелуи:

*«Нету лета без июля,
А июля без цветов.
Нет любви без поцелуя,*

А иначе не любовь».

О поцелуях сложено большое число частушек:

*«Черная черемуха
В галошу закатилась.
Хорошо милка целуешь,
Где ты научилась?».*

Умение целоваться считалось ценным качеством девушки, в одной из частушек давался совет: «Надо ту девку любить, которая целуется». Согласно взятой на себя роли, девушке полагалось выполнить все требования и желания ухажера, демонстрировать полное повиновение. Именно таким образом следует интерпретировать следующую частушку:

*«Милый Коля, я снялася
В белой юбке под ремень,
Не в которой я желала,
А в которой ты велел».*

Фольклорный материал показывает нам возможность отклонения от стереотипного поведения в случае, если парень терял уважение к себе в глазах окружающих и самой девушки:

*«Мой залетка – пьяница,
не дает румянится.
Я схватила полено
Нарумянила его».*

Измена: «Часы ходят, гирьки нет. Я проснулась, милки нет»

Для русской традиционной культуры была характерна относительная устойчивость любовных пар. Они создавались на сезон: лето-зиму и считалось недопустимым, если девушка несколько раз меняла почетника. В послевоенный период, вероятно, такого постоянства не наблюдалось. При анализе содержания многих частушек создается впечатление, что девушки, возможно, и не по своей воле, довольно часто меняли ухажеров. Так, девушка предлагает другой смениться «миленочком», собирается «у старого миленочка измену попросить». Распространенной являлась шуточная частушка о двух милых: «У меня миленка два, два и полагается. Один по воду идет, а другой стирается», либо «один в армию идет, а другой останется» и другие варианты. Некоторые девушки позволяли себе иметь одновременно несколько ухажеров: «По десять же имела». Для парня не считалось зазорным, если он за измену наказывал свою «милку» оплеухами: «У ребят такая мода, за измену девок бить», – поется в частушке. Делалось это и для профилактики – чтобы на других не заглядывались. Подавляющее большинство частушек фиксируют все же «изменушки» парней. Отношение к парням-изменникам всегда было более лояльным, чем к девушкам-изменницам, подобно тому, как измена жены считалась всегда большей виной, чем измена мужа. Брошенная девушка не должна была навязываться, в подобных случаях подруженьки обычно советовали «от милого отстать», потому что вернуть его невозможно – «опустите камень в море и попробуйте достать». «Брошенка» могла постараться вернуть любовь «милого» при помощи присушки или другим способом, могла завести другого ухажера. В частушках мы встречаемся с обоими типами поведения. Примерно в одной трети случаев сталкиваемся с намерением «завести» другого – «с кем-нибудь да буду», «на его место пять» или «привыкай, мое сердечко, к новому миленочку». В большинстве частушек девушка старается вызвать к себе жалость и сочувствие бывшего миленка: «неужели дорогой, тебе меня не жалко?», подчеркивается одиночество брошенной девушки – «осталась едина», «сиротиночкой», «горемычная девчонка», «не утешись, горькая рябиனுшка». Символом девичьего горя выступает «черна юбочка печальна». «Я всегда тебя ношу», – поет девушка, – «дорогой, твою измену тяжело переносу».

Таким образом, частушки, представляя собой одну из форм народного творчества, помогают выявить систему реальных ценностей советских девушек. Девушки особо ценили в себе качества, привлекающие мужчин: красивый внешний облик, бойкость, умение красиво петь, плясать, трудолюбие, грамотность и т. п. В мужчинах их привлекали красота, работоспособность, трезвость, самостоятельность в принятии решений, высокий социальный статус. В частушках предстает весь комплекс

отношений, в которые вступала девушка дома (с родителями, братьями, сестрами), на работе (с бригадами, управляющими), на гуляньях (с парнями, подругами, соперницами). Встречающиеся в них суждения об ухажерах, о девичьих достоинствах, замужней жизни, будущей свекрови, любви, мечтах выстраиваются в систему, позволяющую судить о том, что замужество, по-прежнему, представлялось приоритетной целью советской девушки. Этой цели были подчинены специфические формы времяпровождения, система знакомств и ухаживаний, являвшихся способами найти достойного жениха. В ее основе лежала традиционно сложившаяся практика, которая оставалась актуальной и в советский период. Основное предназначение женщины виделось девушкам в том, чтобы быть женой и матерью, а мужчины – кормильцем семьи.

Примечания

- ¹ Челябинский областной краеведческий музей (ЧОКМ). Ф. документов. Оп. 4. Ед. хр. 239, 490, 404, 406, 407, 408, 411, 412, 505, 526, 529, 531, 540, 571, 593, 599; Областной государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Р-627. Оп. 3. Д. 38. Частушки цитируются по материалам указанных дел.
- ² Зеленин Д. К. Новые веяния в народной поэзии // Избранные труды. М., 1994. С. 36.
- ³ ЧОКМ, Ф. документов. Оп. 4. Ед. хр. 412. Л. 47.
- ⁴ За исключением тех частушек, которые сочинялись агитбригадами и т. п.
- ⁵ Астафьева Л. А. Русская частушка // Русские частушки. М.: Современник. 1987. С. 5.
- ⁶ ЧОКМ, Ф. документов. Оп. 4. Ед. хр. 412. Л. 3.
- ⁷ Там же. Ед. хр. 407. Л. 30.
- ⁸ См.: Новоселова Е. Н. Динамика норм и ценностей семейно-брачных отношений в России (конец IX–начало XXI века): социологический анализ фольклора // Автореферат на соискание степени кандидата социологических наук. Кафедра социологии семьи и демографии МГУ им. Ломоносова. М., 2008. С. 3.
- ⁹ См.: Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Наука. С. 372.
- ¹⁰ Чистов К. В. Севернорусские причитания как источник для изучения крестьянской семьи XIX века // Народные традиции в фольклоре. Л., 1986. С. 132.
- ¹¹ Богатырев П. Г. Указ. соч. С. 380–381.
- ¹² См.: Астафьева Л. А. Указ. соч. С. 17.
- ¹³ Новоселова Е. Н. Указ. соч.
- ¹⁴ Пропп В. Я. В свете фольклора. М.: Лабиринт, 2007. С. 4.
- ¹⁵ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 35.
- ¹⁶ См.: Астафьева Л. А. Указ. соч. С. 14.
- ¹⁷ Трубецкой Н. С. О метрике частушки // Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 388.
- ¹⁸ ОГАЧО. Ф-Р 627. Оп. 3. Д. 48. Л. 23.
- ¹⁹ ЧОКМ, Ф. документов. Оп. 4. Ед. хр. 411. С. 5.
- ²⁰ ОГАЧО. Ф-Р 627. Оп. 3. Д. 48. Л. 84.
- ²¹ ЧОКМ, Ф. документов. Оп. 4. Ед. хр. 540. С. 3.
- ²² Личн. архив автора. Тетр. 1. С. 10.
- ²³ ЧОКМ, Ф. документов. Оп. 4. Ед. хр. 404. Л. 20.
- ²⁴ Личн. архив автора. Тетр. 1. С. 13.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ ЧОКМ, Ф. документов. Оп. 4. Ед. хр. 305.
- ²⁷ Там же. Ед. хр. 300, 277.
- ²⁸ ОГАЧО. Р-627. Оп. 3. Д. 48. С. 23.
- ²⁹ ЧОКМ, Ф. документов. Ед. хр. 289. С. 24.
- ³⁰ Там же. Ед. хр. 289.
- ³¹ Личн. архив автора. Тетр. 1. С. 12.
- ³² ЧОКМ, Ф. документов. Ед. хр. 412. С. 44.
- ³³ ОГАЧО. Ф 1329. Д. 24. Л. 18.
- ³⁴ ЧОКМ, Ф. документов. Ед. хр. 277. С. 8.
- ³⁵ ОГАЧО. Ф 1329. Д. 23. Л. 1–2.
- ³⁶ ЧОКМ, Ф. документов. Ед. хр. 298. С. 27.
- ³⁷ Личн. архив автора. Тетр. 2. С. 6; Тетр. 1. С. 9.
- ³⁸ Там же. Тетр. 2. С. 7.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Тетр. 2. С. 7–11.

⁴¹ ЧОКМ. Ф. документов. Ед. хр. 412. С. 45.

О. В. Филиппова

Челябинский областной краеведческий музей, Челябинск

**ДЕТСКИЕ И МОЛОДЁЖНЫЕ ИГРЫ ЖИТЕЛЕЙ ПОСЁЛКА АРСИ
НАГАЙБАКСКОГО РАЙОНА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
(ИЗ ОПЫТА ЭКСПЕДИЦИОННОЙ РАБОТЫ)**

Летом 2010-го года этнографическая экспедиция Челябинского областного краеведческого музея проводила сбор этнографического материала в посёлке Арсинский Нагайбакского района Челябинской области.

В 1842-м году на новой пограничной линии Оренбургского казачьего войска был основан номерной посёлок, со временем переименованный. Название дано по французскому городу Арси (Арси – Сюр – Об), где происходили сражения русских с французской армией в 1814-м году.

В посёлке основное население составляют русские, также проживают казахи, нагайбаки.

Информаторами были выбраны люди 1927–1940-го годов рождения включительно, русские по национальности. Детство и юность они провели в посёлке Арси. Это были 30–50-е годы XX века, когда детская игровая культура оставалась в основном традиционной.

Игры были важным занятием в жизни детей. Играли дети в доме, во дворе, на улице. Выбор места для игр зависел от времени года, возраста. В холодное время дети играли в доме. Когда ребёнок подрастал, игры переносились во двор, потом на улицу.

Для маленьких детей игрушки мастерили взрослые. Для кукол брали лоскутки ткани, для набивки вату. «Нам баба старенькая шила куклы, а мы её возьмём, топором разрубим, нам охота знать, чё там в ей? Чё там – вата. «Баба, кукла умерла, мы её схоронили». Она опять начинает шить», – вспоминала Нина Алексеевна Чарыкова.

Кто из девочек постарше «сами себе делали куколки». «Из тряпки, из шали, сделаешь, завернёшь, подвяжешь и вот ходишь, баякаешь», – рассказывала Анна Андреевна Сурменова.

Покупных игрушек было мало. «Магазины-то может, были. Да денег у нас не было», – рассказывала Н. А. Чарыкова. «Мячей не было. Сами со скотины – с коров, с бычков наберём шерсть, накачаем мячики и этими мячиками играем», – вспоминала Прасковья Александровна Посадских.

Любимым весенним развлечением были качели. Их устраивали во дворе в воротах. «Качались на воротах. Качели нам навешают, качались. Открывали, верёвки привязывали», – рассказывала Н. А. Чарыкова. «Качели были. Всю неделю качались на Пасху», – вспоминала Валентина Петровна Воропаева.

Популярной игрой была «Лапта». В неё играли дети всех возрастов обоих полов. Играли с весны, когда снег сходил и земля подсыхала и всё лето. «В лапту все играли. Где мы там жили, на площади, там первая, как поляночка просохнет плетёшечки (варежки?) свои на сугроб положишь, и в лапту играли», – рассказывала Н. А. Чарыкова.

«Когда таяло, так мы в лапту играли», – вспоминала В. П. Воропаева. «Летом в лапту играли, вот мячик лопаточкой били», – говорил Николай Иванович Белгородцев.

Также к общим играм можно отнести игры «Вышибалы» и «Двенадцать палочек». Последняя игра, судя по правилам, является разновидностью «Прятки». «А ещё у нас было "Двенадцать палочек". Наберут, на дощечку положат, один ударит, там значит. Этот, кто галит, эти палочки должен собрать. Если кто-то не спрятался, а он уже собрал, значит, он его увидел», – вспоминала П. А. Посадских. Нужно было успеть спрятаться, пока галящий собирает палочки. «В детстве играли в "Прятки" – кулюкушки», – говорил Василий Степанович Посадских. Была ещё одна подвижная игра, название, которой П. А. Посадских не могла назвать, но помнит, как играли: «Чертили квадратом, или прямоугольной формой метров на 20–25 и на две команды делились. И вот значит, одни бегают, другие их вышибают, пока всех не вышибут». Возможно, что так играли в «Вышибалы».

Летом ребята для игр собирались недалеко от дома. С одной стороны они были под присмо-

тром взрослых, с другой – некоторая удалённость воспитывала в них самостоятельность. «А летом сидели – называлось на лавочке сидеть. Мы делали какие-то, обычно из камня, такую вот лавочку в переулке напротив», – рассказывала Валентина Егоровна Коваль. «Мальчишки из камня где-нибудь лавочки сделаем, попляшем, поиграем и разбежались», – говорила Нина Михайловна Сандыбаева.

У мальчишек были свои игры. Играя, они тренировали меткость, силу, ловкость, выносливость. Эти качества необходимы при игре «В муху», «В поп», «Городки», «Чиж». Правила этих игр, схожи с правилами игр, записанными известным московским врачом – педиатром и педагогом прошлого века – Егором Арсеньевичем Покровским¹.

Для игры «В шар» выбирали открытое просторное место с плотной утрамбованной и выровненной поверхностью. «Здесь в деревне играли. Весь посёлок был заросший дерном. Не было никакого мусора. Вот его счищают до такой степени» (шаркает ногой по земле – О. Ф.). Игровой инвентарь также изготавливали сами. «Идём в лес пацаны, выламываем такие кривые колодки как, примерно, у хоккеистов клюшки. Шар. Ну, нету шара – так этот же корень выломаем – делаем такой же мяч, только деревянный», – вспоминал Александр Васильевич Горбунов. Схожие правила игры описаны в сборнике Е. А. Покровского игры «Шар»² и «Шаром в лунке»³.

На лето ребят-подростков организовывали в бригады и вывозили в поля для помощи взрослым. После работы ребята устраивали игры. Игра «Флажки» развивала чувства товарищества, взаимопомощи. Играющие делились на две «партии», у каждой был флаг, который устанавливали у разных заборов. По правилам требовалось забрать флаг противника. Причём игроки обеих команд могли «заколдовывать» противника прикосновением, а «свои» расколдовывали», – рассказывал А. В. Горбунов.

«Весело было в бригадах-то, неохота было летом домой ехать. Там в эти «Чухи», «В муху», «В кафтаны» играли», – вспоминал В. С. Посадских. ««В кафтаны» играли в бригаде, пацанами были 12–13 лет... Вобьют кол, круг его одёжу складём, одёжи-то не было, ну, какая-то была – фуфайки. Один дежурный по кону, кому достанется дежурить, ну начинаем у него растаскивать, если кого рукой затронул, то тот будет дежурить. Главное он один стоит – дежурит, охраняет всю одежду – надо у него утащить, чтобы он не затронул. А то потом ведь, кольца сделают, как у него растаскивали, так его колокмашут, он туда бежит и обратно. Потом другой будет дежурить», – рассказывал А. В. Горбунов.

«Позднее, после войны, играли в волейбол. У нас вместо мяча для волейбола было, быков режут или корову, вот этот мочевого пузырь. Так обделают, так обкатают, потом в какую-нибудь тряпицу зашивают, также надувают, получается мяч. Приспосабливались, но играли, веселились», – вспоминал А. В. Горбунов.

Старшие ребята играли в деньги об стенку. «Вот так вот вдвоём соберёмся, играли в последнее время. У тебя пятак, у меня. Так она (монетка – О. Ф.) должна так упасть, чтобы я мог достать его (пятак, отмеряя расстояние большим и указательным пальцами). Достал его – забираю», – говорил А. В. Горбунов. Эта игра развивала глазомер, ловкость.

«А вот ещё игра. Денег нету, чтобы играть, а воду таскать надо из колодца – капусту поливать и прочее. Если он проиграет мене, он будет таскать мне 10 вёдер. Вот и начинаем друг дружке чего-нибудь загадывать. Не отгадал – 10 вёдер принеси. Загадывали или должен что-нибудь повторить. Вот также были: «Ехал грека через реку...или допустим китайскую. Жили были три японца: Якци, Драцы, Дрони. Вот они пережились Якци на Цыпе, Драцы на Цыпе Дрыпе, Дрони на Цыпе Дрыпе Драм Помпоне. Вот у них пошли детишки. У Якцы и Цыпы – Шах, у Драцы и Цыпы Дрыпы – Шах Шарах, у Дрони и Цыпы Дрыпы Драм Помпоне – Шах Шарах Шарони», – рассказывал А. В. Горбунов.

Зимой заливали ледяные горки. «Мы зимой всё на этих, старые обмажем навозом, обольём ледянки, катаемся с гор» – рассказывала П. А. Посадских. «Мы и на санках катались», – вспоминала Н. А. Чарыкова.

Молодёжные игры можно выделить в отдельную группу. В эти игры девушки и парни 14–16 лет играли на вечерках. «В 14 лет начинали похаживать на вечерочки ходить», – вспоминала В. Е. Коваль.

Многие информаторы говорили, что вечерки начинались с Покрова (14 октября). Вспоминает В. П. Воропаева: «С Покрова и до весны – так собираемся у кого, клуба-то не было, а нам куда-то надо. Сёдня у одной, завтра у другой. А было комната, где пустят нас, мы у них сидим, зимой-то, то у подружек у кого-то». Молодёжь пользовалась временным отсутствием родителей. Вспоминает П. А. Посадских: «У нас же там было, старшие сёстры, ну до войны, как родители уедут на базар, или куда – так вечерка здесь».

«Значит какую-то избу, обычно у одинокой женщины откупали, платили ей продуктами, приносили керосин и там сидели, но обычно приходили, это уже всем известно, с работой какой-нибудь там придёт. Ну, большинство там вязали, сучили, или там ещё что-то, там какую-то работу, уж такую, чтоб негромкую, не пыльную, а потом начинали танцевать, плясать, петь после этого», – рассказывала В. Е. Коваль.

А. А. Сурменова вспоминала, что они тоже платили за вечерки. «Надо ж чё-то делать, мы ведь за вечерки платим. Кто картошки принесет, у кого есть, кто муки принесёт, тогда денег не было, кто какое полотенце принесёт за месяц. На три месяца ходили на вечерки: декабрь, январь, февраль. А в марте, какие там вечерки, там уже начинало таять. Там что – все разуваться будут? Оне тут грязи натащут».

Девушки собирались на вечерки группами, примерно одного возраста. «Которые на год поменьше, которые на год постарше, которые года на два, которые на годок, а так-то все одинаковые – подруги. Партиями, тут вечерки, там вечерки, там вечерки», – рассказывала А. А. Сурменова.

У каждой группы своё название было. «Мы «Белянки» были, потом «Пастернак» были, чё такое имя?», – рассказывала А. А. Сурменова. «У девушек были названия всякие разные, кого хорошо звали, а кого... (смеётся – О. Ф.) всякие: «Судомойки», других «Красавицы», третьи, ещё какие-нибудь», – вспоминает П. А. Посадских.

Некоторые информаторы вспоминают, что, собравшись на вечерки, девушки, сначала выполняли, взятую из дома работу, а потом уже были развлечения. «Вязали, вязали, не всё плясали, а в праздники уж не чё не вязали, а то и шали вязали, ну кто носки, кто чё, шали вязали большинство, паутинки вязали, всё вязали, я вон, сколько шалей перевязала. С прялкой туда уже не пойдёшь. Нет. Прядёшь дома», – вспоминает А. А. Сурменова. «А мы мигушечку зажгём, вязочки вяжем, сидим, вот из ниточек из белых, какие-нибудь наконечники (кружево для полотенец – О. Ф.) красивые, какие-нибудь – сидим, вяжем», – рассказывала Евдокия Васильевна Могутова.

Пока девушки были заняты работой, парни играли. «Сидели, в карты играли, они сядут на пол, мы-то стол весь займём, все кругом за стол, а они на пол садятся на корточки и в карты играли», – говорила А. А. Сурменова.

В. Е. Коваль сообщает, что на вечерках они не рукодельничали: «Да, ходила я, но мы уже не делали ничего, только пели и плясали».

Самые любимые были кадрили и сербиянка, потом ещё полечку плясали и подгорную. Барыню плясали. Подгорная ещё называлась улошная. У нас просто сидели, пели частушки под эту музыку» – вспоминала П. А. Посадских. «О, раньше вечерки хорошие были, раньше ни музыки, ничего же не было, вот балалайку и песни, пляски», – вспоминала Лидия Дмитриевна Похло. А. А. Сурменова вспоминала: «Пели, кадрили плясали, дробили, сербиянку плясали, гармонь была и с балалайкой парни придут. Просто вот гармошка играет сербиянку, выйдешь и дробить – это сербиянка была. Айдайте сербиянку плясать, айдайте по двое, да айдайте по трое, ну и трое выйдут, трое пляшут. Кадриль – самое любимое дело. Но не под гармонь, а так просто кадрили плясали, а это балалайка. Мы пляшем, переходим, крутимся. Корковьяк был».

Отдельную группу составляли молодёжные игры, которые были направлены на выбор пары – «поцелуйные».

Распространённой игрой на вечерках была игра «Сено, солома, овёс». Правила игры хорошо запомнила П. А. Посадских: «Один в середине сидит, один по эту сторону спиной, другой по эту (всего трое – О. Ф.). Девушка и парень». Кто сидит посередине «кричит: «Сено, солома, овёс – повёз!», – в какую сторону поворачивают (голову – О. Ф.). Если в одну сторону, то целуются, если в разные, то девушка меняется. Также Прасковья Александровна вспомнила название игры «Подмигушки», но правила не помнит.

Могутова Е. В. вспомнила игру в «Вино». Правила такие: «Вот девчонки сидят, парень с ними сидит. Вот я, например, белая водка, другой красный, другой там всякий вино, они вина то ж не знали никто никакие. Ну вот, если только один без пары парень. Сядем, один парень без пары. «Мне белую водку!», например, я белая водка, я с парнем сижу, если он успеет меня поцеловать, значит, распечатал, уже я осталась с ним, если только он не успел, я уже к другому сажусь, а этот остаётся без пары. Вот сидят девушки, парни. Он раз в щечку поцелует, всё вроде, это уже его, да, вроде девочка его. Потом сидишь, уцепишься, держишься. А если не нравится, так он может и так отдать, так вот оно. А вот игра в «Палачи», тоже интересно. Вот, например, сидят девочки, парни. Одна девочка, парень сидит, рядышком сидит. Мене вроде как её, чё то там называли, чё ли уж забыла. Ну, давно всё это дело было, ну и вот, он скажет, вот мене, сколько вот за неё отдашь. Ну, скажет, ну там 10 розг ремнём. Он ему хлещет-хлещет, он всё равно не отдаст, всё равно не отдаст,

а которому больно отдаёт, отдаёт, он опять остаётся без пары, он ищет себе. Вот такие игры были, а хулиганства никакого не было».

В. Е. Коваль вспомнила игру «Фантики»: «У кого-нибудь брали какую-нибудь вещь, в одно место клали, и потом садится спиной, а водящий берёт этот предмет и спрашивает: «Чей фантик?». Он скажет, а там ошибётся, за это наказывает, вот тогда тебе спеть, или сплясать, что неправильно угадал».

Из рассказа В. П. Воропаевой недостаточно понятны правила игры в «Соседи». «Сижу я, сидят парни, ребяташки, девчонки сидят, а какой то парень нас выбирает, выберет там меня, или тебя, или кого выберет и всё, ты идёшь к нему, садишься. Если какой-то хочет тебя парень выбирать, так вот берёт тебя за руку и к себе ведёт и с ним сидишь. Вот так сидели по порядку. Вот такое было играли тоже, «Соседи» называлось это. Когда парень девушку на колени садил».

Собранная информация представляет помимо научного, ещё и практический интерес. Информацию, полученную в этнографической экспедиции, можно использовать в качестве дополнительных материалов к различным музейным занятиям, которые связаны с реконструкциями культурного контекста. В экспозиции «Детский музей» Челябинского областного краеведческого музея планируется включение традиционных игр, записанных в посёлке Арси, при проведении тематического занятия «Детские игры в разные эпохи», а также в игровой программе фольклорно-этнографического абонемена «Традиционная культура народов Южного Урала».

Список информаторов

1. Белгородцев Николай Иванович, 1937 г. р.
2. Воропаева Валентина Петровна, 1938 г. р.
3. Горбунов Александр Васильевич, 1939 г. р.
4. Коваль Валентина Егоровна, 1927 г. р.
5. Могутова Евдокия Васильевна, 1933 г. р.
6. Посадских Василий Степанович, 1936 г. р.
7. Посадских Прасковья Александровна, 1934 г. р.
8. Похло Лидия Дмитриевна, 1935 г. р.
9. Сандыбаева Нина Михайловна, 1934 г. р.
10. Сурменева Анна Андреевна, 1927 г. р.
11. Чарыкова Нина Алексеевна, 1940 г. р.

Примечания

¹ Покровский Е. А. Детские игры: Преимущественно русские. – М.: ТЕРА. Книжная лавка – РТР, 1997.

² Там же. С. 316.

³ Там же. С. 317.

**РЕСТАВРАЦИЯ МЕБЕЛИ И ПРЕДМЕТОВ ИЗ ДЕРЕВА
В ЧЕЛЯБИНСКОМ ОБЛАСТНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)**

Возможность своевременной и квалифицированной консервации и реставрации – жизненно важное для музея условие обеспечения сохранности памятников. За почти 100 лет существования музея сформировалось уникальное собрание культурно-исторических ценностей, насчитывающее около 300 тысяч единиц хранения основного фонда, многие из которых имеют не только региональное, но и общенациональное значение.

С начала 1980-х годов Челябинский областной краеведческий музей не имел самых необходимых служебных помещений – мастерских, лабораторий, складских помещений для размещения хозяйственного имущества, лекционного зала, хозяйственной специальной профилактической зоны, помещения для хранения документации и т. д. До 2003-го года фонды музея находились в помещении первого этажа жилого дома, которое не было приспособлено для хранения музейных предметов. Поэтому многие предметы не только потеряли свой внешний вид, но, некоторые из них, перешли в стадию разрушения. В результате частых аварий водоканализационной и отопительной систем на расположенных выше жилых этажах гибли ценные музейные предметы: было списано более трех тысяч предметов, более 50 % состава фондов нуждается в реставрации.

С сентября 2006-го года в Челябинском областном краеведческом музее начала действовать реставрационная мастерская, деятельность которой совмещает научно-методический аспект и непосредственную практическую работу.

Сейчас музей проводит плановую реставрационную работу по имеющимся и вновь поступающим в музейные фонды памятникам истории и культуры своими силами. В новом музейном здании оборудованы помещения для реставрационных мастерских (два помещения по 63 кв. м – реставрационная и таксидермическая мастерские, одно помещение – мастерская по реставрации ткани площадью 28 кв. м). Кадровый состав реставрационных мастерских музея следующий: имеются по штатному расписанию ставки реставраторов (семь ставок разных разрядов), по состоянию на 1 мая 2010-го года в реставрационных мастерских музея работают семь человек, из них

Рис. 1. Шкаф-буфет кухонный. Начало XX века. Фонды ЧОКМ (верхняя часть шкафа, нижняя часть шкафа)

Рис. 2. Шкаф-буфет кухонный. Художественный эскиз. Аналогии, подобранные при изучении литературы

высшее образование имеют четыре человека, среднее специальное образование – три человека. Сегодня на высоком уровне проводятся реставрационные работы на мебели, дереве и ткани.

При подготовке постоянной экспозиции в новом здании перед реставраторами стояла задача – дать «вторую жизнь» фондовым предметам, вывести памятники культуры из хранилищ на выставки.

Целью данной статьи является обобщение опыта и анализ результатов практической реставрации мебели и предметов из дерева, накопленных в течение последних лет работы на примерах, представленных ниже. Подходы и методы, применяемые реставраторами ЧОКМ, соответствуют современным требованиям теории и методологии реставрации.

Одним из направлений нашей работы является реставрация мебели. Посетители с неизменным интересом рассматривают старинную мебель в экспозиции краеведческого музея и узнают об истории ее создания, материалах, из которых сделаны эти предметы. Одним из таких экспонатов является кухонный шкаф-буфет, который сейчас находится в постоянной экспозиции музея в – «Купеческой гостиной».

Шкаф-буфет кухонный изготовлен из дерева кустарным способом в России в начале XX века с применением стекла, металла, способами столярной работы: точение, лакировка.

Рис. 3. Работа реставратора (В. А. Таушканова) как мастера-резчика с применением резничных инструментов по подобранному аналогу ко-кошника корпуса шкафа-буфета

Рис. 4. Отреставрированные декоративные элементы шкафа-буфета до лакирования и полировки.

Практической реставрации предшествовала предварительная исследовательская работа: подробное описание, изучение сохранности, технологии изготовления, определение времени создания, стилистических особенностей, исторической и художественной ценности памятника, истории бытования и времени поступления на хранение. Таким образом, необходимые сведения были подобраны реставратором для ведения документации по предстоящей реставрации.

В описании повреждений и утрат буфета было зафиксировано, что лак и древесина по всей площади стёрлись, имелись множественные царапины, вмятины, участки поздних покрытий лаком, потертости и прожженность лака и древесины. Крышка нижнего яруса была особенно повреждена, имелось большое прожженное пятно на древесине на внешней горизонтальной поверхности. В нижнем ярусе на одной из боковых сторон и дверце наблюдались глубокие трещины. Одна из дверей была отломана вместе с шарниром. На выдвижных ящиках и фризе шкафа-буфета были утрачены деревянные накладки и декоративные элементы. На фризе сохранилось лишь 20 отверстий от неизвестных декоративных фрагментов.

На основе проведенных исследований было подготовлено предварительное реставрационное задание, вынесенное и утвержденное на *Реставрационном совете*. В дальнейшем реставрационное задание, программа реставрации являются главным документом, регламентирующим действия реставратора.

Была составлена программа проведения работ: укрепление общей конструкции, задней стенки, очистка от загрязнений и наслоений, ручная механическая чистка деревянной поверхности и располировка. Реконструкция точеных деталей (22 шт.), их тонировка и вождение.

В процессе реставрации кухонного буфета появились новые сведения. Обнаружилось, что существовал фронто-кокошник – декоративная верхняя часть шкафа-буфета, но он был полностью утрачен, сохранились только следы и два отверстия от этого навершия. По какой причине он был утрачен? Возможно, новый хозяин этого шкафа не имел высокого потолка и, сняв навершие, потерял его, возможно, при переезде деталь была сломана или случилось что-то ещё. Возник главный вопрос – нужна ли реконструкция утраченной детали? Организаторами музейной экспозиции была определена

главная цель реставрационных мероприятий – придание предмету экспозиционного вида. Любое реставрационное вмешательство должно быть логично и научно обосновано, а реконструкция отдельных деталей проводится по сохранившимся частям или аналогам. Какой фронтоном украшал этот шкаф? Начался поиск аналогов. Ведь аналог – это основание, на которое можно опираться в реконструкции фронтона. В книге С. Н. Шитовой «Резьба и роспись башкир» обнаружился рисунок практически аналогичного буфета с фронтоном. Вновь созданный Реставрационный совет принял решение о реконструкции фронтона по найденным аналогам в рисунках.

Предстояло выполнить следующие работы:

- выполнить эскиз реконструкции кокошника корпуса шкафа-буфета;
- изготовить его из дерева;
- декорировать резным рельефом;
- придать кокошнику корпуса шкафа-буфета общий цветовой тон и выполнить отделку по-

Рис. 5. Шкаф-буфет кухонный после реставрации. Начало XX века

Рис. 6. Отреставрированные декоративные элементы шкафа-буфета до лакирования и полировки

верхности;

– установить деталь на фронте с помощью деревянных штифтов, кокошник-фриз корпуса шкафа-буфета должен был быть съемным.

Далее работа продолжалась по правилам художника-скульптора. Были выполнены эскизы в натуральную величину и с подробной прорисовкой объема рельефа по аналогу. Далее следовал подбор материала (дерево – липа), выкраивание заготовки из доски с применением лобзика и пилы. После подготовительных операций началась практическая работа реставратора в качестве мастера-резчика, с применением резчицких инструментов: стамесок, долота, ножа. Затем шла подготовка поверхности под отделку лаком. Лакирование, полирование стали завершающими операциями.

Необходимо подчеркнуть, каким многогранным специалистом должен быть реставратор. Необходимо знать историю искусства, материаловедение по свойствам древесины, видам древесины, её строению. Изучать технологические приёмы обработки древесины, которые использовали при создании предметов прошлых веков. Знать инструменты обработки, материалы, которые использовали при сплачивании древесных заготовок, знать столярное и токарное дело. Также реставратору необходимо знать красители, шлифовальные материалы, лаки и способы отделки деревянной поверхности. Но самое главное – это владеть столярными инструментами и навыками художника-скульптора, резчика, токаря, отделочника, фрезеровщика и ещё многими другими навыками.

В рельефе реконструируемого фронтона мы постарались сохранить целостный стиль декора как памятника истории и культуры нашего многонационального края.

В практике реставратора через определение ценности памятника и цели реставрации, выбирается и определённый способ реставрации.

Кумысный ковш (Ижау) бытовал в Башкирии в начале XX века. Размерами 18 × 11 × 8 см. Вырезан ручным способом из прикорневой части цельного куска дерева. Подобные ковши были распространены и в Зауралье. В книге С. Н. Шитовой «Резьба и роспись башкир» дано подробное описание подобных предметов народного искусства с рисунками и фотографиями к ним. По этим данным и был изучен наш ковш. Данный предмет можно отнести к произведениям как декоративно-прикладного, так и народного искусства.

По результатам исследований, выяснилось, что в верхней части ковша имеется утрата важ-

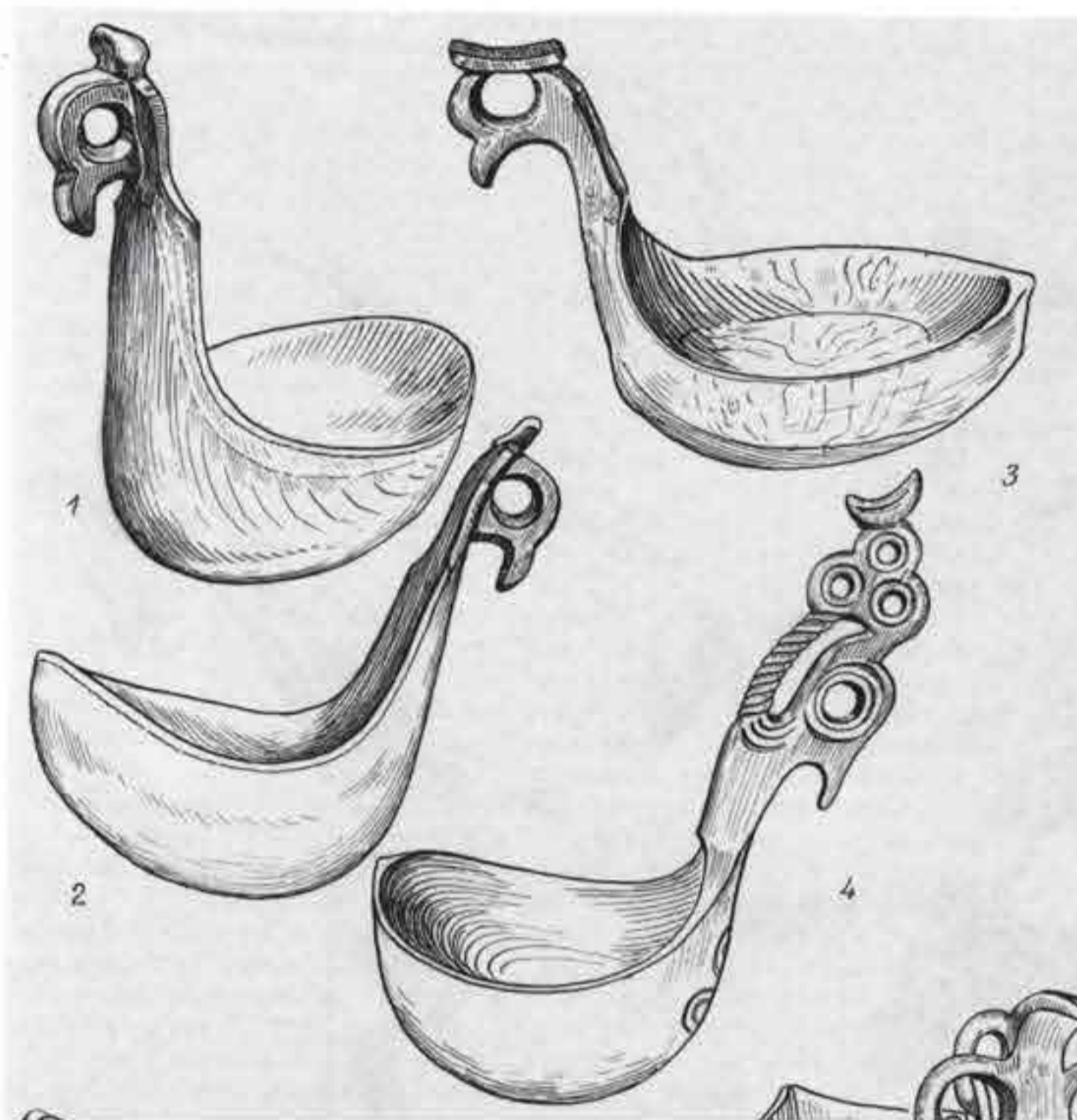

Рис. 7. Кумысные ковши-изжау. Аналогии, подобранные при изучении литературы

ной части предмета – рукояти в форме головки-«глаза» с «клювом» и завершающимся наверху «столбиком», в силуэте ковша просматривался образ птицы. Возник закономерный вопрос: оставить предмет с утратой в дошедшем до нас виде или воссоздать его первоначальный облик? Если дополнить его утраченными фрагментами, то выделится, тем самым, художественно-образная ценность предмета. Одновременно такая утраченная конструкция служила упором для руки при разливании кумыса, значит, реконструируя фрагменты, мы воссоздадим также утилитарную функцию. После процедур исследования было принято решение о реконструкции утраченных фрагментов.

Так как ковш был вырезан из комлевой части березы, то, следуя реставрационным принципам, новые фрагменты изготавливались также резным способом из берёзы. Новая светлая древесина реконструируемых фрагментов была окрашена в общий цветовой тон ковша. Сейчас этот предмет находится в экспозиции музея.

При реставрации предмета для экспозиции уделяется пристальное внимание внешнему экспозиционному виду музейной вещи.

Рис. 8. Кумысный ковш-ижау. Начало XX века. Фонды ЧОКМ. До реставрации и после произведенной реставрации

Шкатулка деревянная «ЭЙНЕМ» с металлическими накладками.

Шкатулка изготовлена из древесины ясеня. Размеры её 24 x 16, 5 x 7, 5 см. Было известно, что время изготовления шкатулки относится к началу XX века. Поверхность древесины вместе с накладным металлическим рельефом была покрыта толстым, неровным слоем красного лака. Предмет был испорчен, произошло искажение его облика, тонкий рельеф накладок не читался. Состояние предмета искажало задумку автора, значительно уменьшало его художественную ценность. По сохранившимся непокрытым лаком участкам древесины и под металлическими накладками была выявлена текстура деревянной поверхности, её оригинальный, первоначальный облик. Удалось установить, что красочный слой является поздним, неоригинальным. Опять возник вопрос: открывать ли первоначальный облик предмета или сохранить его в дошедшем до нас искаженном виде? О принадлежности предмета к тому или иному историческому периоду мы судим по форме, способу изготовления, характеру декора. Художественно-стилистические особенности данной шкатулки говорили о её принадлежности к художественному направлению модерн, которое было одним из важнейших в искусстве, как в Западной Европе, так и в России в конце XIX– начале XX веков. В волнообразных линиях, плавных, текучих изгибах рисунка металлических накладок ясно читались растительные мотивы, гармонично сочетающиеся с фигурой девушки – темой женственности, природного начала. Сама форма шкатулки имеет плавные, мягкие линии, в ней отсутствуют острые углы. Мастер старался выявить природную текстуру древесины и холодность металла, тем самым, подчеркнув их контрастность, старался передать «голос» материала. В данном случае точное выявление художественно-стилистических особенностей предмета стало определяющим в выборе наиболее подходящего способа реставрации. После согласований программы было принято решение о необходимости восстановить первоначальный облик предмета. После сухой очистки, снятия позднего лакового покрытия в полной мере проявились красота и богатство природной текстуры древесины, тонкость рельефа декоративных накладок. Предмет принял свой первоначальный вид.

Параллельно с процессом реставрации велся реставрационный паспорт.

Обязательное коллегиальное обсуждение программы реставрации, тщательное и подробное фиксирование всех реставрационных операций в реставрационном паспорте, фотографирование

Рис. 9. Шкатулка деревянная «Эйнем» с металлическими накладками. Начало XX века. Фонды ЧОКМ.
До реставрации и после реставрации

Рис. 10. Шкатулка деревянная «Эйнем» с металлическими накладками. После реставрации. Деталь декора крышки шкатулки. Начало XX века. Фонды ЧОКМ

предмета на этапах реставрации позволяет предотвратить необоснованное вторжение в памятник и искажение его облика. Это позволяет сохранить материально-историческую и художественно-образную ценность музейного предмета.

Для планомерной и последовательной работы нами отработана методика ведения документации.

**План-таблица ведения документов
до реставрации и в процессе практической работы до завершения**

Наименование этапа	Стадии работ	Состав документов
<i>Предварительные работы</i>	Исследование предмета, классификация предмета, замеры, описание сохранности, изучение технологии изготовления, изучение литературы, поиск аналогий.	Акт выдачи, задание, введение записи в журнал поступлений предметов на реставрацию и в книгу паспортов или протоколов, фотосъемка, изготовление фотографий.
<i>Проектные работы</i>	Составление плана-проекта Выполнение эскиза Планирование Технологический расчет	Заполнение реставрационного паспорта или протокола пп №. 1–6, написание программы реставрации (возможен чертёж, эскиз, макет, технологическая карта и др.)
<i>Согласование проекта</i>	Согласование программы реставрации на Реставрационном совете	Вынесение реставрационного задания, программы реставрации для утверждения на Реставрационный совет. Заполнение протокола Реставрационного совета за подписью членов совета и администрации. Введение записи в реставрационный паспорт № п. 7,8
<i>Реставрационный процесс</i>	Рабочие реставрационные операции	Экспериментальные работы, пробы, фиксация в дневнике реставратора. Заполнение реставрационного паспорта № п. 9–10, Фотофиксация всех этапов процесса реставрации.
<i>Отчет</i>	Вынесение заключения по реставрации предмета на Реставрационный совет, описание сохранности после реставрации Документирование	Акт возврата, заполнение реставрационного паспорта или протокола заключения реставрации пп №. 10–12, запись в журнале поступлений предметов на реставрацию и в книгу паспортов или протоколов. Заполнение протокола Реставрационного совета за подписями членов совета и администрации музея.

Практика показывает, что зачастую художник-реставратор музейных предметов из дерева, мебели сталкивается в работе другими материалами. Возникает необходимость знаний основ консервации металла, кожи, ткани, кости и других материалов. Реставраторами изучается специальная литература, где даны основы консервации музейных предметов из различных материалов.

Сегодня в реставрационных мастерских на высоком уровне проводятся реставрационные ра-

боты на ткани.

Нерешенной проблемой остается отсутствие реставратора живописи, при наличии интересной коллекции масляной и темперной живописи в ЧОКМ. Для поддержания в устойчивой сохранности археологического фонда необходим реставратор керамики, кости, кожи, сейчас такого реставратора в музее нет. Нет и реставратора по металлу и отдельной мастерской для него, отсюда, большая музейная коллекция оружия и монет в ожидании реставратора. Для решения этих проблем нужны не только квалифицированные специалисты, но и дополнительные помещения, оборудование. Нет у нас и статуса аттестованных реставраторов, по той причине, что в Министерстве культуры Российской Федерации в последние годы отсутствует комиссия по аттестации реставраторов.

Творческий, работоспособный, инициативный коллектив реставраторов, несмотря ни на что, продолжает работать. В 2010-м году намечена реставрация музейных предметов на бумажной основе. Для этого организуется материальная база мастерской с необходимым оборудованием и материалами. Художники-реставраторы обучались на семинарах по разным направлениям деятельности в зависимости от материала, сейчас погружаются в тонкости теории и методики реставрационного дела, ведут записи экспериментов в собственный журнал и творческий дневник исследований памятников культуры, с которыми они работают.

Литература, использованная при написании статьи

1. Матвеева Т. А. Музейная реставрация мебели. М., 1988.
2. Мукин И. М. Музейная реставрация мебели. М., 2003.
3. Никитин М. К., Мельникова Е.П. Химия в реставрации. Л., 1990.
4. Соболев Н. Н. Русская народная резьба по дереву. М., 2000.
5. Преображенская Г. А., Ивлиев Ю. П. Консервация деревянной пластики. СПб., 2001.
6. Фармаковский М. В. Консервация и реставрация музейных коллекций. Красный печатник, М., 1947.
7. Шитова С. Н. Резьба и роспись башкир. Уфа. 2001.

ПЕРВЫЙ ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВЫСТАВКИ
(ИЗ ФОНДОВ ЧЕЛЯБИНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

В рамках Года «Россия-Франция» с 20 мая по 23 августа во французском городе Сент-Этьен в Музее искусств и промышленного дизайна прошла выставка Челябинского областного краеведческого музея «Советский Урал. 1950–1980 гг.».

На одном из зарубежных сайтов, посвященных выставке, информация начиналась словами «здесь представлена советская ракета, которая не полетела в космос...». Речь шла о знакомом старшему поколению пылесосе «Ракета», дизайн которого напоминает космический аппарат, ставший символом технического прогресса СССР 1960–80-х годов. Когда французские партнеры предложили организовать выставку бытовой техники советского периода, это было довольно неожиданно для сотрудников музея, однако интересы французской стороны были связаны с профилем музея Сент-Этьена и традициями развития производства в этом городе.

Первые сведения о городе относятся к 1257 году. Толчок экономическому развитию дала металлургия и появление в городе в XVI веке королевской оружейной мануфактуры. В Сент-Этьене производилось украшенное охотничье оружие; кроме того, город был известен как центр текстильной промышленности по выпуску огромного ассортимента декоративных лент, центр производства велосипедов, мебели; с XIX века началась добыча угля. В настоящее время здесь развита оптическая промышленность, производство водоочистительных систем, велосипедных касок, медицинских тканей, охотничьего оружия. Это крупный культурный центр. Среди учреждений культуры надо отметить три музея: Музей искусства и промышленности с уникальной коллекцией оружия – один из ведущих музеев Европы данного профиля; Музей современного искусства со второй по значению коллекцией после Парижа и Музей шахты – уникальный проект музеефикации угледобывающей шахты.

Рис. 1. Реклама выставки «Советский Урал. 1950–1980 гг.» на улицах Сент-Этьена. Фото В. Богдановского, 2010 г.

Итак, тема выставки была определена. Мы понимали, что интерес к проблематике советского периода истории возрастает как в России, так и за рубежом. Для посетителей особенно привлекательны темы, связанные с бытовыми сторонами жизни рядовых граждан, в их числе – история развития бытовой техники в советский период. Предварительная работа над выставкой началась с фондовых коллекций. Собрание предметов бытовой техники в фондах Челябинского областного краеведческого музея небольшое, что связано, в основном, с отсутствием в музее в течение долгого времени помещений для хранения крупногабаритных предметов. Однако оно содержит разные группы предметов. Наиболее полно представлены средства воспроизведения звука (патефоны, радиолы, радиоприемники, магнитофоны), швейные машины, меньше – телевизоры, в единичных образцах – стиральные машины и холодильники. Поэтому пришлось собрать недостающие предметы, тем самым пополнить коллекцию музея, а также изучить историю производства предметов бытовой техники.

Первые бытовые приборы появляются в России еще в конце XIX века, когда основная их часть была зарубежного производства. В Советском Союзе в массовый обиход предметы бытовой техники входят во второй половине XX века: с 50-х–60-х годов, когда они были, скорее, предметами роскоши и, в основном, бытовали в городской среде. Это была бытовая техника отечественного производства: радиоприемники, телевизоры, холодильники, а вслед за ними – стиральные машины, пылесосы, магнитофоны, которая была достаточно примитивна (особенно с позиций современного уровня производства), но надежна и долговечна. Не очень быстро, но все же шел процесс совершенствования моделей, расширения ассортимента и повышения доступности бытовой техники. Этому способствовало приближение производства к потребителю.

Многие виды бытовой техники производились в Челябинской области. Как правило, выпуском этой продукции занимались не специализированные предприятия, а заводы разных отраслей промышленности, где открывали цеха или производственные линии для выпуска товаров народного потребления. Приведем несколько примеров.

Копейский завод «Пластмасс» основан в конце 1930-х годов. В 1958 году он приступил к разработке конструкторской документации стиральной машины и созданию необходимых технологических производств. К концу 1959 года была выпущена первая партия стиральных машин «Заря» (460 штук). В начале 1970-х годов было освоено производство стиральных машин «Чайка» (160 тысяч штук в год). В последующее 10-летие шло совершенствование конструкции и наращивание объема производства – до 260 тысяч машин в год.

Начало городу Златоусту дал чугунолитейный и железоделательный завод, основанный в 1754 году (в настоящее время ПО «Буллат»). В советское время он стал называться Златоустовский машиностроительный завод имени В. И. Ленина, производил сельскохозяйственную технику, экскаваторы, военную продукцию. С 1966 года на заводе налажено производство бытовых холодильников «Полюс».

С основанием железоделательного завода на реке Юрюзань связана и история Юрюзанского механического завода. В годы Советской власти основной продукцией завода была оборонная. В 1960 году завод приступил к производству бытовых холодильников «Юрюзань», в 1972 году изготовлен миллионный, а через 10 лет – трехмиллионный холодильник. После проведения конверсии в 1990-е годы холодильники и морозильные камеры стали основной продукцией завода.

Одним из ведущих предприятий Челябинска является Челябинский радиозавод «Полет». Завод производит сложную радиотехническую продукцию для нужд гражданской авиации, а в советский период – и для Министерства обороны СССР. Вместе с тем, на заводе освоено производство изделий массового потребления. В прежние годы это радиоприемники, транзисторные радиоприемники, проигрыватели, электрофоны.

Это всего лишь несколько весьма характерных примеров. К сказанному следует добавить, что ситуация, которая сложилась на предприятиях Челябинской области – это не исключение, в СССР многие предприятия тяжелой индустрии производили товары народного потребления. Однако, конечно же, были в СССР и специализированные предприятия, особенно это касалось производства сложной бытовой техники, такой как телевизоры (центральный промышленный район, Белоруссия, Прибалтика).

Вплотную к подготовке выставки музей приступил только за три месяца до ее начала, так как до конца 2009-го года неизвестно было, будет ли выставка включена в программу мероприятий Года. Первой задачей было – продумать концепцию выставки. Надо сказать, что она несколько раз пересматривалась. Были идеи показать историю отдельных групп предметов (приспособлений для шитья, для стирки, для глажения, средства воспроизведения звука и т.д.); показать предметы быта

Рис. 2. Общий вид экспозиции «Советский Урал. 1950–1980 гг.».
Фото В. Богдановского. 2010 г.

с точки зрения промышленного дизайна. Также было подготовлено несколько вариантов эскизов выставки главным художником музея В. Питиримовой. Наконец, основу концептуального замысла составила идея трансформации традиционной культуры населения, уходящей корнями в далекое прошлое, в современное индустриальное общество. Иначе говоря, задача выставки состояла в раскрытии особенностей исторического пути южноуральского края, связанного с его географическим положением на стыке Европы и Азии, полиэтничным составом населения, развитием горнозаводской промышленности. Именно на таком подходе, а не на коллекционном показе предметов бытовой техники настаивала и принимающая сторона. В ходе визита в Челябинск на директора музея Сент-Этьена Надин Бесс большое впечатление произвела наша постоянная экспозиция и она постоянно высказывала пожелания видеть во Франции отдельные узлы, повторяющие то, что она видела в Челябинске.

Особенности традиционного уклада жизни в селах, заводских поселках и городах, расположенных на территории современной Челябинской области, в XVIII–XIX веке были обусловлены традициями русской культуры, сложившейся в европейской части России. Во многом черты традиционного быта сохранились вплоть до середины XX века, особенно в сельских районах Челябинской области. Вместе с тем, на повседневную жизнь человека огромное влияние оказывала его хозяйственная и производственная деятельность, в частности, развитие горнозаводского дела. Начиная с середины XVIII века, Урал превращается в крупнейший металлургический центр, каким остается вплоть до сегодняшнего дня. В обиход населения входит много предметов, связанных с развитием горнозаводской промышленности. На выставке предполагалось с помощью экспонатов и музейных реконструкций показать фрагменты быта с использованием в домашнем хозяйстве простейших приспособлений и предметов из дерева и металла (например, деревянные вальки для стирки белья, стиральные доски, чугунные литые утюги, чугунные ступки, металлическую посуду, мясорубки и т.д.).

Носителями традиционной народной бытовой культуры на современной территории Челябинской области в начале прошлого века (и частично элементы этого быта сохранились до середины века) являлось крестьянское, казачье и горнозаводское население. В XX веке в эту традицион-

Рис. 3. Французы, пришедшие на открытие выставки «Советский Урал. 1950–1980 гг.». Фото В. Богдановского. 2010 г.

ную культуру активно внедряются элементы урбанизации, связанные с использованием предметов промышленного производства. Причем, это не только те простые бытовые изделия, которые выпускались заводами в досоветский период (утюги, ступки, котлы, сковороды и др.), но и предметы современной бытовой техники (стиральные машины, холодильники, пылесосы, радиоприемники, телевизоры и др.). Особенно значительные перемены в жизни большей части городского населения происходят в крупных городах: Челябинске, Магнитогорске, Златоусте и некоторых других, где в этот период ведется массовое строительство жилья, в основном, панельных пяти- и девятиэтажек. Быт горожан был уже полностью основан на использовании предметов заводского производства.

Для показа этих двух субкультур предполагалось организовать две экспозиционные зоны интерьерного типа (*show-room*). Первая зона – это фрагмент интерьера деревенского дома (кухни-избы) с русской печью, элементами обстановки и большим количеством предметов быта, основная масса которых представляет собой традиционно выполненные предметы из материалов, предоставляемых в изобилии местной природой, главным образом, из дерева, а также лозы, бересты, лыка. Среди этих предметов и те простые домашние вещи, которые давала местная промышленность: чугунные котлы, сковороды, утюги, ступки; медные тазы, латунные самовары, жестяные умывальники, корыта и другие. Высота помещения, где экспонировалась выставка, позволила показать этот фрагмент на фоне крупного фотопанно, изображающего природу Челябинской области (вмещающий ландшафт), где протекала жизнь сельского населения.

Вторая зона – фрагмент интерьера городской квартиры, собственно, комнаты, где протекала вся жизнь семьи. В характере интерьера – отражение уровня жизни советских людей в середине прошлого века, влияние моды на убранство интерьера, а также внедрение в повседневную жизнь технического прогресса – новинок бытовой техники. Это было время, когда наряду с известными, но не в каждой семье бытовавшими предметами (радиоприемники, патефоны), появляются невиданные раньше новинки, такие как телевизор, холодильник, стиральная машина, пылесос. Однако, появившись, они быстро завоевывают популярность, чему способствовало налаживание производства предметов бытовой техники на местных заводах. Тема заводской жизни тесно связана с бытовой, развитие старых заводов и строительство новых, в том числе гигантов индустрии, дали толчок

Рис. 4. Бюст В. И. Ленина – элемент оформления экспозиции «Советский Урал. 1950–1980 гг.». Фото В. Богдановского, 2010 г.

росту городов и решению проблем благоустройства, повышения уровня жизни населения. Вместе с тем, высокая концентрация предприятий тяжелой промышленности на территории Челябинской области породила проблемы, связанные с охраной окружающей среды. Заводская тема нашла отражение в фотопанно с индустриальным пейзажем Челябинской области.

Все экспонаты, не вошедшие в эти исторические реконструкции из-за отсутствия места или несоответствия их содержанию, представлены в выставочных витринах. Это, например, такие предметы, которые бытовали в сельском доме, но не в избе, а в горнице или во дворе, а также вещи из городской квартиры, бывшие принадлежностью кухни. Так появились рядом с «избой» подиум «двор», витрины с «уголком портнихи», «кухней».

Основу экспозиционного ряда витрин составили те самые бытовые приборы: стиральные машины, холодильники, пылесосы, радиоприемники, телевизоры и другая бытовая техника тех лет. Эта выставочная зона позволила посетителю воспринимать предметы не только в сравнительном анализе, прослеживая общие черты и различия в традиционной и урбанистической культурах, но и дала возможность понять направление развития бытовой культуры, увидеть историю развития вещей от простых предметов кустарного производства до приборов сложной бытовой техники. Тема перехода к индустриальному обществу мощно поддержана фотографиями 1930–80-х годов, отражающими жизнь Челябинской области в этот период. Опять выручило 5-томное издание «Челябинская область в фотографиях» (автор проекта и составитель В. Богдановский).

И все это показано «под знаком» красной звезды, серпа и молота и других символов советской эпохи, так как идеологическая составляющая была неотъемлемой частью жизни, как всего общества, так и каждого человека. Начало экспозиции – лестничная площадка при подъеме на второй этаж. Посетителей встречала скульптура В. И. Ленина. В центральной витрине, обращенной к входу в зал, демонстрировались красные знамена, плакаты, скульптурные портреты вождей советского государства (каслинское литье). Замечательно то, что французские посетители правильно поняли нашу идею демонстрации предметов советской символики как общего фона жизни советских людей в рассматриваемый период.

В процессе подготовки выставки в ходе общения с французскими партнерами выяснилось,

Рис. 5. Очередь из желающих попасть на открытие выставки «Советский Урал. 1950–1980 гг.». Фото В. Богдановского. 2010 г.

слушали выступающих, аплодировали, но настроение было трудно понять. Потом директор музея Надин Бесс представила меня, куратора выставки, и предложила посетителям пройти в зал, чтобы осмотреть выставку и послушать экскурсию. Вот тогда у меня наступил момент растерянности на грани с паникой: только сейчас я увидела, какое огромное количество людей собралось, и вся эта масса надвигалась на меня. Но когда началась экскурсия, когда я увидела глаза людей – внимательные, заинтересованные, доброжелательные, – все страхи и опасения сами собой исчезли. Было много вопросов, реплик: «мы тоже пользовались подобной бытовой техникой, у нас тоже когда-то строили дома с такими маленькими квартирками для одной семьи...»; что-то удивляло, например, совершенно неожиданно – наше проводное радиовещание: зачем, удобно ли это было? Уже после окончания экскурсии еще долго подходили люди, чтобы задать свои вопросы, поблагодарить. Особенно много лестных и благодарных слов довелось услышать от французов нашему директору В. Богдановскому, чьи фотографии не только покорили, но и поразили посетителей своим совершенством. Общение с французскими посетителями продолжалось в течение трех часов, и главным словом, которое чаще всего произносилось, было «мерси».

Оказалось, что Челябинская область и Сент-Этьен имеют очень много точек соприкосновения: развитие металлургии и появление на ее базе специфического прикладного искусства гравюры (на охотничьих ружьях в Сент-Этьене и на холодном оружии в Златоусте), добыча угля у нас и у них (в Сент-Этьене создан замечательный музей шахты) – и даже похожая природа: Сент-Этьен окружен горами, напоминающими Уральские горы. Неслучайно во время приема заместителя губернатора Челябинской области В. Евдокимова в мэрии Сент-Этьена прозвучала мысль о будущем сотрудничестве в разных сферах деятельности, включая экономику, и даже о возможности объявления Челябинска и Сент-Этьена городами-побратимами. Если началу такого тесного взаимодействия на международном уровне двух территорий положит музейная выставка, это будет замечательным фактом в нашей истории.

Откровенно говоря, до самой отправки экспонатов во Францию не верилось, что выставка состоится: через такое количество трудностей пришлось пройти. Можно сказать, что только благо-

Рис. 6. Фрагмент экспозиции «Советский Урал. 1950–1980 гг.». Фото В. Богдановского. 2010 г.

даря настойчивости и организаторскому дару директора музея В. Богдановского проект удалось реализовать вопреки всем препонам, главным из которых, как это водится, было отсутствие финансирования. Рассказать на бумаге о том, через какие испытания прошли сотрудники музея при подготовке выставки – задача невыполнимая. Достаточно упомянуть, что это первая в истории музея международная выставка, причем выставка тематическая и из огромного количества экспонатов; что готовилась она всего три месяца (отбор и сбор экспонатов, реставрация, тексты, переводы, описи, этикетаж, подготовка документации для получения разрешения на вывоз и еще много всего); что все работы, в том числе организационные и технические, включая изготовление тары, упаковку, оформление таможенных документов, – музей выполнил собственными силами. Только напряженная, качественная, слаженная работа коллектива помогла осуществить, казалось, невозможное.

Выставка потребовала огромной отдачи и напряжения в период ее подготовки, однако все проблемы и трудности отошли в прошлое, когда налицо был хороший результат и явный успех. Возвращаясь к началу данной статьи, хочется отметить: да, тема была выбрана очень удачно. Нам хотелось предложить своим коллегам представить на выставке свои самые красивые коллекции: гравюру на стали, художественное литье из чугуна, коллекцию плакатов и т.д. Однако мы убедились, что самый большой отклик в сердцах и умах посетителей находит не та выставка, которая состоит из красивых или дорогих экспонатов, а та, которая посвящена повседневному быту простых жителей далекой страны. Посетители выставки открывают для себя мир людей, от которых их отделяют пять тысяч километров: мир, в котором их что-то удивляет, а что-то заставляет сопоставить с собственной жизнью, узнавать общие черты. Именно это сближает людей, а значит, и страны.

В заключение хочется в нескольких предложениях обобщить полученный опыт проведения международных выставок. Для нашего музея это первая выставка. Мы столкнулись с огромным количеством трудностей и ошибок, которые никому не желаем повторять.

1. Надо учитывать, что легче организовать выставку коллекционную, а не тематическую.
2. Количество вывозимых экспонатов не должно быть слишком большим (не более 100 единиц).

3. Надо помнить, что международная выставка – это дорогое удовольствие, поэтому неплохо изначально иметь гарантии финансирования.
4. Тщательная подготовка документов облегчит получение разрешения на временный вывоз культурно-исторических ценностей, в этом отношении мы оказались на высоте. Иметь дни в запасе на случай каких-либо причин задержки выставки.
5. Необходимо заранее получить нужные документы от принимающей стороны:
 - а) договор (по его форме лучше проконсультироваться с сотрудниками федерального министерства), внимательно оговорить каждый пункт договора;
 - б) гарантийное письмо от музея (или муниципалитета);
 - в) гарантия от посягательства третьих лиц от министерства культуры страны.
6. После решения вопроса с финансами необходимо своевременно провести тендер (аукцион).
7. Технические вопросы (тара, упаковка, таможня, страховка) желательно перевести на организацию, выигравшую аукцион. Если заниматься таможней самостоятельно, надо найти хорошего брокера.
8. Все оформление для выставки лучше изготовить на месте и везти с собой, не надеясь на выполнение работ в чужой стране, также лучше иметь с собой необходимые инструменты и расходные материалы.
9. Обратит внимание на качественную подготовку дизайна выставки (размещение экспонатов, оформление, фирменный стиль): это является важной составляющей частью успеха.
10. Подготовка большой международной выставки – дело не только куратора или даже специально сформированного творческого коллектива – это слаженная и напряженная работа практически всего музея. Низкий поклон каждому, кто внес свой вклад в то, чтобы наша выставка во Франции состоялась.

ВЫСТАВКА: «ТЕКСТИЛЬ. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВПЕЧАТЛЕНИЙ»

Выставка, как и любой проект, начинается с идеи. В основе любой экспозиции лежит концепция, которая разрабатывается творческим коллективом.

В названии выставки, организованной в Челябинском областном краеведческом музее летом 2010-го года, заложена основная идея – «Трансформация впечатлений». Организаторы хотели показать, как взгляд на окружающий мир переходит, воплощается в текстиле. Это могут быть самые разнообразные сюжеты, которые встречаются человека на каждом шагу его жизни. Авторами выставки было выделено несколько тематических разделов: дом, мир детства, времена года и отдельный раздел – передвижная выставка «Цветочные фантазии».

Для воплощения идеи в жизни необходимо подобрать соответствующий экспозиционный материал. В данной выставке можно определить несколько составляющих: предметы российской выставки «Цветочные фантазии», которые стали украшением экспозиции, работы мастеров уральского региона и работы молодых авторов – студентов Южно-Уральского и Магнитогорского государственных университетов. Можно было наблюдать на выставке, как разные возрастные группы воспринимают один и тот же образ.

Пространство выставочного зала организовано так, что в центре по окружности размещаются крупные работы, которые организуют пространство, и по цвету делают выставку яркой и сразу обозначают настроение выставки. По периметру зала были расположены стационарные витрины. Получилось два своеобразных круга, которые для зрителя обозначают два варианта просмотра выставки и два варианта восприятия. По внутреннему кругу расположены панели, в центре зала находится подиум с моделями костюмов, созданных по мотивам традиционной культуры. Это работы Т. Бердниковой и коллекция «Пляс Урала» студентов факультета сервиса и легкой промышленности А. Кугаевской и В. Печонкиной, в которой прослеживается, как современный автор воспринимает в своем творчестве традицию. Воспринимая народные мотивы, художник создает совершенно новый продукт, который удивительным образом несет в себе ощущение традиционной культуры.

По внутреннему кругу размещены крупные работы: «Цветы Богородицы» (152 × 150 см), «Птица алконост» (115 × 85 см), «Травы» (170 × 119 см), «Родной край» (118 × 175 см), «Ночной город» (70 × 186 см). Обойдя этот круг, зритель может получить подробное представление о технике лоскутного шитья, познакомиться с интересными работами. Если обратиться непосредственно к этим работам и попытаться рассмотреть, как авторы реализовывают увиденное, то можно отметить следующее: работы навеяны окружающей природой, землей, вдохновлены легендами, сильны сказочные мотивы.

По внешнему кругу расположены по периметру витрины, в них размещаются небольшие панно, текстильные куклы и подушки.

Лоскутная техника – одно из древнейших направлений творчества. Хозяйки в разные времена не выбрасывали оставшиеся от работы материалы, а использовали их в изготовлении одеял, ковриков и т. п. вещей. Каждый мастер по-своему перерабатывает в своем творчестве традицию.

Витрины с левой стороны – это часть экспозиции, символизирующая мир дома, домашний уют. Дом обозначен символично – половиками, прялкой, деревянной скамьей. Из предметного ряда в витринах такие атрибуты традиционного дома, как кругляш «Красно солнышко» и текстильные куклы «Семья» и «По воду». В следующей витрине осуществлен некий переход от раздела «Дом» к разделу «Детство». Ведь для каждого человека его детство связано с домом. Жизнь человека начинается в доме, поэтому тут размещены работы проекта «Деревенское детство», которые как нельзя лучше характеризуют эту атмосферу – лоскутное панно, свивальник, текстильная кукла. Дух дома, семьи подчеркивают текстильные куклы – брат с сестрой, кукла ведучка и погремушки.

Атмосфера домашнего очага подчеркнута предметами обихода – половичками, кругляшами, скамейками, прялкой. Мир детства включает в себя и «мир увлечений», «домашних любимцев». В экспозиции показаны только «коты». Впечатление от общения с этими домашними животными трансформируется в самые разнообразные вещи. Домашние любимцы изображены в различных техниках и материалах – подушки: «Сонька», «Тигрята», кукла «Кот Баюн», лоскутное панно «Котешный хор», газетница, шкатулка «Мои любимые коты».

Особый раздел выставки – «Цветочные фантазии» – передвижная выставка Государственного Российского Дома народного творчества. Она путешествует по городам России с 2009-го года.

Рис. 1. Челябинский областной краеведческий музей. Большой выставочный зал. Центральный подиум. Работы Т. Бердниковой

Ее участники – художники-профессионалы и любители лоскутного шитья со всей России: Москвы, Санкт-Петербурга, Мурманска, Иванова, Перми, Владимира, Ярославля, Костромы, Твери, Уфы. Раздел начинается с аннотации, которая должна ориентировать зрителя в пространстве выставки и давать представление об особом положении этой части экспозиции. Работы концентрируют на себе внимание. Их центральное положение в экспозиции обуславливает весь настрой выставки. В витринах расположены панно средних размеров. Они дополнены более объемными вещами – такими, как жилеты, сумки. На центральных панелях разместились остальные работы передвижной выставки, которые создали яркое «пятно».

Дальнейшее построение экспозиции возвращается к мотивам творчества. Вдохновляют мастера природа, пейзажи родного края, здесь проявляются и национальные мотивы. Восприятие природы решено было показать через видение времен года, через смену состояний. Зима, весна, лето, осень. Один из разделов – башкирские мотивы, он представлен работами «Эй, Уралым», «Пейзаж» и дополнен куклами «Семья. Три поколения». Чтобы подчеркнуть национальный колорит, напротив витрины на панели размещено панно: триптих «Башкирский натюрморт» и «Родной край».

Рис. 2. Челябинский областной краеведческий музей. Большой выставочный зал. Работы студентов ЮУрГУ

Времена года можно сразу отличить по цветовой гамме. Витрина, посвященная зиме, наполнена всевозможными оттенками синего и голубого. На вертикальной плоскости витрины помещено панно «Зимние деревья», которое иллюстрирует настроение зимы, и на горизонтальной поверхности развернута сама зимняя картина: санки, «горка», а сиреневый шарф и текстильные куклы – участники этого зимнего действия. Пространство следующей витрины организовано по такому же принципу: панно «Блики на снегу», кукла «Фея» и кукла на бутылке «Бабушка» – они созвучны зиме по образу и цвету.

Решение образа лета пришло так же через цветовое восприятие, яркие моменты. Между витринами отсутствует разделение, они получаются как бы соединенными в едином пространстве, переходящем из лета в осень. Знаком лета выступает комплект одежды «Петушок» К. Хмуренко. На вертикальной плоскости панно «Панорама озера на рассвете» и «Лето». И плавно переходит в осень, где размещаются так же на вертикальной плоскости панно осенней тематики в желто-красных тонах. И напротив, поддерживая тему лета и осени, на панели панно: «Осень» и «Африканское солнце».

Показать процесс творчества очень сложно. Тем более показать в рамках выставочного проекта, увидеть, как сюжет окружающего мира, проходя через сознание художника, воплощается в его творчестве. Авторы выставки попытались показать эту трансформацию через разные сюжетные линии, зонировав пространство зала.

Б. К. Кожаметов, Г. М. Сафарова, Э. Р. Усманова
*Национальный историко-культурный и природный заповедник-музей «Улытау»,
Карагандинский государственный университет
им. Е. А. Букетова, Казахстан, г. Жезказган, г. Караганда*

МУЗЕИ КАЗАХСТАНА В XXI ВЕКЕ АНАЛИЗ СИТУАЦИИ

ВВЕДЕНИЕ

Первые музеи организованы на территории Казахстана в 30-е годы XIX века. Музей, в современном понимании, будучи детищем европейской культуры, возникает как явление культурного заимствования российского опыта музейного строительства. До Октябрьской революции было всего несколько музеев. Музей как институция получает широкое развитие только с приходом Советской власти. Новый этап в жизни казахстанских музеев начался с момента образования Республики Казахстан (РК). Начиная с 1991 года можно говорить о собственном пути развития музеев в нашем государстве, для которого характерны поиски новых форм и методов работы, а также изменение содержательной стороны музейной деятельности. Президент Казахстана Н. А. Назарбаев в своем ежегодном Послании народу Казахстана постоянно уделяет внимание проблеме сохранения и использования культурного наследия страны.

Ситуация современного состояния музейного дела в Казахстане неоднозначна. С одной стороны, государство в последние годы много делает в развитии этой сферы, значительно улучшив финансирование музеев и, таким образом, обеспечив решение некоторых наболевших вопросов. Построены новые музеи, выделяются средства на обновление материальной базы, строительство новых экспозиций, приобретение коллекций, проводятся музейные конференции и экспедиции. С другой стороны, есть комплекс специфических проблем, который связан с уровнем качества развития казахстанских музеев, и он требует более длительного детального поэтапного решения.

Исследование и анализ современного состояния музеев Казахстана проводился по заказу Министерства культуры и информации республики Общественным фондом «Алты Алаш», лот «Подготовка предложений по развитию системы национальных исторических музеев и видеопродукции о музеях страны» (сентябрь–декабрь 2008 г.). Главной задачей проекта было представление различных аспектов деятельности музеев Казахстана. Исполнение его проходило в три этапа.

Первый этап. Музейными специалистами разработана анкета с вопросами по основным аспектам музейной деятельности, которая позволила выявить цельную картину состояния музеев РК.

Второй этап. Группа специалистов в течение двух месяцев совершила объезд музеев Казахстана с целью:

- провести анкетирование в музеях;
- изучить ситуацию на местах;
- создать фотографическую базу данных.

Третий этап. Проводилась аналитическая работа по двум направлениям:

- исследование состояния музейного дела по заполненным анкетам;
- представление современного положения музеев Казахстана в контексте международного опыта музееведения.

В заключение, на основе всех полученных данных были выработаны предварительные рекомендации с учетом профессиональных стандартов, принятых в мировом музееведении.

В ходе исполнения проекта было посещено 67 музеев всех областей Казахстана, респондентами заполнено 66 анкет, сделано более 2000 фотографий и 30-минутный видеofilm. Завершающий отчет по проекту был предоставлен в Министерство культуры и информации РК в 2008 году.

Благодаря поддержке Института культурной политики и искусствознания мы имеем возможность познакомить наших коллег и всех тех, кто неравнодушен к такому социальному явлению как «музей», с результатами наших исследований. Возможно, что некоторые данные устарели, ведь проект выполнялся в 2008 году. Добавились законодательные акты по охране объектов культуры. Не исключено, что ряд проблем уже решен в некоторых музеях и, надеемся, в позитивную сторону.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ, КАК КУЛЬТУРНОЙ ФОРМЫ. СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ МУЗЕЯ

Из истории создания музеев

Слово «музей» греческого происхождения (лат. *museum* <греч.> *museion* – храм муз) и в настоящее время оно принято во всем мире как термин, обозначающий особый институт, призванный служить обществу. Не совсем культурологически корректно переводить на казахский язык термин, принятый во всем мире и имеющий в основе греческое происхождение. В современном понимании слова «музей» – это научно-исследовательское и культурно-образовательное учреждение. В его задачи входит собирание, хранение, и популяризация коллекций.

У современного музея многовековая история развития. Идеи создания музеев впервые появились в начале II тыс. до н. э. в городе-государстве Ларса в Месопотамии, где копии старых надписей были воспроизведены для обучения в школах. В храмовых помещениях существовала коллекция предметов старины, которая представляла собой дощечки с воспроизведением более древних надписей на кирпичах. Эту коллекцию уже можно назвать музеем.

Несмотря на античное происхождение слова «музей», ни Греция, ни Римская империя не создавали музеи в том виде, в каком мы их знаем сегодня. Жертвоприношения по обету, которые помещались в храмы, иногда в специально построенные сокровищницы, были обычно открыты для обозрения широкой публики часто за символическую плату. Такие приношения в основном имели религиозный характер. Традиция почитания предков в восточных странах также привела к коллекционированию предметов старины. В средневековой Европе коллекционирование было в основном прерогативой королевских дворцов и церквей. Другие коллекции принимали форму реликвий христианского мира. С возрождением интереса к античному наследию и ростом новых династий торговцев и банкиров, впечатляющие коллекции предметов старины были сформированы в Европе.

В конце XV века во Флоренции возник первый музей в современном понимании этого слова. Им стала галерея Уффици, построенная правителем Флоренции Лоренцо Медичи для своей коллекции произведений искусства. К середине XVI века в Европе насчитывалось 955 собраний музейного типа, появляются первые музейные каталоги и трактаты по музееведению.

Королевские и дворянские коллекции создавались во многих других странах Европы. В XVII веке возрастающий интерес к социальной и естественной истории привел к созданию многих специализированных коллекций. Были созданы первые научные общества, некоторые из которых формировали свои коллекции. К тому времени коллекционерам стали доступны методы систематической классификации природного и рукотворного мира, которые помогли им в упорядочении коллекций. Это отражало дух системы, рациональные изыскания и энциклопедический подход к знаниям в Европе¹.

Все европейские собрания оставались частными. Государственные, а потом и городские музеи возникают только в начале XVIII века. Этот век стал переломным в истории музея, поскольку в русле идеологии эпохи с ее акцентами на просвещение людей и равенство их образовательных возможностей была концептуально обоснована необходимость превращения закрытых собраний в публичные учреждения.

XIX век стал завершающим этапом в длительном процессе формирования музея как социокультурного института. Функция просвещения приобрела в музейной деятельности столь же большое значение, как и функция комплектования собрания, его хранения и изучения. Термин «музей» прочно закрепился за учреждением, работающим во благо всего общества, и экспозиционный показ собрания широкой публике, без каких либо ограничений, стал одним из основополагающих признаков музея.

В XIX веке наука прочно вошла в сферу музейной деятельности, повлияв не только на организационную структуру музеев, но и на принципы комплектования музейного собрания, его изучение и экспонирование. Процесс дифференциации научного знания способствовал появлению профильных музеев, некоторые из которых отпочковались от универсальных собраний, другие же изначально создавались как специализированные учреждения. К концу XIX столетия сложились основные профильные группы музеев, а сам процесс музейной специализации приобрел поступательный характер.

XX век принес в музейное дело высокую техническую оснащенность. Глобализация культурных связей привела к созданию Международного совета музеев – ИКОМ (*англ. International Council of Museums*, сокр. *англ. ICOM* – неправительственная профессиональная междуна-

родная организация, созданная в 1946 году – Ред.). В 1957 году в ИКОМе была образована русская секция². В XXI веке практически все мировые музеи имеют свои сайты в Интернете.

В ходе колониальной экспансии Европы музей наряду с другими достижениями европейской культуры постепенно вошел в жизнь неевропейских народов, при этом в каждом из регионов заимствование и приспособление музея, как социальной и культурной формы (рецепция), имели свои особенности и итоги.

Самые ранние сведения о существовании музеев за пределами европейского континента относятся к заокеанским английским колониям. На американской почве многие заимствованные идеи в силу исторических, социальных и экономических обстоятельств часто обретали непохожий на европейский опыт развития.

В то время как европейские музеи постепенно вырастали из закрытых собраний монархов и частных лиц, в США сначала появились общедоступные музеи, созданные усилиями научных и литературных обществ, учебных заведений, одиночек-энтузиастов, и лишь потом стали формироваться закрытые собрания. Многие из них в дальнейшем трансформировались в общественные институты или были завещаны существующим музеям. Тем самым стала воспроизводиться та последовательность событий, которая была характерна для Европы на заре возникновения публичных музеев.

Однако в отличие от европейских, большинство музеев США в какой-то степени изолированы от государства. Они возникли и существуют в качестве частных институтов, принадлежащих отдельным лицам или корпорациям. Основанием для их создания стали решения властей штатов или муниципалитетов. Порой в собственности местных органов власти может находиться земля, в редких случаях – даже музейное здание и коллекции, однако контроль над состоянием музейного бюджета и инвестициями, обновлением экспозиции и их сохранностью всегда является прерогативой возглавляющего музей Совета попечителей. Его членами становятся щедрые дарители и вкладчики, как правило, это богатые бизнесмены, которые нередко и сами являются коллекционерами. Их пребывание в Совете продолжается неограниченный срок, благодаря чему не нарушается выполнение долгосрочных финансовых обязательств и перспективных планов музея. Музейной работой руководит директор, назначаемый Советом попечителей.

Опора американских музеев на предпринимателей, меценатов-вкладчиков сложилась исторически. Зародившись и существуя во многом благодаря частной финансовой поддержке, они, естественно, отражают вкусы и взгляды своих покровителей. При этом они всегда стремились не допустить, чтобы в обществе о них сложилось представление как о замкнутых и элитарных учреждениях, существующих в интересах небольшой группы людей. С самого начала своей деятельности они в гораздо большей степени, чем европейские музеи, были обращены к массовой аудитории. Просветительные и образовательные цели многих музеев закрепились в их уставах.

Экскурсии, лекции, концерты и другие формы культурно-образовательной деятельности превратили музеи в своеобразные университеты для широкой публики, место творческого досуга и отдыха. Если в европейской традиции музей предстает как храм науки, искусства и просвещения, то североамериканская концепция рассматривает его, прежде всего, как место обучения, отдыха и развлечения.

По мнению многих исследователей, для Запада и Востока характерны разные типы мировоззрения. Древнейшие верования народов Азии изначально формировали в их психологии созерцательное мироощущение, требующее полного слияния с природой и универсумом. Поэтому восточный подход к искусству в корне отличался от западного и предполагал, что полноценное эстетическое наслаждение возможно при рассматривании одновременно лишь небольшого количества произведений, причем в избранном кругу.

Если рассматривать музей как специфический инструмент сохранения ценностей, важных для трансляции культурной традиции, то его аналогом у индейцев Америки, аборигенов Австралии и Океании, многих племен Африки выступают иные организационные формы – общинные дома, мужские дома, святилища, помещения для членов различных союзов и т. п. И если с проблемой консервации предметов эти туземные «музеи» не справляются, то свою главную задачу – сохранение традиций общины – они с успехом выполняют.

Процесс становления музея как социокультурного института начался в России почти на два столетия позже, чем в Западной Европе. Российские музейеведы предлагают периодизацию музейных процессов в России, в основу которой положено представление о музее как некоей культурной форме, выработанной человечеством на определенном этапе развития³.

I. Протомузейный период – до начала XVIII века

II. Генезис музея как культурной формы:

– возникновение музеев в России и адаптация новой культурной формы к российским условиям (XVIII в.);

- развитие музея и превращение его в национальную культурную форму;
- формирование музейного мира как особой сферы культурной жизни (XIX в.);
- приобретение музеем статуса «культурной нормы» (1890-е–1920-е гг.)

III. Включение музеев в отечественную культурную традицию;

- музеи советской эпохи (1930-е–1980-е гг.)
- музеи постсоветского времени (1990-е гг.)

Первым российским музеем принято считать основанную Петром I в 1714 году петербургскую Кунсткамеру, которая стала заимствованной формой распространенного в то время в Западной Европе музейного учреждения. В самой Европе генезис музея как культурной формы к моменту заимствования этой формы из европейской практики, не был завершен, но ее эффективность уже проявилась достаточно отчетливо. Таким образом, использовать европейскую форму оказалось проще и экономнее, чем выработать собственный аналог, но национальная специфика могла проявиться (и проявилась) в значительной степени.

Значительный качественный скачок в развитии музеев России происходит в начале XIX века. Общество начинает связывать решение многих проблем именно с музеями. Музейная форма апробируется для решения различных культурных, научных, просветительских, воспитательных целей и постепенно завоевывает авторитет в общественном сознании. Происходят и количественные изменения. В первые годы нового столетия целая группа протомузейных учреждений России (в том числе старейшее – Оружейная палата в Московском Кремле) почти одновременно преобразовываются в музеи. В России в первой трети XIX века появилось в два раза больше музеев, чем за все предшествующее столетие. Пожалуй, можно утверждать, что к середине XIX века музеи интегрировались в социальную практику.

Следующий этап генезиса музея и превращение его в национальную культурную форму продлится до конца 1890-х годов. К началу XX века в России, по далеко не полным данным, музеи работали уже в 104 городах. В обеих столицах действовали десятки музеев. Из них собрание Эрмитажа имело мировую известность. Исторический и Политехнический музеи, Третьяковская галерея, Русский музей, претендовали на значение национальных. Генезис музея как культурной формы в России завершился в 1920-е годы, (некоторая задержка произошла в результате Первой мировой войны и Октябрьской революции), причем оптимальным образом, то есть обретение музеем статуса культурной нормы, социального стандарта.

XX век породил феномен тоталитаризма как принципиально новый тип общества, в котором музеи превратились в «политико-просветительские комбинаты». Главной задачей их экспозиций становится уже не показ памятников истории и культуры, не научно-просветительная деятельность, а пропаганда монополизированной партийной идеологии. При этом серьезно деформировались все виды музейной работы. Свертывались научные исследования в области профильных дисциплин, резко сужалась тематика комплектования музейных фондов, а деятельность по формированию источниковой базы для науки часто подменялась простым сбором материалов для экспозиции. Из музейного обихода изымались материалы, противоречащие политическим догмам, идеологическим шаблонам и идеализированным образам «вождей».

С тех пор и до настоящего времени музеи почти целый век являются важными элементами культурной жизни страны, то есть они оказались включенными в отечественную культурную традицию и продолжают жить и развиваться, несмотря на кризисы и перестройки, взлеты и падения, войны, революции, геополитические изменения в мире. Музей как культурная форма воспроизводится во множестве вариаций (артефактов), являясь компонентом современного образа жизни¹.

Из истории создания музеев Казахстана

Периодизация истории развития музейного дела в Казахстане тесно связана с процессом модернизации, которому подверглось казахское общество, после вхождения в состав Российской империи². Подчинение империи означало потерю не только политической самостоятельности, но и восприятие новых культурных форм, к которым, безусловно, относится музей. Кроме того, процесс становления музейного дела и институционализация музея, как особой культурной формы, в Казахстане имел свои специфические особенности и растянулся на несколько веков.

Хранение и передача по наследству предметов одежды и быта выдающихся людей всегда присутствовали в традиционной культуре. Эти предметы приобретали статус «киели заттар» («свя-

щенные реликвии»). Их сохранение было связано с традиционным мировоззрением казахского народа, культом предков и находилось в одном ряду с такими явлениями, как поклонение священным природным явлениям или могилам предков. Тем не менее, наличие данной традиции дает основание на признание наличия культурной базы для появления музеев и понимания их места и роли, значения в национальном сознании.

В Казахстане музей возникает здесь как явление культурного заимствования. Свое подлинное призвание казахстанские музеи смогли воплотить только с началом приобретения государственного суверенитета. Поэтому на протяжении всего предшествующего периода музеи в казахской культуре играли двоякую роль. Объективно они несли достаточно большой просвещенческий импульс и способствовали накоплению информации и знаний об окружающем мире, о прошлом и настоящем современной цивилизации.

Особенность первого периода музейной истории Казахстана (1827–1929 гг.) состояла в том, что необходимость модернизации, под которой подразумевалась европеизация, осознавалась как последнее средство выживания и сохранения казахского этноса в условиях колониальной зависимости. С этим связана повсеместная и сознательная ориентация казахской элиты на западные стандарты в сфере науки, образования, просвещения. В русле этих преобразований лежат и причины, обусловившие появление казахских музеев. Первые казахские музеи были заимствованной формой уже готовой модели музея местного края, очень распространенного в то время в России, Западной Европе.

К числу первых казахских музеев, созданных как подражание европейской музейной традиции, следует считать «Оружейную палату» хана Жангира. Идея организации собственного музея возникла у хана во время посещения Петербурга и осмотра музеев столицы в 1827 году. После этой поездки он разослал своей чингизидской родне специальные письма с просьбой передать ему редкие вещи, в особенности оружие, представляющее семейно-династическую и историческую ценность. У самого Жангира имелось немало семейных реликвий, доставшихся ему от отца – хана Букея, которые стали основой музейной коллекции, впоследствии постоянно пополнявшейся как за счет добровольных пожертвований со стороны ханской родни, так и за счет целенаправленного сбора. Это музейное собрание с самого начала было призвано служить демонстрацией богатства, славы и воинской доблести казахской правящей элиты. Особое значение «Оружейной комнаты» для истории музейного дела Казахстана состоит в том, что оно было первым подлинно национальным музейным собранием, созданным казахским ханом на казахской земле.

Не вызывает сомнения, что это было музейное учреждение со всеми присущими музею функциями, с продуманной, систематизированной коллекцией, которая создавалась на протяжении нескольких лет и продолжала постоянно пополняться. Музей с самого начала носил публичный характер и был важным элементом культурной жизни ханской ставки. Его в обязательном порядке посещали гости хана и приезжие путешественники. Несколько раз в году он открывался для посещения учениками местной казахской школы.

Однако судьба музея сложилась трагически. Музей погиб, перестал существовать, как и само казахское ханство во главе с последним казахским ханом. После смерти хана Жангира музей функционировал еще два-три года, его посещали путешественники и исследователи, оставившие многочисленные описания. Несмотря на то, что практически от музея в Орде ничего не осталось, создание подобного тематического собрания на казахской земле представителем казахской элиты дает основание утверждать, что историю музейного дела Казахстана нужно начинать именно с этого факта.

К этому же времени относится создание музеев в Оренбурге (1831 г.), Семипалатинске (1883 г.) и Верном (Алматы) (1897 г.). Почти все они создавались в результате частной инициативы отдельных людей. Причем разброс их социального положения был здесь весьма значительным – от военных губернаторов до политических ссыльных. Музей был «модным» культурным увлечением в XIX веке. Безусловно, создание музеев в Казахстане было невозможным без поддержки этого начинания со стороны представителей казахской интеллектуальной элиты. Плодотворное сотрудничество с ней способствовало появлению большей части этнографических и естественнонаучных коллекций, впоследствии также пополнивших собрания ведущих музеев России и Европы.

В Казахстане просветительская модель музея имела свою специфику, поскольку он представлял собой регион, только что вошедший в состав Российской империи, и его освоение имело большое стратегическое значение. Поэтому не случайно то, что большинство казахстанских музеев создаются при учреждениях, занимавшихся непосредственно изучением экономических ресурсов края – статистических комитетах. Помимо выполнения своих прямых обязанностей – сбора опера-

тивной статистической информации об экономическом, демографическом состоянии региона, они вели большую исследовательскую работу, разбирали местные частные и государственные архивы, описывали и изучали памятники древности, проводили исторические и этнографические обследования губерний. Постепенно в ходе такой деятельности стали складываться коллекции памятников истории края, на базе которых впоследствии могли создаваться музеи. Музей становился логическим продолжением научной и собирательской деятельности статистических комитетов. Он создавался одновременно с публичной библиотекой. Это был своеобразный просветительский комплекс, показатель прогрессивного развития края, культурную позитивность которого сохраняют до сих пор коллекции старейших музеев Казахстана.

Следующий этап истории музейного дела нашей страны охватывает период с 1917-го по 1929-й годы. Это достаточно короткий период, связанный с началом длительного политического кризиса, охватившего Российскую империю в начале XX века. Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции и последовавшая за ними Гражданская война, безусловно, не могли способствовать развитию и совершенствованию музейного дела. Голод, разруха, грабежи и другие социальные катаклизмы приводили к сокращению числа музейных учреждений, уходу из них квалифицированных специалистов. Зачастую руководителями музеев в этот период оказывались случайные люди, не обеспокоенные сохранностью музейных коллекций. Стрессовая ситуация усиливалась резкой сменой идеологической парадигмы. Нигилистический отказ от прежнего культурного наследия как «феодално-байского», провозглашение создания новой советской, социалистической культуры не могли, не отразится на состоянии музеев, как хранилищ этого наследия.

Несмотря на трагические события 1930-х годов, к началу 1940-х годов в советском государстве начался процесс интенсивного наращивания количественных показателей в области культуры. Увеличивается число самих учреждений культуры, в том числе и музеев. Здесь нельзя не отметить (опять же в контексте построения многонационального советского государства) интерес к сбору этнографических подлинников народов Средней Азии и Казахстана. Собранные в те годы коллекции до сих пор не утратили своей ценности и являются источником знаний о культуре народов Центральной Евразии. Следует отметить великолепный академизм, с которым были описаны эти коллекции – свидетельство научной школы, которая сохранилась, не смотря на репрессии в среде ученых.

К 1941-му году СССР занимал ведущее место в мире по числу музеев⁶. В Казахстане в этот период наметились позитивные изменения в русле социалистического строительства. Открывались ведущие учебные заведения (государственный университет, сельскохозяйственный, медицинский и педагогический институты), заложены основы отечественной науки созданием в 1932 году академической базы, а затем филиала Академии наук СССР в Казахстане (1938 г.). Растет и расширяется музейная сеть республики. За предвоенный период открыто 5 новых музеев.

Однако поступательное развитие музейного дела было прервано начавшейся Великой Отечественной войной, которая нанесла большой урон состоянию музейного дела Советского Союза. Помимо прямых физических потерь, связанных с уничтожением или разграблением многих музеев, оказавшихся в зоне военных действий и оккупации, большое значение имели так называемые косвенные потери, связанные с резким падением качественных показателей в музейной работе. Прежде всего, это сокращение финансирования, ослабление материально-технической базы, кадровые потери.

К концу 1950-х годов наблюдается определенное оживление музейной деятельности, чему способствовали процессы демократизации, снятие «железного занавеса», развитие туризма, прежде всего, международного. Казахстанские музеи оказались вовлеченными в систему международного музейного сообщества, чему в значительной степени способствовало вступление в 1957 году в Международный совет музеев (ИКОМ). Позитивные изменения в музейной жизни продолжали нарастать. Возрастает внимание общественности к проблеме охраны памятников культуры. В большем объеме, чем в предшествующие годы, велись восстановительные и реставрационные работы. В 70–80-е годы XX века было открыто много музеев районного масштаба, призванных формировать принципы социалистической идеологии на местах. Особо уделялось внимание музеям, экспозиции которых были посвящены местным героям труда, героям-комсомольцам, героям Великой Отечественной войны. Работа таких музеев как нельзя лучше способствовала формированию локального патриотизма, перерастающего в советский всеобщий патриотизм.

Все эти позитивные перемены в казахской музейной практике соответствовали общемировой тенденции роста интереса к музеям и осознания их неисчерпаемого культурного потенциала. Именно в эти годы в Казахстане началось строительство специальных музейных зданий для Музея

изобразительных искусств им. А. Кастеева и Центрального государственного музея (ЦГМ). Появляются музеи со специализированной направленностью, посвященные отдельным историческим эпохам и событиям. Наглядным примером может служить Отырарский музей, организованный рядом с раскопками городища Отырар.

Качественно новый этап в истории музейного дела определился с обретением Казахстаном в 1991-м году независимости. С этого момента можно говорить о собственном пути развития казахских музеев. Одной из самых популярных и востребованных становится национальная тематика. Возрождением лучших традиций музейного дела стала актуализация научно-исследовательской работы. Значительно расширяется музейная сеть. Появляются новые типы музеев.

Таким образом, двухсотлетняя история развития музейного дела Казахстана характеризуется периодами спада и подъема, обусловленными спецификой исторической эпохи. От единичных учреждений музеи Казахстана перешли к разветвленной музейной сети. К сегодняшнему дню значительно расширилась сфера влияния музеев на общество, произошли серьезные сдвиги в практике и теории музейного дела.

Современное понимание музея

Сегодня музей традиционно рассматривается как особый социальный институт, обладающий подвижной структурой и призванный реализовывать в обществе некую функцию или группу функций⁷. Общественные потребности обуславливают соотношение социальных функций музея. Конкретная социально-культурная ситуация на разных этапах развития социума в качестве преобладающих выдвигает различные функции: документирования или хранения, культурно-образовательную или научно-исследовательскую. В зависимости от того, какая функция считалась главенствующей, предлагалась та или иная структура музейного учреждения, рассчитанная на максимально эффективную реализацию данной функции.

В настоящее время на базе структурно-функционального подхода разрабатывается ряд концептуальных моделей музея. Например, концепция музея как научно-исследовательского учреждения, которое концентрирует объекты природы, памятники материальной и духовной культуры. Музейные предметы, имея огромное значение для ряда отраслей науки, представляют собой источниковую базу, необходимую многим исследовательским учреждениям, и в то же время совокупность музейных предметов составляет основу научно-исследовательской деятельности самого музея (автор концепции Д. И. Тверская)⁸.

Также в контексте структурно-функционального подхода предлагается концептуальная модель музея как культурно-просветительного учреждения, которое обладает большим воспитательным потенциалом. Его основная задача – консолидация населения на базе культурной деятельности и организация массового движения за сохранение и обогащение духовного наследия (автор концепции С. В. Голышев)⁹.

О музее как учреждении с просветительскими целями говорят социологи И. Бестужев-Лада и М. Озерная. В этом случае музей рассматривается как «социальный институт, примыкающий к системе народного образования». Авторы подчеркивают, что «как и всякая школа, музей воспитывает, учит, развивает своих посетителей»¹⁰.

Несмотря на то, что, начиная с 1960-х годов, такая точка зрения и связанные с ней принципы конструирования музея и методы его работы становятся все менее популярными, эта позиция бытует и в современном отечественном музееведении и за рубежом. Среди зарубежных музеологов она активно пропагандируется, в частности, М. Адамсом, считающим, что основная задача музеев – «с помощью музейных коллекций распространять накопленные учеными знания». Пик развития данной концептуальной модели в русской музеологии приходится на начало 1920-х годов, когда музей трактовался «как мощное оружие просвещения», «средство действительного массового обучения и воспитания»¹¹.

В контексте структурно-функционального подхода в настоящее время популярна концепция музея как рекреационного учреждения, когда главенствующей социальной функцией музея считается организация свободного времени. Поддерживающий эту модель Ю. У. Гуральник считает, что «...уже сегодня проявляются такие черты будущих музеев, как их большая ориентация на сферу свободного времени населения»¹².

Однако большинство исследователей определяют музей как социальный институт через выполняемые им функции. Согласно дефиниции М. Е. Каулен и Е. В. Мавлеева, приведенной в Российской музейной энциклопедии, музей – это «исторически обусловленный многофункциональ-

ный институт социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации специфической группы природных и культурных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение, – музейных предметов».

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что исследования, осуществляемые по этому направлению, имеют своей целью выявление путей совершенствования музея как исторически сложившегося и закреплённого в общественном сознании структурно-функционального стереотипа.

Сегодня в русле феноменологического направления в создании концепции музея наиболее распространён коммуникационный подход. Его общетеоретические источники содержатся в теории коммуникации как междисциплинарной концепции передачи информации и в семиотике, описывающей формальные аспекты коммуникационных процессов. В контексте коммуникационного подхода музей трактуется как специфическая коммуникативная система, которая посредством экспозиции, через музейные предметы (экспонаты) как знаковые компоненты передаёт специфическую информацию о процессах или явлениях. Информация закодирована в форме самих вещественных, предметных частей исследуемого процесса или явления. «Первоэлементом» музея как коммуникативной системы, носителем специфической музейной информации здесь называется музейный предмет, который в контексте данного подхода рассматривается как знак – материальный предмет, выступающий в качестве представителя некоторого другого предмета, свойства или отношения, и используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи сообщений, служащих для характеристики явлений или событий в процессе музейной коммуникации (автор концепции В. П. Арзамасцев)¹³.

Подводя итоги, можно отметить, что современное российское музееведение располагает обширным набором разнообразных концепций, каждая из которых отражает особенности того или иного исследовательского подхода к музею как к объекту познания. Это свидетельствует о том, что единой научно обоснованной концепции музея как специфического объекта культурного пространства не выработано, эта работа продолжается в настоящее время с использованием все новых и новых достижений как собственно музееведения, так и смежных наук.

В международной практике обычно используется определение, выработанное Международным советом музеев (ИКОМ) и включённое в его Устав в 1974-м году. С учётом поправок, внесённых в последний вариант Устава в 1995-м году, эта дефиниция звучит следующим образом: музей – это постоянное некоммерческое учреждение, находящееся на службе общества и его развития и открытое для людей, оно приобретает, сохраняет, изучает, популяризирует и экспонирует в образовательных, просветительных и развлекательных целях материальные свидетельства человека и окружающей его среды¹⁴.

Исследование современного понимания музея в Казахстане рассматривает научный сотрудник ЦГМ РК, кандидат исторических наук Г. Ш. Файзуллина, которая констатирует некоторую «разбросанность» музея в осознании, рефлексии по поводу собственного амплуа и деятельности, не сформулировано назначение музея на языке миссии, полномочий, целей, задач, что обычно происходит при создании полнокровной концепции развития¹⁵.

Исходная причина такого состояния лежит в неправильном осознании или неправильном формулировании миссии (в терминах американского менеджмента) музея. «Не последнюю роль здесь играют те смысловые оттенки, которые ассоциированы у нас со словом «миссия». Это и особое предназначение, и суровый путь, и монашеская обитель, и секретная задача, и многое другое из той же таинственно-священной сферы. Однако полезно вспомнить, что слово «миссия» произошло от очень простых значений: «посылка», «поручение». В теории организационного развития «миссия» гораздо ближе к такому пониманию: это некий посыл, сообщение во внешний мир о том, что представляет собой организация»¹⁶.

Итак, «миссия организации – это, с одной стороны, тот самый «флаг», который нужен для презентации фирмы внешнему миру (в первую очередь, клиентам), и то «знамя», под которое собираются люди, чтобы сплочённой командой воплощать в жизнь дела, которых ждёт от организации внешний мир...»¹⁷. «Миссия учреждения культуры формируется как объективное, краткое и желательно вдохновляющее высказывание о смысле его деятельности и предназначении»¹⁸.

Какова же миссия музеев вообще и каждого музея в отдельности? Многие идут к этому понятию через определение музея. Одно из наиболее известных принадлежит русскому философу Н. Ф. Фёдорову (1829–1903 гг.): «Музей есть не собирание вещей, а собор лиц»¹⁹. С данным определением перекликается мнение Барри Лорда и Гэйл Д. Лорд: «Музеи – это не здания, в которых что-то

находится, и даже не собрания (не коллекции), которые в этих зданиях хранятся, хотя и то и другое само по себе важно. Музеи – это комплексные учреждения культуры, которые занимаются собиранием и хранением материальных носителей культурного наследия и, кроме того, разъяснением его смысла... Музеи ... возникают потому, что разъяснение смысла сохраняемого ими наследия имеет большое социальное и даже политическое значение»²⁰.

К сожалению, приходится констатировать факт, что в «классическом» учебнике «Музееведение. Музеи исторического профиля» в определении «музея» миссия пропала, растворилась в функциях (исчез ответ на вопрос – для кого). Например, «музей – ... многофункциональный институт социальной информации, предназначенный для сохранения... ценностей, накопления и распространения информации... Музей комплекзует, хранит, исследует коллекции музейных предметов, а также использует их в научных, образовательно-воспитательных и пропагандистских целях»²¹.

Для сравнения приводим некоторые формулировки миссий (приоритетных задач), предложенные казахскими музеями: «миссия музея – комплектование, учет и хранение культурного наследия региона, страны; ввод в научный оборот памятников истории и культуры народов; пропаганда научных знаний по истории...» и т. д., «пропаганда исторических памятников и их охрана», «сохранение и популяризация произведений искусства», «проведение научно-исследовательской работы, просветительской пропагандистской работы по истории возникновения...», «хранение культурно-исторических ценностей, пропаганда народных традиций и обычаев и приобщение к истории края» и т. п. Однако в этих формулировках исчез субъект, то есть те, для кого это всё делается.

Необходимо заметить, что формулировки миссий детских музеев России и Казахстана построены более правильно, видимо, так произошло от того, что эта была группа музеев, которые выбрали относительно новое направление в музейной деятельности, ориентацию на конкретную аудиторию (детскую или молодёжную). Сотрудники этих музеев понимают, на кого работают, поэтому и выстраивают миссию, цели, задачи. Некоторые примеры из опыта работы наших российских и казахстанских коллег: Детский Исторический Музей (Санкт-Петербург) – «формирование у подрастающего поколения исторического сознания и политической культуры», Детский музейный центр Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника – «формирование исторического сознания, приобщение детей к традициям национальной культуры, воспитание бережного отношения к историко-культурному наследию», Музей «Гасырлар бесігі» (Алматы) – «воспитание подрастающего поколения в духе любви к истории и культуре своей страны», Детский музей «Шанырақ» (Алматы) – «воспитание свободного человека – гражданина демократической страны, формирование в нём активной жизненной позиции, умения достойно пользоваться правом выбора культурных ориентиров, привитие вкуса к общению с музейными ценностями».

Формулировка миссии заставляет задуматься о необходимости конкретного музея, о перспективах его существования, и является основой его долгосрочной политики. Отсюда становится понятным, почему так важно хорошо и правильно сформулировать миссию, а вслед за ней и полномочия, цели и задачи музея²². Это вопрос конкурентоспособности всех музеев, каждый из которых должен уметь ответить на вопросы «Зачем?» и «Для кого?».

Таким образом, исторический путь, пройденный музеями, свидетельствует – музеи появляются как новая организационная форма в сфере культуры в XV–XIX веках, росли в общественную жизнь в XX веке, и, несомненно, станут символами человеческого наследия в XXI веке.

ОСНОВНЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МУЗЕЯ (НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ И ОПЫТА РАЗВИТИЯ ДРУГИХ СТРАН)

Перспектива и развитие музеев Казахстана может строиться на изучении и опыте лучших музеев мира. Требуется осмысление и анализ стратегий музеев других стран, тщательная выборка методов и инструментов развития. Связано это с тем, что особенности формирования и развития музейных систем в разных странах имеет свою специфику. В первой главе данного исследования указывалось, что музейная система Казахстана, в основном, является продуктом российского музейного дела в советском варианте. В свою очередь, российские музеи когда-то появились под влиянием европейской культуры. Однако в Европе структура музеев развивалась и совершенствовалась согласно внутренней логике, исходя из интересов сохранения и использования музейных коллекций, тогда как в Советском Союзе приоритетной стратегией музеев стала идеологическая функция. Этот фактор наложил отпечаток на всю музейную систему. По-другому складывалась ситуация в США, где музеи финансируются, в основном, не за счет государства, а за счет частных

вложений. Исторически сложилось так, что в этой стране музеи в большей степени чем европейские коммерциализированы и изначально всегда были ориентированы на посетителя, на то, чтобы стать местом игры, отдыха и познания.

Рассматривая стандарты профессиональной деятельности, необходимо обратиться, прежде всего, к лучшему зарубежному опыту, и во многих случаях к российскому, учитывая исторические предпосылки и связи между казахстанским и российским музееведением.

Современный музей – сложная многоуровневая система, построенная на сбалансированном взаимодействии всех его структур. Основа и сердцевина всего музея – это его коллекция. Хотя каждый музей индивидуален, существуют определённые принципы и требования, которые относятся ко всем музеям, независимо от размера коллекций, персонала и его места расположения. Эти главные принципы системно изучает, развивает и продвигает Международный совет музеев (ИКОМ).

Нормативно-правовое обеспечение деятельности музеев

Нормативное правовое регулирование в области хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, входящих в состав музейных коллекций Республики Казахстан и находящихся в государственной собственности, является ключевым механизмом и необходимым и обязательным условием при постановке целей и задач развития и реализации культурного и духовного потенциала нации.

Чрезвычайно важной в связи с этим является деятельность соответствующих государственных институтов по формированию документов нормативно-правовой и методической направленности (законы, постановления, распоряжения, решения органов законодательной и исполнительной власти субъектов Республики Казахстан, приказы министерств, агентств и служб и т. д.).

В качестве примера развитого нормативно правового обеспечения деятельности музеев приводится опыт Российской Федерации, где еще с советского времени были сосредоточены все законодательные, исследовательские и образовательные базы по музеям. Согласно российским стандартам нормативная правовая база по сохранению, учету и использованию музейных коллекций предусматривает принятие огромного пакета законов, законодательных актов, постановлений и инструкций.

В условиях сложившейся государственной системы Российской Федерации следует отметить, как минимум, пять уровней регулирования процессов хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, входящих в состав Государственного Музейного фонда:

- федеральное законодательство в сфере культуры, которое должно обеспечить общие правовые основы государственной политики в области культуры и их увязку с иным законодательством (гражданским, бюджетным, налоговым и т. д.), а также с нормами международного права;

- законодательство субъектов Российской Федерации, конкретизирующее вышеназванные основы применительно к местным условиям;

- акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации;

- отраслевые и ведомственные нормативные правовые акты, например, Министерства культуры России;

- внутренние акты учреждений культуры (включая музеи федеральных министерств и ведомств, а также Российской академии наук и отраслевых академий наук, имеющих государственный статус), в уставах которых имеется указание на принадлежность музейных предметов и музейных коллекций к Музейному фонду Российской Федерации.

Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР, утвержденная приказом Министерства культуры СССР от 17 июля 1985-го года № 290, в которой определены права, обязанности и ответственность сотрудников музея по вопросам учета и хранения музейных ценностей, а также порядок обеспечения юридической и физической защиты музейных ценностей и формы основной учетной и иной документации по перемещению музейных ценностей. Однако эта инструкция, принятая более 20 лет назад, не учитывает появившихся после ее издания возможностей использования информационно-коммуникационных технологий в организации учета и хранения музейных ценностей.

Данная инструкция до сих пор является базовой для музеев большинства стран СНГ (в том числе и Казахстана).

На основе указанной инструкции и с учетом других нормативных документов руководство музея обязано разработать собственную инструкцию, определяющую внутренний порядок учета, хранения и реставрации музейных ценностей (хранение их в запасниках, в постоянной экспозиции и

на выставках, прием и выдачу в постоянное или временное пользование, реставрационные осмотры, охрану, дежурства, опломбирование и опечатывание помещений, хранение ключей, права и обязанности хранителей, научных сотрудников, реставраторов, смотрителей залов). Пожарная и сторожевая охрана определяются в установленном порядке.

Юридическая защита музейных предметов и музейных коллекций обеспечивается путем разработки и ведения учетной документации, организации хранения музейных предметов и музейных коллекций на основе единых правил и условий, определяемых федеральным органом исполнительной власти, независимо от того, в чьей собственности они находятся.

В Казахстане идет постепенное создание законодательной базы, которая связана с развитием музейного дела. Дальнейший этап требует совершенствования: принятие законов о «Музейном фонде», «О ввозе и вывозе», Положения о Государственном каталоге и т. д. Казахстанские музеи во многом до сих пор опираются в своей деятельности на инструкции советского периода. Эти документы в целом отвечают всем требованиям современного музееведения и требуют лишь небольшой доработки с учетом некоторых нынешних факторов, особенностей и развернутого перевода на государственный язык.

Управление музеем. Структура музея. Кадровое обеспечение

Управление музеем. В вопросах управления музеем, его коллекцией можно обратиться к лучшему зарубежному опыту, изложенному в справочнике-руководстве ИКОМ «Управление музеем: практическое руководство», изданном в 2004-м году в целях поддержки международных стандартов профессиональной музейной работы. Выделяются три взаимосвязанных элемента управления коллекциями:

– регистрация коллекций обеспечивает основную отчетность организации по множеству различных экспонатов, артефактов, образцов и документов, которые находятся в доверительном управлении музея для нынешнего и будущего поколений человечества;

– сохранение коллекций является важным аспектом управления коллекциями, лежащим в основе других видов деятельности музея;

– предоставление контролируемого доступа к коллекциям через выставки или исследования является частью задачи музея по просвещению и интерпретации при одновременной защите коллекций. Письменное изложение вопросов регистрации, сохранения и обеспечения доступа может быть использовано в качестве основы политики управления коллекциями²³.

В целях успешного управления коллекциями, решения в отношении музейных коллекций всегда должны приниматься последовательно и после их тщательного изучения. Поэтому самым важным документом, относящимся к музейным коллекциям, является положение о политике управления коллекциями (в России аналогом такого документа является «Концепция комплектования фондов»). Политика управления коллекциями служит практическим руководством для персонала музея и является публично-правовым документом, разъясняющим ответственность музея за коллекции и их сохранность. Таким образом, наличие политики управления коллекциями является показателем профессиональной и этической ответственности музея.

По мнению ведущих музееведов,²⁴ подобный программный документ как «Концепция комплектования фондов» должен включать следующий основной спектр вопросов, вбирающий в себе все многообразие музейной деятельности: цели и задачи музея; кодекс этики; регистрация; приобретение и внесение в каталог; действительный правовой титул, происхождение и экспертиза; чувствительные и охраняемые материалы; оценка и аутентификация; снятие с учета и ликвидационная распродажа; возврат и реституция; каталогизация, учетные обозначения и маркировка; инвентаризация; временное пользование; описание сохранности и глоссарий/стандарты; документирование; сохранение коллекций; хранилища музейных фондов; обращение с коллекциями и перемещение; фотографирование; готовность к чрезвычайным ситуациям; страхование; доступ к коллекциям; безопасность; выставки; контролируемая климатическая среда; контроль над коллекциями на выставках; специализированные выставочные материалы; упаковка и транспортировка; исследование; экспедиционные сборы; собственные исследования коллекций; посетители-учащиеся и приглашенные исследователи; деструктивный анализ; частное коллекционирование и частное использование коллекций; превентивная консервация; реставрация.

В силу своей природы музей как институция всегда был консервативен, и любое совершенствование его структуры требует как детальной обоснованной подготовки, так и очень длительного времени. Музеи России сегодня пытаются очень деликатно и аккуратно внедрить в свою деятель-

ность инновационные формы работы, заимствованные из зарубежных музеев. Эти новшества дошли и до Казахстана.

Сегодня является признанным, что одно из назначений музея – образование культурой. Отсюда и термин, который обозначает одну из функций музея – культурно-образовательная деятельность. Ушли в прошлое, внося свой достойный вклад в развитие музеев, и просветительная модель музеев (1870–1890-е–середина 1920-х гг.), и политизированная (1920–1950-е гг.), и информативная (1960-е–середина 1980-х гг.).

Актуальной стала коммуникативная модель музеев (конец 1980-х–2000 гг.). В связи с этим, наверное, стоит в музеях планировать не научно-просветительную деятельность (в традиционном понимании этого термина), а культурно-образовательную. Отделы по работе с посетителями назвать, например, «отделами образования», «отделами реализации образовательных программ» или «отделами музейной педагогики» (наука, изучающая образовательные аспекты музейной коммуникации)²⁵.

Среди наиболее острых проблем, с которой сталкиваются музеи стран СНГ – нехватка профессиональных кадров и необходимость повышения квалификации сотрудников. В советское время система получения музееведческого образования или повышения квалификации была сосредоточена, в основном, в Москве или в Ленинграде. В России находились вузы и Институт повышения квалификации работников культуры. Почти во всех остальных бывших республиках такой развитой базы не было. Сегодня в той же Российской Федерации музейные работники имеют возможность получить высшее образование по специальностям: «Музеология» (031502) в 48 государственных высших учебных заведениях и «Музейное дело и охрана памятников» (070503) в 22 государственных высших учебных заведениях. Необходимо отметить, что наиболее востребованы в музеях выпускники, подготовленные по специальности 070503. Однако их готовят только в 22 государственных высших учебных заведениях, из которых только 12 – являются профильными.

Анализ учебных программ, проведенный музейными специалистами-практиками, показывает, что отношение количества учебных часов по теме «Комплектование, учет и хранение музейных предметов» к количеству учебных часов, посвященных всем общепрофессиональным музейным дисциплинам, составляет 0, 02 по специальности 031502 и менее 0, 04 – по специальности 070503. Следует отметить, что за столь малое время студент должен ознакомиться не только с процессом учетной обработки музейных предметов и многочисленными учетными документами, но и с принципами комплектования, музейным оборудованием, различными системами охранной сигнализации, с условиями хранения музейных предметов и многими другими вопросами.

В Республике Казахстан существует всего несколько вузов, в которых имеется специальность «Музеология» или «Музейное дело» – Туркестанский университет и КазНУ им. Аль-Фараби. В последнем университете имеется магистратура, в списке ВАКа есть шифр специальности 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов. В основном, во всех музеях в качестве специалистов работают историки, филологи, психологи, философы. Только у историков и художников в программе обучения есть курс «Музейное дело», который занимает лишь несколько десятков часов в годовой программе, включая небольшую практику в музее. К сожалению, такой короткий по часам курс очень мал для получения профессиональных знаний.

В настоящее время на базе Института культурной политики и искусствознания в Алматы действуют республиканские курсы повышения квалификации для музейных специалистов, которые дают по мере своих возможностей новые знания, но уровень этих курсов требует совершенствования и привлечения коллег из ближнего и дальнего зарубежья.

Научно-фондовая работа

Система организация сохранения и реставрации музейных предметов и музейных коллекций

Организация сохранения и реставрации музейной коллекции – сложный процесс, включающий в себя комплекс различных мероприятий. Международная практика в этом отношении накопила огромный опыт.

Реставрация и консервация. В России согласно «Сводной аналитической записке» Счетной палаты вопросы реставрации и консервации музейных предметов занимают особое место при анализе состояния фондов музеев. Согласно показателям формы № 8-НК «Сведения о деятельности музея» за 2005-й год каждый 14-й музейный предмет, или 7 % предметов основного фонда, требует реставрации.

При этом следует иметь в виду, что в конце 90-х годов прошлого века и начале 2000-х социально-экономические факторы обусловили сокращение количества квалифицированных реставраторов и, прежде всего, в региональных музеях.

Значительная часть работ по реставрации и консервации музейных предметов и коллекций выполняется реставрационными мастерскими, организованными в самих музеях.

Консервация или реставрация музейных ценностей может производиться только на основе уже положительно зарекомендовавших себя методов и реставрационных материалов, прошедших опытную проверку в течение длительного времени в одном из специализированных учреждений системы Министерства культуры России или в реставрационных мастерских одного из центральных музеев в Российской Федерации и рекомендованных ими для практического применения.

Наибольшее влияние на развитие реставрационной деятельности оказывают, прежде всего, крупнейшие центры реставрации: Всероссийский художественно-научный центр им. академика И. Э. Грабаря, Государственный научно-исследовательский институт реставрации, отдел научной реставрации и консервации Государственного Эрмитажа, отдел научной реставрации Государственного Исторического музея и другие.

Для поддержания реставрационной деятельности на должном уровне необходимо уделять внимание не только увеличению и расширению реставрационных центров, совершенствованию материально-технической базы реставрационных мастерских (включая оборудование и материалы), но и созданию оптимальных условий для работы уникальных специалистов и стажирующихся музейных реставраторов.

В Казахстане, к сожалению, нет реставрационных центров. Реставрация музейных предметов – одна из самых злободневных проблем казахстанского музееведения.

Учет музейных фондов. Фондовая документация

Учет музейных фондов является одним из основных направлений фондовой работы. Правила учета были разработаны еще в советский период и до сих пор сохранили свою актуальность, и методологически обоснованы. В последние годы эти правила были усовершенствованы в связи с компьютеризацией музейного фонда²⁶.

Цель учета состоит в юридической охране музейных фондов и прав музея на данные, полученные в результате изучения музейных предметов и коллекций. Учет фондов представляет собой непрерывный процесс, поскольку фонды музея постоянно пополняются, ведется контроль над движением предметов и их состоянием. Порядок учета, хранения и научной обработки музейных предметов регулируется нормативными документами министерства культуры.

В процессе учета музейных фондов составляется по установленным формам учетная документация. В ней содержатся данные об отдельных предметах и группах предметов, о порядке их поступления в музей и различные фондовые подразделения. Большинство из документов имеют юридическую силу, подлежат регистрации и вечному хранению. Это акты приема, акты выдачи, книги поступлений, книги научной инвентаризации.

Государственный учет музейных фондов предусматривает два этапа, которые отражают степень изученности музейных предметов: первичная регистрация поступивших в музей предметов и инвентаризация, то есть научная регистрация музейных предметов (основная форма изучения, описания и научного определения предметов основного фонда). Юридические документы первичного учета и научной инвентаризации тщательно сохраняются; доступ к ним имеет ограниченный круг лиц.

Наряду с термином «учетная документация» существует и более широкое понятие – «фондовая документация». Помимо учетных она включает документы, образующиеся в процессе физической охраны фондов, а также при их классификации и систематизации, классификационные схемы, каталоги и указатели. Таким образом, система фондовой документации содержит и передает сведения, как о самих фондах, так и о тех явлениях и процессах, которые документируют музейные предметы. Следовательно, она представляет собой информационную систему. Помимо собственно фондовой документации в нее входят исследования отдельных предметов и их групп, опубликованные в виде монографий и статей, а также исследования в области профильных дисциплин, созданные на основе музейных предметов.

Создание фондовой информационной системы – работа сложная и непрерывная²⁷. В последнее десятилетие началась ее активная модификация с помощью компьютерных технологий, которые позволяют кардинально изменить сам процесс подготовки музейной документации. Наличие электронных носителей информации не избавляет музейных специалистов от оформления учетных

документов на бумажных носителях, поскольку только они имеют юридическую силу.

В последние годы в российских музеях появились внутренние нормативные акты по вопросам учета, хранения и реставрации музейных ценностей, учитывающие современные технические возможности.

В связи с тем, что музейные предметы и музейные коллекции не являются предметом бюджетного учета, не учитываются на балансе музеев, в оперативном управлении которых находятся, единственным источником информации об объемах фондов музеев является статистическая отчетность по форме № 8-НК «Сведения о деятельности музея», утвержденная постановлением Росстата от 20 июня 2006-го года № 22 «Об утверждении статистического инструментария для организации Роскультуры статистического наблюдения за деятельностью музеев».

Новые информационные технологии используются в музее при проектировании экспозиций и выставок. Посетитель может получить подробную информацию о событиях, связанных с темой экспозиции, об экспонируемых предметах (или получить сведения об аналогичных из базы данных), совершить виртуальную экскурсию по музею с помощью электронного путеводителя и пр.

Применение новых информационных технологий значительно активизировало издательскую деятельность музеев и ускорило процесс публикации научных (монографии, каталоги) и популярных (путеводители, энциклопедии) изданий, который осуществляется на электронных носителях.

Каталогизация музейных коллекций в Казахстане. В апреле 2008-го года в Казахстане при поддержке ЮНЕСКО выпущена новая версия (4.7) многоязычного программного обеспечения «Музеолог», предназначенного для создания базы данных музейных фондов²⁸. Программное обеспечение доступно на портале мирового лидера в области свободного и открытого программного обеспечения (СОПО) Source Forge. Пакет программного обеспечения «Музеолог» был создан казахстанскими специалистами музеев в сотрудничестве с разработчиками СОПО в рамках деятельности ЮНЕСКО по использованию СОПО в Центральной Азии. Он позволяет создавать и редактировать записи музейных коллекций на четырех языках: английском, французском, русском и казахском. Программа предназначена для каталогизации артефактов археологических и естественно-научных музейных коллекций. «Музеолог» обеспечивает полный спектр управления данными музейных коллекций, в том числе, отдельными карточками, музейными экспонатами и реставрационными работами. Новая версия «Музеолог» создана с учетом пожеланий работников музеев, предоставленных Центральным Государственным музеем Республики Казахстан. Особенностью программного обеспечения является возможность работы непосредственно с флэш устройств, или же сразу после копирования на жесткий диск компьютера.

Новый «Музеолог» включает утвержденный международный стандарт «Object ID» для регистрации и описания музейных предметов. В настоящий момент всего несколько музеев Казахстана пытается работать с программой «Музеолог», но в силу причин технического характера нельзя пока констатировать, что она удачно внедрен в музейную работу.

Каталогизация (создание печатных каталогов коллекций) в Казахстане на современном этапе ведётся благодаря поддержке Государственной программы «Культурное наследие». Изданы каталоги предметов традиционной казахской культуры Павлодарского музея им. Г. Н. Потанина, Акмолинского областного краеведческого музея, Западно-Казахстанского историко-краеведческого музея и других. При этом анализ материала изданий ставит проблему принятия стандартов в создании каталожных описаний музейных предметов, стандартов в употреблении этнографизмов в музейной терминологии. Чем более стандартизированным будет подход сотрудников музеев к этой работе, тем больше вероятности в том, что потребитель получит на выходе качественный продукт, который, в свою очередь, позволит учесть и представить во всей полноте музейный фонд страны²⁹.

Научно-исследовательская деятельность музея

Музеи по самой своей природе входят в систему научно-исследовательских учреждений³⁰. Комплектование музейного собрания, если оно не подменяется простым сбором экспонатов для экспозиции, обязательно связано с проведением исследований. В процессе формирования коллекций музей находит предметы музейного значения, которые документируют процессы и явления, протекающие в обществе и природе.

Научные исследования необходимы и для успешного хранения музейных фондов. Музейные предметы состоят из различных органических и неорганических материалов и потому сложны по своей физико-химической природе. Для того, чтобы обеспечить их максимально долгую сохран-

ность, осуществлять их консервацию и реставрацию, нужно не только использовать уже известные и апробированные практикой принципы хранения, но также разрабатывать и применять новые технологии. Построение экспозиции требует выявления не только информативных и экспрессивных свойств предмета, но и существующих между этими предметами связей.

Таким образом, выявляя и собирая предметы музейного значения, храня музейные предметы, создавая экспозиции и проводя культурно-образовательную работу, музеи не могут пользоваться только лишь результатами изысканий, проводимых другими организациями. Им необходимо вести собственные научные исследования, на которые опирается вся деятельность музея – научно-фондовая, экспозиционная и культурно-образовательная.

Научно-исследовательская деятельность музеев складывается из профильных и музееведческих исследований. Научные исследования в рамках профильных наук в целом соответствуют тем направлениям научного поиска, которые характерны для отраслей науки, чьи материальные артефакты хранят музеи, опираясь на фонды.

Музееведческие исследования призваны формировать новые знания в области теории и методики сбора, хранения, обработки и использования музейных предметов. К ним относятся: разработка научной концепции музея, исследования в области комплектования фондов, изучение музейных предметов и коллекций, исследования в области охраны и хранения фондов, научное проектирование экспозиций и выставок, исследования в области музейной коммуникации, изучение истории музейного дела, изучение историографии музееведения.

Результаты научно-исследовательской работы находят отражение в специфических музейных формах, к важнейшим из которых относятся экспозиции и выставки. Публикация каталогов коллекций, путеводителей по экспозициям и выставкам и другие издания музеев также являются результатом этого направления деятельности музея. Одна из важных составляющих научно-исследовательской работы – научные конференции, регулярно организуемые музеями. Многие музеи признаны авторитетными центрами в изучении профильных наук и поддерживают тесные связи с научными учреждениями (совместные конференции, экспедиции).

В настоящее время наметилась опасная тенденция превращения музея в центр проведения досуга при сокращении и даже отказе от научных исследований. Не умаляя значения культурно-образовательной деятельности, важно сохранить существенные параметры музейной работы – научное изучение источников и представления результатов обществу.

Музейная экспозиция

Экспозиционная деятельность – одно из главных направлений деятельности музея; является основой музейной коммуникации и базой для реализации культурно-образовательной деятельности музея. Музейная экспозиция объединяет музейные предметы на основе единого концептуального замысла, критерием отбора музейных предметов для экспозиции из музейного собрания являются коммуникативные свойства музейного предмета – информативность, экспрессивность, аттрактивность. В экспозиции репрезентативно представлено музейное собрание.

Многообразие музейных экспозиций можно разделить на ансамблевые, систематические, тематические и сюжетно-образные. В ансамблевых экспозициях сохраняется или воссоздается реальная обстановка жизни или деятельности конкретного человека (или типичная для определенного социального слоя). Систематическая экспозиция организована в соответствии с классификационной системой определённой научной дисциплины. В тематической экспозиции раскрывается определённый сюжет или тема и создаётся музейный образ представляемого события. Сюжетно-образные экспозиции отличаются от тематических большей эмоциональной насыщенностью, созданием запоминающегося образа и рассматриваются в последние годы в музееведческой литературе как отдельная группа экспозиций.

Российскими музеологами разработаны практические рекомендации по созданию новых и модернизации старых экспозиций, которые сводятся к следующим тезисам³¹.

Музей сегодня не может быть только храмом науки для немногих избранных и закрытой книгой для большинства. Он должен стать центром просвещения широких масс, понятным и доступным для них.

На музей следует смотреть как на книгу для образовательного чтения, в которой знание даётся путём изучения предметов материальной культуры. Но он должен быть внутренне увязан с общегосударственными или отраслевыми задачами.

Музей должен быть «самоговорящим», то есть должен быть рассчитан не только на экс-

курсионные группы, но и на одиночных посетителей. Поэтому следует обратить особое внимание на методику экскурсионной работы, а также на связь с массами путём издания специальной научно-популярной литературы.

Музей должен оставаться центром исследования своих коллекций, привлекая к этому делу студентов соответствующих вузов и при необходимости научный потенциал отрасли. Поэтому наряду с выставочными могут быть созданы фондовые залы с иной расстановкой экспонатов, рассчитанные только на обслуживание научных работников.

Культурно-образовательная деятельность музеев

Культурно-образовательная деятельность – направление деятельности музея, теоретической основой которой является музейная педагогика, важное звено музейной коммуникации. Понятие культурно-образовательная деятельность появилось на рубеже 1980–90-х годов, на новом этапе отношения общества к музею и культурному наследию, когда происходит переосмысление модели музея на основе коммуникационного подхода и складывается образовательная модель музея. Музей рассматривается как важное средство развития творческого потенциала человека, формирования его ценностных ориентаций.

В качестве самостоятельного направления работа с публикой выделилась из других сфер музейной деятельности в конце XIX–начале XX века, получив название **культурно-воспитательная работа**, со второй половины 1920-х годов она обозначалась понятием **политико-просветительная работа**, с 1930-х годов – **массовая политико-просветительная работа**, на рубеже 1950–60-х годов – **научно-просветительная работа**.

На каждом историческом этапе изменение термина отражало новые содержательные аспекты музейной работы и новые задачи музея в обществе¹⁷. Формы культурно-образовательной деятельности музеев разнообразны. К традиционным относятся экскурсии и лекции, сложившиеся ещё в конце XIX века. С середины 1980-х годов распространяются такие жанры экскурсий, как театрализованные экскурсии, экскурсии-беседы, экскурсии-уроки и другие. Понятие клубные формы музейной работы объединяет лектории, музыкальные и литературные гостиные и салоны, вечера, музейные праздники, кружки и музейные клубы. Обязательным условием функционирования музейных клубных форм является связь с собранием конкретного музея. Значение клубных форм музейной работы, превращающих музей в центры общения, возрастает в современной ситуации господства новых информационных технологий в постиндустриальном обществе. Люди, живущие в виртуальном пространстве Интернета, восполняют дефицит общения, объединяясь по интересам в реальном пространстве музея.

Для успешной реализации образовательных программ и разработки методик и содержания конкретных форм в музее осуществляется изучение музейной аудитории и, соответственно, дифференцированный подход к различным группам посетителей. Музейная аудитория делится по возрастному признаку на детскую (приоритетная группа музейных посетителей) и взрослую; а также по социальному, профессиональному, национальному и другим признакам (семьи, групповые или одиночные, студенты, пенсионеры, посетители с ограниченными возможностями т. д.) Образовательные программы учитывают специфику конкретного музея и особенности его музейного собрания.

Новые стратегии музеев в условиях рыночных отношений

Новые технологии в музейном деле

В последние годы значительно изменились условия деятельности музеев, многократно расширились и усложнились контакты музеев, механизм их взаимодействия друг с другом и другими учреждениями, музеи оказались вовлеченными в коммерческую деятельность¹⁸. В связи с этим в музейном деле появились новые понятия: менеджмент, маркетинг, фандрайзинг, Паблик Рилейшнз (PR).

Особенно активно новые технологии в музейном деле начали применяться в связи с сокращением государственного финансирования и поиском стратегии выживания в условиях экономического кризиса 1990-х годов. Во многих музеях созданы специальные отделы развития (в других случаях – маркетинга), задача которых состоит в формировании политики существования и развития музея в новых условиях, увеличения аудитории музея.

В настоящее время идет активный процесс совершенствования управления музеями. Значи-

тельно возросла роль управляющих структур. Появились многочисленные публикации по музейному менеджменту, ведется обучение и переподготовка кадров. Под музейным менеджментом (от англ. to manage – управлять) понимают теорию и практику управления музеем и музейным персоналом.

Сегодня в России внебюджетная поддержка музеев осуществляется через специальные правительственные и региональные программы, конкурсы (на грант Президента, фонда Потанина «Меняющийся музей в меняющемся мире»). Благотворительные программы в сфере культуры предлагаются также международными фондами в виде грантов. Многие российские музеи открыли экспозиции и выставки на средства, полученные из международных фондов. Важным аспектом фандрейзинговой деятельности является умение музеев привлекать спонсоров, искать мотивы вкладывания средств коммерческих структур в музейные проекты.

Спонсоры оказывают не только финансовую поддержку, но и предоставляют определённые услуги: ремонт зданий, передача и монтаж оборудования и др. Участие спонсоров в музейных проектах служит своеобразной рекламой, подтверждает их экономическую стабильность и формирует определённый имидж. Как внебюджетный источник дохода получили распространение «Общества друзей музея», «Клубы друзей музея», включающие индивидуальных и коллективных членов.

Многие музеи проводят активную работу по формированию общественного мнения на основе так называемые PR-технологий (от англ. public – общественный, relations – отношения, связи). PR осуществляется, прежде всего, через средства массовой информации. PR кампании включают комплекс мероприятий, формирующий или изменяющий отношения различных групп населения к музею. Текущие мероприятия поддерживают сформированное отношение общественности к музею.

Финансовая обеспеченность хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций. Использование маркетинговых технологий в музее

В силу исторических причин система финансирования музеев в странах СНГ отличается от западных стран. В Казахстане и в России музеи содержатся, в основном, за счет государственных дотаций. От уровня и своевременности финансирования музеев напрямую зависят материально-техническое обеспечение хранения, использования музейных предметов и музейных коллекций, наличие и техническое состояние фондохранилищ. Фактически ни один музей не может содержать себя за счет собственной предпринимательской деятельности.

Особенности музейного финансирования на Западе, в Америке и России. Согласно отчетам некоторых американских музеев, в частности, Нью-Йоркского Метрополитена, доход от проданных билетов составляет существенную часть музейного бюджета, вплоть до 20–25 процентов¹⁴. Билет в Метрополитен стоит 12 долларов (здесь и далее приводится полная стоимость билета – в каждом музее есть, конечно, скидки для школьников, пенсионеров и так далее). Метрополитен – один из самых дорогих музеев в США. Вход в Вашингтонскую Национальную галерею стоит всего 6 долларов. Но и здесь, несмотря на обильные частные пожертвования, билеты – весомая часть музейного бюджета. В США почти все музеи функционируют как частные организации. Есть частные музеи и в Европе, но цены на билеты здесь ниже американских. Сравним пять музеев: Соломона Гуггенхайма, Нью-Йорк – 12 долларов, Лас-Вегас – 15 долларов, Бильбао – 7 евро, Венеция – 8 евро, Берлин – 3 евро.

В то же время, крупнейшие музеи Европы, как правило, управляются государством. Здесь цены на билеты также ниже американских: в Лувре – 7, 5 евро, в Центре Помпиду – 8, 5 евро. Примерно такие же цены в Италии и чуть ниже – в Германии. В Англии государственные музеи – Британский, Национальная галерея, галерея Тейт и другие – вообще бесплатные. При этом государство финансирует лишь содержание музея, но не его выставочные проекты. Все выставки в том же Британском музее делаются на деньги спонсоров. В Европе доходы от проданных билетов не так велики, но, тем не менее, ощутимы. Просто потому, что в музеи приходит большое количество туристов и местных любителей прекрасного. Существуют и маленькие музейные хитрости – чтобы попасть на временную выставку в том же Лувре или Центре Помпиду, нужно купить отдельный билет, цена которого, как правило, выше, чем на постоянную экспозицию. В бесплатных английских музеях за вход на временную выставку нужно платить. На это есть свои, вполне убедительные причины: проведение выставки – дело дорогое (страховка, транспортировка, реставрация, издание каталога), кроме того, публика, естественно, готова платить за то, чего прежде не видела.

В России существует следующая «билетная» политика. В Эрмитаже полная стоимость билета составляет 300 рублей, но для граждан РФ действует льгота – 15 рублей. В Русском музее билеты стоят соответственно 240 и 20 рублей. Самым дорогим музеем является, судя по всему, Третьяковская галерея – вход для граждан РФ стоит 25 рублей (для иностранцев – 210 рублей). Наконец, цена билета в ГМИИ имени А. С. Пушкина варьируется от 8 до 120 рублей в зависимости

от категории посетителя.

Зрителей в российских музеях много, но пока еще не так много, как в туристической Европе. Основная категория посетителей – граждане РФ, которые платят за билет в среднем 70 центов. Понятно, что их зарплата значительно ниже, чем у граждан США, ФРГ, Франции или Великобритании, а потому столь низкая цена на билет кажется вполне разумной и гуманной. Понятно, что музею от этого не легче – его-то расходы измеряются не минимальными зарплатами, а реальной стоимостью ремонта, оборудования, реставрации, новых приобретений и так далее. На все это музей берет деньги из своего бюджета, в котором доля от проданных билетов ничтожна.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ МУЗЕЕВ КАЗАХСТАНА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПОЕЗДКИ И АНКЕТИРОВАНИЯ)

Члены ОФ «Алты Алаш» проехали по маршруту: Астана – Кокшетау – Петропавловск – Костанай – Аркалык – Астана – Павлодар – Семей – Усть-Каменогорск – Каркаралы – Жезказган – Туркестан – Кызылорда – Актау – Атырау – Орал – Актобе – Шымкент – Тараз – Алматы – Талдыкурган – Балхаш – Караганда – Астана (общая протяженность маршрута составила 15 000 км). Всего было посещено 83 музея Казахстана.

Задачи исследования

Изучение современного состояния музеев Республики Казахстан проходило по следующим основным направлениям:

- виды и специализация музеев, состояние материально-технической базы музея;
- фондовая политика (условия учета и хранения, реставрация, комплектование и движение экспонатов);
- собирательская, научно-исследовательская и издательская деятельность (изучение коллекций музеев, работа ученых или методических советов, научные публикации, издание каталогов, возможности для издательской деятельности музея);
- экспозиционная политика (информационная доступность, принципы и трудности строительства экспозиции, этикетаж);
- кадровая политика и профессиональная подготовка;
- культурно-образовательная деятельность музея (основные категории потребителей музейных услуг, мероприятия, учет посещаемости, работа со СМИ);
- современные электронные носители в музейной деятельности;
- сбор предложений для выработки рекомендации совершенствования инфраструктуры музеев.

Методы исследования

Анкетирование:

Анкета состоит из 7 разделов, включающих в себя 106 вопросов, которые охватывают различные стороны деятельности казахстанских музеев.

Статистические показатели, выявленные на основе анкетных данных.

Фотофиксация:

Фотофиксация музейных экспозиций.

Фотофиксация музейных фондов.

Фотофиксация музейных раритетов.

Видеосъемка

Результаты исследования

Следует отметить, что исследования проводились на базе следующих профильных музеев: историко-краеведческие, мемориальные, этнографические, музеи-заповедники, литературные. Посещено 67 музеев. Из них 4 музея (Атбасарский, Шемонайхинский музеи, Торгайский музейный комплекс, музей жертв политических репрессий г. Шымкента) анкеты не предоставили. Поздно прислали анкеты два музея из Жамбылской области: Меркинский и Байганинский. Три филиала областных музеев не анкетировались. В двух музеях анкетирование не проведено по техническим

причинам. Заочно анкетирование было проведено в 16 музеях. Итого собранно 66 анкет. Составлен фотоархив по 67 музеям: экспозиционное пространство, фонды. Создан видеофильм о музеях Казахстана.

Анализ ситуации

1. 80,3 % музеев имеют земельный Акт на землю, 13,6 % музеев – нет. Среди них, в основном, музеи районного значения. Остальные музеи не ответили на этот вопрос анкеты.

2. 59,1 % находятся в отдельных зданиях, 22,7 % музеев не имеют собственного здания, остальные на этот вопрос не ответили. Необходимо отметить, что из этих 59,1 % всего лишь примерно 10–12 % имеют типовые здания, построенные с учетом музейной специфики. Все остальные музеи находятся в зданиях или помещениях, приспособленных для музея, но не удовлетворяющих всем требованиям и правилам музейного дела, что имеет негативные последствия для сохранения и использования музейных коллекций.

3. 86,3 % музеев имеют технические паспорта на здания, 7,5 % – не имеют. Остальные музеи не ответили на этот вопрос. Технический паспорт не оформили до сих пор районные музеи, которые не имеют собственного здания.

4. 50 % музеев имеют собственный транспорт, 45,4 % – не имеют транспорта. Основной процент среди тех, кто не имеет транспорта – районные музеи и 5 музеев городского и даже областного подчинения. Отсутствие транспорта в условиях города сильно затрудняет культурно-образовательную деятельность музея.

5. 72,7 % опрошенных музеев имеет подключение к Интернету, что говорит о заинтересованности музеев в новых коммуникациях и возможности получения новой информации. В основном, подключение к Интернету имеют музеи республиканского, областного и городского уровня.

6. Только 34,8 % респондентов имеют представительство в Интернете в виде веб-сайтов или веб-страниц на областном сайте, что говорит о том, что музеи недооценивают рекламные возможности Интернета для привлечения внимания к музею ученых, музейных коллег, возможных спонсоров и широкого круга посетителей. Общение через Интернет позволяет решать вопросы научно-исследовательского характера, создает дополнительные возможности для атрибуции музейного предмета. В Казахстане необходимо создать музейную сеть в Интернете по образцу российской www.museum.ru В этом направлении работает Центральный государственный музей РК в Алматы, который при финансовой поддержке государства мог бы развивать данную сеть и поддерживать ее постоянно.

7. Из опрошенных музеев 71,2 % оказывают платные услуги, которые покрывают различные дополнительные расходы музея. Однако в возможности оказания музеем платных услуг есть свои нюансы.

В силу своей специфики музей как институция никогда не был и не сможет быть коммерческим окупаемым учреждением. Например, самые крупные и успешные музеи мира за счет своих всемирно известных коллекций и огромного потока туристов зарабатывают максимум 25 % от своего бюджета, который складывается не только из стоимости билетов и организации платных выставок, но и из прибыли полученной за продажу сувениров в собственных музейных магазинах. Для сравнения: музеи в Казахстане по законодательству не могут иметь свои магазины и создавать мастерские по изготовлению сувениров на продажу. Даже в случае разрешения торговли музейной продукцией, музеи не располагают площадями для этой цели. Из числа опрошенных музеев только 10,6 % имеют площадь для размещения магазина с музейными сувенирами.

Таким образом, как показывает международная практика музеев, современный музей не может финансироваться исключительно только за счет государственной дотации, но и не может быть чисто коммерческим предприятием. В этой связи возникает вопрос по юридическому статусу музеев в Казахстане: КГКП или ГУ? Из числа опрошенных музеев Казахстана 60,6 % имеют статус Коммунального государственного казенного предприятия и 38 % – статус Государственного учреждения. У обоих правовых статусов есть свои плюсы и минусы.

Музей – государственное учреждение (ГУ), когда финансируются все статьи расходов (достаточно или нет – другой вопрос). Однако все средства, заработанные от реализации основных музейных услуг (продажа билетов и проведение экскурсий), которые могли быть направлены на развитие музея, инновационные проекты, сдаются в областной бюджет. Разрешено распоряжение средствами, полученными от оказания не основных услуг, – ксерокопирование, сканирование, распечатка, но для этого имеются другие организации, занимающиеся оказанием подобных услуг. Музей же должен зарабатывать на оказании именно музейных услуг, которые кроме него не оказывает никто. Необходимо, если не менять правовой статус музея, то разрешить ему распоряжаться

средствами, полученными от оказания музейных услуг.

Музей – государственное коммунальное казенное предприятие (КГКП) имеет право распоряжаться средствами, полученными от оказания всех услуг. В этом случае наблюдается другая крайность. В ГККП государством финансируются, в основном, расходы по заработной плате и коммунальным услугам. Доходы приносит только предоставление доступа к культурным ценностям и культурно-образовательная деятельность музея. Не могут быть самокупаемыми такие функции музея, как сохранение культурно-исторических ценностей, пополнение фондов, исследовательская работа. Создание же новых экспозиций может окупаться годами и десятилетиями. В результате «добывания» дополнительных средств приходится сворачивать основные направления деятельности и превращать музей в развлекательный центр. А именно таким путем приходится идти многим музеям-предприятиям, потому что финансовыми органами на них возлагается непосильный план по оказанию платных услуг. Необходимо финансирование не только зарплаты и коммунальных услуг, но и основной деятельности музея – построение новых экспозиций, создание временных выставок, издательская деятельность.

Таким образом, ни статус КГКП, ни статус ГУ не являются оптимальными вариантами для нормального полноценного функционирования музея. Необходима выработка нового статуса музея либо внесение в статус ГУ ряда изменений, позволяющих музею оставлять в качестве дохода платные услуги за счет своей специфической деятельности.

В независимом Казахстане по-прежнему большую идеологическую нагрузку выполняют музеи, созданные в период его социалистической истории. Они составляют основную группу музеев страны (из опрошенных нами музеев они составляют 60, 6 % – это 40 музеев из 66). Среди классических «историко-краеведческих» музеев выделяются музеи, которые условно можно обозначить как музеи «советской героики» (мемориальные или памятные музеи, посвященные людям, связанные с историей становления советского общества – герои труда, войны).

Особо стоит отметить проблему культурного наследия, хранящегося в фондах казахстанских музеев, созданных в дореволюционный период. Их фонды по своему материальному статусу являются самыми представительными и оригинальными, и нуждаются в особой охране и публичной информационной демонстрации (публикация, Интернет и другие формы). Из числа опрошенных музеев 4 музея являются старейшими (дата создания – до революции 1917 года): областной историко-краеведческий музей города Семей, областной историко-краеведческий музей Восточно-Казахстанской области, областной историко-краеведческий музей Западно-Казахстанской области, Костанайский областной историко-краеведческий музей.

В Казахстане наблюдается закономерный рост появления новых музеев (22 музея – 1/3 часть из числа опрошенных). В основном, это районные историко-краеведческие музеи и музеи, посвященные историческим деятелям казахской культуры. Современные музеи «батырской героики» отражают потребность казахстанского общества понять историческую событийность, которая по разным причинам не демонстрировалась в советское время. Традиционный «культ батыра» и мемориальные комплексы ханов – отцов-основателей Казахской государственности сегодня актуальны и идеологически востребованы. Естественной трудностью при создании таких музеев является отсутствие подлинных экспонатов, что отражается на качестве экспозиций и способности их влиять на сознание зрителя. Соединение героики казахского батырства с героикой казахстанского социалистического прошлого (герои Великой Отечественной войны, герои социалистического строительства) – будет позитивным представлением понимания истории и национального менталитета в казахстанском музееведении.

Профессионализм музейных работников. Кадровое обеспечение музеев. Повышение квалификации и стаж музейных работников.

Анализ ситуации

1. Состав научных сотрудников

Вызывает тревогу, что в музеях, созданных после 1991 года, то есть после обретения независимости, очень мало научных сотрудников. В 22 новых музеях работает всего 39 научных сотрудников. Условно вновь созданные музеи можно разделить на несколько групп.

Первая – это районные музеи, в которых обычно научный состав всегда бывает малочисленным; директор и один или два научных сотрудника. Во многих недавно созданных сельских музеях работает только один человек – директор.

Вторая группа музеев – это музеи, которые посвящены глобально-историческим темам, расположены в знаковых исторических ландшафтах. Они требуют для полноценной работы вовсе не одного или двоих научных сотрудников. Это, например, Резиденция Абылай-хана, Музей памяти

жертв политических репрессий в поселке Долинка, музей-заповедник «Хан-Ордалы Сарайшык». Не хватает научных сотрудников в некоторых музеях, созданных и до независимости Казахстана и находящихся в исторических центрах таких как, например, Каркаралинск или Улытау.

Малочисленность научного состава сказывается на всех аспектах музейной работы, главным образом, на научно-исследовательской, собирательской, хранительской. От этого страдает как качество музейных коллекций, так и их популяризация.

2. Профессиональный уровень

Согласно данным анкеты всего 175 человек повысили свой профессиональный уровень. Основная масса научных сотрудников повышает уровень квалификации либо на курсах областного значения, либо на республиканских курсах повышения квалификации.

Особенностью музейного образования в Казахстане является то, что только в двух вузах страны имеется специальность «Музееведение», которая открылась в этих учебных заведениях после распада СССР. Поэтому предположительно 95 % музейных сотрудников не имеют специального музееведческого образования. В условиях Казахстана специальным образованием является образование согласно профилю музея: для исторических музеев – исторические факультеты вузов, для художественных – искусствоведческие и факультеты изобразительного искусства, для литературных – филологические. Таким образом, основное образование сотрудников в музеях Казахстана – историческое, филологическое, философское, музыкальное, художественное.

3. Опыт музейной работы

Около 47 % работающих в музеях сегодня имеют опыт музейной работы до 5 лет (данные по анкетам 43 музеев, указавшим эти сведения, 23 музея данный пункт анкеты не заполнили). Обычно высокий уровень профессионализма строится на коллективе, в котором предположительно 65–70 % составляют научные сотрудники со стажем музейной работы от 5 до 30 лет (из практики зарубежных и российских музеев). Однако в Казахстане из 43 опрошенных музеев сотрудники с таким стажем составляют 52,9 %, то есть примерно половину от всего научного и руководящего персонала музеев.

На основе этих цифр можно говорить об уровне профессионализма в музеях нашей страны, что он недостаточно высокий, но и не низкий, благодаря еще старой, советской музейной системе образования. В связи с этим возникает вопрос: кто придет на место сотрудников, чей профессионализм сформировался в советское время, и которые в виду выслуги лет уйдут из музеев? Пожалуй, еще один из самых злободневных вопросов казахстанского музееведения.

Научно-фондовая работа. Хранение, комплектация и реставрация. Учет музейных фондов. Документирование предметных коллекций. Описание и каталогизация предметов.

Анализ ситуации

1. Хранение музейных фондов

Сохранность фондов – одно из самых приоритетных направлений музейной работы. Для хранения предметов музей отводит и оборудует специальное помещение, которое должно отвечать принятым нормам, разработанным в инструкциях и положениях. Проблема сохранности музейных коллекций сейчас остро стоит в музеях Казахстана. Об этом свидетельствуют данные, полученные нами в результате анкетирования. Из числа опрошенных только 59,1 % находятся в отдельных зданиях, 22,7 % музеев не имеют собственного здания. Подобная ситуация держит музеи в подвешенном состоянии. Например, Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья находится в крыле детского садика. И сегодня, в связи с возвратом территории детского сада в прежнее ведомство, перед городскими и областными властями остро стоят вопросы: где хранить уже ставшие всемирно известные археологические коллекции, на какие средства создать новую экспозицию, где быть музею, когда в городе отсутствуют пригодные здания т. д.

Из этих 59,1 % всего лишь примерно 10–12 % имеют типовые здания, построенные с учетом музейной специфики. Все остальные музеи находятся в зданиях или помещениях, приспособленных для музея, но не удовлетворяющих всем требованиям и правилам музейного дела, что имеет негативные последствия для сохранения и использования музейных коллекций. Так из числа опрошенных музеев только в 60,3 % соблюдается температурно-влажностный режим хранения в хранилищах, а 39,6 % – нет (из 66 опрошенных ответили на этот вопрос 63 музея). Хуже обстоит дело с поддержкой условий хранения в экспозиции. Из 66 музеев 12 музеев не ответили на этот вопрос, так как, по-видимому, он вызвал у них затруднение (возможно, что они даже не задумывались об этом). Оставшиеся 54 музея ответили на этот вопрос следующим образом: в 33 музеях поддерживается температурно-влажностный режим в экспозиции, и в 25 – нет.

Следующий вопрос о соответствии хранилища условиям хранения наглядно раскрывает си-

туацию с сохранностью в музеях Казахстана. Из 59 музеев, ответивших на этот вопрос только в 10 музеях хранилище соответствует нормам, в 49 музеях – не соответствует (!). Данная проблема возникла не только из-за уровня профессионализма хранителей или директоров. Многие музеи вынуждены находиться в непригодных зданиях, и не имеют хорошего оборудования. Оборудование музеев должно быть изготовлено из материалов, которые не вступают в реакцию с музейными предметами. При этом должны учитываться специфика музейного предмета, свойства материала, из которого он сделан. Музей должен быть оборудован специальными шкафами, продуманной конструкцией стеллажей, устройствами для поддержания температуры и влажности, освещением согласно нормам т. д.

Другая проблема соблюдения режима сохранности связана с тем, что коллекции музеев постоянно увеличиваются, но площади для хранения остаются прежними, отсюда растет плотность хранения предметов на 1 кв. м. Чем больше коллекция, тем сложнее ее хранить. От музеев часто требуют в качестве показателей увеличение фондов или увеличение мероприятий, но при этом проблема дополнительной площади почти не решается. Таким образом, нарушается равновесие между объемами работ, связанными с эксплуатацией музейных предметов (экспозиции, выставки, печатные работы, учебные цели), и фондовой (учетно-хранительской) работой. Для того, чтобы выполнить годовой план по посещаемости, доходности и обороту фондов, у хранителей выдача предметов отнимает как минимум две трети всего рабочего времени. На обеспечение сохранности экспонатов и сверку фондов времени остается мало. В подобной ситуации можно заявить, что культурное наследие, которым так гордимся, находится по условиям своего хранения в неприглядном состоянии из-за отсутствия дополнительного финансирования. Хотя сами сотрудники делают все возможное, чтобы улучшить положение фондохранилища. Уместно привести в качестве примера практику Жезказганского историко-археологического музея, когда фондохранилище было преобразовано за счет средств, получаемых от дополнительных услуг.

В большинстве музеев существует проблема нехватки хранителей. Есть случай, когда в музее с 50 тысячами единиц хранения работает всего 3 сотрудника. Такое же количество сотрудников имеется и в музее, где всего 5 тысяч единиц хранения. Необходимо выработать критерии определения штатных структур музея.

Все эти проблемы необходимо решать на государственном уровне. От уровня и своевременности финансирования музеев напрямую зависят материально-техническое обеспечение хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, наличие и техническое состояние фондохранилищ, вопросы безопасности. Приведем пример по Акмолинскому областному историко-краеведческому музею (г. Кокчетав), в фондах которого имеются ярчайшие образцы этнографического прошлого страны. Закрытый на генеральный ремонт и перекспозицию музей, в виду финансового кризиса, не смог получить денежные дотации из бюджета, и как результат – отсутствие качественного хранения и угроза сохранности коллекциям.

Вопросы реставрации и консервации музейных предметов занимают особое место при анализе состояния фондов музеев. Так, например, в России согласно данным «Сводной аналитической записки» Счетной палаты РФ от 2008-го года каждый 14-й музейный предмет, или 7 % предметов основного фонда, требует реставрации (данные на 2005-й год). При этом надо учесть, что в России есть вузы, в которых готовят реставраторов, есть курсы повышения для них и, конечно, мощнейшие централизованные реставрационные мастерские, куда может обратиться любой музей. О физическом состоянии музейных предметов, хранящихся в различных музеях Казахстана, мы можем только догадываться, так как это тема для отдельного большого исследования. Однако, некоторые предположения можно сделать, исходя из данных нашего анкетирования.

2. Учет музейных фондов. Документирование предметных коллекций

Состояние учета музейных фондов требует отдельного детального изучения. Сегодня мы можем лишь опираться на общие сведения и наблюдения, сделанные музейными сотрудниками ведущих музеев страны. Самые большие трудности с учетом испытывают районные музеи и музеи, созданные после 1991-го года, так как именно в этих музеях остро стоит вопрос с уровнем профессионализма. Вызывают трудности самые основополагающие вопросы учетной работы: ведение книги поступлений и учетной картотеки, инвентаризация (научная регистрация музейных предметов) и другие.

Документирование фондовых коллекций. Современное развитие музея требует создание фондовой информационной системы с помощью компьютерных технологий, благодаря которым облегчается процесс подготовки музейной документации. Большие возможности открываются для каталогизации музейного собрания, создания единого государственного каталога, который позво-

лил бы вести контроль за состоянием предметов в коллекциях Музейного фонда страны.

В настоящее время в Казахстане процесс компьютеризации фондовой документации находится еще на начальном этапе. Согласно проведенному опросу из 61 музея, ответивших на данный вопрос, 38 музеев вообще не работают с компьютерными программами и только 23 музея ответили утвердительно. Из них 15 музеев Казахстана установили у себя программу «Музеолог» (при поддержке ЮНЕСКО и ЦГМ РК), 8 музеев работает с другими программами (в большей степени это программа «Excel», которая годится на начальном этапе ведения электронного учета). Отдельно стоит в этом плане Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья, который создал собственную программу по компьютеризации фондов и успешно пользуется ею.

3. Комплектование фондов

В отличие от музеев стран с многовековой историей коллекционирования почти все музейные коллекции Казахстана сформировались в советский период. Это, естественно, наложило отпечаток на характер коллекций, их направленность и временные рамки. Процесс создания уникальной «шедевальной» коллекции требует очень больших многолетних усилий, настоящего музейного подвижничества и, конечно, высокого уровня профессионализма. В Казахстане наиболее интересные коллекции хранятся в старейших музеях, созданных еще в дореволюционный период. Сравним данные по опросу, всего в 66 музеях хранится 1 216 230 единиц хранения, из которых:

- 23, 7 % музейных предметов хранится всего в 4 музеях, образованных в дореволюционный период;
- 71, 5 % в 40 музеях, образованных в советское время;
- 4, 8 % в 22 музеях, созданных после 1991-го года.

Однако эти цифры приводятся не с целью показать, что новые музеи плохо работают, а то, что формирование музейных собраний требует значительного времени, большой научной работы коллектива музея и достаточного государственного финансирования.

Согласно ответам опрошенных музеев (из 66 музеев на вопросы анкеты ответили 59 и 7 не указали данные) 40 музеев получали государственное финансирование на комплектование фондов и 19 музеев – нет (данные на 2008-й год). Музеи и без финансирования ведут собирательскую работу, но качество собранных музейных предметов от этого недостаточно высокое (бывают и исключения, но мы говорим об общих тенденциях). Среди 19 музеев, не получающих средства из бюджета на комплектование фондов, в основном, это:

- музеи районного значения;
- городские музеи, которые осуществляют собирательскую работу за счет своих платных услуг;
- археологические музеи, которые формируют фонды за счет полевых экспедиций.

В случае с районными музеями такая политика, возможно, временно оправдана, так как в настоящее время зачастую в большинстве таких музеев нет высококвалифицированных специалистов, способных сделать профессиональную экспертизу приобретаемой вещи. Как известно, приобретение за завышенную цену музейного предмета является нецелевым расходованием бюджетных средств.

Музейная экспозиция

1. Постоянная музейная экспозиция

Создание современной экспозиции – самый сложный вид музейной деятельности в интеллектуальном, технологическом и художественном плане. Экспозиционная работа сочетает в себе традиционно научное проектирование (концепция, тематическая структура, тематико-экспозиционный план), разработку архитектурно-художественной проекта, применение новых технологий. Каждый из этих видов создания экспозиции важен, но основополагающими, прежде всего, являются научная концепция и ТЭП. В современной практике музееведения тематико-экспозиционные планы (ТЭПы) занимают подчиненное положение, порой обходятся расширенной тематической структурой. На первый план при построении экспозиции выдвигается концепция экспозиции и развивающий ее сценарий экспозиции.

2. Проведение временных выставок

Временные выставки – один из самых распространенных видов музейной работы. Временные выставки проводятся как в самом музее, так и за его пределами как одна из основных форм деятельности музея. Как показывает опрос, в настоящее время музеи Казахстана проводят огромную выставочную работу. Наибольшее количество временных выставок проводится в стенах музеев – 1115 в год, меньше – 841 вне музея и совсем мало на республиканском и международном уровне – всего 51 и 2 соответственно.

Если вывести средний показатель, то получается, что на один музей (независимо от его статуса) в год приходится примерно 17 временных выставок внутри музея, 13 выставок вне музея, менее 1 выставки на республиканском уровне. Эти цифры говорят, что музеи сегодня серьезно задействованы в культурной жизни общества и необходимы как один из важных институтов просвещения и образования населения. Это большой положительный фактор, который оказывает существенное влияние на формирование государственной идеологии. Однако есть некоторые негативные моменты такой активности, которые сказываются на качестве работы музея. Для того, чтобы выполнить годовой план по посещаемости, доходности и обороту фондов, у хранителей выдача предметов отнимает как минимум две трети всего рабочего времени. На обеспечение сохранности экспонатов и сверку фондов времени остается мало». В связи с этим, вероятно, требуется в музеях с большими коллекциями увеличить штат хранителей, чтобы обеспечить учет и условия сохранности коллекции.

Другой фактор – недостаточно высокое качество временных выставок. Многие музеи делают экспозиции в упрощенном варианте, разместив на стендах фотографии, документы, используя в основном, так называемые библиотечные формы работы. Такая форма экспонирования приобрела массовый характер особенно в периферийных музеях, которые проводят в год до 40 выставок. Подобные выставки в таблицах показателей стоят наравне с серьезными солидными выставками, требующими 2–3 месяца подготовки. Поэтому необходимо разработать единую форму отчетности для всех музеев и критерии оценки работы музея с учетом качества и объема проводимой работы.

3. Экспозиционное оборудование музеев

Согласно проведенному опросу среди музеев (из 66 опрошенных музеев только 57 ответили на этот вопрос) 34 музея имеют проблемы с экспозиционным оборудованием и 23 – нет. Эти проблемы связаны с тем, что экспозиционное оборудование музеев имеет свою особую специфику, учитывающую массу требований с точки зрения дизайна, сохранности и прочих характеристик. Например, музейное оборудование должно быть изготовлено из материалов, которые должны быть химически нейтральны, чтобы не вступать во взаимодействие с музейными предметами. В Казахстане нет завода или предприятия, изготавливающего такое специфическое экспозиционное оборудование, поэтому все музеи пытаются найти выход, заказывая витрины, подиумы, тумбы и прочее у местных производителей или приобретая магазинные витрины. Производители не всегда могут исполнять заказы музеев технологически правильно, так как привыкли изготавливать свою продукцию для бытового потребления. В решении этого вопроса необходимо, с учетом международного опыта разработать основные требования к музейному оборудованию, определить критерии к его основным конструктивным деталям.

4. Эtiquette и экскурсии (языковое оформление)

Все опрошенные музеи имеют этикетаж и проводят экскурсии на государственном языке (в трех случаях информация отсутствует). Вторым языком, принятым в пространстве казахстанских музеев – является русский язык. Здесь фиксируется процент уменьшения его использования, как в этикетеже, так и в экскурсиях (77 % из опрошенных музеев используют русский язык в этикетеже; 88 % – в экскурсиях). Такая тенденция наблюдается относительно районных музеев, где население в основном говорит на казахском языке. Причем этикетаж может быть составлен только на казахском языке, но экскурсия может проводиться и на русском. То есть в любом случае, русский язык как язык общения фигурирует и используется. Совсем мал процент использования иностранных языков (английский, немецкий, восточные языки). Выделяется музей-заповедник «Азрет Султан», посетители которого – это паломники, и экскурсии проводятся как на европейских языках, так и на восточных (арабский, фарси, урду, турецкий). В целом же процент наличия этикетажа на иностранном языке и проведения экскурсий в музеях очень незначителен: 15 % музеев имеют этикетаж на английском языке; 11 % – проводят экскурсии на английском языке. Имеется один случай проведения экскурсии на немецком языке (Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья).

Сохранение и преумножение полиязыкового музейного поля необходимо по разным причинам. Прежде всего, – это популярность истории Казахстана, интерес к культуре. Музеи районного масштаба могут посещать люди, не владеющие казахским языком, но желающие и стремящиеся познать местную историческую действительность. Другая причина – задача, поставленная Президентом, о превращении Казахстана в страну туристическую. Решение этой задачи требует от музеев расширения «языкового» пространства, чтобы должным образом представить наследие для всех своих посетителей.

Научно-исследовательская, издательская деятельность

1. Научно-исследовательская работа

Научно-исследовательская работа музея – один из главных видов музейной деятельности, на которой строится инвентаризация и хранение фондов, создание музейной экспозиции, культурно-образовательная работа. Одна из главных задач научного состава музея – разработка научной концепции развития музея, определение его приоритетов и целей, выстраивание главных стратегий музейной работы. Составной частью этой концепции является концепция комплектования фондов. Также музей изучает не только коллекцию, но и исследования в области профильной науки, проводит экспедиции, благодаря которым продвигается как наука, так и собирательская работа музея.

Среди опрошенных респондентов только одна четвертая имеет научную концепцию развития музея. Что касается экспедиций различной специфики, то из 66 музеев 28 музеев не проводили их (в их составе – районные музеи, художественные и литературно-мемориальные), 38 музеев за последние три года провели в общей сложности 165 экспедиций (32 археологические экспедиции, 3 этнографические, 130 другого характера). Средний показатель экспедиций на один музей равен 4,3 (за три года). Этот показатель демонстрирует достаточно высокий уровень экспедиционной деятельности музеев, направленной для сбора как материальных объектов культуры, так объектов нематериального наследия (фольклор, обряды и т. п.). В этом направлении музеи выполняют свою главную функцию, как хранителя культурных ценностей.

Недостаточный уровень научно-исследовательской работы вызван рядом причин. Одна из них – это то, что сегодня перед музеями управленческие органы ставят большие задачи по просветительской работе и по платным услугам, для выполнения которых требуются усилия всего состава музея, в том числе и тех, кто занимается исключительно научно-исследовательской работой в музее. Фактически во многих областях требования к музеям по платным услугам довольно сильно завышены. А как показывает мировая практика, излишняя коммерциализация негативно отражается на главной деятельности музея.

Другая причина недостаточного уровня научно-исследовательской работы кроется в том, что во многих музеях состав научных сотрудников, которые непосредственно работают в научно-исследовательских отделах, довольно малочисленный и имеет небольшой опыт работы в музее. Музеям необходимы внимание и поддержка в виде обучения, увеличения штата научных сотрудников.

К сожалению, в некоторых областях имеются случаи разрушения традиционной структуры музея вследствие непонимания местными руководителями миссии и задач музея. Так, например, беспрецедентный случай произошел в Мангыстауской области, когда органами власти была проведена аттестация музеев и сотрудники некоторых музеев были лишены статуса «научный», так как местное руководство посчитало, что музей не ведет никакой научной работы. В этом случае правильной политикой местных руководителей области было бы принятие мер обучающего характера, приглашение в область высококвалифицированных специалистов из Алматы или Москвы для проведения серии образовательных мероприятий для сотрудников музеев, либо обращение к ведущим музеям страны с просьбой оказать методическое руководство.

Таким образом, одним из выходов сложившейся ситуации является в какой-то степени проведение совместных конференций, мастер-классов, семинаров с учеными-специалистами.

Уровень качества научно-исследовательской работы определяется, в том числе, наличием Ученого или методического совета в музее, количеством научных сотрудников, в том числе и тех, кто имеет научную степень и контактами с другими научными учреждениями.

Из 59 музеев (ответивших на вопрос об ученом совете) 40 музеев ответили утвердительно, что является хорошим показателем хотя бы организации процесса научно-исследовательской работы (другой вопрос, как часто работают эти Ученые советы и насколько они эффективны в плане принятия основных решений) и 19 респондентов ответили отрицательно. В это число входят, в основном, сельские музеи, в которых работают один-два научных сотрудника. Поэтому отсутствие Ученого совета в таком музее является закономерностью. Редким фактором является то, что в музеях работают кандидаты или доктора наук (за исключением ЦГМ РК, который не входит в число опрошенных нами музеев).

В Казахстане ученые предпочитают работать в вузах, так как в высшей системе образования заработная плата сотрудника со степенью намного выше, чем в музее. Для привлечения в музеи кандидатов или докторов наук необходимо платить надбавку за научную степень. Согласно данным опроса, только в двух музеях из 62 опрошенных нами музеях работают научные сотрудники с такой степенью квалификации.

Возможность увеличения количества ученых может благотворно сказаться на работе музея, однако это может иметь и другую обратную сторону. Поскольку ученые видят, прежде всего,

научно-исследовательскую сторону музея, существует опасность того, что под их влиянием деятельность музея уподобится научно-исследовательскому «флюсу». В этой ситуации надо помнить, что музей – это не только научно-исследовательское учреждение, он аккумулирует в себе еще много других видов деятельности. Нарушение баланса между всеми видами музейной работы приводит рано или поздно к негативным последствиям.

Позитивным фактором состояния научно-исследовательской работы является наличие многочисленных связей музеев с различными научными учреждениями. Так из 59 музеев, ответивших на этот вопрос, 43 музея указали, что находятся в контакте с научными учреждениями, а 16 музеев дали отрицательный ответ (в основном, районные музеи).

Научно-исследовательское состояние музеев складывается на базе двух видов деятельности: экспедиционная и связь с научными учреждениями. Это позитивно сказывается на миссионерской сущности музеев как просветительских организаций.

2. Политика грантов

В музейном и научном мире гранты – показатель профессионального уровня, поскольку получить их можно, в основном, на конкурсной основе. Среди опрошенных нами музеев пока только 5 музеев работали на грантовой основе, остальные – нет (данные по 59 музеям, ответившим на этот вопрос анкеты). Из этих 5 всего 2 музея получили грант по программе «Культурное наследие» РК и три музея – гранты зарубежных организаций.

Положительными примерами являются Павлодарский областной историко-краеведческий музей, который выиграл грант по программе «Культурное наследие» и осуществил серию мероприятий в течение 2004–2007-го года и Темиртауский городской историко-краеведческий музей, выигравший грант международной организации ХИВОС (при посредничестве Дешт-и-Арт) на создание инновационной экспозиции (проект Темиртауского музея был высоко оценен экспертами из России – известными музейными специалистами на музейном фестивале в Караганде в 2008-м году). Грантовая государственная политика практически не затрагивает музеи, хотя именно они и являются в прямом смысле этого слова «хранилищами культурного наследия». На наш взгляд, необходимо обратить внимание на этот пробел касательно именно музейной деятельности, и возможно предложить специальные гранты для музеев в рамках программы «Культурное наследие».

3. Публикационная деятельность

Музейные публикации являются важными показателями научной работы музеев. Существуют разные виды издательской работы: научные статьи в сборниках, монографии, альбомы, буклеты, каталоги. Буклеты служат задачам рекламы музейного собрания; статьи, монографии и каталоги – задачам публикации фондов, введения их в научный и образовательный оборот.

Самым главным изданием музея являются каталоги музейного собрания. Очень важно отметить, что публикация каталогов музейных коллекций является показателем развития уровня страны, ее научного потенциала. Каталоги демонстрируют культурное богатство страны, введение фондов музея в научный оборот помогает исследователям делать научные открытия. На создание и издание каталогов требуется многолетняя работа и высокий уровень профессионализма. Многие музеи со знаменитыми коллекциями десятилетиями работают над каталогами, ежегодно издавая их согласно различным разделам коллекции. Это длительный кропотливый труд, требующий усилий научных сотрудников, не задействованных в культурно-образовательной работе музея, имеющих достаточный профессиональный уровень, специально выделенное рабочее время для этого и, конечно, обеспечение государством финансирования издания. Так, благодаря государственной программе «Культурное наследие», изданы каталоги предметов традиционной казахской культуры Павлодарского музея им. Г. Н. Потанина, Акмолинского областного краеведческого музея, Западно-Казахстанского историко-краеведческого музея и других.

4. Оборудование для издания

Положительная динамика наблюдается по поводу издательских возможностей музеев Казахстана. Среди опрошенных респондентов из 66 музеев ответили на данный вопрос 60 музеев: из них 46 указали, что имеют оборудование для издания и 14 – нет. Речь идет, скорее всего, о минимальном оборудовании: компьютере и принтере (ч/б и цветном). В последние годы благодаря развитию новых технологий и относительной дешевизне компьютерной и печатной техники музеи активно используют ее для изготовления пригласительных, рекламных листов, пытаются издавать небольшим тиражом буклеты, брошюры, небольшие каталоги с минимальной информацией. Однако качество такого оборудования позволяет издавать печатную продукцию недостаточно высокого полиграфического уровня. Поэтому проблема издания каталогов, монографий, альбомов требует целевого государственного финансирования. Тем более, что большинство музеев имеют уже соб-

ственные разработки и предложения для издания своих коллекций.

Культурно-образовательная и PR-деятельность музеев

В силу исторической ситуации в Казахстане культурно-образовательная деятельность музеев вышла сегодня на первый план. Глубокий интерес к истории Казахстана стал главным лейтмотивом просветительской деятельности музея.

Так, согласно опросу 64 музея (в показатели не входят данные по музейному комплексу «Азрет-Султан» и ГИКМЗ «Памятники древнего Тараза») провели в среднем 44 718 экскурсий (на один музей в среднем получается 699 экскурсий в год или 58 в месяц), прочитали 3 383 лекции (в среднем на один музей – 53 лекции за год), а также проведено 1467 мероприятий разного характера (в среднем на один музей приходится 23 мероприятия в год). Такие высокие показатели указывают на активную работу музеев с посетителями. Среди посетителей обычно выделяют три категории: школьники, студенты, взрослые. В 90-е годы XX века в связи со сложной экономической ситуацией основными посетителями были, в основном, школьники и студенты. За последние три года взрослые становятся главной категорией посетителей музея. Количество взрослых посетителей превосходит школьников более, чем в три раза, а студентов – в 4 раза. Такие цифры свидетельствуют о том, что население Казахстана широко вовлекается в образовательные музейные программы, и музеи много делают в развитии именно этого вида деятельности.

Почти все музеи ведут учет экскурсионной и лекционной нагрузки, журнал посещаемости музея по категориям посетителей. Так, из 61 музея, ответившего на этот вопрос, 54 музея ведут данную документацию, и 7 – нет.

Все эти положительные показатели говорят в пользу музеев как мощного фактора в формировании идеологической платформы нового государства, при этом, сохраняя позитивность прошлых приоритетов, утверждают новые позиции в понимании гражданских интересов в духовном становлении страны, воспитании гражданственности и патриотизма.

В целом, анализируя состояние культурно-образовательной работы в опрошенных нами музеях Казахстана необходимо отметить, что этот вид деятельности сегодня наиболее развит в музеях Казахстана и востребован обществом. Однако, как и всякое явление, оно имеет обратную сторону: проведение большого количества мероприятий вне пределов музея губительно сказывается на сохранности музейных предметов, так как в иных условиях предметы подвергаются колебаниям температуры, влажности и т. п. Это является нарушением режима хранения. В этом отношении важно выработать критерии сохранности культурного наследия в музейной системе.

Поэтому мы вновь должны сказать о том, что сегодня нужна государственная поддержка в виде продуманной многолетней научно обоснованной поэтапной программы в области развития таких видов деятельности музея как «Хранение фондов», «Научно-исследовательская работа», «Реставрация и консервация фондов». «Модернизация экспозиций», которые имеют такое же значение для музеев Казахстана, как и культурно-образовательная работа.

Взаимодействие со СМИ сегодня один самых необходимых элементов работы. Современность такова, что общество живет в огромном потоке информации. За внимание общества конкурируют различные индустрии развлечения. В этом потоке музею необходимо постоянно рекламировать свою деятельность, создавать события, которые будут интересны обществу. Здесь очень важно умело выстраивать PR-технологии через СМИ и Интернет. Согласно проведенному опросу среди 61 респондентов, ответивших на этот пункт анкеты, в среднем за последние три года вышло в свет 1197 статей о деятельности музея в городских и районных СМИ, 791 – в областных и 202 – в республиканском СМИ. Если свести эти данные к среднему показателю, то на один музей приходится на городском и районном уровне 19 статей в год, на областном – 13 статей в год, и на республиканском – 3 статьи в год. Эти показатели демонстрируют заинтересованность музеев в информационном представлении своей деятельности казахстанской общественности.

Заключение

О положительных моментах в современном казахстанском музейном деле:

- создание макромuseumных экспозиций (города Астана, Орал, Тараз, Атырау, Алматы);
- оригинальная выставочная и публичная деятельность;
- появление специализированных, событийных музеев (например: Музей жертв политических репрессий в поселке Долинка в Карагандинской области);
- культурно-образовательные программы для школьных учреждений (Северо-Казахстанский

областной музей, Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболя, Темиртауский городской историко-краеведческий музей, Восточно-Казахстанский областной архитектурно-ландшафтный музей-заповедник, Актюбинский областной историко-краеведческий музей);

– начало создания базы данных по фондовому содержанию, компьютеризации и введение во всемирную сеть;

– акцентирование внимания на мемориальности экспоната;

– публичная презентация археологических коллекций;

– каталогизация (создание каталогов коллекций) в Казахстане на современном этапе ведётся благодаря поддержке Государственной программы «Культурное наследие»;

– активная роль районных музеев в формировании краеведческих знаний;

– активное освещение музейной деятельности в СМИ;

– содружество с научными учреждениями и центрами;

– высокая степень посещаемости музеев как следствие интереса к культуре и истории народа Казахстана;

– создание новых музеев, посвященных истории Казахстана;

– все музеи Казахстана осуществляют программу поддержки государственного языка, а также в большинстве своем используют русский язык как язык межнационального общения.

В Казахстане идет постепенное создание законодательной базы, связанной с развитием музейного дела. В соответствии с международными стандартами дальнейшее развитие законодательно-нормативной базы требует совершенствования, которое включает в себя необходимость принятия Законов о «Музейном фонде», «О ввозе и вывозе», Положения о Государственном каталоге, доработки и утверждения на республиканском уровне главных инструкций по учету и хранению музейных фондов и много другое.

Примечание: казахстанские музеи во многом до сих пор опираются в своей деятельности на инструкции советского периода. Эти документы в целом отвечают всем требованиям и требуют лишь небольшой доработки с учетом некоторых современных факторов и развернутого перевода на государственный язык.

Юридический статус музея

В настоящее время все музеи в Казахстане имеют либо статус КГКП, либо ГУ. Согласно результатам проведенного нами анализа, ни тот, ни другой статус не являются оптимальными вариантами для полноценного функционирования музея с учетом его специфики. Как показывает мировой опыт, музей не может содержать себя или быть коммерчески окупаемым в своей деятельности. В некоторых областях Казахстана музеям КГКП ставятся завышенные планы по объему платных услуг без учета специфики музея, его коллекции, его возможностей и профессионального уровня коллектива. Повышенный план платных услуг заставляет музеи относиться к этой сфере как приоритетной. При недостаточном уровне квалификации сотрудники такого музея не в состоянии обеспечить поддержку сбалансированного отношения ко всем видам музейной работы, и, прежде всего, в части сохранения музейной коллекции. В итоге происходит ущемление других сфер основных видов деятельности музея: научно-исследовательской, учетно-хранительской, экспозиционной.

Поэтому назрела необходимость пересмотра существующих статусов. В качестве предложения мы видим возможность улучшения ситуации в том, чтобы внести в статус ГУ ряд изменений, позволяющих музею оставлять в качестве дохода платные услуги за счет своей специфической деятельности, а также постепенно перевести все музеи в статус ГУ.

Показатели музейной работы

Особого внимания требует совершенствование нормативных документов, определяющих, регламентирующих показатели музейной работы (количество проведенных экскурсий, лекций и мероприятий, количество посетителей, комплектование фондов и т. п.).

РАЗВИТИЕ МУЗЕЙНОЙ СЕТИ КАЗАХСТАНА. КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

В независимом Казахстане стали создаваться новые музеи (из числа опрошенных 66 музеев – 22 были созданы после 1991-го года). Они посвящены истории Казахстана, что является позитивным фактором в музейном деле страны. В целом, проведенное нами исследование музеев показало, что уровень профессионализма поддерживается в старейших музеях страны, преимущественно созданных до революции и в советский период. Сегодня кадровая система музеев держится главным образом на специалистах, получивших образование в советское время. Следует отметить, что именно их профессионализм обеспечивает позитивную работу музеев в новом государстве.

На эти музеи приходится наибольшее количество научных сотрудников со стажем работы более 15–20 лет. Среди районных музеев есть отдельные музеи, которые, имея в штате одного-двух человек, держатся на их энтузиазме и добросовестности. Сотрудник такого музея должен и обслуживать посетителей, и вытирать пыль, и собирать коллекцию, и фотографировать каждый экспонат, как это требуется сегодня по инструкции.

Нехватка профессиональных кадров и необходимость повышения квалификации сотрудников – одна из самых острых проблем музеев страны. В советское время система получения музейно-ведческого образования или повышения квалификации была сосредоточена, в основном, в Москве или в Ленинграде, являющихся музейными городами, как по архитектурным памятникам, так и по количеству музеев, которые имеют глубокие профессиональные традиции. В Республике Казахстан в настоящее время существует только два вуза, в которых имеются специальности «Музеология» или «Музейное дело».

НАУЧНО-ФОНДОВАЯ РАБОТА. ХРАНЕНИЕ, КОМПЛЕКТОВАНИЕ И РЕСТАВРАЦИЯ. УЧЕТ МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ. ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ. ОПИСАНИЕ И КАТАЛОГИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТОВ

Организация хранения и реставрации музейной коллекции – сложный процесс, включающий в себя комплекс различных мероприятий. Хранение коллекций предполагает обеспечение непосредственной физической сохранности музейных фондов, которые осуществляются путем оптимально выбранных режимов, зависящие в немалой степени от характеристик музейного здания.

По данным проведенного опроса выявлено, что практически большая часть музеев (60 %) находится в приспособленных зданиях (помещениях), а не в типовых специально построенных зданиях с учетом специфики музея (таких всего 10–12 %). Подобная ситуация не способствует обеспечению нормативных условий хранения и учета музейных предметов, модернизации технологического оборудования, внедрению современных технологий в процессы хранения, учета и обеспечения безопасности музейных предметов.

Ежегодно коллекции пополняются новыми музейными предметами, и это говорит о значительной собирательской работе музея и об эффективности государственной программы «Культурное наследие» в области проведения археологических экспедиций, артефакты попадают в музей. Однако есть обратная сторона такого выполнения высоких плановых показателей комплектования фондов – растет число предметов на каждый метр фондохранилища, вследствие чего ухудшаются условия хранения, так как новых помещений у музеев нет.

Международный опыт показывает, что вопросы комплектования фондов являются прерогативой музея, который сам определяет показатели с учетом научной концепции развития музея. Иначе в погоне за цифрами в музей могут попасть некачественные вещи. Лучше приобрести несколько оригинальных вещей, которые могут составить славу музейной коллекции. Поэтому показатели по формированию коллекции должны решать сами музеи с учетом научной концепции и отбора.

Значительное количество музейных предметов требует реставрации, музеям не хватает фондового и экспозиционного оборудования. Количество хранителей ограничено, и они не в состоянии провести инвентаризацию новых поступлений.

Реставрация и консервация музейных предметов

Фактически большинство музейных коллекций Казахстана находятся без постоянной реставраторской опеки. Такая ситуация с течением времени может привести к разрушению экспонатов. Еще раз повторимся, что, к сожалению, государственная программа «Культурное наследие» пока обходит в области финансирования фондовую деятельность музеев, направленную на реставрацию и консервацию предметов.

Учет фондов

Положительным моментом учетной работы музеев Казахстана является то, что большинство музеев постоянно проводят сверку наличия фондов (данные согласно проведенному опросу).

В настоящее время практически отсутствуют документы, устанавливающие нормы:

- единиц хранения, приходящихся на одного хранителя;
- пополнения электронных баз данных;
- нормы площадей фондохранилищ.

Кроме того, музеям необходимы средства на создание компьютеризированных систем хранения и изучения коллекций, организацию баз данных, перевод музейной учетной документации в электронный вид, на обеспечение целостной системы безопасности, которая включает в себя

принятие мер по предотвращению хищений из музейных фондов, противопожарную безопасность, обеспечение аварийной безопасности, обеспечение климатической, световой и биологической безопасности.

Назрела необходимость создания государственного каталога Музейного фонда, который должен стать учетным документом, интегрирующим сведения в отношении музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда страны. Ведение государственного каталога требует значительных не только материальных и людских, но и временных ресурсов.

МУЗЕЙНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ

Создание современной экспозиции – самый сложный вид музейной деятельности в интеллектуальном, технологическом и художественном плане. Экспозиционная работа сочетает в себе традиционно научное проектирование (концепция, тематическая структура, тематико-экспозиционный план), разработку архитектурно-художественной проекта, применение новых технологий. Экспозиция является лицом музея, по ней судят об уровне научного, интеллектуального, творческого мышления и, конечно, уровне музейного профессионализма. Новые современные экспозиции музеев мира приносят славу своей стране, формируют имидж нации. Интересная современная экспозиция привлекает большой поток посетителей. Поэтому во многих странах на создание экспозиции выделяются значительные средства и достаточное время (за короткие сроки качественный уровень сделать невозможно).

В Казахстане ведется работа в этом направлении, но очень медленно. Созданы макроэкспозиции в ведущих музеях Алматы и Астаны. Отдельные музеи, общественные организации, частные лица за счет своего энтузиазма делают инновационные экспозиции, проводят специальные семинары, приглашая в качестве лекторов известных российских кураторов (семинары Центра современной культуры «Дешт-и-Арт»).

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ, ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Научно-исследовательская работа музея – один из главных видов музейной деятельности, которая состоит из собственно научных изысканий музея, на ней строится инвентаризация и хранение фондов, создание музейной экспозиции, культурно-образовательная работа.

За последние несколько лет музеи Казахстана активно развивают некоторые направления своей научной работы. Показателями являются многочисленные экспедиции (средний показатель экспедиций на один музей за три года равен 4, 3) и связи музеев с различными научно-исследовательскими институтами. Показатель количества экспедиций демонстрирует достаточно высокий уровень экспедиционной деятельности музеев, направленной для сбора как материальных объектов культуры, так объектов нематериального наследия (фольклор, обряды и т. п.). В этом направлении музеи выполняют свою главную функцию, как хранителя культурных ценностей.

Однако существует еще ряд научных задач, которые пока для музеев Казахстана представляют определенную трудность. Это, например, разработка научной концепции развития музея, научная обработка фондов, которая затем публикуется в виде каталогов музейного собрания, высокий уровень научного описания фондов (научные паспорта), исследования параметров хранения музейных предметов и многое другое. Причина этих трудностей кроется не только в недостаточном профессионализме сотрудников музея, но и в том, что выполнение плана платных услуг, преобладание культурно-образовательных мероприятий, требуют больше рабочего времени, а во многих музеях не хватает научных сотрудников. Поэтому организация научной работы и повышение ее уровня в музеях требуют финансовой поддержки, расширения штатов, методической помощи и серии обучающих семинаров.

Одно из требований развития современного музея – создание электронного каталога музея, введение коллекций в научный оборот. Такой электронный каталог должен стать частью единого государственного каталога. Работа по созданию каталога требует огромного научного труда сотрудников музея, высокой степени квалификации, которую можно достичь при планомерной длительной работе в этом направлении. Пока, к сожалению, на местах наметилась опасная тенденция превращения музея в центр проведения досуга при сокращении и даже отказе от научных исследований. Не умаляя значения культурно-образовательной деятельности, важно сохранить существенные параметры музейной работы научное изучение источников и представления результатов обществу. Необходимо оказывать содействие появлению и сохранению научно-исследовательской

деятельности в музеях, причем в различных формах (экспедиции, контакты, издание, конференции и т. п.).

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ

В силу исторической ситуации в Казахстане культурно-образовательная деятельность музеев вышла сегодня на первый план. Интерес к истории Казахстана стал главным лейтмотивом просветительской деятельности музея. Проведенный опрос продемонстрировал высокие показатели, которые говорят об активной работе музеев с посетителями. Среди посетителей обычно выделяют три категории: школьники, студенты, взрослые. Еще недавно, в 90-е годы XX века, основными посетителями были, в основном, школьники и студенты. Сейчас наблюдается то, что взрослые становятся главной категорией посетителей музея. Все эти положительные показатели говорят в пользу музеев как мощного фактора в формировании идеологической платформы нового государства, при этом, сохраняя позитивность прошлых приоритетов, утверждают новые позиции в понимании гражданских интересов в духовном становлении страны.

В целом, анализируя состояние культурно-образовательной работы в опрошенных нами музеях Казахстана, необходимо отметить, что этот вид деятельности сегодня наиболее развит в музеях Казахстана и востребован обществом. Однако, как и всякое явление, оно имеет обратную сторону: проведение большого количества мероприятий вне пределов музея губительно сказывается на сохранности музейных предметов, так как в иных условиях предметы подвергаются колебаниям температуры, влажности и т. п. Это является нарушением режима хранения. В этом отношении важно выработать критерии сохранности культурного наследия в музейной системе.

Итак, необходимо сказать, что музей как особенная структура со своими специфическими характеристиками и подходами, входит в систему министерства культуры. При этом имеет множество точек пересечения с министерством науки и образования. Структура, требующая особых усилий государства, которые направлены на поддержание специфических функций музеев: научная работа, модернизация экспозиций, хранение и обеспечение сохранности культурного наследия.

О проблемных моментах в музейном деле Казахстана

Они определились в результате проведенного анализа деятельности казахстанских музеев по следующим ситуациям:

- необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу;
- формировать более гибкий механизм финансирования музеев с точки зрения юридического статуса КГКП или ГУ;
- кадровое обеспечение – недостаточный профессионализм, недостаток кадров, необходимость создания обучающих центров в виде новых институций (экспозиционного, реставрационного, лаборатории музейного проектирования или консультационного центра при ЦГМ РК музея) с приглашением специалистов из других стран;
- выработка критериев определения штатных структур с учетом индивидуальности музея, его местонахождения, количества единиц хранения, количества населения и других;
- учет и хранение историко-культурных ценностей – недостаточные площади, несоответствие зданий музейной специфике, отсутствие необходимого специального оборудования, что может привести к невозвратимой утрате культурного наследия;
- экспозиционная деятельность – недостаток экспозиционных площадей, однотипные музейные экспозиции, создание условий для проведения временных выставок без ущерба сохранности музейных предметов, обучение инновационным экспозиционным приемам, выработка критериев оценки выставочной деятельности;
- комплектование фондов – отсутствие или недостаток средств на закуп музейных предметов, проблема комплектования фондов; отсутствие научных концепций комплектования фондов;
- издательская деятельность – отсутствие средств для издания каталогов, рекламной продукции;
- научно-исследовательская – отсутствие у большинства музеев научной концепции развития музея, недостаточный профессионализм научных сотрудников, отсутствие в музеях сотрудников с ученой степенью;
- культурно-образовательная деятельность – опасность превращения музеев в центры проведения досуга при сокращении научных исследований, работы по учету и хранению;
- информатизация музейной деятельности – недостаточное компьютерное оснащение, недостаток средств для создания специальных программ, открытия и поддержки сайтов, создания

мультимедийной продукции;

– профессиональное пространство – недостаточное количество республиканских семинаров, конференций, форумов, фестивалей, на которых музейные работники могли бы обмениваться опытом, обсуждать свои проблемы;

– хозяйственная деятельность – необходимы средства на капитальные и текущие ремонты, на приобретение транспорта, мебели, оргтехники.

Многие проблемы могут быть решены благодаря специальной государственной программе, направленной на развитие музеев Казахстана. При этом необходимо сохранить позитивность достижений советского музееведения. В настоящее время любое реформирование музея с использованием западной или американской моделей может разрушить всю музейную систему Казахстана, так как западные музеи имеют совершенно другую историю формирования, источники финансирования и сильные университеты, позволяющие получать прекрасное образование музейным специалистам. Необходимо проводить конкурс на лучший музей года. Сегодня нужна государственная поддержка в виде продуманной многолетней научно-обоснованной поэтапной программы в области развития всех видов деятельности музея, таких как «Учет и хранение фондов», «Научно-исследовательская работа», «Реставрация и консервация фондов», «Модернизация экспозиций».

Казахстанские музеи, как показало данное исследование, играют одну из ведущих ролей в становлении идеологии нового государства. Стоит вдуматься в такой показатель: около 1, 5 миллиона людей ежегодно посещают музеи и музейные комплексы. Можно говорить, о том, что в Казахстане музей – одно из самых посещаемых культурных заведений. Казахстанские музеи популярны, востребованы и любимы народом.

Примечания:

¹ Джеффри Льюис. Роль музеев и кодекс музейной этики // Управление музеем: практическое руководство. Издание ИКОМ при поддержке ЮНЕСКО. Париж, 2004. С. 1–17.

² Козлова М. Музеи // Журнал «Мемориал», № 5, 2003. С. 5.

³ Сундиева А. А. Культурная форма как категория истории музейного дела [электронный ресурс] // <http://www.museum.philosophy.ru/old/triambos.html>.

⁴ Козлова М. Указ. соч.

⁵ Асанова С. А. Основные этапы истории музейного дела Казахстана. Музееведение и историко-культурное наследие // Сб. статей Кемеровский государственный университет культуры и искусств. Кемерово, 2009. – Вып. III. С. 156–166.

⁶ Разгон А. М. Музейная сеть единого многонационального социалистического государства // Музейное дело в СССР. М., 1985. С. 13.

⁷ Пшеничная С. В. Концептуальная модель музея в современной отечественной музеологии. Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор» // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. Сб. научных трудов – № 9, 2007.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Хадсон К. Музеи не стоят на месте // Museum, № 197, 1998. С. 43.

¹⁵ Файзуллина Г. Ш. Как живешь, музей? // Музеи Казахстана. – Астана, № 2 (3), 2003. С. 51–54.

¹⁶ Козлова М. Указ. соч.

¹⁷ Асанова С. А. Указ. соч.

¹⁸ Разгон А. М. Указ. соч.

¹⁹ Пшеничная С. В. Указ. соч.

²⁰ Хадсон К. Указ. соч.

²¹ Файзуллина Г. Ш. Указ. соч.

²² Хадсон К. Указ. соч.

²³ Николая Ладкин. Управление коллекциями // Управление музеем: практическое руководство. Издание ИКОМ при поддержке ЮНЕСКО. Париж, 2004. С. 17.

- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Юренева Т. Ю. Музееведение: Учебник для высшей школы. М.: Академический Проект, 2003. С. 393–395.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Музейная энциклопедия [электронный ресурс] // www.museum.ru/RME/mb.
- ²⁸ www.museolog.unesco.kz.
- ²⁹ Файзуллина Г. Ш. «Мәсі» или «ичиги» (к вопросу об использовании этнографизмов в музейной терминологии) // Тюркское историко-культурное наследие в евразийском и центральноазиатском контексте: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Казахского национального педагогического университета имени Абая, 29–30 апреля 2008 г. – Алматы: КазНПУ им. Абая, 2008. Часть 3. С. 50–53.
- ³⁰ Музейная энциклопедия [электронный ресурс] // www.museum.ru/RME/mb.
- ³¹ Баюкатова Л. Н. Формы музейной работы и общие рекомендации по планированию экспозиции на примере Центрального музея связи имени А. С. Попова // Сб. Почта России, июль 2005 [электронный ресурс] // www.rustelecom-museum.ru.
- ³² Юхневич, М. Ю. Я поведу тебя в музей. Москва, 2001. С. 19–28.
- ³³ Музейная энциклопедия [электронный ресурс] // www.museum.ru/RME/mb.
- ³⁴ Николай Молока. Лишние билетки. Текст статьи предоставлен С. Ковалевским – заместителем директора Красноярского музейного центра России.

Н. О. Иванова, Н. А. Ваганова

Челябинский областной краеведческий музей, г. Челябинск

МУЗЕИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ)

2010 год можно назвать годом музеев, так как состоянию музейного дела в стране было уделено особое внимание. Результатом этого внимания стали две проверки, проведенные в музейных учреждениях по линиям Росохранкультуры и МК РФ, которые показали, что большинство музеев страны нуждаются в серьезном реформировании. Б. Б. Пиотровский – руководитель одного из ведущих музеев страны (Государственный Эрмитаж) оценивая события, происходящие в музейной сфере, анализируя доступные источники и публикации, посвященные роли и месту музеев в современном обществе, отмечает, что существует несколько суждений по этому вопросу. Наиболее радикальное – «скорая смерть» музеев, хотя наряду с этим постоянно слышны и громкие «победные реляции» с музейного фронта. Музеи сегодня переживают системный кризис, связанный, прежде всего, с тем, что представления об их традиционной деятельности как «храма муз» не соответствуют ожиданиям молодого поколения. За последние десятилетия выросло новое поколение посетителей, которые как граждане формировались в 1990-е годы, сегодня это наиболее активная социальная группа, которая представляет коммерческую деятельность как основную составляющую. В результате музеи сегодня чаще всего представляются как досугово-развлекательные центры. Создание виртуальных экспозиций, когда подлинный предмет подменяется аудио-визуальными или театральными эффектами, увлечение внешними формами привело к изменению традиционной миссии музея. Его пытаются представить как универсальный институт призванный «обслуживать» досуг и сферу развлечения, с использованием хранимого уникального наследия. «Виртуальные музеи или эрзацмузеи представляют суррогаты музейной деятельности» – отмечает Б. Б. Пиотровский. При этом положительный образ страны в целом и отдельного региона в частности целиком определяется культурным наследием. Культура также формирует и внутренний образ России. Только музеи сегодня стоят на страже национального достоинства, формируют историческую этику, противостоят царящим в обществе опасным настроениям. «Музеи сегодня представляют последнюю подлинность в насковозь виртуальном мире» – Б. Б. Пиотровский. Сегодня в России 1854 музея. Это самые доступные (средняя стоимость билета в музей менее 45 рублей) и самые посещаемые учреждения культуры. В 2008 году музейная аудитория страны составила 77 млн человек (аудитория театров

менее 30 млн, кинотеатров – 45 млн человек, библиотек – около 60 млн человек). Это значит, что каждый среднестатистический гражданин России в возрасте от 5 до 18 лет посетил музей, а еще около 500 тысяч детей и подростков участвовали в программах и занятиях в музейных детских и молодежных центрах.

В федеральном законе от 9.07.2010 года за № 391 «Об утверждении перечня государственных услуг, оказываемых бюджетными учреждениями, подведомственными Минкультуры России, применяемого для формирования государственного задания», четко прописано, что основная задача, которая ставится перед музейными учреждениями государством – есть «выявление и собирание музейных предметов и музейных коллекций, формирование Музейного фонда Российской Федерации, обеспечение учета музейных предметов и музейных коллекций, ... хранение и обеспечение сохранности, ... изучение и проведение историко-культурной экспертизы...» и только затем публикация музейных предметов и коллекций и организация различных музейных мероприятий. Но именно эта основная функция музейной деятельности практически не финансируется – музеи сегодня не имеют средств не только на закупку экспонатов, но и на проведение экспедиций, которые всегда были основным источником формирования фондовых коллекций. Расходы на музеи составляют менее 0,06 валового национального продукта, 80% музеев страны расположены в зданиях, не приспособленных для хранения и экспонирования музейных предметов, 40% музейных экспозиций расположены в культовых зданиях – памятниках истории и культуры, приспособление которых под хранение вообще невозможно.

Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» № 54 (в ред. от 23.07.2008) совершенно четко определяет такие понятия как *культурное наследие, культурная деятельность, музейный предмет, музейная коллекция, музейный фонд, музей*. Одним из основных признаков музея является его статус «учреждения» – самостоятельного юридического лица, а им согласно ст. 48, гл. 4, ч. 1 Гражданского кодекса РФ является организация, имеющая «в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество», а также утвержденное название, регистрационное удостоверение, устав, самостоятельный баланс и смету. Из этого абсолютно понятно, что юридически несостоятельны все общественные, школьные и ведомственные музеи, коллекции в которых не могут быть поставлены на бухгалтерский учет по закону, но и не могут быть учтены в государственном музейном фонде РФ, так как официально они как бы не существуют. *Закон № 54-ФЗ лишает права на существование все музеи, не имеющие прав юридического лица.*

Музейный фонд РФ представляет собой совокупность музейных предметов и коллекций, постоянно находящихся на территории РФ, гражданский оборот которых допускается только с соблюдением ограничений установленных законом ФЗ-54. Музейный фонд РФ состоит из двух частей – государственной и негосударственной. В состав государственной части музейного фонда входят все музейные коллекции, находившиеся в музейных учреждениях до 01.01.1997 года. Музейный фонд РФ формируется федеральным органом исполнительной власти и регистрация в нем довольно длительная процедура. На 1 января 2007 года из общего объема музейных коллекций страны в Государственном музейном фонде не зарегистрированы 86,8% музейных экспонатов. Оформление государственного музейного фонда, создание электронного варианта сегодня одна из важнейших задач, стоящих перед музейным сообществом.

Музеи Челябинской области различаются по масштабам и профилю фондового собрания, направлениям и принципам работы, ведомственной принадлежностью. Несмотря на сложные социально-экономические условия последних лет, многие музеи сумели сохранить свой фондовый и кадровый потенциал, превратились в образовательные и туристические центры, определяющие имиджевую составляющую территории. При этом часть музеев находится вне правового поля, так как не только не являются юридическими лицами, но и не включены в государственную часть музейного фонда РФ.

По количеству государственных и муниципальных музеев на 1 января 2010 года Челябинская область занимает восьмую позицию среди субъектов Российской Федерации.

Деятельность музеев Челябинской области осуществляется в соответствии с основными положениями Закона Челябинской области от 28.10.2004 г. за № 296-ЗО «О деятельности в сфере культуры на территории Челябинской области».

На начало 2010 года в Челябинской области функционируют 47 музеев (сокращение количества музеев по сравнению с 2009 годом произошло за счет объединения музеев Нагайбакского района в единое музейное учреждение). Три музея являются государственными – Челябинский

областной краеведческий музей; Музей искусств, Челябинск; музей «Аркаим» – государственное учреждение культуры «историко-культурного заповедника областного значения Аркаим». Муниципальными являются 44 музея. Краеведческий профиль имеют 37 музеев; 4 музея – художественную направленность, 2 музея – естественно-научную; 4 музея функционируют как музейно-выставочные центры. Сохраняется лидерство историко-краеведческих музеев в общем количестве музейных учреждений и прежде всего по занимаемым площадям и по количеству единиц хранения.

Не имеют юридического статуса на 3 июня 2010 года 8 музеев Челябинской области: Музей природы г. Аша; Музейно-выставочный центр г. Аша; музей истории Агаповского района; Троицкий краеведческий музей; Октябрьский историко-краеведческий музей; районный историко-краеведческий музей с. Кунашак; музейно-краеведческий центр г. Куса; Чебаркульский районный музей им. С. Герасимова (с. Кундравы).

Имеют договор с Роскультурой о передаче музейных предметов в безвозмездное пользование только три музея: ГУК «Челябинский областной краеведческий музей»; Красноармейский краеведческий музей; музей имени В. К. Егорова (с. Миасское, от 18.03. 2003 г.); краеведческий музей Катав-Ивановского муниципального района (от 22.05.2003 г.). В настоящее время по приказу МК РФ от 06 июня 2009 года утверждена новая форма договора о передаче в безвозмездное пользование на определенный срок музейных предметов и музейных коллекций, входящих в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации находящихся в федеральной собственности. При заключении договоров музеями Челябинской области необходимо это учитывать, отсюда есть насущная необходимость проведения методической учебы для руководителей музеев и главных хранителей по основным положениям заключения трехстороннего договора по новой форме.

Основной музейный фонд всех музейных учреждений Челябинской области в 2009 году составил 620 068 единиц хранения, вместе с научно-вспомогательным фондом – около 1 млн единиц. По результатам комплексной и общей проверки сохранности и наличия фондовых предметов была выявлена недостача в 22698 единиц хранения, которая во многом объясняется отсутствием централизованного списания по имеющимся основаниям утраченных предметов. Из них около 40% предметов основного фонда и более 60% вспомогательного фонда в основном утративших музейную ценность предметов. 70% недостающих было зафиксировано при сверках проводимых ранее, но не списанных по различным причинам. Проблема – отсутствие в штатном расписании многих муниципальных музеев ставок главного хранителя и хранителя. По результатам сверки находящихся в фондах государственных и муниципальных музеев области предметов и коллекций, прежде всего было необходимо подавать заявления в УВД Челябинской области на поиск не обнаруженных предметов, а этого как правило не делалось. Всего в ходе проверок комиссией было выявлено более 200 нарушений законодательства и ведомственных нормативных актов, даны методические рекомендации и установлены сроки по устранению нарушений, соблюдение которых контролируется министерством культуры Челябинской области. Большинство музеев Челябинской области не имеют лицензии на хранение и экспонирование оружия (лицензия имеется в Челябинском областном краеведческом музее, в музее города Сатка, подготовлены документы в Копейске).

Значительным вкладом в организацию работы музеев стало внедрение программы «КАМИС», которая организует электронный учет фондовых предметов и облегчает анализ хранящихся в музеях коллекций, помогает не только организовать учет, но и проведение выставок и движение различных музейных документов. Сегодня в программу «КАМИС» занесено более 146 тысяч экспонатов. Однако в ряде музеев программа не установлена – нет компьютеров нужной мощности в музеях Агаповского, Октябрьского, Кунашакского, Еткульского, Кусинского, Чебаркульского районов и эту проблему необходимо решать в ближайшее время.

Музеи Челябинской области расположены в 93 зданиях, из них специально построенных – 3, в памятниках федерального значения располагаются 3 музея, в памятниках регионального значения – 19. В оперативном управлении находятся 90 зданий, арендуются – 2. Требуют капитального ремонта и реставрации 20 зданий, 3 музейных здания находятся в аварийном состоянии (Касли, Кыштым, Озерск). В 2009–2010 годах во многих городах и районах области проведены текущие ремонты зданий музеев, приведены в порядок прилегающие к зданиям территории (Усть-Катавский, Пластовский, Красноармейский, Увельский, Копейский музеи). Продолжается реставрация Белого Дома (Кыштым). Вызывает тревогу и требует серьезных вложений организация системы охраны музеев. Отсутствует охрана в музеях (Сим, Миньяр, МВЦ г. Аша, в селах Кунашак, Октябрьское, Уйское). Сторожевая охрана в 26 музеях, вневедомственная – в 12 музеях. Отвечает стандартам и современным требованиям охрана Челябинского областного краеведческого музея, Магнитогорско-

го и Южноуральского краеведческих музеев, Музея искусств г. Челябинск. Автоматическое пожаротушение есть только в музеях Златоуста, Копейска, Южноуральска, Магнитогорска, Еманжелинска, поселка Бреда. Система пожарной безопасности в 23 музеях неудовлетворительная.

В 2009 году выросли доходы музеев. Общая сумма их составила 21 млн 379 тыс. рублей (муниципальные музеи – 3 млн 879 тыс.), причем от основных видов уставной деятельности доходы составили 15 млн 934 тыс. рублей (из них муниципальные музеи – 3 млн). Однако следует отметить, что 6 муниципальных музеев принимают посетителей бесплатно (Карабаш, Озерск, Снежинск, Бреда, Куса). Средняя стоимость одного посещения в музеях Челябинской области колеблется от 50 копеек (Музейно-выставочный центр г. Аша) до 279 рублей 40 копеек – музей «Аркаим». В музее искусств и Челябинском областном краеведческом музее средняя стоимость одного посещения чуть больше 50 рублей. Средств от спонсоров в течение года поступило 955 тысяч рублей. Среди благотворителей следует отметить – Председателя Совета директоров «Южуралзолото» К. И. Струкова.

«...В Европе и Соединенных Штатах Америки исторически сформировано общественное мнение, традиция участия большого бизнеса в сохранении и преумножении культурного наследия страны. И, каким бы спорным не было происхождение капитала, его владелец, сделавший вклад в культуру, становится национальным героем. Люди с достатком считают поддержку искусства делом чести и престижа, а государство поощряет эту деятельность, частично освобождая спонсоров от уплаты налогов...». Музеи Челябинской области пока еще ждут своих спонсоров.

В 2009 году на пополнение музейных фондов музеями Челябинской области было потрачено 167 тысяч рублей (Златоуст – 65 тыс., Музей искусств г. Челябинск – 41 тыс., Касли – 35 тыс., Верхнеуральск – 12 тыс., Красноармейский – 7,4 тыс., Трехгорный – 7,4 тыс.).

Основные показатели деятельности музеев, объем предлагаемых услуг населению соответствуют показателям деятельности музеев Уральского региона. В 2009 году активизировалась научно-исследовательская и научно-просветительская работа, посвященная юбилею Победы, результатом которой стали новые экспозиции, выставки, конференции, публикации. Прошли научные конференции в Челябинском областном краеведческом музее, Златоусте, Троицке, Магнитогорске. Изданы сборники научных статей по результатам научных исследований в музеях, каталоги выставок. В 2009 году было проведено свыше 870 массовых мероприятий, на которых побывало более 70 тысяч человек, проведено 17 400 экскурсий, прочитано 1469 лекций, которые прослушало более 50 тысяч человек. Возрождая интерес к традиционной культуре, народным обычаям Златоустовский краеведческий музей разработал цикл этнографических праздников и экскурсию по исторической части города по маршруту городского трамвая.

В 2009 году музеи Челябинской области посетило 548,3 тысяч человек (Челябинский областной краеведческий музей – 139,1 тыс., Магнитогорская картинная галерея – 48,9 тыс., Златоустовский краеведческий музей – 42,6 тыс., Музей искусств г. Челябинск – 36,2 тыс., Аркаим – 29,3 тыс., Каслинский историко-художественный музей – 22,9 тыс., Миасский городской краеведческий музей – 15,7 тыс., В. Уфалейский – 14,0 тыс., Красноармейский районный краеведческий – 6,3 тыс., музей с. Долгодеревенское – 6,9 тыс.). Количество посетителей музея-заповедника «Аркаим» сократилось почти на 50%. За 2009 год в музеях Челябинской области было организовано и проведено 965 выставок. Увеличилось количество передвижных выставок, по их организации лидирует областной краеведческий музей. Во многих музеях области произошло обновление экспозиций, хотя эту работу необходимо продолжить с привлечением серьезных средств, для приобретения современного музейного оборудования. Материальная база большинства музеев по-прежнему остается в неудовлетворительном состоянии, большинство музеев нуждаются в обновлении оборудования, оснащении техническими средствами. Экспозиции большинства муниципальных музеев построены на копийном и вспомогательном материале, оформлены непрофессионально, на устаревшем оборудовании, маловыразительны, и не привлекают внимания посетителей.

Активизация музейной деятельности и внимание администрации к проблемам музеев в 2010 году выражается, прежде всего, в работе Министерства культуры Челябинской области над документом «Нормативы минимального ресурсного обеспечения общедоступных музеев», принятие которого определит – какие учреждения музейного типа достойны быть государственными музеями. Правовой вакуум, сложившийся в сфере учета музейных ценностей и определения понятия «единый музейный фонд РФ» делает принятие закона о «музейном деле в Челябинской области» жизненно необходимым. Закон должен определить классификацию музеев, реестр музеев, стандарт учреждений музейного типа, процедуру регистрации музейных предметов и музейных коллекций, создание каталога музейных ценностей Челябинской области.

Современное состояние музейного дела в регионе, многочисленные недостатки, выявлен-

ные в ходе комплексной проверки по линии Росохранкультуры (2009 г.) и проверки состояния музейных фондов в стране по линии МК РФ (2009 г.), новые законодательные акты и инструкции по ведению музейной документации, разработка и принятие закона о развитии музейной сети в Челябинской области поставили вопрос о создании законодательно оформленного и финансово поддерживаемого научно-методического центра по основным вопросам музееведения на базе одного из государственных музеев области.

Основные направления деятельности такого центра вытекают из насущных проблем, стоящих перед музеями. Созданный центр, прежде всего, должен:

1. Организовать методическую работу с музеями и филиалами в области, организовать квалифицированную подготовку кадров. «Профессиональное обучение музейному учету как сотрудников учетных подразделений так и всех работников музеев – это одна из самых острых проблем музейного дела сегодня. И это не только обучение студентов в вузах, сколько обучение и переобучение сотрудников, уже работающих в музеях, поскольку идет постоянная и интенсивная ротация музейных кадров, осложненная изменениями в нормативно-правовой базе» – Т. А. Полякова. Необходимо:

- разработать и принять научную концепцию развития музейной сети на ближайшее десятилетие;

- разработать положение по созданию реестра музеев Челябинской области;

- разработать положение по созданию и ведению реестра музейных ценностей Челябинской области;

- регулярно проводить кустовые семинары по обмену опытом и обучению работников современным методам музейной практики;

- организовать работу постоянно действующего методического семинара по музееведению;

- принимать активное участие в региональных, всероссийских и международных конференциях, семинарах, круглых столах.

2. Наладить научно-хранительскую работу:

- утвердить научную концепцию комплектования фондовых коллекций на ближайшее десятилетие;

- завершить оборудование музеев необходимыми средствами охраны и пожарной безопасности, по возможности необходимым музейным и фондовым оборудованием;

- организовать работу по созданию реставрационной базы;

- для комплектования фондовых коллекций ежегодно организовывать научно-исследовательские экспедиции.

3. Экспозиционно-выставочная работа:

- продолжить работу по созданию фонда обменных выставок среди музеев области и уралосибирского региона.

4. Научно-исследовательская работа:

- организовать и продолжить работу по подготовке и изданию каталогов по наиболее значимым музейным коллекциям;

- увеличить количество и объем научно-популярных изданий – путеводителей, буклетов, наборов открыток и другой продукции;

- ежегодно организовывать научно-практическую конференцию по результатам научных исследований в музее и основным вопросам музейной деятельности;

- шире использовать средства массовой информации, организовать периодическое краеведческое издание (газета, журнал);

- регулярно вести и обновлять информацию о деятельности музеев Челябинской области в сети Интернет;

5. Коммерческая деятельность:

- изготовление и реализация всех видов рекламной продукции (видеофильмы, буклеты, каталоги, календари, сувениры, книги и др.);

- участие в различных конкурсах, смотрах и программах на гранты частных и государственных фондов;

- довести стоимость представляемых музеем услуг до рыночной, сохраняя доступность широким слоям населения к музейным ценностям.

Методический центр позволит координировать работу музеев Челябинской области, расширит возможности обслуживания населения музейными мероприятиями, организует грамотное

составление ежегодных отчетов (форма 8-НК). Методический центр также сможет организовать работу по учету многочисленных общественных и ведомственных музеев.

Современная музейная практика во всем мире ставит перед музеями задачи организации различных не стандартных форм работы для привлечения посетителей в конкурентной борьбе с различными средствами (электронными) массовой информации. Музейный опыт показывает, что сочетание экскурсий, бесед, лекций, уроков на базе музейной экспозиции с реконструкциями исторического события и технологических приемов разных времен, тактильного общения посетителя с музейным предметом, участие посетителя в процессе изготовления музейных реплик, вызывают неизменный интерес и наиболее востребованы посетителями. Челябинский областной краеведческий музей сегодня накопил достаточный опыт (краеведческий абонемент) на базе «Детской экспозиции» для организации таких форм работы с посетителями при наличии соответствующего помещения на более широком уровне. Сегодня областной музей имеет также и опыт организации и проведения международных выставок.

У. А. Алимова

Челябинский институт повышения квалификации работников образования, г. Челябинск

«ВИРТУАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ» КАК СРЕДСТВО МУЗЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В последнее десятилетие Интернет стал наиболее динамично развивающейся формой глобальных телекоммуникаций. Интернет и World Wide Web превратились в чрезвычайно существенный фактор индивидуального и общественного развития, став привлекательными для сотен миллионов людей. Новые технологии действительно уверенно и широко вошли в жизнь людей. И этот дерзкий мир новых технологий не обошел своим вниманием и сферу культуры и искусства.

Сегодня общество склонно потреблять уже не само искусство, а информацию о нём, и всё чаще – актуальность (скорость получения) этой информации. Наиболее реактивной и тотальной средой распространения информации, не ограниченной конвенциональными рамками, стал Интернет.

Современный человек участвует в политической жизни не на баррикаде или митинге, а перед экраном телевизора или с глянцевым журналом в руках. Так же и эстетические потребности он удовлетворяет не в реальном музее и не на выставке, а всё тем же телевизором или в сети Интернет. Для современной эпохи характерен экранный тип культуры, в основе которого лежит теле-видеоряд; уже сформировалось поколение, ориентированное на этот тип культуры, предпочитающее получать информацию, представленную виртуально. И искусству теперь приходится довольствоваться территорией информации и осваивать новые технологии.

Используя новые методы, искусство формирует новое, более модное и привлекательное пространство эстетической востребованности с надеждой вернуть на территорию искусства внимание/деньги зрителей, масс-медиа, бизнеса, власти и политики. Поскольку и сегодня главным собирателем и хранителем искусства по-прежнему остаётся музей, то и он оказался вовлечённым в мир новых технологий.

На протяжении столетий общественная значимость музея определялась качеством его экспозиции, с 1970-х годов не менее важным показателем стал уровень проводимых им акций, мероприятий и программ. В последние годы всё более существенным фактором становится лицо музея, обращённое в открытое информационное пространство. Нравится нам это или нет, но уже настал тот день, когда количество виртуальных гостей музея начинают превышать число его реальных посетителей, а центральное место в системе музейных public relations начинают занимать «Internet relations». На сегодня уже более 200 российских музеев представили себя в виртуальном пространстве. Так как одни из этих музеев существуют в реальной жизни, другие же – лишь в воображении их создателей и разработчиков, необходимо провести разграничение в понятиях.

Обычно музейные сайты в Интернете делят на две группы:

«Виртуальные музеи», которых физически, а точнее организационно не существует. Здесь имеет место полная неразбериха. Просмотр данного типа сайтов убеждает, что сегодня виртуальным музеем могут назвать любой набор изображений с пояснительными текстами.

«Виртуальные музеи», как представительства реально существующих музеев. Ситуация с

представительствами более или менее понятна: музейный сайт – не самостоятельная структура, а функциональная часть существующего музея, реализующая часть музейных программ, в первую очередь, популяризационных.

Первые представительства музеев стали появляться в Интернете в 1995 году. Это были так называемые «home pages» (домашние страницы), содержащие информацию с музейного автоответчика и несколько картинок. Все это легко укладывалось в один экран. За полтора–два года домашние странички сменились большими музейными сайтами. Если отбросить незначительные функциональные различия, то можно сказать, что эти сайты являются разновидностью путеводителей.

Такая ситуация вполне понятна и на первых порах оправданна. Путеводитель – жанр хорошо знакомый музейному работнику. А как еще в популярной форме рассказать о музее? Все бы хорошо, если бы не одно но. Путеводитель пишется для посетителей, для людей, которые придут в музей. Его и покупают, обычно, на лотке у входа. Он является дополнением к экспозиции, а не ее аналогом. С музейным сайтом все обстоит ровно наоборот. Он делается для виртуальных посетителей. Многие из них потому и прибегают к услугам Интернет, что не имеют возможности посетить музей лично. В сегодняшней России люди, ходящие в музеи, и посетители музейных сайтов составляют две разные группы. Зона их пересечения не столь уж велика.

Итак, у музейного представительства своя публика. Кроме того, оно имеет свои информационные ресурсы, свои архитектуру и дизайн – все, чтобы стать самодостаточным, чтобы превратиться в «виртуальный музей». Главное отличие между ними – в появлении обратной связи: традиционный музейный сайт есть лишь техническое средство для продвижения музейной информации, а вот виртуальный музей способен оказывать существенное влияние на развитие музея реального, помочь в переосмыслении музейной деятельности. Именно поэтому сегодня музейные представительства стараются отойти от формата «домашней странички» и достичь формата «виртуальный музей». Музейные сайты делают всё, чтобы превратиться в экспериментальную площадку для музейного проектирования, в возможность разрабатывать различные музейные модели. Мы вступили в захватывающий период в развитии музеев, в плане их взаимодействия как друг с другом, так и с посетителями. Последние несколько лет мы можем видеть стремительное продвижение музеев в сеть Интернет.

Одна из главных идей, стоящих за созданием музейных представительств в сети Интернет, заключается в том, чтобы дойти до той части аудитории, которая раньше мало контактировала с музейным сообществом. Вообще, примечательно то, что цели создателей «виртуального музея» совпадают с целями создания реальных музеев.

Сегодня уже вырисовывается образ музеев, в котором они предстанут во Всемирной паутине: появляются виртуальные пространства, в которых посетители могут не только видеть памятники материальной культуры, но и воспринимать связанные с ними звуки и даже испытывать тактильные ощущения. Они могут общаться друг с другом и со специалистами и таким образом приходиться к пониманию и умению оценивать эту культуру. Создаются пространства, в которых члены вновь формирующихся социальных групп могут делиться впечатлениями, информацией и радостью открытия. Пространства, в которых музей может устанавливать постоянные взаимоотношения с удаленным пользователем.

Так почему же музейное сообщество взялось за освоение нового инструмента? Все ответы на вопрос «почему?» можно суммировать следующим образом:

Большинство музеев существуют для предоставления членам общества возможности получать впечатления и информацию. Интернет вооружает музеи новым средством для расширения имеющихся возможностей;

Интернет, как и многие музеи, является средой свободного общественного доступа, потенциально открытой для всех;

Практически все музейные публичные программы имеют своего рода аналог в виртуальном мире Интернета. Существуют возможности для создания новых типов программ при непосредственном участии посетителей, что совершенно исключено в отсутствие Интернета;

Использование Интернета получило особенно широкое распространение в области образования и культуры, что прекрасно отвечает интересам музейной аудитории – нынешней и потенциальной;

Глобальный характер Интернета позволяет музеям расширить свою аудиторию, выйдя далеко за пределы физической зоны обслуживания;

Все организации начинают осваивать Интернет с одного и того же шага – создания одной-единственной странички во Всемирной паутине. Пользователи Сети делают свой выбор, руководству-

ясь уровнем признания и авторитета того или иного имени/названия. Это даёт таким организациям, как музеи, одно преимущество – их надёжная марка, закрепившаяся за ними слава первоклассных, уважаемых и авторитетных учреждений выгодно отличают их от других конкурентов.

Посещение «виртуального музея» в Интернете должно стать дополнением к посещению музея реального, а не конкурировать с ним. Всемирный опыт свидетельствует, что деятельность, которая способствует популяризации организации в одной среде, как правило, приносит ей популярность и в других. Чем чаще люди посещают музеи в Интернете, тем чаще они будут ходить в них в реальной жизни. По крайней мере, именно на это надеются создатели виртуальных музеев.

Сегодня, когда всё чаще акцент делается на констатации кризиса традиционной каталогизированной формы музея, просто необходимы альтернативные проекты устройства музея. И именно теперь нам предлагается новая форма, смысл которой и последствия в культуре ещё предстоит понять. «Виртуальный музей» – сложное формирующееся явление, требующее разностороннего изучения. Его изучение является частью исследований, посвященных проблеме взаимодействия музеев с новыми информационными технологиями. В то же время исследование виртуальных музеев может стать одним из шагов к пониманию взаимодействия музея и общества, места музея в современной культуре. Сама жизнь ставит вопрос о появлении новых форм музея. Одной из них как раз является «виртуальный музей».

И. В. Андреева

Челябинская государственная академия культуры и искусств, г. Челябинск

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕБСАЙТ-МУЗЕЙ КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Советская литература, ставшая сегодня фактом безвозвратно ушедшего прошлого, представляет интерес в силу множества причин. В прежних хрестоматийных образцах она утратила тематическую актуальность, но современными переизданиями уже отмечено ее возвращение как памятника, как свидетеля социальной истории. «Ценность этой литературы не столько эстетическая, сколько музейная», – заявляет со страниц авторитетного журнала сверхактуальный публицист и, называя причины неизбежного возвращения или невозвращения к нам советской литературы, напоминает, что «мы не так богаты, как кажется»¹. Создание литературных виртуальных музеев – один из способов сохранения и актуализации литературного наследия, спасения достойных имен от забвения. Это подтверждает опыт создания электронного ресурса «Писатель из СССР. Виртуальный музей Ю. Н. Либединского», которому посвящена данная статья.

Проблематика феноменов виртуального пространства относится к числу приоритетов современных гуманитарных наук. В этом смысле музееведческая рефлексия явно запаздывает. На практике термином «виртуальный музей» определяются как многочисленные представительства в Интернете реально существующих в культурном пространстве музеев (электронных публикаций каталогов, экспозиций, путеводителей), так и специфический класс музейных сайтов, не имеющих аналогов в реальности и являющихся творческим продуктом их создателей. Чаще всего этот продукт представляет собой разновидность альбомов – электронных публикаций тематических подборок артефактов, не составляющих реальных коллекций. Недавно опубликованный «Словарь актуальных музейных терминов», по сути, закрепил все бытующие трактовки термина, вплоть до программ музейного ориентирования, размещаемых на базе сенсорных киосков в реальном музейном пространстве², не обозначив сущностные признаки явления. К пониманию сути явления в большей степени, нежели профессиональные издания, приблизилась «Википедия», определившая виртуальный музей как «тип веб-сайта, оптимизированный для экспозиции музейных материалов»³ или, добавим, материалов музейного значения. Многообразие практических вариаций лишь подчеркивает целесообразность и актуальность применения инфокоммуникационных технологий в популяризации культурного и, в том числе, литературного, наследия. Они решают проблемы виртуального посетителя, открывая быстрый и легкий доступ к экспонатам, помогая преодолеть временные и пространственные барьеры, предоставляя возможность обратной связи. Решают проблему создания музейной сети, особенно в том случае, когда реальная музейная потребность не подкреплена существующими музейными организациями, то есть музей попросту отсутствует в регионе в силу дефицита помещений и штата сотрудников, проблем обеспечения хранения и безопасности фон-

дов, дефицита средств на комплектование, создание экспозиций и публикацию как материального, так и нематериального наследия. Подобная ситуация была одной из причин создания вебсайт-музея писателя Ю. Н. Либединского. Отчасти он восполняет существенную лакуну в музейном отражении проблем литературного краеведения на Южном Урале.

Солдатская шинель, буденовка с красной звездой, острая, по-военному подстриженная борода, – как у Свердлова, как у Дзержинского! – таков внешний облик героя нашего виртуального музея. Юрий Николаевич Либединский (1898–1959 гг.). Писатель из СССР.

Когда-то это имя было известно любому школьнику. Его повестью «Неделя» (1921 г.) открывалась в русской литературе эпопея художественного осмысления советской действительности. Потом, в 1930-е годы она исчезла с полок библиотек и книжных магазинов. Либединский-писатель вновь мощно напомнил о себе уже после смерти, в начале 1960-х годов, когда сразу двумя издательствами – московским и Южно-Уральским – была издана его талантливая мемуаристика «Воспитание души» (1960, 1962, 1967 гг.) о годах детства и юности, проведенных на Урале – в Миассе, Челябинске, Свердловске. Тогда же его имя вошло в литературные энциклопедии и справочники, оно было присвоено одной из улиц города Челябинска, Миасской центральной городской библиотеке. На здании бывшего Челябинского реального училища, выпускником которого был Ю. Н. Либединский, была торжественно открыта мемориальная доска.

В 1990–2000-е годы авторитетные журналисты и краеведы посвятили Либединскому ряд публикаций, в состав региональных энциклопедий вошли персональные статьи о писателе. Немало усилий для сохранения памяти и популяризации литературного наследия приложила его жена, тоже литератор – Л. Б. Либединская, ныне покойная. Она и сохранила старые вещи, рукописи, книги, документы. За ними встает не только облик и судьба человека, но нечто гораздо большее – биография времени сложного и противоречивого, судьба страны, оставшейся в прошлом. Приблизиться к пониманию этого времени и загадочного поколения тех, кого «водила молодость в сабельный поход» – и есть задача нашего музея.

В середине 1920-х годов Ю. Н. Либединский покидает Урал и продолжает свою творческую работу в столице, где активно включается в создание новой советской литературы. Он был одним из активистов и идеологов Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), ряд крупных произведений, написанных им в 1930-е годы, были посвящены проблемам партийного руководства. В 1937-м году был исключен из партии, чудом избежал ареста и репрессий. Участвовал в Великой Отечественной войне сначала ополченцем, потом – корреспондентом фронтовых газет. После войны активно занимался переводами, увлекался кавказским эпосом, помогал молодым писателям. Неоднократно избирался членом Правления Союза писателей, возглавлял Ревизионную комиссию.

Краткая биографическая справка самым косвенным образом передает драматизм судьбы человека и поколений самых трагических десятилетий нашей истории. Чуть более красноречивы старые фотоснимки на ломкой бумаге: портрет в буденовке, совещание РАППа, прощание с Маяковским, Президиум съезда Союза писателей, Киришон, Авербах, Фадеев... Неоднозначные события, трагические судьбы. Но, пожалуй, еще более красноречивы события и факты литературной жизни, в которых писатель был обойден государственным вниманием и милостью. В 1935 году не удостоился чести представлять советскую литературу за рубежом во время многочисленных писательских поездок по Европе. Был обойден правительственной наградой в 1938 году, когда впервые происходило массовое награждение писателей орденами (лишь спустя двадцать лет, на излете жизни и творческой судьбы ему был вручен Орден Трудового Красного Знамени – «за трудолюбие», как шутил сам писатель). В конце 1920-х годов не успевал к раздаче квартир в знаменитом Доме Герцена на Тверском бульваре, а по возвращении из Ленинграда – в Лаврушинском переулке...

Авторы-проектировщики музея сознательно ставили перед собой задачу воссоздания широкого контекста социального и литературного быта (*литературный быт, в классическом определении Ю. М. Лотмана – это «особые формы быта, человеческих отношений и поведения, порождаемые литературным процессом и составляющие один из исторических контекстов»*¹) 1920–50-х годов – времени, лишившем писателя собственного лица, индивидуальности, превращавшем его в исполнителя «социального заказа». Система и техники политического контроля над литературой неизбежно приводили к деформациям в диапазоне от конформистской «перековки» до принятия партийной дисциплины в творчестве как личной ценности, как внутренней идеологической силы, как основы коммунистической религии, когда «художник верит и не спрашивает причин»². И поскольку многие процессы в литературе (и не только в литературе) не прекращаются с переходом в другую эпоху, а имеют тенденцию к повторению, постольку именно стремление увидеть явление, поведенческую мотивацию за событием, фактом или обстоятельствами судьбы стало основанием

для интерпретации материалов, оказавшихся в распоряжении авторов музея. Неоценимую помощь в написании очерков к разделам экспозиции оказали труды, имеющие, на первый взгляд, косвенное отношение к теме музея: историко-архивное исследование Н. Громовой «Узел. Поэты: дружбы и разрывы»⁶, «Эпилог» В. Каверина⁷, «Зеленая лампа и многое другое» Л. Либединской⁸, «Жизнь Н. А. Заболоцкого» Н. Заболоцкого⁹.

Музея писателя Ю. Н. Либединского пока не существует в реальности. И виртуальная версия не может его заменить. Потому что музей – это общение с подлинником, а не с его цифровой копией. Это запах старой бумаги, аура предмета, особые взаимоотношения вещей в музейном пространстве и хор их «голосов». Дополнительность такого рода музейных проектов очевидна: им не дано передать «наличное бытие» музейного предмета, стать моделью реально ощущаемого подлинного мира.

Массив материалов, составивших фонды виртуального музея, распылен в пространстве и сохраняется в личных архивах родных писателя (Л. Ю. Либединской, Г. А. Либединской), Н. А. Капитоновой, в фонде Центра историко-культурного наследия Челябинска. Основной массив рукописей писателя хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), среди них особый интерес для музейного исследования представляют материалы к автобиографиям писателя, личная переписка, отзывы читателей на произведения. Часть материалов в 2008 году была передана на временное хранение в Музей книги Челябинской государственной академии культуры и искусств (ЧГАКИ). Помимо личной библиотеки писателя, позволившей прочесть его произведения в ранних, не подвергнутых тенденциозной редакции, изданиях и журнальных публикациях, к ним относится ряд документов, мемориальные вещи. В совокупности сохранившиеся артефакты представляют Либединского как писателя (атрибуты литературной работы – пишущие машинки, письменный прибор, рукописи произведений), как частное лицо (бытовые предметы, фото в домашнем интерьере), как участника литературной жизни (книги с автографами, фото с писательских съездов и конференций), а также исторического процесса, политических катаклизмов (фото, документы, газетные вырезки). Многие документы и материалы (в частности, из семейного архива и РГАЛИ) были опубликованы на сайте виртуального музея впервые.

Наше музейное повествование условно, но вместе с тем, оно приближено к структуре «настоящего» музея и позволяет оказаться там, куда обычному посетителю «вход воспрещен». «Экспозиция», «Экскурсия», «Каталог», «Архив», «Биографическая хроника», «Видеозал», «Электронная библиотека», «Выставки» представляют богатые ресурсы для знакомства и изучения темы. Разделы соединены между собой единой системой гиперсвязей.

На подготовительном этапе работы помимо изучения литературы по теме, комплектования и изучения фондов, разрабатывалась единая система хранения и каталогизации всех возможных видов электронного представления музейных экспонатов (тексты, изображения предметов, электронные фотокопии, аудио- и видеофрагменты); проводилась оцифровка документальных и вещественных источников, реставрация фотографий; создавался дизайн-макет сайта и базы данных для поиска изображений, проектировались интерактивные системы представления и навигации по виртуальной мультимедийной музейной экспозиции с возможностью просмотра материалов по экспонатам. Дальнейшая реализация проекта осуществлялась на основе программного обеспечения Nort Joomla.

Содержательный компонент проекта представлен разделом «Экспозиция». Финансовые ограничения не позволили смоделировать зрительный образ самого музея с возможностью свободного перемещения по залам (не реализована трехмерная экскурсия, отсутствуют 3D-изображения). Раздел «Экспозиция» скорее создает зрительный образ коллекции. При этом ограничения, которые накладывает восприятие предмета виртуальным посетителем через двухмерную плоскость экрана, ставят под сомнение саму возможность формирования полноценного экспозиционного комплекса, в котором предметы вступают в пространственные взаимосвязи, формируя метасмыслы и значения. Поэтому в ходе работы над виртуальной экспозицией пришлось отказаться от предметных натюрмортов и вещевых комплексов в пользу коллекционного показа, сопровождаемого текстовой экспликацией с множеством гиперссылок, обеспечивающих переход к соответствующим материалам «Архива», «Каталога», «Видеозала» или «Электронной библиотеки». Таким образом, многие данные, уточняющие известные и обнаруживающие неизвестные ранее сведения, даты, факты «по клику» компьютерной «мышки» получают подтверждение в архивных и документальных свидетельствах.

В результате экспозиция представляет собой цепочку из девяти разделов по числу основных хронологических периодов жизни и творчества писателя (в соответствии с периодизацией,

разработанной в ходе работы над темой). Каждый раздел содержит следующие компоненты:

- Оригинальный, специально для сайта написанный, очерк, раскрывающий основные события и факты того или иного периода биографии в контексте общих тенденций времени и литературного быта. Особое значение в содержании очерка уделяется интерпретации предмета – вещевых источников, рукописей и документов, фотоматериалов. В контексте экспозиции они выступают как символы определенных явлений, что позволяет привнести в содержание сайта музейную специфику, отличающую его от электронного альбома подборок текстов и артефактов.

- Электронные фотокопии экспозиционных материалов – предметов, документов, фотографий, книг из личной библиотеки писателя, изображение которых можно увеличить с помощью наведения курсора. Все предметы сопровождаются развернутым этикетажем, что увеличивает информативность экспозиции. Дополнительную информацию о предмете можно получить через переход в «Каталог».

Раздел «Видеозал» включает экранизированные студентами ЧГАКИ лирические зарисовки страниц повести «Воспитание души». В «Электронной библиотеке» размещена полнотекстовая база литературных источников, посвященных Либединскому и опубликованных в течение последних десяти лет. Работа над сайтом подходит к завершению, планируется его размещение в сети Интернет, а также создание DVD-версии.

Проделанная работа как будто предполагает обнадеживающий эпилог: Либединский был и остается. Вместе с тем вопрос: остается для кого? – пока не имеет ответа. Для узкого круга посвященных – историков литературы, краеведов? Или для тех, кто, посетив музей, откроет в нем для себя тайну жизни незаурядного человека, и в наше время нивелирования авторитетов, разоблачения кумиров и господства «молчаливого большинства» найдет в ней свое понимание эпохи и близких людей, живших в одно время с героем? А, может, в чем-то поймет и себя, живущего в XXI веке, – времени без героя и узнаваемого лица, порой ностальгически обращающегося к образу духовного максималиста и романтика-мечтателя прошлого?

Время покажет. А действующий сайт в Интернете позволит произвести подсчет голосов «за» и «против» и оценить советскую (не по принадлежности к периоду, а по общему идейному пафосу) литературу как музейную ценность или как пространство поиска и осознания личной идентичности читателя XXI века.

Проект был осуществлен при поддержке внутриакадемического гранта ЧГАКИ в 2009 – 2010 г.

Примечания

¹ Быков Д. Возвращение советской литературы // <http://www.ogoniok.com/4978/5/>.

² Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. №5. С. 49.

³ Виртуальный музей // http://ru.wikipedia.org/wiki/Виртуальный_музей.

⁴ Лотман Ю.М. Литературный быт // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 194.

⁵ Симмонс Э. Дж. Политический контроль и советская литература // Политическая лингвистика. Вып. 1 (24). Екатеринбург, 2008. С. 160.

⁶ Громова Н. А. Узел. Поэты: дружбы и разрывы (Из литературного быта конца 20-х – 30-х годов). М.: Эллис Лак, 2006. – 688 с.

⁷ Каверин В. А. Эпилог: Мемуары. М.: Русская книга, 2002. – 560 с., ил.

⁸ Либединская Л. Б. «Зеленая лампа» и многое другое: сборник. М.: ОАО Издательство «Радуга», 2000. – 440 с.

⁹ Заболоцкий Н. Н. Жизнь Заболоцкого. М: Согласие, 1998. – 592 с., ил.

КЕРАМИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ САТКИНСКОГО РАЙОНА

Посёлок Межевой Лог известен в Саткинском районе тем, что с 1987-го года рядом с ним на промышленной площадке шахты «Кургазакская» был оборудован Цех товаров народного потребления (ЦТНП) и почти десять лет здесь производилась керамическая и майоликовая посуда.

Посёлок был образован в связи с началом разработки в середине 1930-х годов залежей бокситов, назван по месторасположению в межгорном логоу [по нему проходила граница (межа) с Башкирией]. С 1936-го по 2002-й годы ведущим предприятием на территории поселка являлись южно-уральские бокситовые рудники. Добыча руды велась вначале открытым способом, с 1938 года — подземным. В 1941 году была введена в эксплуатацию первая шахта. Всего в окрестностях поселка было обнаружено восемь крупных месторождений бокситовых руд. В 1979 году вступила в строй шахта «Кургазакская». На промплощадке железнодорожного депо в здании, первоначально предназначенном для автогаража, после полуторалетней перепроектировки и перестройки в начале 1991 года начал работу цех ТНП. Некоторые из будущих рабочих начинали свою деятельность в нём строителями, затем осваивали технологию производства керамики и проработали до самого закрытия предприятия.

Глиняная посуда производилась в Саткинском районе с тех самых пор, когда район был заселён работными людьми Строгановых, приехавшими строить Троице-Саткинский чугуноплавильный и железоделательный заводы. Посуда производилась кустарно, из красной и жёлтой глины, для бытовых нужд — кувшины, маслёнки, миски. Известно несколько выходов глины на территории поселения и в его окрестностях, которые использовало население. И вот, когда в конце 80-х годов XX века перед жителями посёлка Межевой, в основном, юбровцами-шахтёрами (работниками Южно-Уральских бокситовых руд), замаячил призрак безработицы в связи с малой рентабельностью основного предприятия, было решено поискать пути перспективного трудоустройства населения. Такими перспективами сочли производство керамической посуды, товаров народного потребления и кирпичное производство.

Глину использовали местную — кургазакскую красную. Сырья хватило бы не на один десяток лет, но специальные анализы не проводились, хотя испытание на вспучивание глина прошла. Кроме того, из истории эксплуатации месторождения было известно, что для производства кирпича эта глина хорошо подходит.

Для нужд завода и жителей в XVIII–XX веках работали кирпичные сараи. Во второй половине XIX–начале XX века активно развивалось частное производство кирпича И. Щепкина, Ф. Коростелёва, Разумовых. Работал кирпичный завод Варганова. В районе производство кирпича заглохло в 70-х годах XX века. Обходились соседским кирпичом — миасским и низкокачественным кигинским. Попытка возобновить производство была сделана в конце 80–начале 90-х годов XX века, когда появилась угроза безработицы в связи с удорожанием добычи бокситов на рудниках.

Техногенное землетрясение 28 мая 1990 года в районе южно-уральских бокситовых рудников было зафиксировано почти всеми сейсмологическими станциями Европы. Произошло оно из-за обрушения карстовых пустот в связи с насыщенностью территории шахтными полями и привело к частичному обрушению подземных, наземных строений, а также к человеческим жертвам. Предприятие было восстановлено, продолжало работать, хотя все понимали — ненадолго.

Строительство кирпичного завода велось трудно: за четыре года была выстроена линия по производству сырца. Как такового готового проекта не было — только рабочий проект посреднической фирмы «Курс». Работы при слабом проектировании велись вслепую, тем более, что производство планировалось вести не на природном газе, а на привозном мазуте. Слишком много появлялось производственных моментов, которые спрогнозировать или оценить можно было лишь в процессе строительства. Большой проблемой было приобретение оборудования, шедшего через третьи руки, и недостаток средств, которые шахтёры отрывали от своих небольших доходов, пытаясь положительно повлиять на своё будущее.

Завод по производству кирпича должен был обслуживать коллектив рабочих из 150-ти человек. Но завод не «пошёл». Оборудование было передано цеху товаров народного потребления. Цех имел 80 % оборудования, предназначенного для кирпичного завода.

7 декабря 1991 года было пущено производство керамической посуды. Сначала ЦТНП по производству керамических изделий создавался как филиал Южноуральского керамического заво-

Рис. 1. Керамические изделия Саткинского района

да. Первые семь человек специалистов и технолог Н. В. Тюхтеева освоили обучение своим специальностям именно там. Они осваивали технологию производства формовочных изделий. Образцы первых изделий, наиболее простых в изготовлении – чашек, мисок, бокалов без ручки – были заимствованы также у южноуральцев. Первоначально в ЦТНП работало около двух десятков человек. Следующим профессиональным этапом стало освоение производства чайной пары. В то время это было большим достижением – в районе появилась своя керамика, которую с удовольствием демонстрировали и дарили гостям города.

Позже, в процессе изучения рыночного спроса, когда формовочные, не слишком изящные изделия насытили местный рынок и сбывать их становилось всё труднее, в цехе приняли решение об освоении нового способа производства – литья, что было более экономичным, поскольку шликер готовился из отходов от формования с использованием добавок. Кроме того, этим способом можно было придать изделиям более гибкие формы. Всё зависело теперь лишь от художественного вкуса модельщиков – разработчиков новых образцов и мастерства литейщиков.

Хорошо, что основные сырьевые источники находились рядом – 25 % массы – красную глину – добывали здесь же, на промышленной площадке. Мрамор шёл из Медведёвки, песок был нижеуевельский, каолин – кыштымский. Цех ЦМП-3 Магнезита снабжал стержнями. Первоначально зависели от южноуральской глазури, позже отказались от этого невыгодного договора – освоили варку фритты самостоятельно, пустив маленькое отделение цеха в Блиновке. Некоторые составляющие привозили издалека: получали поволжский гипс и самарскую подовую плитку. Золотистый радужный люстр, который делал изделия ЦТНП легко узнаваемыми, получали из Березников.

Появились первые вазы, чайники, сувенирная продукция. Сначала это были единичные изделия, затем в цехе выделили место и обучили работников. Благодаря этому в 1993 году стали выпускать оригинальные сувениры – кофейники и целые сервизы. Новые виды продукции появлялись практически каждый месяц, поступая сразу в продажу. Первые суповые наборы, заимствованные в Южноуральске, сошли с дистанции как устаревшие. Новый суповой набор на 36 предметов был многофункциональным: супница с набором мелких и глубоких тарелок. Появился первый кофейный сервиз, украшенный деколью, что было по технологии производства экономически более выгодным. Деколь закупали в Ликино-Дулёво и в Магнитогорске – яркие букеты из роз, полевых цветов, анютиных глазок. Керамические краски получали из Воронежа.

Образцы художественных изделий были выставлены в этот период в кабинетах районной администрации. Знали о продукции ЦТНП ЮУБРа в соседней Башкирии. Через «Башсоюз» её сбывали в Красноярский край и Тюмень. В 1995 году насчитывалось около трёх десятков наименований продукции цеха. Среди них были как одиночные изделия, так и сервизы – кофейные, чайные, соковые. Много выпускалось сувенирной продукции: керамические изделия малой пластики по сериям «Сказочные персонажи», «Игрушки». К Новому году выпускались фигурки-сувениры Деда Мороза и Снегурочки, серия сувениров «Символ Нового года». Работал фирменный магазин предприятия.

Значительная роль отводилась межевской керамике, в то время она служила товаром в бартерных сделках, которыми жила страна в 90-е годы XX века. Её меняли на продукты питания, на нужные в производстве материалы, поскольку керамическое производство требует самых разных материалов – красок, глазури и т. п.

В середине 90-х годов XX века межевская керамика уже приобрела свои собственные вид и стиль. Посуду отличал очень лёгкий, сначала довольно хрупкий, пористый красный черепок. Глазури использовали нескольких видов, но самой распространённой стала шоколадная плотная глазурь, покрытая золотистым радужным люстром или мраморными разводами белой глазури. Посудные ручки – полые с завитками в вершинке. В художественном отделении велась работа над собственной росписью – цветочной – крупными кистевыми мазками.

Рисунки были достаточно просты, но очень изящны и композиционно свободны. Цвета использовались чистые, без переходов – красный, зелёный, жёлтый, чёрный, серый. Велась работа по созданию собственной марки, но на изделиях она так и не появилась. На доньшках посуды и сувениров можно найти только маркировочные мазки чёрной краской. Изделия сувенирной продукции лёгкие, полые. Предметы малой пластики, как правило, не имеют донца, только его узкие края и широкое отверстие в центре. На сборных подсвечниках и светильниках по тулову в центре идёт рельеф из цветов или трилистников. Такой же рельеф на туловах чайников и кофейников, чайных чашках и бокалах. На маленьких бокальчиках и блюдах – фестончатый или волнистый рельеф по краю. Изделия ЦТНП достаточно хрупки – края посуды легко скалываются мелкими кавернообразными сколами.

В разное время коллектив ЦТНП насчитывал от 65 до 85 человек. Директором, практиче-

Рис. 2. Керамические изделия Саткинского района

ски с начала переустройства цеха был В. И. Филатов, болеющий душой за своё дело человек, ставший специалистом по мере становления производства, знавший все специальности и вникавший во все тонкости. Художниками ЦТНП работали Л. Тюхтеева, А. Сахаутдинова-Лаптева, О. Бекетова. Модельщиком цеха был Д. Гильфанов. И. Лебедева работала на ручной формовке. Позже был приглашён мастер, работавший на гончарном круге. Он изготавливал преимущественно цветочные горшки и кашпо разных форм и размеров, которые потом украшались двуцветной поливой.

Тяжелые времена наступили в 1998–1999 годах. Добыча каждой тонны руды приносила убыток в размере 240 руб. Ежемесячный дефицит бюджета ЮУБР составлял 8, 8 млн рублей. Действительно, шахты ЮУБРа являлись тогда «самыми обводненными в России», поэтому огромное количество электроэнергии расходовалось на откачку воды. 150 млн рублей – задолженность ЮУБРа перед энергетиками. ЦТНП был закрыт вместе с предприятием в начале 1999 года, поскольку снабжение электроэнергией было нарушено.

В 2002 году численность работников ОАО «Южно-Уральские бокситовые рудники» сократилась с 900 до 90 человек. При сокращении каждый работник предприятия получил выходное пособие, превышавшее 100 тысяч рублей. Часть бывших работников рудников трудоустроилась на ОАО Комбинат «Магнезит» и ОАО «Бакальское рудоуправление», однако большинство из них получили статус безработных. Администрация Саткинского района планировала реализовать два инвестиционных проекта, за счет которых будет обеспечена занятость 260 человек – строительство кирпичного завода и организация производства евробруса.

ОАО «Южно-Уральские бокситовые рудники», которое поставляло бокситовую руду для ведущих алюминиевых заводов России, включая Богуславский и Уральский алюминиевые заводы, прекратило своё существование летом 2002 года, когда шахты были затоплены.

В настоящее время в домах жителей Саткинского района имеется уже весьма небольшое количество предметов бытовой посуды данного производства, поскольку она быстро выходила из строя. Но сувениры и редко используемые предметы ещё можно увидеть. В Саткинском краеведческом музее сформирована большая коллекция межевской посуды с небольшим обменным фондом. Предметы коллекции практически все являются подарками саткинцев в фонды музея. Работа по расширению коллекции продолжается, поскольку некоторые предметы ещё не найдены или не приобретены.

1. Архивные материалы СКМ: дело 283.
2. Генералова Е. Свой кирпич – дело реальное / Саткинский рабочий. 1995. 2 дек.
3. ЗГАО, инв. № 1599, Экономический отдел Златоустовского уездного земства. / 35 очередное Златоустовское уездное земское собрание, ноябрь, 1909.
4. Старовойтов, Н. Местная посуда / Саткинский рабочий. 1995. 28 нояб.

Э. У. Абдулхакова

Челябинский областной краеведческий музей, г. Челябинск

ИКОНА «ЖЕНЫ-МИРОНОСИЦЫ У ГРОБА ГОСПОДНЯ» XVII ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОГО ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ ИСКУССТВ

Икона «Жены-мироносицы у Гроба Господня» поступила в собрание Челябинской областной картинной галереи в 1984 году из Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. акад. И. Грабаря. Образ экспонировался на выставках: «Культура в Древней Руси» (апрель–май 1992), «Космос в русской иконе» (январь–март 1996), «Слово и образ в христианском искусстве» (январь–март 2000); сейчас находится в постоянной экспозиции древнерусского искусства Челябинского областного музея искусств (рис. 1).

1. Особенности письма и композиционного решения сюжета

1. Иконография

Иконографическая схема сцены «Жены-мироносицы у Гроба Господня» складывалась на композиционной и смысловой доминанте места, где был погребен Спаситель. Художники обозначали это место в ранних памятниках в виде храма Гроба Господня (античной ротонды на плакетках из кости, в книжной миниатюре и мозаике или прямоугольника с колоннами и фронтоном, как на ампулах Монцы). Начиная с X–XI веков, обращаясь в качестве источника к Евангелию, художники изображают пещеру с пеленами, на которые указывает ангел.

Иные образцы демонстрировали древнерусские памятники, так как задачей художников было рассказать о Воскресении. Ее решали по-разному. Чаще всего акцент ставился на передачу диалога между Божиим посланником – ангелом, которого изображали в ранних памятниках в виде юноши без крыльев, и пришедшими женами. На многих памятниках приветствует один ангел, по тексту же Евангелия – ангелов двое, один из которых сидит у изголовья, а другой в ногах. Фигура ангела могла быть увеличена в размерах по сравнению с фигурами святых жен и воинами (Луврский оклад, фрески Мирожского монастыря и Милешева). Фреска Милешева уникальна тем, что вызывает на диалог зрителя, к которому обращается Белый ангел, как называют его в Сербии.

Сцена «Жены-мироносицы у Гроба» имела как простую схему (Миланский оклад), так и более сложную, многофигурную, когда помимо святых жен изображались воины, количество которых могло быть различным – от двух до четырех. Воины могли не изображаться вообще, но чаще художники помещали маленькие фигурки стражей в правом углу (Луврский оклад) или ниже, как в Милешевском памятнике. Что же касается количества изображаемых святых жен, то следует отметить, что для христианских художников это не имело принципиального значения. Конечно, они использовали при изображении тот или иной источник, но им важно было показать свершившееся событие, напоминая о Воскресении Христа, а жены независимо от их количества выступали как его свидетели, принесшие эту весть всему миру. Особый интерес представляют случаи, когда среди мироносиц изображается Пресвятая Богородица или когда у Гроба изображается лишь одна Мария Магдалина.

2. История изображения сюжета в России

Сюжет был достаточно популярен, представлен как в иконописи, так и в монументальной живописи, встречался часто в более поздних образцах, особенно в относящихся к XV–XVI векам.

В связи с развитием на Руси высокого иконостаса, иконы «Жены-мироносицы у Гроба» включались в развернутые праздничные чины, как, к примеру, икона из Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря (1497 (87) г., Русский музей), варьировалось число ангелов.

В XVI веке рассматриваемая сцена встречалась в виде клейма на масштабных иконах по

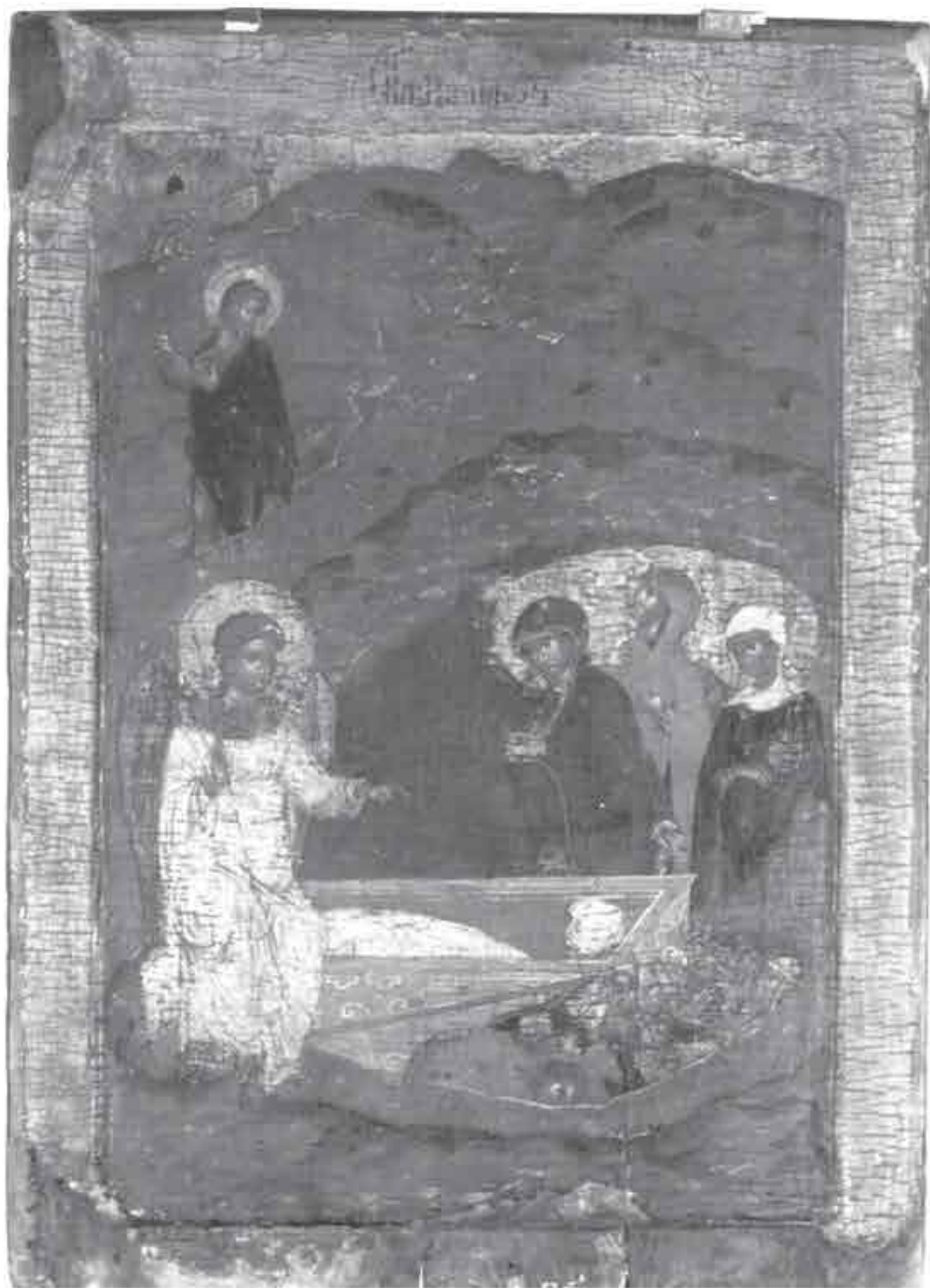

Рис. 1. Икона «Жены-мироносицы у Гроба Господня». XVII в. Челябинский областной музей искусств

размеру Спасителя. Такие клейма есть на иконе «Преображение» из церкви Покровского монастыря в Суздале (первая половина XVI в., Русский музей), на иконе середины XVI века, хранящейся в Государственной Третьяковской галерее, под названием «Смоленский Спас» (в привычной сцене «Явления ангела мироносицам» появляется изображение Христа, как бы стоящего позади гор) и на иконе «Спас на престоле» Симеона Спиридонова-Холмогорца (1670-е–1680-е гг., Русский музей).

В русском искусстве существовал, получив особенно широкое распространение в XVI веке, извод, где изображение жен-мироносиц у гроба соединилось с явлением им воскресшего Христа.

II. Особенности письма и композиционного решения иконы «Жены-мироносицы у гроба Господня» XVII века из собрания Челябинского областного музея искусств

Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что в литературе не встречается полного описания и анализа иконы «Жены-мироносицы у гроба Господня» XVII века из собрания Челябинского областного музея искусств.

Размер иконы – 72, 6 X 49, 2 см. Образ является праздничным, так как в основе – сюжет священной истории. Икона написана на деревянной основе, конструктивная составляющая – ковчег (четырёхугольное углубление на лицевой стороне), использована традиционная техника темперных красок.

Икона выполнена в традициях московского письма XVII века (округлость ликов, вохрение в белизну, тонкое, мелочное письмо, подробности рассказа, назидательность и сложность символики), для нее характерна редкая иконография с явлением Магдалине воскресшего и удаляющегося от гробницы Христа в сторону Иерусалима, имеет место «двойное доказательство» Воскресения Христова – изображение жен-мироносиц и изображение воскресшего Христа; а также присутствует мотив обретения истины. Жены, во главе с Богородицей, держащие сосуды с миром в руках, изображены над гробом, в котором белеют пелены, им благовествует сидящий в его возглавии ангел. За горой виднеется оставленный Иерусалим в виде окруженных стеной строений. А над ними на фоне гор – тот, кто покинул гроб и пелены, – Иисус Христос, предвещающий их по дороге в Галилею. Обернув к ним светлый лик, указывает он им рукой путь, открытый его Воскресением. Близкий аналог иконографии иконы «Жены-мироносицы у гроба Господня» – образ из собрания Государственной Третьяковской галереи (около 1475 г., Москва)¹.

Надписи на иконе: на верхнем поле (коричневой краской) (предположительно) – Евангелие от Иоанна глава 20 (возможно численное указание строки); над нимбами (красной краской) – Иисус Христос, Глаголь Господень (над ангелом) и (предположительно) – Мать Господня (над Богоматерью).

Исследуемое иконописное изображение имеет спокойную, уравновешенную композицию (нельзя однозначно обозначить как статичную или динамичную), тяготеющую к форме неравнобедренной трапеции; икона целостна и по цвету (колорит построен на сочетании ярко-красного с багряным и синим, белого и коричневого), и фактурно, и по типу пространственного решения, и по характеру состояния, и по эмоциональному тону (мягкость, кротость, скромность).

Характерной особенностью является то, что композиция одновременно содержит в себе и эмоциональность, и гармоничность (парадокс), что еще раз подчеркивает то, что рассматриваемая икона относится к поздней московской школе иконописания (в ранний период, в период расцвета имела место, пожалуй, лишь гармоничность).

В ходе исследования иконы были выявлены ее динамика (начинающие медленное движение жены и ангел, движение Христа, приподнятая вверх голова Марии Магдалины), статика (гора и стены Иерусалима находятся в состоянии покоя, неподвижны и лежащие воины), линейный (тяготеющий к вертикали) и цветовой ритмы (белые одежды ангела, пелены в гробу, платок одной из жен; темно-синий гиматий Христа и одеяние жены; ярко-красные одежды Марии Магдалины, одного из лежащих воинов и врата Иерусалима), смысловой центр (фигуры жен-мироносиц, ангела и гроб с пеленами), находящийся на переднем пространственном плане.

Примечания

¹ Альбом-каталог коллекции иконописи ЧОКГ. 2003, С. 78.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ К ПАМЯТНИКАМ ПРИРОДНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РОДНОГО КРАЯ НА ОСНОВЕ СРЕДОВОГО ПОДХОДА

«Концепция краеведческого образования в Челябинской области» научно обосновывает организацию системы учебной и внеучебной деятельности по изучению историко-культурного наследия родного края на всех ступенях общего и дополнительного образования детей на основе средового подхода, ориентированного на постоянное взаимодействие человека и конкретной культурно-образовательной среды¹.

Краеведение решает принципиальнейшую задачу – оно устанавливает диалог между социумом и его юными гражданами, социум обретает язык, открывается детям. Таким образом, интегрированный предмет, обладая уникальными адаптационными возможностями, выходит на проблемы, лежащие вне содержания других учебных дисциплин (даже при развитии их национально-региональном компоненте) или рассматриваемые ими лишь фрагментарно. В связи с этим необходимо подчеркнуть особое значение воспитательной функции в курсе краеведения. Аксиологические аспекты как бы подчиняют себе иные стороны предмета. При этом знания не являются самоцелью, они выступают как основа и средство формирования позитивно-ценностного отношения учащихся к родному краю в целом, месту конкретного проживания и отдельным природным, историческим и культурным объектам.

Для краеведения характерна большая, чем у других предметов, направленность на средовое образование. Такой подход позволяет рассматривать природные, экономические, социальные и культурные факторы, формирующие и изменяющие состояние края, в их равноправном взаимодействии. Это наиболее эффективный путь формирования научного мировоззрения, целостной картины среды обитания, системы научно-обоснованных экологических и социокультурных взглядов, ценностного отношения учащихся к родному краю не только на эмоциональном, но и рациональном уровне.

Целью краеведческого образования является воспитание гражданина России, патриота малой родины, знающего и любящего свой край, город, село (его традиции, памятники природы, истории и культуры) и желающего принять активное участие в его развитии². Изучение краеведения в основной школе направлено на достижение следующих задач:

- освоение знаний об основных краеведческих понятиях, особенностях природы, населения и хозяйства Челябинской области во всем его разнообразии и целостности; об окружающей среде, путях ее сохранения и рационального использования, об истории и современной жизни своего населенного пункта и Южного Урала как опорного края России;

- овладение умениями работать с различными источниками краеведческой информации; сочетать панорамный взгляд на регион с вычленением отдельных деталей повседневного бытия; ориентироваться на местности;

- развитие познавательных интересов, интеллектуальных и творческих способностей в процессе наблюдений за состоянием окружающей среды, решения местных проблем, самостоятельного приобретения новых знаний;

- воспитание уважения к истории региона и местным традициям, любви к родному краю, позитивного отношения к окружающей среде;

- формирование способности и готовности к использованию краеведческих знаний и умений в повседневной жизни, к сохранению природы родного края и социально-ответственному поведению в ней; адаптации к местным условиям; самостоятельному оцениванию уровня безопасности окружающей среды как сферы жизнедеятельности.

Краеведческое образование не только формирует определенную систему специальных знаний и умений, но также комплекс общеучебных умений, необходимых для анализа источников информации; выявления причинно-следственных связей; сравнения и проектирования систем, процессов и ситуаций; оценивания своей деятельности с точки зрения нравственных, правовых норм, эстетических ценностей; соблюдения норм поведения в природе и обществе.

Содержание краеведческого образования отражает комплексный подход к изучению родного края. В основу содержания программы положено понимание краеведения как учебного предмета, позволяющего обучающимся увидеть родной край как сложный, многообразный,

противоречивый, но целостный, единый регион. Краеведение вбирает в себя географические, биологические, экологические, хозяйственно-экономические, социально-политические, правовые, конфессиональные, этнографические, лингвистические, исторические, культурологические элементы. Обращается пристальное внимание к субрегиональному материалу, к изучению истории и повседневной жизни родного района, города, села, микрорайона, улицы, дома.

Педагогический синтез содержания основных учебных предметов в курсе краеведения позволяет организовать деятельность учащихся по освоению, изменению и преобразованию окружающей среды на основе идеи разумного, гармонического взаимодействия природы и общества, социальной ответственности каждого человека за сохранение жизни на Земле. В то же время он формирует бережное отношение к природным богатствам, истории и культуре своего родного края.

Программа по краеведению предусматривает знакомство школьников в форме очных и заочных экскурсий с памятниками природного и историко-культурного наследия Челябинской области:

Ильменский государственный заповедник (Миасский городской округ), филиал заповедника «Аркаим» (Брединский район), Челябинский областной краеведческий музей, городские и районные музеи.

Национальные парки «Таганай» и «Зюраткуль».

Башня-колокольня (Златоуст).

Экскурсия «Купола над городом» (по местным культовым местам).

Челябинский областной музей искусств.

Учителя краеведения обязательно включают в план работы с учащимися посещение Челябинского областного краеведческого музея, в котором действует специальная детская экспозиция, рассчитанная на учащихся 1–6 классов. В музее открыты залы постоянной экспозиции, посвященные природе, археологии и истории народов Южного Урала. Регулярно проводятся различные тематические выставки, в том числе с экспонатами из фондов других музеев и хранилищ, частных собраний. На базе музея проводятся экскурсии и учебные занятия по следующим темам: «Природа Южного Урала», «Древние жители Южного Урала», «Культура и быт народов Южного Урала», «Горнозаводской Урал», «Дореволюционный Челябинск».

Учителя краеведения всех территорий Челябинской области активно используют возможности местных учреждений культуры в проведении учебных занятий (уроков-экскурсий) и в организации внеклассной работы по формированию ценностного отношения школьников к памятникам природного и исторического наследия родного края. По данным Министерства образования и науки Челябинской области, наиболее системно эта работа организована в общеобразовательных учреждениях Челябинска, Златоуста, Брединского, Варненского, Нагайбаского и Карталинского муниципальных районов, Верхнеуфалейского, Магнитогорского и Трехгорного городских округов.

Большую роль в сохранении исторической памяти народа о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. играет «Музей бывших малолетних узников фашистских концлагерей» в МОУ СОШ № 75 Ленинского района Челябинска, единственный на Южном Урале. Музей был открыт 4 мая 2000 года накануне празднования 55-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Он создан благодаря совместной работе городской общественной организации бывших малолетних узников фашистских концлагерей, ее тогдашнего председателя Александры Ивановны Царьковой и администрации школы. В настоящее время школьный музей насчитывает более 900 экспонатов. Особую ценность представляют документы, фотографии и видеоматериалы о фашистских концлагерях, воспоминания бывших малолетних узников. Среди экспонатов музея есть один, который никого не оставляет равнодушным. Это – краюха хлеба, которая никогда не плесневеет, потому что в ней нет ничего живого. Таким хлебом кормили узников в концлагерях. В его состав входили отруби и древесные опилки, иногда – целлюлозная мука и отжимки из сахарной свеклы. Порой в нацистский рецепт вместо опилок включалась мука, которая изготавливалась из костей узников³.

В школах Брединского района, на территории которого расположена укрепленное поселение бронзового века Аркаим, ставшее археологической сенсацией XXI века, существует традиция – ученики выпускных 11-х классов начинают учебный год с обязательного посещения 1 сентября этого музея-заповедника. Учащиеся ежегодно участвуют в фольклорно-этнографических фестивалях на Аркаиме. В школьных кабинетах истории оформлены стенды о заповеднике, организованы музейные кружки и лекторские группы.

В Варненском районе действует краеведческий музей, в котором представлены личные воспоминания ветеранов войны, фронтовые письма, фотографии из семейных архивов. Цель его работы – способствовать патриотическому воспитанию детей и подростков, прививать любовь к стране и родному краю.

Во всех средних общеобразовательных учреждениях Нагайбакского района имеются школьные музеи и четыре историко-краеведческих музея в посёлках Остроленском, Кассельском, Фершампенуазском, Парижском. В музеях собран богатый материал о жителях Нагайбакского района – участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Пропитываясь духом истории Великой Отечественной войны, прикасаясь к материальным свидетельствам прошлого, встречаясь с ветеранами войны, воспитываются патриоты России – молодые люди, которые гордятся своими земляками-героями, а значит, когда будет необходимо, смогут защитить свою Родину.

В Верхнеуфалейском городском округе школы сотрудничают с городским историко-краеведческим музеем. В музее для школьников разработана и реализуется специальная экскурсионная программа, которая включает музейные уроки, краеведческие беседы и игры «Урал в его живом слове», «В гостях у Хозяйки Медной горы», «Подземная кладовая», «Художники нашего города», «Декоративно-прикладное искусство Урала».

В музеях общеобразовательных учреждений Карталинского района и ЗАТО «Локомотивный» в сотрудничестве с лабораторией народной культуры разработана и реализуется программа по изучению родного края на всех ступенях общего образования, начиная с расширения образовательного пространства предмета «Окружающий мир» музейными средствами в начальной школе.

В Магнитогорске разработана и реализуется с 2008 года комплексная программа «Культура», в рамках которой предусматривается посещение каждым учащимся 1–11 классов различных музеев: краеведческого, ОАО «ММК», имени Б. А. Ручьева; картинной галереи. Для каждой возрастной категории детей на основе принципа преемственности составлен календарный график посещения музеев, разработаны тематические занятия. Большое внимание уделяется организации экскурсий во внеурочное время. Разработаны и систематически проводятся экскурсии по городу: «Город металлургов», «Памятники рассказывают», «О простом и вечном», «Здесь история живет», «Всё – для фронта, всё – для победы!». Организуются также загородные поездки по родному краю: «Город-музей под открытым небом» (Верхнеуральск), «Древний город» (Аркаим), «Край наш Уральский» (с. Париж и с. Фершампенуаз Нагайбакского района).

Опыт работы общеобразовательных учреждений Челябинской области по формированию ценностного отношения школьников к памятникам природного и исторического наследия родного края свидетельствует, что краеведческая деятельность приносит реальную пользу по улучшению среды обитания (не просто изучили родник, а прочистили его и взяли под постоянный контроль и т.п.). Школьники активно включаются в работу по охране памятников природы, истории и культуры, в реставрационную деятельность.

Примечания:

¹ Приказ Министерства образования и науки Челябинской области «Об утверждении Концепции краеведческого образования в Челябинской области» от 13.09.2005 г. № 01–1006.

² Краеведение. Программа учебной дисциплины для 6–9 классов общеобразовательных учреждений Челябинской области / Под общ. ред. В. М. Кузнецова. Челябинск: АБРИС, 2008. – 64 с.

³ Петрушин С. Н., Лукоянова О.В. Методы интеграции учебной и внеучебной деятельности в изучении Холокоста старшеклассниками // Великая Отечественная война в исторической памяти южноуральцев // Материалы обл. ист.-краев. пед. чтений, посв. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Челябинск: АБРИС, 2010.

**ШКОЛЬНЫЙ УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ
ПРИ ЛАБОРАТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ)**

История – область знаний, интерес к которой пробуждается весьма рано – в дошкольном возрасте. Тайны прошлого будоражат воображение человека с раннего детства до глубокой старости.

Развить интерес к истории как науке, научить ребенка пользоваться понятийным аппаратом данной науки, ориентироваться в мире минувшего, анализировать ситуации – задача учителей истории. В силу различных обстоятельств эта задача решается не только на школьных уроках, но и в процессе индивидуальной работы ребенка – созданием факультативов, кружков, клубов и других объединений школьников, работой учреждений дополнительного образования.

Археология, как никакая другая наука, обладает огромным образовательным потенциалом, изучая не историю человека в узком смысле, но исследуя самые разнообразные области его эволюции, материальную и духовную культуру. Знакомясь с методологической базой археологической науки, ребенок может увидеть, как из групп разнообразных вещей возникает информация о ремесле, духовной культуре и других аспектах жизни и быта древнего населения.

Никакой рассказ учителя или рисунок не даст ребенку того эмоционального ощущения, которое возникает при непосредственном знакомстве с орудиями древних людей, особенно когда ребенок самостоятельно обнаружил это орудие в земле.¹

В рамках археологии в XX веке выделилось направление, именуемое экспериментальной археологией.

Экспериментальная археология – одно из немногих направлений гуманитарных исследований, позволяющих на практике осуществить заманчивый для любого специалиста «прыжок в прошлое».²

Дети в этом смысле – идеальная среда. Яркость их ощущений, повышенная любознательность и стремление все попробовать на практике, являются составляющими успеха занятий с ними экспериментальной археологией.

В 1991 году при лаборатории археологических исследований кафедры отечественной истории ЧГПИ (ЧГПУ) был создан школьный учебный археологический музей. Экспозиция музея составлялась из трех частей, одна из которых представляла собой экспериментальные площадки.³ За годы существования данный музей показал свою эффективность в формировании у школьников интереса как к истории в целом, так и к археологии в частности. В 2009 году было принято решение пересмотреть экспозицию музея. Основным направлением дальнейшей работы было выбрано формирование учебного центра древних технологий, включающего в себя, в первую очередь, экспериментальную составляющую.

Для реализации проекта были поставлены задачи по выявлению схожих проектов на территории РФ и за ее пределами, а также выявлению накопленного опыта применения древних технологий в рамках активизации интереса учащихся к истории на указанных выше территориях.

Было выявлено, что на территории Российской Федерации в большинстве случаев занятия экспериментальной археологией со школьниками проводятся в рамках археологических экспедиций или в рамках посещений ими краеведческих, исторических и других музеев. Количество школьных кружков, клубов, занимающихся конкретно экспериментальной археологией, а также специализированных заповедников или центров, одной из задач которых было бы занятие со школьниками древними технологиями, немного. Закономерно, что основными направлениями в работе со школьниками является воспроизводство таких древних технологий, как изготовление каменных орудий, гончарное, кожевенное дело. В редких случаях проходят занятия по обработке металла или изготовлению бронзовых изделий. Зарубежный опыт показывает, что с целью занятия с детьми как общей археологией в целом, так и экспериментальной в частности, создаются специальные организации и клубы (ярким примером является Клуб молодых археологов в Англии). А вот направления в работе с детьми в зарубежных организациях практически совпадают с направлениями на территории нашей страны.

В рамках работы учебного школьного центра древних технологий при ЛАИ ЧГПУ было решено имеющееся пространство разделить на две площадки. Первая: «Как работают археологи» должна отображать все этапы работы археологов: от разведки до камеральной обработки коллекции. Данные стенды должны показывать, насколько кропотлива, сложна и интересна работа археолога. Также данная площадка показывает связь археологии с другими науками, такими как геология, химия, физика, палеология. Дети получают возможность принять участие в «раскопках», собственноручно собрать древний сосуд, а также попробовать самостоятельно определить культурную принадлежность древней вещи.

Занятия на данной площадке целесообразнее проводить после изучения раздела истории в рамках предмета «Окружающий мир» в 4 классе, когда учащиеся уже кратко ознакомились с наукой археология и имеют небольшое теоретическое представление о работе археолога. Именно на этом этапе площадка «Как работают археологи» дает возможность школьникам на практике увидеть весь труд археолога.

Возможен и иной вариант: изучение данного раздела в практической плоскости, то есть изначально все занятия, связанные с археологией, могут проводиться в музее, где учащиеся смогут ознакомиться с артефактами древних веков.

Третий вариант работы данной площадки: занятие со студентами 1 курса либо в начале учебного года (вступительные лекции), либо непосредственно перед выездом на обязательную полевую практику.

Помимо конкретных занятий со школьниками, только что изучившими данный материал, или студентами-первокурсниками, возможны и простые ознакомительные занятия с учащимися различных возрастов.

Вторая площадка «Центр древних технологий» должна показать этапы развития человеческой мысли. В данной части представлены каменный и бронзовый века. Данные эпохи должны отображать следующие площадки: каменная мастерская, гончарная мастерская, металлургическая площадка, а также мастерская по обработке кости и кожи. На данных площадках детям будет предложено самостоятельно изготовить орудия труда, вылепить собственный сосуд, а также попробовать себя в роли металлурга. И снова необходимо отметить, что именно через собственный опыт данные эпохи становятся ближе.

Занятия рассчитаны на средний возраст учащихся. Но так как учебной программой изучение первобытного общества предусмотрено в 5 классе, то целесообразнее занятие проводить после изученного курса. В данном случае занятия со школьниками будут носить закрепляющий характер, где имеющиеся теоретические знания учащихся сможет применить на практике. Занятия на площадке также возможны и в контексте изучения курса по первобытному обществу.

Если рассматривать студенческую среду, то занятия возможны как цельные, так и разделенные на изучаемые курсы (каменный век, бронзовый век).

Ну и, конечно, не стоит забывать про простую экскурсию, которая своей целью будет иметь лишь ознакомление учащихся с удивительным первобытным миром.

Подводя итог, нужно отметить, что площадки данного центра позволяют варьировать занятия со школьниками в зависимости от требований программы и познавательного интереса учащихся.

Примечания

¹ Мезенцев А.Л. Археология и формирование интереса к истории у школьников [электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.rezerv.narod.ru/interes.html>.

² Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Авторская программа «Детская экспериментальная археология (ЭКСаР) с методическими материалами и рекомендациями». Новосибирск, 1993. Вып. 2. 84 с.

³ Виноградов Н. Б. Школьный учебный археологический музей / Н. Б. Виноградов. // Педагогическая археология. Из опыта работы школьных археологических объединений Челябинской области. Методические материалы. Челябинск, 2001. С. 23–27.

Редакционная коллегия сборника сочла необходимым поместить данные материалы в память о замечательном человеке, ученом-археологе, который был другом Челябинского областного краеведческого музея. Владимир Петрович Костюков безвозмездно передал в музей коллекции, полученные им в результате исследований памятников эпохи средневековья в Челябинской области. Сегодня каменные изваяния украшают новую экспозицию музея. Детский музей получил от ученого обширную библиотеку детской литературы по древней истории. Книги пользуются спросом и помогают в организации различных мероприятий. Ученый неоднократно консультировал научных сотрудников музея по сложнейшим проблемам средневековой истории. Низкий поклон Владимиру Петровичу Костюкову, светлая память о котором всегда будет храниться в наших сердцах.

И. В. Купцов

Челябинский областной краеведческий музей, г. Челябинск

ПРЕДИСЛОВИЕ

В далеком уже 2002 году, еще не совсем привыкшие к сегодняшнему псевдоинформационному беспределу и еще свято верящие в какие-то фантастические нерушимые истины и идеалы, мы совершенно иначе эмоционально и физически воспринимали то, что сейчас уже кажется столь же обыденно-надоедливым и статично-привычным, как отвратительно-мерзкая реклама на телевидении. Поэтому, прочитав в «Челябинской неделе» перепечатанный из «Огонька» материал, я, страшно возмущенный собрался писать в ту газету опровержение – донести до народа «страшную правду», «открыть глаза», поскольку интересовался этой темой всю сознательную жизнь. Набросав основу статьи, я бросился за советом и рецензией к признанному авторитету по этой проблеме – Владимиру Петровичу Костюкову. Он, внимательно прочитав материал, оставил в статье свои комментарии и заметки и пророчески сказал, что вряд ли эта статья будет напечатана, так как правда никогда и никому не нужна, но посоветовал доработать ее в полноценную научную публикацию «на потом». Так оно и случилось. По наивности мы тогда и не подозревали, что вся эта «фоменковщина», «махначщина» и прочая бредятина под лозунгом «оригинальность и новизна» в истории давно задумана и проводится уже много лет с одной-единственной целью – посеять сомнение, недоверие к истории России, а в итоге в корне изменить отношение молодежи к собственной стране со вполне определенными целями и задачами...

Смысл произведений академика А. Т. Фоменко и его последователей, выбрасываемых на рынок в последние годы уже чуть ли не миллионными тиражами, сводится к ниспровержению всей существующей концепции развития человечества. Изумленный читатель узнает, что Иудея на самом деле находилась в Италии, где Моисей водил евреев по Сицилии, а Иерусалим – в Константинополе. Что христианство придумали русские, и уже от нашего христианства развился иудаизм. Тут ведь все просто: в Ветхом Завете предсказаны события, сбывшиеся в Новом Завете. Совершенно очевидно, что вначале был написан Новый Завет, а уже потом – Ветхий, что убедительно доказывает анализ исторических источников методами современной математики. Сам Иисус Христос (он же Ромул, он же Сервий Туллий, он же Андроник Комнин, он же Андрей Боголюбский) тоже был русским, он родился в Крыму в XI веке от... Рождества Христова, Святой Грааль это Колыбель Иисуса, долго хранившаяся в Крыму, Рим возник в Междуречье Оки и Волги (во Владимиро-Суздальской Руси) в XIII – начале XIV века, другое название Рима – это Великая «Монгольская» Империя XIII–XVI веков, Константинополь был заложен во второй половине XIV века великим русским князем Дмитрием Донским, известным в истории также под именем римского императора Константина Великого, «английский» король Артур – это отражение Христа и Дмитрия Донского, Орда была регулярным войском Русского государства, Ярослав Мудрый, Иван Калита, Александр Невский и хан Батый – один и тот же человек, сын Спартака, Нерон это Иван Грозный, а Домициан – Михаил Романов, известные труды Тацита, Светония и Флавия посвящены, в основном, истории Руси-Орды XVI–XVII веков, в том числе эпохе Реформации, римские императоры Тиберий, Калигула, Клавдий и Нерон – это отражения четырех ордынских царей-ханов, объединенных в русской истории под именем Ивана Грозного, поход римского полководца Германика, племянника Тиберия, – это завоевание Америки казачьим атаманом-конкистадором Ермаком-Кортесом в XVI веке, английская история описывает историю Рима, Куликово поле находилось в Москве, буддизм возник в Византии, арии – это казаки, они пришли в Индию из Руси-Орды в XIV–XV веках, уже после Куликовской битвы, а все письменные источники всего мира – поддельные и изготовлены в XVII–XVIII веках!

Я не знаю, как вообще можно всерьез обсуждать весь этот бред. Надо просто запретить и сжечь все эти «работы», а таких «академиков» запереть в сумасшедшем доме. Спустя годы люди будут хохотать над столь глупыми предками, что могли так наивно верить или хотя бы наравне воспринимать и даже дискутировать с большими психопатами, пытавшимися уничтожить историческую науку в России, проверить «алгеброй гармонию», найти некие математические алгоритмы в ИСТОРИИ (тем самым обнаруживая свое полное непонимание этой науки и этого рода человеческого знания).

Публикую сейчас эту статью в краеведческом сборнике, кроме собранной в одном месте компактного блока информации по проблеме, я, в первую очередь, отдаю дань светлой памяти замечательного человека и историка с большой буквы. Все поправки и дополнения В. П. Костюкова (кроме особо оговоренных) даны в примечаниях к тексту.

**Посвящается памяти
Владимира Петровича Костюкова**

ВСЕ БЫЛО...

(ПОХОДЫ МОНГОЛОВ НА ПОЛОВЦЕВ, ВОЛЖСКИХ БУЛГАР,
РУСЬ И «ВЕЧЕРНИЕ СТРАНЫ» В 1236–1242 ГГ.)

Подправлять прошлое в угоду кому или чему бы то ни было — дело не только безнадежное, но и рискованное — все равно историческая правда восторжествует, и «подправитель» будет выглядеть очень неприглядно. Но, тем не менее, не прекращаются попытки со стороны отдельных личностей подправить, а то и вовсе и переиначить нашу историю. Особенно, если это как-либо связано с текущим моментом. Но появление таких откровений свыше, в корне извращающих прошлое, ставящих все с ног на голову — явление довольно редкое, но, к сожалению, имеющее тенденцию к повторению и продолжению.

«Двести лет российские школьники изучали по программе истории сначала Отечества, затем СССР и вновь Отечества страшные для России столетия татаро-монгольского ига. Давайте попробуем понять, что же они изучали, если наконец стало окончательно ясно: никакого ига не было и в помине! Рассказывает историк Владимир Махнач.»

Вот таким ошеломляющим заявлением начинается огромное интервью под названием «Ничего не было» некой Ф. Османовой с вышеозначенным историком (опубликованное под рубрикой «Новейшая история» и перепечатанное из журнала «Огонек») в газете «Челябинская неделя» от 21–27 ноября 2002 г., № 47 (1555) на 2–3 стр. Пересказывать все то, что напечатано на страницах уважаемого в городе еженедельника нет необходимости, достаточно посмотреть заголовки. Судите сами: «Не было никакого ига», «Не было никакого разорения», «Не было никакой «западной» угрозы», «Не было никакого геноцида русов», «Не было никакой вражды религий», «Никто не покушался на нашу культуру», «Никакую Казань никто брать не хотел», «Никакая мы не Европа», «Никакой исламской угрозы нет». Каково! Ну, а о содержании самих ответов на вопросы корреспондента хочется сказать только одно — такое может родиться лишь в больном воображении, но никак не в рассуждениях историка. Задача историка заключается в том, чтобы объективно раскрыть, что, как и почему все происходило в прошлом. Каким образом историк делает определенные умозаключения и выводы о прошлом? — ответ очевиден: скрупулезно, по крупицам собирает и обобщает информацию, работает с первоисточниками, на основании которых только и можно сделать то или иное обобщение. В. Махнач (похоже на псевдоним)¹ совершенно неизвестен как специалист по данной тематике. Удивительно не то, что В. Махнач полагает, будто им руководит божество, — удивляет и, правду сказать, поражает циничность «историка».

К великому сожалению, наши знания о нашей истории на сегодняшний день практически равны нулю. Судите сами — всю русскую историю школьники «проходят» в младших классах, когда возраст не позволяет полностью понять и осмыслить происходившие исторические процессы. В старших классах, когда человек начинает анализировать и осмыслять, ему почему-то усиленно вбивают в голову различные «истории» Запада, Америки, Азии и Африки, всяческих колониальных завоеваний, переворотов, революций и т. д. Собственно о русской истории неподготовленный человек может сказать крайне мало или практически ничего. А по теме нашествия монголов в XIII веке тем более. Да и что скажешь, если в любом учебнике всего полстраницы, и о нашестве Орды многие знают лишь из романов В. Яна. Но историзма в них очень мало. Это был социальный заказ.

Поэтому человек, прочитав интервью В. Махнача, в кругу семьи или на работе при любом возникшем разговоре о нашествии орды будет тыкать в лицо собеседнику газетой и кричать: «Вот где правда!».

Не собираясь полемизировать с В. Махначем по всем его безапелляционным высказываниям, не подтвержденным абсолютно никем и ничем, хочется остановиться именно на моменте вторжения орды на Русь и Западную Европу в 1237–1242-м годах, ибо поразительно циничное заявление В. Махнача кого угодно повергнет в шок:

Вопрос: – *Хорошо, оставим веротерпимость. Но ведь Орда всех разорила! Прошли огнем и мечом! Этого вы не будете отрицать?*

Ответ: – *Да, в современном школьном учебнике истории до сих пор существует версия, согласно которой Орда разорила все города Русской земли, только Новгород и Псков отсиделись за болотами и лесами. Однако за зимнюю кампанию 1237–1238 годов разорению подверглись только восемнадцать русских городов, большинство из них были восстановлены через год-другой. Никогда не была восстановлена лишь Старая Рязань. А городов русских в начале XIII века было порядка четырехсот!*

Вопрос: – *Тогда возникает вполне закономерный вопрос: для чего же на Русь явился хан Батый?*

Ответ: – *Завоевывать! Но не разорять... Не уничтожать. (Выделено мной – И.К.).*

Две коротких фразы, но сколько в них пренебрежения очевидными данными истории, сколько сознательно передернутых фактов, сколько оскорбительного для наших предков, а значит, и для нас!² Грабительский набег орды уважительно именуется «*кампанией*», в течение которой «*разорению подверглись*» русские города! А последний ответ? Он отлично иллюстрирует методику В. Махнача в свете извращения фактов. Ведь почти во всех русских городах орда полностью уничтожала жилища и население, включая, как сообщается в летописях, младенцев, «*сосущих млеко*», а уж если говорить об истинных масштабах разорения Руси, то приведу здесь примерный список городов, разграбленных и сожженных ордой в течение 1237–1238 годов в Рязанском, Владимирском, Смоленском и Черниговском княжествах: Пронск, Бельск, Ижеславец, Исады, Новый Ольгов, Борисов-Глебов, Старая Рязань, Рославль, Коломна, Москва, Стародуб-на-Клязьме, Владимир, Суздаль, Ростов, Боголюбов, Юрьев-Польской, Переяславль-Залесский, Городец, Константинов, Кострома, Галич, Вологда, Дмитров, Мышкин, Кснятин, Кашин, Бежецк Верх, Углич, Ярославль, Красный Холм, Волок Ламский, Тверь, Торжок, Дорогобуж, Ржев, Долгомостье, Ельня, Вязьма, Голяд, Обловь, Вщиж, Серенск и Козельск – сорок три города! Кроме того, в 1239 году орда разорила еще Муром и Гороховец. О разгроме Южной Руси В. Махнач вообще умалчивает. А по подсчетам замечательного русского писателя Владимира Алексеевича Чивилихина, который специально занимался этим вопросом, в течение 1239–1241 годов во время похода орды «*к последнему морю*» погибло около пятидесяти черниговских, двадцать шесть киевских, четырнадцать переяславских, восемнадцать галицких, тридцать два волынских города. Учтем также, что не все тогдашние города успели попасть в летописи, судьба многих известных – неизвестна, и где, например, находились и куда и когда исчезли такие города в Рязанском княжестве как Торческ, Тешилов, Крылатеск, Неринск, Кулатеск или Ярославль-Польский?

Как мог историк пренебречь общеизвестным свидетельством летописца, который с пунктуальной точностью сообщает об успехах первой, так сказать, «*кампании*» орды на Владимирской земле: «*В един февраль месяц взяша четырнадцать градов*»? И пусть большинство из них были действительно маленькими, но почему из общего количества разрушенных русских городов называется ничтожная их доля? Неужели затем, чтобы искусственно, хотя и в неясных целях, приуменьшить тяжкую напасть, что обрушилась на Русь лютой зимой 1237/38 годов?

Это, по меньшей мере, грешно: уцелевшие современники наших далеких предков, уже тогда точно и кратко называли то, что произошло, «*погибелью Русской земли*».

Изложение событий на Руси В. Махначем – это сумбурный экскурс в чуждый для него древнерусский мир, попытка обмануть всех тех, кто не имеет возможности углубиться в проверку фактической основы «*озарений*» В. Махнача. Его интервью имеет одно неоспоримое достоинство: оно наглядно свидетельствует о крайней скудности наших знаний относительно раннего периода русской истории.

В 1206 году, когда на берегу Онона Темучин из монгольского рода борджигин был провозглашен Чингизханом, его войско состояло примерно из ста тысяч человек, в основном из побежденных племен, с которыми много лет род борджигин вел кровопролитную войну. Однако органи-

зованная Чингизханом орда могла существовать только при условии непрерывных захватнических, грабительских войн, поэтому вскоре под его властью оказываются племена чжурчженей, киданей, тангутов, джалаириков, татар, ойратов, меркитов, урянхайцев, онгутов, кунгиратов, кара-китаев и других народов. Новые и новые войны увеличивали за счет побежденных его армию, в которую вовлекались воины немонгольских народов, хотя позже почему-то почти всех их без разбору начали числить монголами. Уместно будет пояснить, кого в XIII веке называли татарами. Собираетелное китайское имя «татань», или «тата», носили в древности несколько племен Центральной Азии. Они обитали на юге от Керулена и в других соседних районах, занимались скотоводством, рыбной ловлей и охотой. Современные татары Поволжья, официально принявшие это самоназвание лишь в новое время, не имеют с ними никакого этнического родства и происходят от потомков волжских болгар (кстати, разгромленных ордой в 1236 г.). Что же касается древних центральноазиатских татарских племен, то о них так сказано в монгольской хронике XIII века:

Искони был Татарский народ
Палачом наших дедов-отцов.
Отостим же мы кровью за кровь.
Всех мечом до конца истребим:
Примеряя к тележной оси,
Всех кто выше, мечу предадим,
Остальных же рабами навек
Мы по всем сторонам раздарим.

(Сокровенное сказание // Байкал. 1989. № 6. С. 138).

Впоследствии тех оставшихся в живых и выросших детей, служивших монгольской верхушке, ставили в передовые отряды войска, на убой, и с годами условное имя (а возможно и родовой клич, с которым они первыми лезли на стены городов) разноплеменных и разноязычных народов стало нарицательным, своего рода псевдонимом не только авангарда, но и всей захватнической орды. И нашествия на Русь в XIII веке собственно монголов или собственно татар не было, наши предки скрестили мечи с разноплеменным войском, подробный этнический состав коего никто и никогда в точности не установит.

Орды Чингиза и его потомков, состоявшие из разноязычных воинов, молившиеся различным идолам и богам, были сцементированы простой и жесткой воинской организацией, страхом перед своими десятниками, сотниками и тысячниками, железной дисциплиной, поддерживаемой беспощадными наказаниями. За одного воина собственными жизнями отвечал весь десяток, за десяток рассчитывалась сотня. Невыполнение приказа или трусость в бою были преступлениями неслыханными, практически невозможными, и рядовые воины не могли такого даже во сне увидеть, потому что высшую цену им приходилось платить за куда более мелкие проступки. Если воин, неся охрану, оставил пост, а в бою из-за нежелания рисковать, легкого ранения, по нерасторопности не сумел помочь соседу – его ждет смерть. Если два воина поссорились между собой – их ждет смерть. Причем такая: сломают позвоночник, захлестнув ноги и грудь волосяным арканом, или вырвут сердце. В организации войска не было предусмотрено только одного – снабжения, и каждый воин должен был сам заботиться о прокорме себя и своего коня. И у него в походе не оставалось иного выбора – либо погибай от голода вместе с конем, либо грабь. Смертная казнь и в гражданской жизни была главным средством наказания. Ею каралось не только убийство, но и грабеж, кража, скупка краденого, сокрытие беглого раба, чародейство, превышение власти. Убивали тех, кто подавится пищей, наступит на порог ханской юрты, искупается или постирает одежду в реке, кто умертвит скотину не по «правилу», согласно которому надлежало в разверстую грудную клетку барана или жеребенка ввести руку, нащупать сердце и сдавливать его до тех пор, пока животное не умрет.

Исподволь подбиралась страшная беда нашествия к русским землям. На Руси еще не знали о возникновении в степях Монголии державы Чингизхана, а он уже выделил заранее все земли Восточной Европы в улус своему старшему сыну Джучи. По повелению Чингизхана, как сообщал Рашид-ад-Дин, Джучи должен был «отправиться с войском завоевать все области Севера», в том числе Русь, и «подчинить их своей власти».

В 1211 году орда обрушилась на чжурчженское государство Цзинь и в 1215 году пала его столица Яньцзин (Пекин). Хорезмские послы, прибывшие туда вскоре, сообщали: «Везде были видны следы страшного опустошения, кости убитых слагали целые горы; почва местами была рыхлой

от человеческого жира; гниение трупов породило смертельные заболевания». Однако чжурчжени еще не были окончательно покорены, и война с ними продолжалась вплоть до 1235 года. В 1217 году Чингиз послал своего полководца Субедея на войну с меркитами. «Сокровенное сказание»: «от этого племени не осталось и следа». Затем пал Хорезм, вся Средняя Азия, земли афганцев и персов. Из Персии авангардные отряды орды отправились в Закавказье, где учинили небывалое избиение и грабеж. В пограничных районах Грузии они перебили десять тысяч человек, но в леса и ущелья не пошли – вернулись на юг зимовать. В начале следующего 1223 года тридцатитысячный корпус Джебе и Субедея вновь вторгся в Грузию, уничтожил войско гурджиев в открытом сражении и через Дербент вышел в половецкие степи. 31 мая 1223 года монголы разгромили объединенные отряды русских князей на реке Калке. Затем конница Джебе и Субедея, преследуя отступавших русских воинов, дошла до Днепра и, разграбив землю по его левому берегу, повернула на восток. Однако, когда монголо-татарское войско на обратном пути вторглось в Волжскую Булгарию, его встретили храбрые болгарские дружины. Арабский историк Ибн аль-Асир писал, что «булгары в нескольких местах устроили им засады, выступили против них и, заманив до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они остались в середине. Косил их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4 тыс. человек. Отправились они оттуда в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингисхану». Осенью 1227 года Чингизхан умер в разгар войны с тангутским государством Си Ся (в Китае), назначив своим преемником своего третьего сына Угедея, который, укрепившись в Средней Азии, начал наступление в прикаспийских степях. По сообщению Рашид-ад-Дина, он «отправил Кукдея (Кокошая) и Субедея с 30 тысячами всадников в сторону Кипчак, Саксин и Булгар». На реке Яик (Урал) монголы разгромили болгарские сторожевые заставы, охранявшие дальние подступы к своей стране. Затем завоеватели разорили немногочисленные поселения саксин (потомков хазар), находившиеся в прикаспийских степях. Отдельные отряды монгольской конницы заходили довольно далеко на север, где они сталкивались с башкирами. Следом за передовым монголо-татарским войском в прикаспийские степи двинулись новые силы. В 1229 году на Керулене состоялся общеимперский курултай, который, выполняя последнюю волю Чингизхана, официально провозгласил великим ханом Угедея, тогда же было решено направить на помощь Субедею войска улуса Джучи, западной части Монгольского государства. Уже тогда эти войска возглавил Бату (русские летописцы называли его Батыем), внук Чингизхана, сын Джучи. По словам Рашид-ад-Дина, Бату «был в большом почете и очень могуществен, вместо Джучи-хана стал ведать улусам и войском». В степях Прикаспия, по словам современника, «вспыхнуло пламя войны между татарами и кипчаками» (половцами), которое не затухало в течение нескольких лет, несмотря на все усилия завоевателей подавить сопротивление. Башкирские племена успешно отбивали нападения монгольских отрядов. Булгары, правда, отступили из степей, но на границе леса и степи создали такие мощные оборонительные линии, что монголы не могли прорваться через них к богатым болгарским городам. Остатки этих грандиозных оборонительных сооружений, состоявших из валов, рвов и частоколов, обнаружены археологами. По сообщению летописца, в 1232 году завоеватели «зимовали, не дойдя до великого города Булгарского». После нескольких лет тяжелой войны войска улуса Джучи дошли только до нижней Волги, вытеснив оттуда половцев.

Завоевание Восточной Европы силами только своего улуса оказалось Бату явно не под силу. Однако война с государством чжурчженей еще на восемь лет отсрочила нашествие орды на Русь. В 1235 году, по сообщению Рашид-ад-Дина, великий хан Угедей «во второй раз устроил большой курултай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных народов». На курултае «состоялось решение завладеть странами Булгар, Асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще покорены и гордились своей многочисленностью». Угедей отправил в поход на помощь Бату царевичей Орду, Берке, Шибана, Тангута, Бури, Мунке, Бучека, Гуюка, Байдара, Кадана и др. Сразу после курултая, как сообщал Рашид-ад-Дин, «царевичи для устройства своих войск и ратей отправились каждый в свое становище и местопребывание и весной (1236 года) выступили из своих местопребываний».

Все лето конные орды монголо-татарских ханов разными дорогами шли на запад, а осенью того же года «в пределах Булгара царевичи соединились». Огромное войско собралось в прикаспийских степях, готовясь к опустошительному вторжению в страны Восточной Европы. По свидетельству современника, «от множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные». Первый удар орды обрушился на Волжскую Булгарию. Булгары давно готовились к обороне, укрепляли степную границу, пытались заключить союз с Владимиро-Суздальским княжеством, чтобы высвободить все силы для отпора

страшному врагу, но сдержать натиск завоевателей не смогли. Слишком уж велико было численное превосходство орды, обрушившей на маленькую страну всю свою мощь. Оборонительные линии болгар на степной границе были прорваны. Один за другим погибали в пламени пожаров деревянные болгарские города. Наконец завоеватели «силой и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большой населенностью. ...Жителей его частью убили, а частью пленили». О расправе, учиненной завоевателями над жителями Булгара, знали и на Руси. Летописец записал, что монголо-татары «взяли славный великий город Булгарский и всех избили оружием от старца до юного и до младенца, сосущего молоко, и взяли товара множество, а город их пожгли огнем, и всю землю их пленили». Субедей, командовавший вторгнувшимися в Булгарию монгольскими войсками, жестоко мстил за свои прошлые неудачи и не щадил никого. Источники не сохранили до нашего времени подробностей войны в Волжской Булгарии. Однако можно предположить, что ее завоевание потребовало от орды немалых усилий. Достаточно сказать, что завоеватели, вторгнувшиеся в Булгарию поздней осенью 1236 года, смогли начать следующий поход только весной 1237 года. Отряд под командованием сыновей Толуя Мунке и Бучека был направлен на половцев, кочевавших на правом берегу нижней Волги и в степях Дона. В боях со своими быстрыми, неуловимыми противниками монгольские ханы применили тактику облавы. Они шли по степям широким фронтом мелких отрядов, постепенно замыкая в кольцо половецкие кочевья. Так издавна монгольские племена охотились на степную дичь, отрезая ей путь к бегству. На этот раз монгольская облава была грандиозной по своим размерам. Однако здесь завоеватели встретили сильное сопротивление. Война в половецких степях продолжалась все лето.

Другое многочисленное монгольское войско, возглавляемое самим Бату и ханами Орду, Берке, Бури и Кульканом, воевало на правом берегу средней Волги, в землях буртасов, аржанов и мордвы. События этого похода малоизвестны.

Вторжение в Северо-Восточную Русь.

Персидский историк Рашид-ад-Дин писал, что в 1237 году монгольские ханы Бату, Орду, Берке, Кадан, Менгу, Гуюк, Бури, Кулькан закончили войну в степях с половцами и «осенью упомянутого года пошли войной на русских». Основная масса орды в ноябре подошла к границам Рязанского княжества. Соединенная пронско-муромско-рязанская рать во главе с князем Юрием Игоревичем Рязанским была разбита на реке Воронеже. Затем жертвами орды стали беззащитные уже города Пронск, Бельск, Ижеславец, Исады, Новый Ольгов, Борисов-Глебов. 16 декабря 1237 года монголы осадили Рязань. Рязань, стоявшая на высоком правом берегу Оки ниже устья реки Прони, была хорошо укреплена. С трех сторон город окружали рвы и мощные валы, достигавшие высоты в десять метров. С четвертой стороны к Оке обрывался крутой берег. На валах стояли деревянные стены с многочисленными башнями. Под защиту городских стен сбежалось население из окрестных сел и деревень. Все городское население взялось за оружие. Орда окружила город и огородила его острогом. 18 декабря они пошли на приступ. После непрерывного четырехдневного штурма с применением тяжелых камнеметных машин, 21 декабря город был взят и сожжен. Схватка продолжалась на улицах горящего города. Все рязанские воины погибли в сече. Орда устроила над жителями города жуткую расправу: «В городе многих людей, и женщин, и детей мечами иссекли, и иных в реке потопили, и весь город сожгли, и все богатство рязанское взяли. И не осталось в городе ни одного живого, все равно умерли и единую чашу испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего – ни отец и мать о детях, ни брат о брате, ни ближний о родственниках, но все вместе мертвые лежали». Раскопки Старой Рязани, проведенные А. Л. Монгайтом, полностью подтвердили картину страшного разгрома, нарисованную современником нашествия. Почти всю территорию городища покрывал слой пепла, множество павших рязанцев было найдено под развалинами сгоревших жилищ. Далее орда удобными ледовыми дорогами двинулась вверх по Оке, где близ Коломны в начале января 1238 года столкнулась с войском великого князя Юрия Всеволодовича, под командованием его старшего сына Всеволода. Сюда же пришли уцелевшие рязанские отряды во главе с князем Романом Игоревичем Коломенским, отряды из Пронска, Москвы и других городов, прибыла, по некоторым известиям, нижегородская дружина. «И бишася крепко, и бысть сеча зла». В битве под Коломной¹, где погибла вся владими́ро-суздальская рать, и был убит младший сын Чингизхана Кулькан (единственный чингизид, погибший за всю историю западных походов), фактически была решена судьба всей Северо-Восточной Руси. В сражении пали князь Роман Игоревич и великокняжеский воевода Еремей Глебович. Князю Всеволоду Юрьевичу «с малой дружиной» удалось прорваться и лесными чащобами уйти к Владимиру. Разорив и запалив Коломну, орда устремилась

дальше к северу. Следующим городом по пути к столице княжества была Москва. Защищали Москву от первого в ее истории иноземного нападения князь Владимир Юрьевич (младший сын Юрия Всеволодовича) и воевода Филипп Нянка. И хотя стены ее были недостаточно укреплены, орда, не рассыпавшаяся еще на отряды для повальной «облавы», взяла город, по сведениям персидского хрониста Рашид-ад-Дина, только «сообща» и «в пять дней». Другой персидский историк Джувейни сообщает, что завоеватели выставили против стен города метательные орудия и «через пять дней оставили от этого города только имя его». Суздальская летопись: «Взяша Москву Татарове и воеводу убиша Филипа Нянка, а князя Володимера яша руками, а люди избиша от старьца до сущаго младенца, а град и церькови святых огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша, и много имения взявше, отыдоша».

К столице Северо-Восточной Руси – городу Владимиру орда подошла лишь во вторник 2 февраля 1238 года. Ее путь от Рязани лежал ровными и легкими ледовыми дорогами по Оке, Москве-реке, Яузе и Клязьме. Сорок четыре дня конное войско степняков шло идеальными зимними дорогами от Рязани до Владимира. Причем на пути от Москвы до Владимира орде не пришлось брать штурмом ни одного города. Единственное разумное объяснение этому – что в снежно-ледяных речных туннелях, где маневренность степной конницы ограничивали непроходимые стены леса, шла, должно быть, ожесточенная партизанская война. На путях конницы возникало надежное средневековое русское средство защиты – лесные завалы, и было, наверное, отчаянное сопротивление остатков владими́ро-суздальских войск авангарду орды в магистральных снежно-ледяных коридорах, а тылы ее трепали отряды мстителей из разоренных сел и деревень. Города, стоявшие впереди, готовились, как могли к обороне, но настоящих воинов уже оставалось мало – они полегли под Коломной, в Москве, на Яузе и Клязьме, в лесах, на подступах к столице княжества.

Владимир, окруженный высокими деревянными стенами и укрепленный мощными каменными башнями, был сильной крепостью. С трех сторон его прикрывали реки с обрывистыми берегами: с юга – Клязьма, с севера и востока – Лыбедь. Над западной стеной, перед которой расстилалось ровное поле, высились знаменитые Золотые ворота, самое мощное оборонительное сооружение древнего Владимира. Каменная громада Золотых ворот с многочисленными бойницами прикрывала самую опасную, западную стену города; ворота находились в глубоком проеме башни, недоступном для таранов и камнеметных орудий.

За внешним обводом владимирских укреплений находились внутренние стены и валы Среднего, или Мономахова, города и, наконец, каменный кремль – детинец. Таким образом, врагу нужно было прорвать три оборонительные линии, прежде чем он мог достигнуть центра города, княжеского двора и Успенского собора. Но для того чтобы оборонять многочисленные башни и стены столицы, не было достаточно воинов. Много владимирцев погибло под Коломной – князь Всеволод Юрьевич вернулся лишь «с малой дружиной». На княжеском совете было решено оставить в городе сохранившееся войско, пополнив его городским ополчением, а самому великому князю с ближней дружиной уйти на север, чтобы собирать новые рати. Накануне осады Юрий Всеволодович, как сообщил летописец, «уехал на Волгу с племянниками своими Васильком, Всеволодом и Владимиром и стал на реке Сить станом, ожидая к себе братьев своих Ярослава и Святослава с полками, и начал князь Юрий собирать полки против татар». Возможно, с точки зрения общих целей войны с завоевателями это был правильный шаг, но оборона Владимира была ослаблена. В отсутствие великого князя владимирские войска и городское ополчение возглавили его сыновья Всеволод и Мстислав; с ними был оставлен старый опытный воевода Петр Ослядакович. Фактически при малочисленности княжеских дружин основная тяжесть борьбы против сильного и опытного в осаде городов врага легла на вооруженное посадское население и крестьян, собравшихся из окрестных сел и деревень.

Орда подошла с запада, с той стороны, где перед городскими стенами расстилалось ровное Раменское поле. Небольшой отряд монгольской конницы подскочил к Золотым воротам. Монголы предложили сдаться, но защитники Владимира ответили стрелами со стены. «И реша татаре ко градским: «Не стреляйте». И приидоша ближе ко вратам, показаша князя Володимера, рекше: «Знаете ли сего княжича?». Братия же его, Всеволод и Мстислав, познавше брата своего, восплакашася горце и все людие с ними. Татарове же, отступиша от Златых врат, видяще, яко русские не хошут с ними о мире говорити, како им годно, убиша князя Володимера пред градом...». Между тем орда ставила шатры и шалаши близ города, подтаскивала к стенам метательные машины – пороки и тараны. Конные отряды окружили город со всех сторон, отрезав его от внешнего мира. Осада Владимира началась.

Еще до начала приступов конная рать двинулась по льду рек Клязьмы и Нерли к близле-

жащему Суздалью. Суздаль был взят, разграблен и сожжен, старые и больные перебиты, а многочисленные молодые и здоровые пленные были приведены под Владимир и использованы ордой для осадных работ: «Взяша [татары] Суздаль и Св. Богородицю разграбиша, и двор князь огнем пожгоша, и монастырь Св. Дмитрия пожгоша, а прочии разграбиша, а чернецы и черницы старья и попы, слепыя и хромыя, и глухыя и трудноватыя, и люди все изсекоша; а что чернец уных и черниц и попов и попадий и дьяконы и жены их и дчери и сыны их и вся люди, то все ведоша в станы».

6 февраля, по словам летописца, «начаша татары лесы и пороки ставити от утра до утра, а на ночь огородиша тыном около всего города». В тот же день начался обстрел города из тяжелых метательных орудий. Особенно пострадал Новый город, примыкавший к западной, самой опасной стене.

Рано утром в Мясопустное воскресенье 7 февраля 1238 года начался общий штурм Владимира. Враги подступали к городу со всех сторон, но главный удар наносился с запада. Каменная твердыня Золотых ворот выдержала обстрел, но деревянная стена южнее них была разрушена. Орда засыпала ров вязанками хвороста, бревнами, человеческими и конскими трупами и по этому страшному «примету» ворвались в пролом. Остатки защитников города отчаянно бились на улицах Нового города, среди пылающих домов. Однако новые ордынские рати уже врывались в Новый город с разных сторон: через Ирнины, Медные и Волжские ворота. К полудню Новый город был в руках врага. Только немногие его защитники успели отступить за стены Среднего города, однако и здесь сдержать натиск врага не удалось. Орда прорвалась к детинцу, в котором почти не оставалось воинов. Княжеская семья, бояре и множество посадских людей укрылись в белокаменном Успенском соборе, стоявшем в центре детинца. Они отказались сдаться на милость победителей и погибли в огне – враги обложили собор деревом и сожгли. Город был страшно разорен, большинство владимирцев погибло. Но и завоеватели заплатили дорогую цену за победу. Владимирцы оборонялись упорно, много монгольских воинов нашло смерть под стенами столицы Северо-Восточной Руси, на ее горящих улицах и площадях. Краткая заметка о взятии Владимира имеется у Рашид-ад-Дина: монголы, «осадив город Юрия Великого, взяли [его] в восемь дней. Они ожесточенно дрались».

После взятия Владимира орда разделилась. Одна часть пошла на восток по льду Клязьмы, разгромила город Стародуб и оттуда вышла на Волгу, к Городцу. Далее они двинулись на север по льду Великой реки, разрушая приволжские города. Отдельные отряды монгольской конницы во время этого похода проникали далеко на север, до Галича-Мерьского и Вологды. Другая часть двинулась от Владимира на северо-запад, через Переяславль-Залесский, Юрьев, Дмитров, Волок-Ламский и Тверь к пограничному новгородскому городу Торжку. Небольшой Торжок, в котором не было ни князя, ни княжеской дружины, две недели успешно отбивал приступы врага.

Третья, самая многочисленная часть орды под командованием Бурундая пошла от разоренного Владимира прямо на север. Там, за рекой Волгой, в воинском стане на Сити (притоке Мологи), великий князь Юрий Всеволодович собрал силы для войны с завоевателями. Только разгромив великокняжеское войско, можно было надеяться покорить страну. По дороге к Сити орда взяла Ростов и Углич. Отдельные отряды продвинулись к Волге и разгромили Ярославль, Кострому, Кснятин, Кашин и другие города.

В движении орды без труда можно проследить вполне определенный план: завоеватели двигались по основным речным и торговым путям Северо-Восточной Руси и разрушали города, являвшиеся центрами сопротивления. Кроме того, они старались пройти по районам, сулившим богатую добычу.

Февральский рейд отрядов орды по Владимирской земле был стремителен; все города княжества пали один за другим, потому что защитников в них оставалось мало – они погибли под Коломной, в Москве, на подступах к Владимиру и в самом Владимире, стягивались на Сить. И, тем не менее, почти каждый город брался с бою. В распоряжении науки есть достоверные свидетельства, полученные при археологических раскопках рязанских и владимирских крепостей и городов. Упомяну хотя бы о нескольких таких пунктах обороны. На правом берегу реки Прони стоял город-крепость Ижеславец, полностью разрушенный ордой поздней осенью 1237 года. Это удельное княжество граничило со степью, и потому город был хорошо укреплен. Северная стена, возвышавшаяся над крутым обрывом реки, была неприступной. С восточной, южной и западной сторон городище окружали три ряда валов и рвов, а внутренний детинец защищали два вала и глубокий ров. Загородная резиденция-крепость рязанских князей Новый Ольгов, контролировавший Оку и Проню, стоял на отвесных обрывах, а с напольной стороны защищался высоким валом. В каком-то месте вал размыкался, и концы его заходили друг за друга, образуя воротный проем таким образом, что

враг, штурмующий ворота, должен был брать щит в правую руку, а саблю или копье в левую.

Москвичи, как мы знаем, выдержали общий пятнадцатидневный штурм, столько же продержался Переяславль-Залесский. Город занимал стратегически важное положение на столбовой дороге от Средней Волги и густонаселенного бассейна Клязьмы к ледовому верхневолжскому зимнику, к Твери, Торжку и Новгородской земле. Он был защищен рекой Трубеж, рвами и системой оборонительных валов высотой от десяти до шестнадцати метров, на которых стояли двойные деревянные стены с двенадцатью боевыми башнями. На пятый день штурма город и стены были подожжены со всех сторон, и оборона стала невозможной. Все жители города были уничтожены.

У нас нет никаких подробностей падения в феврале 1238 года Углича, Ростова, Юрьева-Польского, Костромы, Вологды, Дмитрова, Волока-Ламского или Ярославля. Археологи обнаружили в Ярославле сплошной слой большого пожара того времени и очень бедный так называемый культурный слой поверх – то есть город, основанный Ярославом Мудрым еще в 1024 году, полностью погиб и потом возрождался медленно, с течением веков.

Нельзя не вспомнить также о Боголюбове. Он занимал важное во Владимирском княжестве стратегическое положение при впадении Нерли в Клязьму. Основал его в 1158 году князь Андрей Боголюбский, построив в центре поселения свою резиденцию-замок. В Боголюбове стоял тогда прекрасный дворец белого камня, являвший собою целесообразно сложный, не имевший на Руси аналогов ансамбль светской, культовой и военно-замковой архитектуры. Главный собор, лестничные и крепостные башни, закрытые переходы, жилые помещения – все это было декорировано художественной резьбой по камню и дереву, барельефами, скульптурой, позолотой. Пол собора строители выстлали тяжелыми листами красной меди, хоры и переходы майоликовыми плитками, дворцовую площадь – белым камнем, башни и башенки имели шатровые верха. Замок опоясывали заметные доныне рвы и оборонительные валы, на которых яростно сражались защитники города в февральскую метель 1238 года. Орда взяла приступом, дочиста разграбила и до основания разрушила Боголюбровский дворец – выдающийся архитектурный памятник средневековой русской и общечеловеческой цивилизации...

А теперь представим себе на минуту реальность середины февраля 1238 года. Столица княжества пала, продержавшись пять дней. Метут метели. Орда, «рассунушася» по всей земле Владимирской, штурмует города, где на забралах стоят старики, женщины и подростки. Некоторые городки и часть деревень оказывались пустыми – все способные держать оружие ушли на Сить, а остальное население укрылось в лесных дебрях, недоступных степной коннице. На Сити же, в районах теперешних сел Покровского, Станилова и Юрьевского, князь Юрий Всеволодович обосновался станом, готовясь к партизанской борьбе – единственной возможности сопротивления...

В конце февраля многочисленный отряд монгольского военачальника Бурундая, разгромив Углич, Ростов и Ярославль, вышел на реку Сить, где великий князь Юрий Всеволодович собирал полки. Но больших сил великому князю собрать не удалось. Многие князья просто не успели дойти до Сити, вынужденные двигаться окольными лесными дорогами, – мобильные отряды орды мгновенно перерезали прямые пути. В результате в воинском стане на Сити, кроме немногочисленного великокняжеского войска, собрались только дружины племянников Юрия Всеволодовича и его брата Святослава Всеволодовича Юрьевского, что было явно недостаточно, чтобы противостоять орде. К тому же появление отряда Бурундая у воинского стана оказалось неожиданностью для Юрия Всеволодовича – разведка в русском войске была поставлена плохо. Правда, великий князь выслал навстречу врагу сторожевой отряд воеводы Дорожа (Дорофея), но тот встретил монгольскую конницу уже в непосредственной близости от лагеря. Времени, чтобы изготовить войско к бою, не было – конница Бурундая уже окружала стан великого князя. Летописец сообщал, что «начал великий князь полки ставить около себя», но тотчас же «внезапно татары приспели, князь же не успел ничего». Русская рать оказалась в окружении. И вот «соступишася на реке Сити обои полки и бысть брань велия и сеча зла, лияшася кровь, аки вода, надолзе времени никто не хоте уступить. Но к вечеру одолеша безбожнии. Убиен бысть великий князь Юрий Всеволодичь на реке на Сити и вои его мнози погибоша». Это произошло в понедельник 1 марта 1238 года. Рашид-ад-Дин: «Эмир этой области Вике – Юрку бежал и ушел в лес; его поймали и убили». Раскопки археологов на Сити свидетельствуют, что рать Юрия Всеволодовича была разбита по частям, обратилась в бегство, и орда секла людей, как траву, преследуя их на семидесятиверстном пути до устья Сити. Часть дружины была пленена, в плен попал и князь Василько Константинович Ростовский, который был казнен со всем, ставшим обременительным, полоном в Ширенском лесу 4 марта 1238 года. Еще до битвы на Сити, «на сборь по чистей недели» (21 февраля 1238 года), орда осадила Торжок и в течение двух недель била по городским стенам из «пороков». «И изнемогашася людие в городе, а из Новгорода

не бысть им помощи». 5 марта 1238 года город пал. Его жители подверглись массовому избиению: «Погании взяша град и изсекоша вся от мужеска полу и до женска, иерейский чин весь и черноризский, а все изобнажено и поругано...» После взятия Торжка, по направлению к Новгороду двинулся только небольшой отряд ордынской конницы, который преследовал уцелевших защитников Торжка и разбежавшийся полон. Завалив Селигерскую дорогу изрубленными трупами и не дойдя 100 верст до великого северного города, он повернул обратно. По мнению современных ученых, поход на Новгород Бату и не собирался предпринимать. Сил у него оставалось все меньше, и они были разделены в тот момент на несколько отрядов – Бурундай выходил из Ширенского леса на Селигерский путь, Субедей штурмовал Торжок, отборные сотни охраняли ставку хана, часть войска застряла у Твери – этот город пал, как и Торжок, в марте, – и еще какие-то группы грабителей, добравшихся до Костромы, Вологды и Галича Мерьского, догоняли главные силы. Монгольские отряды оказались разбросанными на огромном пространстве, от Торжка до Костромы. Пора было думать об отступлении – тяжелый зимний поход серьезно ослабил завоевателей. Однако при отходе в степь орда еще раз подвергла Северо-Восточную Русь страшному опустошению. От Волги они двинулись на юг широким фронтом небольших отрядов, той монгольской облавой, о которой неоднократно сообщали восточные источники. По сообщению Рашид-ад-Дина, весной 1238 года монгольские ханы решили «в совете идти туменами облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся [на пути], брать и разорять». Один за другим исчезли в пламени пожаров деревянные русские города-крепости: Дорогобуж, Вщиж, Долгомостье, Обловь, Ржев, Голяд, Ельня, Вязьма, Серенск и Козельск. Героическая оборона Козельска вписала страницу в русскую военную историю – маленький город семь недель отбивал приступы объединенных сил хана Батыя, гораздо дольше, чем многолюдные столицы великих княжеств. Решение оборонять Козельск приняло городское вече. По словам летописца, «крепкодушные» козельцы «совет створиша не сдаватися Батыю». Когда передовые монгольские отряды, не ожидавшие встретить здесь сопротивление, подошли к городским стенам, в них полетели стрелы и камни. Бату пришлось начинать осаду Козельска, которая продолжалась около двух месяцев. Непрерывно в монгольский лагерь вливались новые и новые отряды, заканчивавшие облаву. Возможно, именно у Козельска был назначен сборный пункт всей орды. Наконец начался решительный штурм города. Два дня долбили деревянные стены Козельска камнеметные орудия – пороки – и пробили их в нескольких местах. Орда кинулась в проломы на последний штурм. Но там, где не выстояли и обрушились дубовые бревна, выдержали храбрые козельские ратники: в тесноте проломов они встретили врагов с ножами в руках и завалили проломы их трупами. Когда орда отступила после неудачного штурма в свой лагерь, козельцы предприняли дерзкую вылазку. Они захватили осадные орудия и порезали ремни на пороках. Множество врагов, застигнутых врасплох, было перебито. Но и большинство козельцев тоже погибло в неравной сече. Больше никому было оборонять стены, и враг ворвался в город. Все жители Козельска были безжалостно перебиты. Погиб и малолетний козельский князь Василий. Летописец так сообщил о его гибели: «Инии глаголяху, яко в крови утонул естъ, понеже убо млад бяше естъ». Рашид-ад-Дин сообщает, что войско Бату осаждало Козельск 2 месяца и не могло овладеть им. Только когда к городу подошли новые военные силы во главе с Каданом и Бури, Козельск удалось захватить в течение трех дней. Однако у Козельска орда застряла на семь недель – дожидаясь конца половодья и весенней травы. И войско не могло все это время стоять под Козельском – передохли бы с голоду кони. Поэтому оно должно было разбиться на отряды, чтобы искать новые и новые нетронутые села, деревни и выселки, стога сена и скирды. По Рязанской и Владимирской земле орда двигалась безостановочно и стремительно, не успевая уничтожать все города и села. А в районе между Торжком и Козельском она бесчинствовала со второй половины февраля до середины мая 1238 года, около трех месяцев. Таким образом, главный водораздел Русской равнины подвергся самому страшному опустошению за всю историю нашествий, настолько страшному, что свидетелей ему не осталось. Битвой под Козельском закончился поход хана Бату на Северо-Восточную Русь. Завоеватели отошли в половецкие степи. По некоторым предположениям, до степи вместе с Бату добралось всего четыре тысячи воинов – что выглядит очень правдоподобно – не воздух же рассекала мечами сильная пограничная мурома-рязанская рать, не все стрелы и камни со стен Старой Рязани неделю летели мимо, не вся кипящая смола лилась во рвы, не дешево далась победа под Коломной, не без жертв достались орде Исады, Ижеславец, Новый Ольгов, Москва, Стародуб на Клязьме, Боголюбов, Суздаль, Владимир, Переяславль, Кострома, Ярославль и другие города. Большие потери понес Бурундай на Сити, где «татары велику язву понесоша, паде бо и их немалое множество». Одновременно немалый урон был нанесен орде при взятии Твери и двухнедельном штурме Торжка. Существующий давнишний спор о первоначальной численности

орды, где назывались фантастические цифры в 300, 400 и даже 500 тысяч человек, которых привел на покорение Северо-Восточной Руси Бату, – не имеют под собой никакой фактической основы, что и было блестяще доказано все тем же писателем Владимиром Чивилихиным в его романе-эссе «Память», где он убедительно показал, что более 100 тысяч человек в составе орды быть просто не могло – их и их лошадей (а каждый степняк обязательно имел заводную лошадь) просто нечем было бы кормить, и они передохли бы от голода еще у Пронска.

После трудного зимнего похода на Северо-Восточную Русь Бату рассчитывал в половецких степях дать отдых своему усталому воинству. Но его надежды не оправдались – завоевателей ждали в степях новые бои. Не покорились орде воинственные племена черкесов, населявших Северный Кавказ. Двум потомкам Чингиза – Менгу и Кадану – пришлось вести туда многочисленное войско. Битвы в кубанских плавнях и в предгорьях Кавказа продолжались до зимы. Рашид-ад-Дин писал, что «в год собаки, соответствующий 635 году (1238 г.), Менгу-хан и Кадан пошли походом на черкесов и зимой убили государя тамошнего по имени Тукара». Не были еще окончательно побеждены и половцы, вытесненные предыдущими походами за реку Дон. Летом 1238 года завоевателям снова пришлось воевать с ними. Тот же Рашид-ад-Дин сообщал, что хан Берке «отправился в поход на кипчаков (половцев) и взял Аржумака, Куранбаса и Капарана, военачальников Беркута». Затяжной и кровопролитной была эта война. Итальянец Плано Карпини, проезжавший по половецким степям вскоре после нашествия, писал: «В Комании (земле половцев) мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу». «Огромное количество могил половцев» видел в половецких степях и другой западноевропейский путешественник, фламандец Рубрук.

Наконец – и это было самое главное – сопротивление Руси еще не было сломлено после зимнего похода на Владимиро-Суздальскую Русь. Княжества Юго-Западной и Южной Руси сохранили свои войска и укрепленные города и готовились к сопротивлению. В непосредственной близости от степей находились мощные крепости Переяславль-Южный и Чернигов, не раз отбивавшие набег кочевников – печенегов и половцев. Непроступной твердыней высились над Днепром башни и стены Киева, древней столицы земли Русской. Не сокрушив этих укрепленных городов, нельзя было серьезно рассчитывать на дальнейшее успешное продвижение на запад.

Походы на Переяславское и Черниговское княжества

В начале 1239 года начался большой поход на земли Южной Руси. Подробности событий тех далеких лет нам практически совершенно не известны (в летописях две-три строчки) по следующим причинам: войско монголов было гораздо больше, чем во время похода на Северо-Восточную Русь, орда никуда не спешила, города планомерно исчезали в пламени пожаров. Мы не знаем, кто из чингизидов участвовал в этом походе, кто осаждал, захватывал и разрушал города – летописи об этом молчат, – вероятно, сообщить все эти подробности живущим было просто некому. Переяславские и черниговские летописные своды до нас не дошли (не тогда ли погибли?). В конце XII века в Чернигово-Северской земле числилось более пятидесяти городов, и от большинства их остался, по словам летописца, «только дым, и земля, и пепел». Погибла и великолепная столица княжества – Чернигов. В течение 1239 года орда уничтожила четырнадцать переяславских и около пятидесяти черниговских городов, то есть Южная Русь подверглась еще более страшному опустошению, чем Северо-Восточная. Из летописных источников известно лишь, что в феврале 1239 года орда подступила к Переяславлю-Южному. Высокие валы, крепкие стены, крутые берега рек Трубежа и Альты, с трех сторон окружавшие город, делали его сильной крепостью. Переяславль был назван в честь победы над печенежской ордой в 990 году, когда русские удалцы «переняли славу» у печенегов. Ни печенегам, ни торкам, ни половцам ни разу не удавалось взять этот город. И на этот раз переяславцы мужественно встретили врага. Но деревянные стены Переяславля не выдержали ударов камнебитных машин и рухнули. 3 марта 1239 года город был «взят копьем» (штурмом) и разрушен. Летописец сообщил, что монголо-татары «и епископа убиша и люди избиша, а град пожгоша огнем и люди, и полна много вземше, отыдоша». Разгром был так силен, что даже триста лет спустя на месте Переяславля «град был без людей», а каменный собор пролежал в развалинах до середины XVII столетия. Опустошению подверглись и другие города и села Переяславского княжества. С марта 1239 года орда бесчинствовала в Переяславском и Черниговском княжествах, пока в октябре не вышла к Чернигову. «Пришедше же погани и оступиша град Чернигов в силе тяжце». Черниговский детинец, расположенный на высоком холме при впадении в Десну речки Стрижень, был окружен «окольным градом», за которым был еще третий вал, прикрывавший «предгородье». Преодолеть эти три линии укреплений, оборонявшиеся сильным гарнизоном, было нелегко. Орду

встретил за городскими стенами «с вои своими» князь Мстислав Глебович, двоюродный брат князя Михаила Всеволодовича Черниговского. «И лют бе бой у Чернигова, – отметил летописец, – оже и тараны на нь ставиша и меташа въ нь камением полтора перестрела, а камень яко можаху четыре мужа силнии подъяти его. Но побежден бысть Мстиславъ, и множество от вои его избиено бысть». Началась осада города. 18 октября 1239 года «взяша татарове Черниговъ, а градъ пожегше, и люди избиша, и монастыре пограбиша». Опустошения были настолько велики, что черниговский князь, вернувшийся в город после нашествия из Венгрии, перенес свою резиденцию в Брянск (нашествию не подвергавшийся). Только в XVIII веке Чернигов восстановился в прежних, домонгольских границах. Следы нашествия видны и сегодня – на метровой глубине под полом Спасо-Преображенского собора раскопан толстый черный слой давнего пожарища, а в пещерах Болдинской горы рядами захоронены защитники города, погибшие в 1239 году...

Осенью того же, 1239 года, против завоевателей подняли восстание мордовские племена. Бату пришлось срочно организовывать карательный поход в Мордовскую землю, во время которого были попутно разорены города Муром и Гороховец и русские земли по нижней Оке.

Страшный разгром Переяславского и Чернигово-Северского княжеств, Мурома и Гороховца, мордовских земель, всеобщая паника, толпы беженцев на дорогах позволили летописцу записать в Лаврентьевской летописи под 1239 годом такие строки: «Того же лета бысть пополохъ золь по всеи земли, не ведаху и сами хто где бежить».

Походы на Киевское княжество и Юго-Западную Русь.

К Киеву орда подошла впервые в начале 1240 года – их силы были заняты разгромом переяславских и северских городов, походом в Мордовскую землю, завоеванием Крыма, набегом на Дербент. Менгу-хан остановился на левом берегу Днепра, против Киева, и, по словам летописца, «удивился красоте его и величине его, прислал послов своих к горожанам, желая их прельстить, но не послушали его». Вероломство и коварство завоевателей было уже достаточно известно, а сил для штурма города у Менгу не было. Кстати, и позднее, во время общего похода на запад, орда не решилась преодолевать Днепр против Киева, а обошла древнюю столицу Руси с юга.

Летом 1240 года начался поход «к последнему морю – морю франков». Осенью орда во главе с Бату переправилась через Днепр ниже устья реки Роси и подступила к укрепленной линии вдоль этой реки, на которой стояли гарнизоны киевских дружинников и служилых кочевников киевских князей, которых называли «черными клобуками». В состав «черных клобуков» входили остатки кочевых племен печенегов и торков, которые когда-то бежали под натиском половцев в земли Киевского княжества и поступили на службу к киевским князьям, а также племена берендеев, коуев и турпеев. «Черные клобуки» были поселены на реке Роси и в других пограничных областях и верно несли службу по охране степных рубежей. И теперь они первыми плечом к плечу с русскими гарнизонами приняли удар монгольских полчищ. По всей линии поросских городков-крепостей разгорелись ожесточенные бои. Археологические раскопки этих городков (Княжья Гора, Девичья Гора и др.) дали яркие картины гибели их в результате монгольских штурмов: следы массовых пожарищ, трупы под развалинами жилищ, находки оружия, в том числе большого количества монгольских стрел и сабель. Но силы, конечно, были неравными. Укрепленная линия на реке Роси была прорвана, и орда, разрушая все на своем пути, устремилась к Киеву.

Прежде всего, нужно хотя бы в общих чертах обрисовать, что собою представлял средневековый Киев. Его недаром сравнивали с Царьградом. Уже в начале XI века Титмар Мерзебургский писал, что в Киеве восемь рынков и более четырехсот церквей. В Киеве было плотное и многочисленное население – посадские люди, бояре, дружинники, священники, княжеская челядь, ремесленники, купцы, иностранцы-гости и постоянно живущие в городе иноплеменники. Тот же хронист отмечал, что в Киеве много «весьма быстрых датчан». Жили в нем греки, армяне, евреи, верхушка «черных клобуков»... Конечно, большинство церквей было деревянными и домовыми, боярскими; они сгорали в пожарах и снова строились. Современная наука считает, что в Киеве перед нашествием орды численность населения приближалась к 50 тысячам человек. Средневековый Киев делился на несколько частей. Был «город Ярослава», «город Владимира», «Замковая гора», Посад... Площадь его наиболее плотно заселенной части определена в 360–380 гектаров. Протяженность только одного киевского «города Ярослава» по периметру была три с половиной километра – эта мера взята по стенам, которые стояли на вершинах валов. Толщина киевских валов в основании – до двадцати метров. Внешний их скат делался с уклоном примерно сорок пять градусов. Стены, стоящие на валах, были дубовыми, с земляной засыпкой. Стояли в стенах мощные оборонительные

каменные башни с воротными проемами. Киево-Печерский монастырь был защищен каменными стенами. Вдоль валов тянулись рвы, заполненные водой. Ширина их была до восемнадцати метров.

«Приде Батыи Киевоу в силе тяжце, многом множеством силы своей и окроужи град... И не бе слышати от гласа скрипения телег его, множество ревеня вельблюд его, рьжания от гласа стад конь его».

К сожалению, каким-то образом сложилось мнение, что Киев был взят «легко и быстро». Практически во всех научных трудах речь идет лишь о девятидневной обороне города. Это очень ошибочное представление, и оно идет, наверное, от учебников, оставляющих в нашей памяти будто бы главное, но почему-то замалчивающих подробности героической Киевской обороны 1240 года. Да и специалисты по военной истории пишут о ней походя, вскользь, как о чем-то не стоящем внимания... Мы, кажется, больше знаем об осаде Трои и Карфагена, чем о штурме Киева поздней осенью 1240 года...

По данным взятого киевлянами татарского «языка», осаждали Киев с Бату девять «сильных воевод» – Менгу, Гуюк, Кадан, Орду, Байдар, Бирюй, Бучек, Субедей и Бурундай.

Огромная орда окружила город, стоявший на правом, крутом берегу Днепра, 5 сентября 1240 года. Эта дата точно указана в Псковской Первой и Супрасльской летописях, а также в летописи Авраамки – «татаре пришед Киевоу 5 сентября». Приступ начался со штурма, как говорится в Ипатьевской летописи, «врат Лядских», то есть «Ляшских» («Польских»), расположенных с напольной, наиболее доступной стороны. Сколько дней и ночей сметали камнебросы со стен и башен защитников города, сколько ночей и дней «бес престани» били пороки в главные ворота – неизвестно, только первое и самое тяжкое сражение разыгралось именно здесь, на наружных валах, стенах и башнях Ярославова города, которые, как подтверждает исследователь М. К. Каргер, «по своей мощи не имели равных в истории древнерусской фортификации». Та же Ипатьевская летопись позволяет представить нам «лом копееины и щет скепание, стрелы омрачиша свет побеженным». Однако киевляне побеждены еще не были! Князя в городе не было. Незадолго до прихода орды Киев захватил Даниил Романович Галицкий, который ушел на запад готовиться к защите своих исконных земель, а оборону Киева поручил тысяцкому Дмитру. Сильной профессиональной дружиной Дмитр не располагал, город защищали ремесленники, торговцы, крестьяне пригородных селищ. Город брался по частям. Оборонялась каждая улица, храм, дом. Дмитр был ранен, но сумел организовать оборону следующего укрепления – «города Владимира». Никаких подробностей нет, но, очевидно, он тоже был взят непрерывным штурмом, и за его стенами разыгралась новая кровавая сеча. Раскопки 1946 года на Большой Житомирской улице обнаружили огромное количество беспорядочно лежащих человеческих костей. В хорошо сохранившейся печи найдены два маленьких скелетика – дети пытались спастись там... А теперь поставим вопрос: сколько же времени сопротивлялся орде Киев? Сразу в трех летописях – Псковской Первой, Авраамки и Супрасльской сообщается, что враги взяли город 19 ноября 1240 года, в понедельник. Именно это уточнение – «понедельник» – позволило ученым убедиться в достоверности сообщений этих летописей; день 19 ноября 1240 года приходится, по точным календарным расчетам, как раз на этот день недели. Летописи уточняют «10 недель и 4 дни», а если считать день окружения и падения города, то выходит, что киевляне сражались семьдесят шесть дней. А в 4-й Новгородской, Воскресенской, Никоновской, Тверской, Софийской и Густынской летописях названа другая дата падения Киева – 6 декабря 1240 года. В Ипатьевской летописи называется самая последняя оборонительная цитадель после падения первых укрепленных «градов»: «граждане же создаша паки другии град около пресвятое Богородице», к которой приступили враги и где «бысть брань меж ими велика». Первая каменная киевская церковь – так называемая Десятинная – стала последним оплотом Дмитра и последних защитников города. Сражение за эту церковь было настолько упорным и длительным, что осажденные начали рыть из нее тайный подкоп – археологи нашли глубоко в земле вертикальный ствол, поржавевшие заступы и дужки от ведер, в которых поднимали землю... Но произошло непредвиденное и непоправимое, как бы символизирующее трагический конец блестящей средневековой русской цивилизации. Видно, немало последних киевлян «оузбегшим и на церковь и на комары церковныя». У Десятинной церкви имелись и колокольня, и купола, и закомары, из-за которых можно было отстреливаться и бросать камни. И вот своды храма, которому было уже примерно двести пятьдесят лет, не выдержали и рухнули, «от тяжести провалишася». Случилось это, наверное, как раз 6 декабря 1240 года. Таким образом, Киев сражался около трех месяцев, а точнее, девяносто три дня. Это одно из самых примечательных в мировой истории оборонительных сражений... «Взяша Киев татарове, и святыю Софию разграбиша, и монастыри вси, и взяша иконы и кресты, и узорочье церковное, а люди, от

мала до велика, всех убиша мечом». Вот уже около ста лет археологи находят при киевских раскопках ужасающие следы разгрома и массовых убийств. Часть слоя гибели города – полуземлянка гончара, в одной половине которой располагалась мастерская, в другой, отделенной печкой, – жилая часть. У входа в землянку лежат двое: среднего роста человек с выраженной монголоидностью, в типичном для степняков шлеме, с кривой саблей. И рослый, без панциря, с топором. На полу мастерской – скелет молодой женщины, в позе распятой; в руки скелета вогнаны два кинжала, лезвия которых уходят глубоко в земляной пол. А на печке, в другой «комнате» – скелетики детей около четырех и пяти лет. Все раздавлено и погребено рухнувшей кровлей дома. В братской могиле на Подоле было обнаружено около двух тысяч костяков, при земляных работах по Большой Владимирской улице вскрыт слой, в котором сплошным метровым пластом на протяжении четырнадцати метров лежали человеческие останки. Множество людей погибло вокруг развалин Десятинной церкви и в Зверинецких пещерах, выходы из которых орда завалила в декабре 1240 года... Шесть лет спустя Плано Карпини засвидетельствовал, что монголо-татары «произвели великое избиение в стране Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после долгой осады взяли его и убили жителей города... Когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавших на поле, ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный; а теперь он сведен почти ни на что, едва существует там 200 домов, а людей там держат они в самом тяжелом рабстве».

Оставив позади дымящиеся развалины Киева, орда двинулась дальше на запад. Снова они применили свою обычную тактику облавы. Рашид-ад-Дин сообщал, что отряды завоевателей «обходили все города и завоевали крепости и области, которые были по пути». Смерть и разрушение пришли в Галицко-Волынскую Русь. И снова каждый шаг завоеватели вынуждены были проходить с боями. Укрепленные городки по рекам Случи, Горыни и Тетереву упорно оборонялись и гибли в неравной борьбе, нанося врагу немалый урон. Против города Колодыжина, стоявшего на высоком берегу реки Случи, Бату «поставил двенадцать пороков и не мог разбить стены». Только хитростью монголам удалось ворваться в город и перебить его защитников, послушавших «злого совета». Таким же образом был захвачен Каменец. Зато два других города – Кременец и Данилов – отбили все штурмы и выстояли. По словам летописца, Бату, «видя град Кременец и Данилов, что невозможно взять ему, и отошел от них». Отбил все приступы и хорошо укрепленный город Холм. Однако остальные города Галицко-Волинской Руси были разорены до основания. Особенно жестоко расправилась орда с населением Владимира-Волинского. Этот город был красив и обширен. По преданию, венгерский король, увидев его, воскликнул: «Такого города я не видел и в немецкой земле!» Во Владимире-Волинском «ни единого живого человека не осталось... церковь святой Богородицы была наполнена трупами, другие церкви полны трупов и мертвых тел». Археологические раскопки обнаружили следы массовых казней: в слое угля и пепла в беспорядке лежали человеческие скелеты с разрубленными костями, с черепами, пробитыми большими железными гвоздями. Вернувшись в свои владения весной 1241 года из Польши, князь Даниил Галицкий увидел повсюду страшные следы нашествия. Когда он вместе с братом Васильком приехал к Берестью (Брест), то не смог стать лагерем под городом «из-за смрада от множества убитых». После трехдневной осады был взят и разрушен Галич, второй крупный город Юго-Западной Руси. Одновременно монгольская облава опустошала села и деревни почти на всей территории Галичины и Волыни.

Весной 1241 года монголо-татарские полчища в нескольких местах пересекли западную границу Руси и вторглись в Польшу, Чехию, Венгрию. Наступил последний этап монголо-татарского нашествия.

Вторжение в глубь Европы

Нередко в литературе приходится читать, что монголы вторглись за Волгу ради завоевания Венгрии. Источники говорят о другом. Чингизхан установил, писал Плано Карпини, что они «должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с каким народом, если прежде им не будет оказано подчинения». Ранее побывавший в Поволжье венгерский доминиканец Юлиан со слов татарского посла писал о том же. Юлиан предостерегал Белу IV: «Многие передают за верное, и князь суздальский [Юрий Всеволодович] передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего».

Так же понимал цели монгольского похода и крупнейший знаток их истории Б. Я. Владимирцов. В европейском походе Батый выбрал традиционный путь кочевников, надеясь создать

на венгерской равнине опорную базу своего господства в центре континента. Поэтому, насколько позволяют судить источники, он, двинувшись с основным войском на Венгрию, направил отряды других воевод с таким расчетом, чтобы в первую очередь обезопасить себя от ударов со стороны Польши, Чехии и Болгарии.

Монгольские полчища, которые после боев на Руси вторглись в начале 1241 года на территории соседних государств Европы, встретили, как и повсюду, мужественное, но недостаточно организованное сопротивление. Первой их жертвой стала Польша. Первое вторжение орды относится к январю 1241 года, когда монголы вскоре после падения Киева и, следовательно, во время ожесточенных боев в Галицко-Волынской Руси прорвались к Висле, где штурмом захватили города Люблин и Завихост. Через образовавшуюся брешь один из отрядов проник до Рацебужа. Вторым удар в феврале того же года был обращен на Сандомир; разорив этот главный опорный пункт поляков на Висле («они в день Пепла опустошили и город и Сандомирскую землю, не пощадив ни пола, ни возраста»), монголы тогда же нанесли поражение малопольскому рыцарству в битве под Турском (13 февраля). Возможно, что монгольские рати были после этого оттянуты на исходные базы в Руси. Второе вторжение орды состоялось в марте 1241 года. В Польшу вторглось войско, насчитывавшее около трех туменов (30 тыс. воинов). Во главе войска стояли Байдар и, как полагают, Кайду¹. Около 10 марта Байдар переправился через Вислу у Сандомира, откуда отряд Кайду был направлен им для опустошения края в направлении Ленчицы с последующим выходом к Кракову. Разорив Ленчицу и Серадз с окрестностями, Кайду вышел к Вислице, где и соединился с отрядом Байдара. Сам Байдар предпринял глубокий рейд до окрестностей Кельц, разрушив по дороге Опатов. Прикрывая путь на Краков, польские краковские войска воеводы Владимежа и сандомирские – воеводы Пакослава пытались остановить врага, но были разбиты под Хмельником 18 марта. Воевода Владимеж пал в битве. Краковский и сандомирский князь Болеслав Стыдливый с матерью, русской княгиней Гремиславой Ингваровной и женой, дочерью Белы IV Венгерского, покинув малопольскую столицу, бежал в Венгрию. Но горожане мужественно оборонялись. Краков пал 22 марта после кровопролитной битвы, судя по тому, что горстка храбрецов удержала собор святого Андрея. Этот собор, стоящий неподалеку от Вавеля, сохранился поныне. Как и повсюду, монголы разоряли землю и угоняли в плен жителей. В краткой редакции краковской хроники читаем: «Татары вступили в Краков, подожгли храм и увели бесчисленное множество жителей».

Соединенные силы Байдара и Кайду в начале апреля быстрым рейдом через Рацебуж и Ополе, где их безуспешно пытались остановить войска князя Владислава I Пльвача Опольского, и прорвались к столице Силезского герцогства Вроцлаву. Разорение Малой Польши вызвало тревогу в других землях страны. Жителей Силезии призвал к обороне князь Генрих II Благочестивый; во Вроцлав стекались со всех сторон польские рыцари и ополченцы – лучники, крестьяне, холопы. Воины из Малой Польши и южной части Великой Польши объединились под воеводством Сулислава, брата краковского воеводы; во главе верхнесилезского воинства стал князь опольский Мешко II Толстый; сам Генрих вел нижнесилезское войска. Один из отрядов соединенного войска составляли иностранные рыцари, предводимые, должно быть, Болеславом Щепелкой, сыном моравского маркграфа Дипольда. В него входили французские тамплиеры. Об этом узнаем из письма их великого магистра Понсе д'Обона французскому королю Людовику IX; они потеряли в битве под Легницей более 500 человек, в том числе 6 рыцарей. В этом же отряде находились горняки из Злотой Гожи. Не исключено и участие в отряде небольшого числа немецких рыцарей, которые в 1222 году получили от силезского князя Генриха I Бородатого незначительное селение Лососино (Lassusici) в Бендлевице и, возможно, несли в нем какую-то службу. Князь Генрих обратился за помощью и в Чехию. Чешский король Вацлав I (1228–1253) обещал привести войска.

Князь Генрих Благочестивый не стал оборонять Вроцлав, но горожане, укрывшись в крепости, отбили монгольский приступ. Уничтожив пригороды, монголы оставили город в своем тылу. Возможно, Генрих, зная о печальной участи разоренных монголами сильных городов на Руси и в Польше, решил попытать счастья в полевом сражении. 9 апреля 1241 года войска Генриха, шедшее на соединение с чехами, приняло бой с противником под Легницей. Несмотря на отвагу, оно потерпело сокрушительное поражение. Погибло около 40 тысяч воинов; в сражении пал и князь Генрих.

В час роковой битвы чешское войска находилось на расстоянии однодневного перехода от легницкого Добра Поля. В самой Чехии деятельно готовились к обороне: укрепляли города, собирали запасы продовольствия. Однако монголы далее на запад не пошли. Отрезав правые уши убитым для подсчета и насадив на шест голову князя Генриха, монголы подступили к Легнице. Но горожане не пали духом, узнав об исходе битвы, и отразили вражеский приступ. Тогда монголы

отошли к Одмухову. Пробыв в Нижней Силезии две недели, разоряя окрестности (один из отрядов доходил до Мейсена) они отправились под Рацибуж, но и тут их ожидала неудача. Город устоял. По распоряжению Бату, который с главными силами находился в Венгрии и считал нужным отрезать чешские войска, бывшие к северу от Дуная, рать Байдара и Кайду отошла 16 апреля от Рацибужа и направилась, как свидетельствует Кельнская хроника, в Моравию.

Еще в январе, когда как будто появились первые монгольские разъезды у границ Венгрии, король Бела IV приказал палатину Дионисию поставить заставы в Карпатах. Жестокие битвы разгорелись в проходах Карпат, где венгерские дружины и отряды русинов пытались преградить дорогу завоевателям, не допустить их выхода на равнины Венгрии. 10 марта, будучи в Пеште, король получил известие о прорыве монголов через «Русские ворота» – Верецкий перевал – в Венгрию. Судя по перечню военачальников, шедших в Венгрию, монгольские силы насчитывали десятки тысяч воинов. У Плато Карпини упоминаются Бату, Кадан, Бури, Шибан, Бучек, Орду и притом замечено, что «все они были в Венгрии».

Кочевники хлынули в страну. Их летучие отряды жгли селения, убивали жителей. Войско Кадана прошло из Галичины, через перевал Радну к югу; двигаясь через Трансильванию, оно должно было отрезать Венгрию от Болгарии. Кадан «вместе с другими вождями, переправившись через реку, именуемую Серет, вторглись в землю половецкого епископа и, победив людей, которые собрались на битву (речь идет о жителях Молдавии), приступили к ее полному завоеванию». В борьбе молдавского народа с нашествием погибло и недолговечное половецкое епископство. Монголы Кадана прошли с боями через Радну (31 марта), Бестерце (2 апреля), Надъварад, заняли Колочвар и двинулись на Варадин.

Король Бела IV энергично собирал в Пешт силы из разных городов – Секешфехервара, Эстергома и др.; сюда же привел хорватское войско герцог Кальман. Монгольские рати, встретив сопротивление горожан, разорили Ерлау и Кевешд. В начале апреля 60-тысячное войско Бела IV выступило из Пешта. Передовые монгольские отряды отошли. Королевские полки у реки Шайо встретились с неприятелем и стали лагерем, обнесенным кольцом сцепленных телег. Русский перебежчик из монгольского лагеря известил венгров о времени монгольского нападения. Венгерские воины, предводимые хорватским герцогом Кальманом и колочским архиепископом Уголином, отразили первый натиск и упорно сопротивлялись в двухчасовом сражении к северу от лагеря.

Однако нестойкость знати, враждебной королю, стала одной из важнейших причин поражения венгров в происшедшей 11 апреля 1241 года (через два дня после Легницы!) битве при Шайо. Но все же часть венгерских сил сумела вырваться из окружения, двухдневный путь их отступления к Пешту был, по словам хрониста Рогериуса, устлан телами убитых; погибли и видные князья церкви – архиепископы – эстергомский Матиас, колочский Уголин, епископ трансильванский Рейнольд, Яков – епископ Нитры и др.

В Венгрии происходило то же, что и в других странах: простой народ защищал свои города даже вопреки распоряжениям правителей. Тяжелораненый Кальман, отступавший с остатками войска через Пешт, советовал горожанам не сопротивляться. Однако население решило обороняться. Строительство укреплений не было завершено, когда враг осадил Пешт, но жители три дня защищали его. Пешт пал после штурма и подвергся страшному опустошению. О нем с ужасом сообщает хронист, приводя свидетельства очевидцев грабежей и массовых убийств горожан.

После упорных боев войскам Кадана удалось захватить Варадин, Арад, Перег, Егрес, Темешвар, Дьюлафехервар. О борьбе венгерского народа сохранились многие местные предания и легенды. Одна из таких легенд связана с обороной Варадина, который был тогда разрушен. По преданию, под этим городом якобы погиб сам Батый. Это предание около середины XV века стало известно русским книжникам и отразилось в распространенной на Руси «Повести об убиении Батыя».

Завоевание монгольскими полчищами Руси, вторжение их в Польшу, Венгрию и другие земли вызвало ужас и панику в Европе. Баварский историк записал, что венгерское королевство, существовавшее 350 лет, ныне уничтожено. В Кельнской хронике монастыря св. Панталеона о татарах читаем: «Значительный страх перед этим варварским народом охватил отдаленные страны, не только Францию, но и Бургундию и Испанию, которым имя татар было дотоле неизвестно». В средневековой истории Французского королевства сказано, что страх, вызванный монголами, повлек за собой застой торговли. Английский хронист Матвей Парижский (писавший до 1259 года) сообщает, что на время прервалась торговля Англии с континентом, в частности торговля Ярмута сельдью с фризскими и готландскими купцами, а в Германии даже распространилась молитва: «Господи, избави нас от ярости татар».

Некоторые зарубежные (особенно католические) историки пытаются утверждать, что западноевропейские правители, включая папу, в трогательном единодушии прилагали немалые усилия, чтобы помочь государствам, попавшим под удар монгольских захватчиков. Факты, однако, говорят о другом.

Венгерский король неоднократно обращался с призывами о помощи к западноевропейским государям и к папской курии. Обращения Бэлы породили переписку между государственными деятелями, анализ которой обнаруживает ее полную бесполезность. В письмах и к Бэле IV, и к английскому королю Генриху III император Фридрих II толковал о необходимости отпора татарам, упоминал и о разорении Киева: «Тогда во время внезапных набегов и нападений этого варварского народа, который обрушился, словно гнев Божий и молния, был завоеван и взят самый значительный из городов этого княжества Киев; все это преславное княжество целиком по истреблении его жителей пришло в запустение, будучи разорено». Но больше всего император поносил папу Григория IX за то, что тот взывает к крестовому походу не против свирепствующих татар, а против него, Фридриха, защитника церкви. В свою очередь папа Григорий IX, довольно давно располагавший информацией о монголах, полученной из Грузии, смог предложить венгерскому королю лишь слова утешения и свое благословение, во всяком случае, до заключения победоносного мира с Фридрихом II, «именующим себя императором». Впрочем, собственные папские вооруженные силы были ничтожны. Правда, и при императорском дворе, и в папской канцелярии призывали к походу на татар, говорили о нем и в Вормсе, и в Майнце, и в Мерзебурге, предполагали собрать войска в Нюрнберге, но дальше разговоров дело не пошло, особенно когда выяснилось, что непосредственная угроза Германии миновала, и в июне 1241 года войска Фридриха II начали поход на Рим.

Ближайшие соседи Венгрии – Венеция и Австрия – тоже не помогли ей. Более того, венецианский хронист Андрей Дандоло писал: «Лишь из внимания к христианской вере венецианцы не причинили тогда королю вреда, хотя многое могли против него предпринять». Другого соседа – австрийского герцога Фридриха II Бабенберга соображения веры не смутили. Сперва он выманил у Бэлы IV, пытавшегося укрыться с семьей при его дворе, около 10 тыс. марок, а потом, в разгар монгольского нашествия, его войско в залог этой суммы захватило венгерские комитаты Шапрон, Мошон и Лочмонд, но было изгнано местным населением. Сама Австрия от нашествия не пострадала, если не считать вторжения какого-то летучего отряда, в стычке с которым было убито не более 100 человек, притом, как писал герцог Фридрих, – из лиц «низшего состояния».

В апреле 1241 года монгольские рати подвергли разорению Словакию, бывшую под властью Венгрии; пали горные города Банска Штявница, Пуканец, Крупина. Монголы пришли в Западную Словакию из Польши и Моравии через Грозенковский и Яблоновский перевалы. Они грабили Словакию до декабря 1241 года, когда перешли Дунай при Коморне и соединились с войсками Бату. В отдельных местностях Словакии они пробыли около года и управляли с помощью своих «бавилов», имевших административно-судебную власть. Словацкие жупы Земплин, Абов, Турна, Гемер вплоть до Зволненского леса разорялись монголами, был опустошен и Ясовский монастырь. Но горожане и окрестные крестьяне сумели отстоять Братиславу, Комарно, Тренчин, Нитру, Бецков.

Продолжались сражения и в Восточной Чехии, куда враг отошел из Польши. Орда взяла и разрушила Опаву, Бенешев, Пржеров, Литовел, Иевички и другие города. Были сожжены и разрушены древние монастыри в Градище, Райграде и других местах. Район Ганы был опустошен полностью. Народ бросал имущество и бежал в горы и леса. Факт разорения Моравии на глубину четырехдневного перехода засвидетельствован хронистами. При Оломоуце, обложенном ордой, произошло кровавое столкновение: здесь предводитель чешского войска воевода Ярослав нанес монголам чувствительное поражение⁵. Неся большие потери, Бату отказался от продвижения на Запад в этом районе и от столкновения с 40-тысячным войском чешского короля Вацлава, который принимал энергичные меры к укреплению своей страны.

Оттянутые из Чехии в Венгрию монгольские рати зимой 1241–1242 года Бату перевел через Дунай. Вскоре они осадили Эстергом – столицу государства. Город был хорошо укреплен стенами и башнями, в нем стоял сильный гарнизон, и укрылось много окрестных жителей. Монгольские воеводы согноли пленных засыпать ров песком и из 30 осадных машин днем и ночью метали камни, разрушая оборонительные сооружения. Горожане сопротивлялись до конца, а когда падение города стало неизбежным, решили ничего не сдавать врагу: сожгли товары, зарыли драгоценности, перебили лошадей. После уличных боев и гибели отрядов, оборонявшихся в храмах, город пал, а его защитники были перебиты. Устояла лишь внутренняя крепость, где засело много балистариев во главе с испанцем Симеоном. Монгольским войскам не удалось захватить Секешфехервар, монастырь св. Мартина Паннонского (Паннонхалма), обороной которого ведал аббат Урош, и некото-

рые другие крепости. Если Бату предполагал превратить венгерскую равнину, подобно Муганской степи, в кормовую базу своей конницы для расширения операций в Европе, то из этого ничего не получилось: под ударами со всех сторон слабело монгольское войско. Венгерский народ непреклонно боролся за независимость. Скрываясь в лесах и пещерах, крестьяне вели партизанскую войну. Сохранилось известие о крестьянском отряде в Чернхазе, который возглавляла девушка по прозвищу Ланка Прекрасная. Когда ее отряд был перебит, она, чтобы не попасть в руки врагов, бросилась на острие меча. Не имея оружия, крестьяне преграждали путь кочевникам, втыкая в землю косы вверх острием.

Сея смуты и ужас, монгольская рать продвигалась на юго-запад в стремлении настичь Белу IV и вышла на Адриатику; тот из Австрии через Сегешт – Загреб – Трогир достиг прибрежных островов, штурмовать которые Кадан не решился. Однако монголам удалось захватить города Трогир, Загреб, Свач, Дривасто (близ города Скадар), сжечь Катарро. Известно, однако, что горожане Клисса отбили натиск войск Кадана, сбрасывая на них каменные глыбы. Враг не рискнул напасть на хорошо укрепленный Сплит, неприступной для него оказалась Трава (март 1242 года), устояла перед ним и Рагуза (Дубровник). В принципе, цель, поставленная Чингизханом, была достигнута – монгольские кони дошли до «последнего моря».

Получив весной 1242 года известие о смерти великого хана Угэдэя (11 ноября 1241 года) Бату начал отводить свою рать через Боснию, Сербию, Болгарию, Русь – за Волгу. Отступление также сопровождалось грабежами и разрушениями. Был дотла разорен и сожжен Белград. На Руси отступление монголов оставило лишь одно известие о появлении посланных Бату отрядов Маномана и Балая, которые в поисках галицко-волинского князя Даниила проникли до Володавы на Буге, севернее Угровска. Монголы угнали множество пленных из разоренных стран Европы. В ставке великого хана Плано Карпини видел «многих русских и венгров». И французский посол Рубрук свидетельствует, что в Каракоруме было «большое число [пленных] христиан: венгров, аланов, русских, грузин и армян», там же он встретил простую женщину родом из Меца (Лотарингия), захваченную в плен в Венгрии. В Каракоруме она вышла замуж за молодого русского плотника. «Эта женщина рассказала нам, – пишет Рубрук, – про неслыханные лишения», которые вынесла раньше, чем попала в далекий Каракорум. Здесь же наряду с русским золотых дел мастером Козьмой находился французский мастер-ювелир Буше и другие, попавшие в плен в Белграде; на железные рудники Джунгарии были сосланы взятые в плен немцы.

В западноевропейских странах неожиданное отступление завоевателей считали чудом, объясняли вмешательством небесных сил, «божьем заступничеством». Но если чудо и было, то это было вполне земное чудо. Завоевание Центральной и Западной Европы было сорвано героической борьбой русского народа и других народов Восточной Европы, которые обескровили монголо-татарских завоевателей, ослабили их наступательный порыв. Западную Европу спасли не тевтонские рыцари, воинственно бряцавшие мечами, не римские папы с их бесплодными призывами к крестовому походу против монголов, не «божие заступничество», а крестьяне и горожане земли Русской; принявшие на себя самый первый, самый страшный удар завоевателей. Это хорошо понимали передовые представители общественной мысли. Народы нашей страны, народы Восточной и Центральной Европы, отстаивая в суровую пору нашествия свои очаги, спасли Вену и Париж, Лондон и Рим, города и культуру многих стран от разорения. В этом их великая заслуга перед историей человечества.

Великий русский поэт А. С. Пушкин писал, что русские «необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились в степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией».⁶

Примечания:

¹ На самом деле все подлинное – Владимир Леонидович Махнач, историк, выпускник МГУ, «православный интеллигент», «патриот», ученик Гумилева, то есть евразиец, и все его «не было» постулируются не ради абстрактной истины, а «ради дружбы славянских, тюркских и монгольских народов России»; а тех, кого монгольские сабли секли в 1237–41 гг., евразийцам, как известно, ничуть не жалко, потому что это были не мы, русские, а дряхлый, ни на что не годный, отживший свое этнос, практически персистент, – прим. В. П. Костюкова. Владимир Леонидович Махнач (02.04.1948, Москва – 05.05.2009, там же).

² Так по Л. Н. Гумилеву еще круче: не ради завоевания и покорения монголы пришли на Русь, а только для того лишь, чтобы обойти половцев с севера!!! А городов было пожжено да разо-

рено, по Гумилеву, еще меньше, чем пишет Махнач. — прим. В. П. Костюкова.

³ Кстати, одним из крупнейших и «неизвестных» сражений XIII века. — прим. В. П. Костюкова.

⁴ Кайду не мог участвовать в этом походе в качестве одного из главных военачальников, поскольку родился в 1233 году. — прим. В. П. Костюкова.

⁵ Первое упоминание об этой «битве» содержится только в Краледворской рукописи — сборнике «древнечешских» эпических и лирических песен, который, как доказано в конце XIX — начале XX века, представляет собой подделку, изготовленную филологом, поэтом и одним из основателей Национального музея Вацлавом Ганкой в 1817 году. Несмотря на это, битва фигурирует во многих сочинениях историков XX в., уже после того, как рукопись была разоблачена. — прим. В. П. Костюкова.

⁶ Хорошая, честная работа, достойна быть опубликована. В. Костюков. — прим. В. П. Костюкова.

Источники и литература, использованные при написании статьи

1. Алексеев Л. В. Некоторые вопросы заселенности и развитие западнорусских земель в IX–XIII вв. // Древняя Русь и славяне. С. 23–30. Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966.
2. Алексеев Л. В. Полоцкая земля // Древнерусские княжества, С. 202–239.
3. Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. // Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.
4. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII века о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. М.–Л., 1940. Т. 3. С. 71–112.
5. Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.–Л., 1965.
6. Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
7. Воинские повести Древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.–Л., 1949.
8. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961–1962, Т. 1–2.
9. Восточная Европа в древности и средневековье / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1978.
10. Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
11. Горский А. Д. К вопросу об обороне Москвы в 1238 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. С. 176–184.
12. Грушевский М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до XIV столетия. Киев, 1890.
13. Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.
14. Густынская летопись // ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2.
15. Древнерусские княжества X–XIII вв. / Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1975. Древняя Русь и славяне. М., 1978.
16. Ермолинская летопись.— ПСРЛ. СПб., 1910, т. 23.
17. Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества. С. 57–117.
18. Иловайский Д. История Рязанского княжества. М., 1858.
19. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2; переизд.: М., 1962. Т. 2.
20. Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.
21. Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965.
22. Кучера М. П. Переяславское княжество // Древнерусские княжества. С. 118–143.
23. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1; переизд.: М., 1962. Т. 1.
24. Ледерер Ф. Венгерско-русские отношения и татаро-монгольское нашествие // Международные связи России. С. 181–202.
25. Летописец Никифора вскоре // Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности, с. 234–243.
26. Львовская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. Ч. I.
27. Ляскоронский В. Г. История Переяславской земли. Киев, 1897.
28. Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979.
29. Международные связи России до XIII в. / Под ред. А. А. Зимина, В. Т. Пашуто. М., 1961.
30. Монгайт А. Л. Рязанская земля. Источники истории Рязанской земли и историография.

- М., 1961.
31. Монгайт А. Л. Старая Рязань. М., 1955 (Материалы и исследования по археологии СССР, Т. 49).
 32. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ, М.–Л., 1949. Т. 25.
 33. Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.–Л., 1940.
 34. Насонов А. Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
 35. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. I.
 36. Новое о прошлом нашей страны. Памяти М. Н. Тихомирова. М., 1967.
 37. Очерки истории СССР периода феодализма IX–XV вв. М., 1953. Ч. I.
 38. Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1862; переизд.: М., 1965. Т. 10.
 39. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
 40. Пашуто В. Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. С. 210–227.
 41. Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
 42. Плетнева С. А. Половецкая земля // Древнерусские княжества. С. 260–300.
 43. Польша и Русь. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1974.
 44. Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.
 45. Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М.–Л., 1941; М., 1955, Т. 1–2.
 46. Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.
 47. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. / Пер. О. И. Смирнова. М.–Л., 1952, Т. I.
 48. Русские повести XV–XVI веков. / Под ред. Б. А. Ларина. М.–Л., 1958.
 49. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
 50. Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси. М., 1959. Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. Симеоновская летопись // ПСРЛ, СПб., 1913, Т. 18. Смирнов А. П. Волжские болгары. М., 1951.
 51. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959–1966. Кн. 1–4 (1–15).
 52. Софийская первая летопись // ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5.
 53. Суздальская летопись по Академическому списку // ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1, Вып. 3; переизд.: М., 1962. Т. 1.
 54. Татаро-монголы в Азии и Европе / Под ред. С. Л. Тихвинского. 2-е изд. М., 1977.
 55. Татищев В. Н. История Российская. М.–Л., 1962–1968. Т. 1–7.
 56. Тверской сборник // ПСРЛ, СПб., 1863. Т. 15; переизд.: М., 1965. Т. 15.
 57. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884.
 58. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.
 59. Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // Археологический ежегодник за 1960 год. М., 1962.
 60. Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков. Киев, 1980.
 61. Толочко П. П. Киевская земля // Древнерусские княжества. С. 5–56. Троицкая летопись / Реконструкция текста и ред. М. Д. Приселкова. М., 1950.
 62. Устюжский летописный свод / Под ред. К. Н. Сербиной. М.–Л., 1950.
 63. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. М., 1966.
 64. Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
 65. Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. С. 186–209.
 66. Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978.

**ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ПЕТРОВИЧА КОСТЮКОВА –
КОЛЛЕГИ И ДРУГА**

15 декабря 2009 года российское джучидоведение понесло большую утрату: безвременно ушел из жизни Владимир Петрович Костюков, большой ученый, талантливый археолог и историк Золотой Орды. Незадолго до смерти ему исполнилось только 60 лет.

Мое знакомство с Владимиром Петровичем состоялось в июле 2006 года, в процессе работы над «Большим атласом истории и культуры Казахстана». Завязалась переписка по поводу материалов для Атласа, но и после окончания работы над ним отношения не заглохли, а напротив – активизировались, поскольку у нас выявилось множество точек соприкосновения в области золотоордынской истории. Лично мы познакомились на конференции по истории Золотой Орды в Казани в марте 2009 года. В октябре того же года я оказался в Челябинске и побывал в гостях у Владимира Петровича. А 15 декабря узнал, что Владимира Петровича не стало... Однако даже сравнительно короткое знакомство позволило мне понять и оценить, с каким замечательным человеком и ученым мне посчастливилось общаться.

Прежде всего, следует сказать о нем как о человеке – очень приятном и легком в общении, быстро находившем общий язык с окружающими и навсегда сохранявшем теплые отношения с людьми, с которыми он когда-то познакомился и обнаружил общие интересы. Владимир Петрович был человеком очень общительным, вел обширную переписку с российскими и зарубежными учеными, участвовал в научных конференциях, очень органично вписывался в любые формальные и неформальные мероприятия, всегда умея поддержать разговор, уместно пошутить, привести пример из жизни или же серьезно высказать свое мнение или замечание «в тему».

В. П. Костюков был, прежде всего, археологом и в качестве такового трудился в научно-исследовательском секторе Челябинского государственного педагогического университета в должности научного сотрудника, постоянно ездил в экспедиции. К сожалению, не будучи специалистом, я не могу объективно оценить достижения Владимира Петровича в этой сфере, которая была для него основной. Однако, судя по отзывам его коллег-археологов, он пользовался их большим уважением, и его исследования всегда привлекали внимание специалистов, на них ссылались, они вызвали интерес и обсуждения. И, несомненно, для археологов уход Владимира Петровича из жизни стал не меньшей утратой, чем для историков Золотой Орды. Кстати, сам Владимир Петрович рассказывал, что историей и археологией Золотой Орды он занялся совершенно случайно: прежде он занимался эпохой бронзы, а золотоордынскую археологию начал осваивать прямо на раскопках – параллельно изучая теорию. Это было вполне в духе Владимира Петровича: браться за новую сферу и стремиться освоить ее по максимуму. Именно поэтому он не стал замыкаться на чисто археологических аспектах исследуемой им проблематики и взялся за более широкое изучение истории Золотой Орды. В чем также добился значительных результатов и занял видное место среди современных джучидоведов.

Вот об этих-то его трудах и хотелось бы поговорить немного подробнее – об изысканиях по истории Монгольской империи, Золотой Орды и в особенности Улуса Шибана, изучение которого стало главным направлением исследований В. П. Костюкова в последние годы. На мой взгляд, именно в этих работах наиболее ярко и широко проявились его широкая эрудиция, таланты исследователя, неповторимый авторский стиль и смелость экспериментатора. Последнее было особенно необходимо, ведь Владимир Петрович смело брался за нетривиальные, малоизученные темы. Так, например, в статье «О Сартаке, или Где решалась судьба Ирана» он практически впервые рассмотрел личность и деятельность Сартака, сына и преемника Бату на троне Золотой Орды, его роль в политике Монгольской империи середины XIII века. В работе «Иранский поход Хулагу: предыстория» проанализированы причины и обстоятельства организации монгольского похода против Багдадского халифата. Большой интерес и внимание специалистов привлекли объемные статьи «Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством?» и «Буддизм в культуре Золотой Орды», опубликованные в «Тюркологическом сборнике»: в них В. П. Костюков использовал данные собственных археологических изысканий для доказательства более общих исторических концепций. И его оппонентам всегда было очень трудно спорить с его аргументацией, подкрепленной, к тому же, данными исследований в сфере материальной культуры. Важной и, можно сказать, программной статьей Владимира Петровича стала работа «Улус Джучи и Синдром федерализма», в

рамках которой он фактически начал разработку концепции золотоордынского «федерализма», усомнившись в безусловном подчинении восточного крыла (Синей / Белой Орды) сарайским ханам и высказав предположение о его относительной самостоятельности и значительной роли в политике Монгольской империи вплоть до рубежа XIII–XIV века.

Ну и, конечно же, особенным вниманием Владимира Петровича пользовалась история Улуса Шибана, которой он занялся с середины 1990-х годов. Именно по этой тематике он защитил свою кандидатскую диссертацию «Памятники кочевников XIII–XIV века Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе Улуса Шибана)» в 1997 году (отрадно, что эту работу готовят к изданию в Казани) и постоянно к ней возвращался после своих изысканий по чисто археологической сфере или по общим проблемам истории чингизидских государств. Его интересовали самые разные аспекты истории улуса Шибанидов XIII–XIV века: этнические и культурные отношения, материальная культура, отдельную статью под названием «Железные псы Батуидов» он посвятил потомкам Шибана, сделавшим военную карьеру в Золотой Орде. В. П. Костюков со временем стал самым авторитетным специалистом по истории улуса Шибанидов, не случайно именно к нему обратились создатели «Большого атласа истории и культуры Казахстана» с предложением написать для атласа статью «Улус Шибана» – тот самый материал, в процессе подготовки которого мы с Владимиром Петровичем и познакомились.

Конечно, далеко не все построения и трактовки Владимира Петровича вызывали безоговорочное согласие коллег, по многим вопросам с ним дискутировали другие исследователи (не скрою, что мне также случалось не раз вступать с ним в спор по ряду моментов). Однако никто не спорил с тем, что все утверждения Костюкова всегда были аргументированы и подкреплены ссылками на соответствующие источники. Меня всегда восхищала его удивительная способность видеть в источниках (включая и те, которые являются общедоступными и широко используются в исследованиях) такие детали, такие мелочи, которые другие тоже видели, но почему-то не заостряли на них свое внимание. И когда он указывал на какой-то факт, мне лично всегда становилось немного стыдно, что я сам не заметил такой очевидной информации. Работоспособность Владимир Петровича была потрясающей: в последние годы он писал по 1–2 статьи или доклада для конференций в месяц, причем большинство его работ были довольно объемными (редко менее 20 печатных страниц), тщательно вычитаны и снабжены богатым ссылочным и библиографическим аппаратом. Иногда их содержание пересекалось, но это лишь облегчало работу с трудами Владимира Петровича, которые охватывали столько направлений и аспектов золотоордынской истории. Чтобы сделать свои работы еще более безупречными, В. П. Костюков имел обыкновение направлять черновые варианты своих статей ряду коллег для предварительного ознакомления и с благодарностью принимал их соображения и критику и никогда не забывал поблагодарить за помощь – лично или в своих публикациях.

Кроме того, нельзя не отметить, что Владимир Петрович, проживая в Челябинске, вовсе не был, так сказать, «региональным», «местечковым» исследователем. Есть такие – они мусолят одну и ту же тему, опираясь лишь на те источники и исследования, которые имеются в местных библиотеках, а в ответ на упреки в том, что не используют необходимую литературу по своей тематике, приводят «непробиваемый» аргумент: в их библиотеке таких работ нет. Владимир Петрович имел замечательную собственную библиотеку, старался приобретать книги и статьи по всему миру (в т. ч. и через Интернет-магазины), активно обменивался с коллегами электронными версиями и в своих работах скрупулезно учитывал самые новейшие исследования, вышедшие по тематике, которой он занимался. Кроме того, он активно участвовал и в научных мероприятиях – подготовке тематических сборников, научных конференциях, круглых столах и пр. Его выступления и работы всегда привлекали внимание, вызывали множество вопросов и оживленные дискуссии.

Тонкий и деликатный, сдержанный, по-настоящему интеллигентный человек, Владимир Петрович в своих работах, тем не менее, мог быть достаточно резким, доказывая свою точку зрения и критикуя работы своих оппонентов в целом или же те отдельные утверждения даже коллег-единомышленников, с которыми не соглашался. Порой возникало ощущение, что Владимир Петрович специально выискивал в работах коллег спорные моменты, которые зачастую служили отправной точкой для его собственных исследований. Однако ни одно его критическое замечание не производило впечатления чистого критиканства: все его контрдоводы всегда были обоснованы и логичны – пусть и не всегда с ними можно было полностью соглашаться. В споре Костюков мог быть ироничным, порой даже язвительным, зачастую мог развить тезисы оппонента, доведя их до полного абсурда и апеллируя к здравому смыслу – даже если шел вразрез с

текстом источников, которые Владимир Петрович всегда рекомендовал не принимать буквально и с абсолютным доверием, а учитывать цели и задачи их создания (что он и сам делал в своих работах). Однако в процессе дискуссии Костюков всегда умел вовремя увидеть, когда спор заходит в тупик, переходит в стадию «переливания из пустого в порожнее», и начинается повторение уже ранее приведенных доводов. И в таком случае чаще всего сам первым предлагал такую дискуссию прекратить.

К проявлениям же непрофессионализма Владимир Петрович всегда был весьма суров. При этом для него не служили извинением ни молодость и неопытность таких исследователей, ни его собственные дружеские отношения с ними. Он всегда жестко, без скидок на молодость и неопытность, критиковал молодых ученых, обращавшихся к нему за консультациями или рецензиями на свои работы. И тот факт, что они даже после довольно жестких ответов Владимира Петровича вновь обращались к нему, свидетельствует о справедливости и объективности его критических суждений. Не менее резко он реагировал и на работы более зрелых специалистов, если видел в них методологические или фактические ошибки, попытки «подогнать факты». Так, он (хотя и после долгих колебаний) опубликовал рецензию «В защиту доброкачественности» (О монографии Д. Н. Маслюженко *Этнополитическая история лесостепного Приоболжья в средние века*. – Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2008. – 168 с.), в которой очень сурово отозвался об упомянутой монографии, несмотря на то, что поддерживал вполне благожелательные отношения с ее автором и в свое время даже был его оппонентом на защите диссертации.

Как человек, уверенный в своих знаниях, Владимир Петрович часто не мог найти себе соавтора для своих трудов (мне лично известна только одна его работа, написанная в соавторстве). Он так прямо и говорил: «Моему соавтору нужно быть заранее готовым к тому, что наша совместная статья – это моя статья». Тем не менее, меня это не пугало, и полностью доверяя его компетентности, лично я готов был пойти на такой формат сотрудничества, и мы с ним даже начали обсуждение совместной работы по истории отношений Монгольской империи и Золотой Орды. К сожалению, не сложилось...

Владимир Петрович заканчивал работу над своей монографией по истории Улуса Шибана. Судя по отдельным публикациям в рамках ее тематики, эта работа должна была стать настоящим прорывом в области истории политико-административного устройства Золотой Орды. Он также готовился приступить к написанию своей докторской диссертации, а после защиты планировал съездить с семьей в Петербург. Таким образом, программа была составлена на несколько лет вперед. И, зная характер и компетентность Владимира Петровича, можно было не сомневаться, что все планы будут реализованы в срок и на высшем уровне. И вот совершенно внезапно, неожиданно он вдруг ушел из жизни. Науке его, безусловно, будет очень и очень не хватать. Особенно – истории Золотой Орды, которой на должном уровне и так занимались единицы. Владимир Петрович Костюков был одним из самых ярких и нестандартных представителей джучидоведения и, несомненно, таким останется в нашей памяти.

Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 3. — Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2010. С. 247-250.

Д. В. Марыксин

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ПЕТРОВИЧА КОСТЮКОВА (1949–2009)

15 декабря 2009 года скончался постоянный автор нашего журнала, замечательный ученый и человек Владимир Петрович Костюков.

Он был известен в научных кругах как археолог и исследователь позднего средневековья, Золотой Орды и улуса Шибана.

Владимир Петрович родился 12 декабря 1949 года. С 1985 года вел активную работу по выявлению новых памятников археологии, исследовал целую серию погребальных и ритуальных объектов средневековых кочевников в южных районах Южного Зауралья в количестве более 100 объектов. Среди наиболее значительных и получивших наибольшую известность в науке – «Каменный Амбар» и «Система».

С 1992 года являлся руководителем временного творческого коллектива «Археология».

Я познакомился с Владимиром Петровичем в 2003 году. Первое время наши отношения раз-

вивались благодаря Интернету, без которого, как написал он в одном из своих писем, невозможна жизнь современного исследователя.

Впервые я с ним встретился на II-й конференции «Этнические взаимодействия на Южном Урале», после этого было ещё несколько встреч. Владимир Петрович привлек моё внимание своим отношением к археологии.

Он давно перерос статус регионального учёного, а многие его работы носят фундаментальный характер. Некоторые свои работы он публиковал на страницах данного издания. Это очень важно было не только для нас, так как в журнале появился постоянный автор, пишущий статьи, научный стиль которых так редок для современных исследователей. Он считал данный журнал своеобразной отправной точкой своих публикаций. Именно на его страницах впервые появились статьи, которые в последующем были дополнены, переработаны и изданы на страницах известных изданий, например, Тюркологического сборника (Костюков, 2006; 2009). Он доставлял определённые неудобства мне как ответственному редактору. Иногда бывало, что он находил какие-то недочёты в своих статьях и просил их срочно исправить, а журнал уже был набран и был готов к сдаче в типографский цех. Приходилось ради него вносить эти исправления, потому что он считал, что пострадает его имя, которым он дорожил. Его имя исследователя действительно дорогого стоит.

В последнее время мы много разговаривали о могильнике Мокринский I, раскопки которого я веду последние два года. Владимир Петрович обосновывал буддистское происхождение погребённых (Костюков, 2009, С. 217). Мы оба сходились во мнении, что могильник уникален. Он слишком отличается от основного массива золотоордынских некрополей. В нём погребена какая-то элитная группа населения Золотой Орды купеческого или чиновничьего происхождения. Мы о нём говорили и 12 декабря, когда я позвонил поздравить его с юбилеем. Он сказал, что Мокринский I даёт много сведений, которые необходимо осмысливать, даёт пищу для размышлений.

Эта черта также привлекала меня во Владимире Петровиче. Ему было интересно исследование само по себе, а не ради написания статьи, монографии или защиты диссертации. Что тоже очень редкая черта современных исследователей. Я помню разговор о тюркских поминальных оградках, которые он считал золотоордынскими. Это мнение мало кто поддерживал, но оно было обоснованным. Его работы о буддизме, ранней исламизации Степи, кыпчаках в Золотой Орде и других спорных вопросах привлекали и будут привлекать большое количество исследователей. Потому что в них содержится обоснованный подход, отсутствие клише, привлечение огромного массива источников и литературы.

В исследовании Золотой Орды Владимир Петрович являлся для меня Учителем. Он волей или неволей учил многому: умению читать источники, серьезно относиться к любому напечатанному своему слову, стремлению не замыкаться в литературе, а искать всё новые и новые подтверждения или опровержения своей точки зрения. Он относился к очень редкой категории людей, которые воплощают в себе суть учёного. Итогом многолетних исследовательских трудов явились не только многочисленные статьи, опубликованные в отечественных и зарубежных изданиях, но и фактически подготовленная докторская диссертация, фундаментальная монография по истории улуса Шибана и пятый том готовящейся многотомной истории Южного Урала.

Его друзья и соратники в день похорон сказали: «Приоткрытая и дарованная нам неизвестная и легендарная история кочевой империи урало-казахстанских степей навечно будет связана с именем Владимира Петровича Костюкова»

Его будет не хватать всем нам!

Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 2. С. 289–290.

**«МНОГИЕ БУХАРЦЫ ПРИЕЗЖАЮТ СЮДА ПОЖИТЬ НА РАСПАШКУ...»
(СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ДИАСПОРА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ТРОИЦКЕ)**

Троицкой крепости с самого её основания, кроме военного было придано и торговое значение¹. Уже с 1750 года, когда был построен обширный Меновой двор, «торг и мена в Троицкой крепости утвердились очень прочно, преимущественно с Киргизами Средней Орды, Ташкентцами и Кашгарцами»². Как отмечал П. И. Рычков, на Меновом дворе имелось «кладовых анбаров и лавок... близ шестисот. По нынешнее время вся Оренбургская заграничная коммерция по большей части происходит с бухарцами, кашкарцами, с ташкентцами и хивинцами..., нередко и других дальнейших городов купцы и жители приезжают...»³. Надо сказать, что вначале правительство, боясь нарушить интересы Оренбурга, разрешало вести ярмарочную торговлю только с казахами Среднего Жуза, но постепенно в Троицке стали появляться купцы из восточной и центральной частей Средней Азии, а затем из Бухары и Хивы⁴. В периоды ограничений отмеченных торговых связей представителями среднеазиатских купцов выступали, как правило, местные татары. Согласно Н. Г. Аполловой, еще в 60-е годы XVIII века, бухарские купцы обходили запрет на торговлю в русских городах, посылая во главе караванов поверенных из числа татар, которые регистрировали товары на таможне как свои⁵. В XIX веке, по свидетельству П. Небольсина, бухарские купцы, не успевшие сбыть товары на ярмарке, часто оставляли «его партиями, на комиссию татарам в Троицк»⁶, что, конечно, влияло на прибыль. Караваны, приходящие в Троицк из «Бухарии» и «Кокалии» (Коканда), делились на «зимние» (прибывали весной и отправлялись обратно в конце июня) и «летние» (подходили обычно в конце лета, а покидали торг в сентябре или в исходе ноября). Как писал современник, «некоторая часть товаров, привозимых в зимних караванах, отправляется Азиатцами на Нижегородскую ярмарку; вывозимые же в летних, запаздывая... в пути, не успевают к сей ярмарке»⁷. В последнем случае эти товары застревали в Троицке до следующего года. Следует сказать также об опасностях, поджидавших караваны в пути, прежде всего, о разбойничьих нападениях. Они случались не только в безлюдной степи, но и буквально у стен города. Вот небольшой пример: в сентябре 1802 года «меньшой Киргиз-Кайсакской орды Ягулбайского рода около 300 человек разбойников, в 20-ти верстах не доезжая до Троицкой крепости, напали на следовавший из Бухарии в Россию купеческий караван, состоявший в 300 верблюдах...»⁸. К счастью, нарочный от каравана смог прорваться в город, и воинская команда, посланная Троицким комендантом генерал-майором Виндлером, отбила нападение грабителей. При этом были захвачены в плен «шесть человек киргизцов, которых бухарские купцы взяли к себе»⁹. Кстати, написавший о разбойном нападении жагалбайлинцев в Петербург «бухарский посланник Мурза Мугамед Юсуф Байкишев», проживал в Оренбурге, где совмещал свою дипломатическую функцию с успешной торговой деятельностью. Всё вышеуказанное, а также то, что ярмарка длилась фактически с мая по ноябрь, требовало постоянного присутствия в Троицке, если не самих среднеазиатских купцов, то, хотя бы, их представителей. Однако, даже в 1800 году в городе не был зафиксирован ни один житель Средней Азии; все бухарцы, кашгарцы и хивинцы, учтённые на тот момент в губернии, числились в Оренбурге и Сеитовой слободе¹⁰.

Согласно подсчётам Н. Г. Аполловой, в начале XIX века число бухарских купцов, приезжавших в Россию, неуклонно возрастало с каждым годом. Указом от 1807 года им было разрешено торговать на крупнейших ярмарках – Макарьевской, Ирбитской и Курской, а также посещать обе столицы для взыскания долгов и расчётов по крупным операциям. Пользуясь этим, многие бухарцы, продавая российским купцам товары «в кредит», и, сознательно затягивая взыскание долгов, годами жили в России, продолжая торговать или посылая свои товары с приказчиками в разные города¹¹. В Троицке же, в первом десятилетии XIX века на «Менамне» (Меновом дворе) ежегодно торговали по 200 и более бухарцев (не считая других азиатских купцов, а также отечественных иногородних коммерсантов). Неудивительно, что летом резко подсакивали цены на съёмные дома и квартиры по улице Набережной, самой близкой к Меновому двору¹². Последний делился на три части или «двора». Губернская газета писала в середине XIX века, что «лавок на Русском дворе 65, Азиатском 99, Киргизском 10 с платою за каждую от 15 до 25 р. сер. ... А загляните в какую нибудь из лавок: стены обвешаны халатами, коврами и загромождены рядами бязи, выбойки, перерываемых и пересматриваемых покупщиками – большей частью заводскими крестьянами и мелочными торговцами, вместе со словоохотливым маклером, на полу на разостланных коврах валяются тубейки, разная мелочь и, поджавши ноги, сидят два, три Бухарца или Ташкентца, с нахмуренными

бровями, и с известным чалмоносным презрением и важностью, поглаживая бородку, поглядывают на покупающих и продающих...». И далее: «Многие Бухарцы приезжают сюда, что называется пожить на распашку, пощеголять в шолковых халатах, не дозволенных им на месте, попить дурного бальзама и вечерком прогорланить дико песенку, окампанируя себе на чем то в роде русской балалайки, и, заложив руки с важностью посмотреть из окна на нарумяненные щечки прокатившейся купеческой дочки; есть ещё такие, которые поселились навсегда в Троицке, выстроив себе дома, и даже застраховавав их...»¹³. Последнее легко объяснимо – город постоянно страдал от огня; семью годами ранее в Троицке случился пожар, в котором из 600 обывательских и общественных домов сгорело 293, а также тюремный замок, уездное училище, питейная контора, гражданская дума, ратуша, суд, две каменные мечети и соборная церковь¹⁴. Стремление же приобрести собственное жильё было вызвано, как уже говорилось, крайней дороговизной съёмного.

Самое раннее (из обнаруженных) упоминание о «жительствующем» в Троицке «Бухарском Караванном Начальнике» относится к 1830 году, когда последний выступил перед губернскими властями с ходатайством о строительстве в городе новой большой каменной мечети. Пожалуй, с этого времени и начинается становление небольшой общины обосновавшихся в Троицке выходцев из Средней Азии, состоявшей, прежде всего, из негоциантов, которые стали вести круглогодичный торг. Дело в том, что кроме временной (сезонной) торговли, в Троицке существовала и постоянная, осуществлявшаяся круглый год на Азиатском гостином дворе. Двор этот, впоследствии превратившийся в торговые ряды, был деревянным, строился он в 1786–89 годах, причём в комплексе с каменной соборной мечетью и медресе. Всё это было рассчитано на привлечение к Троицкой ярмарке «киргизцев» и восточных купцов. О том, какое значение придавалось этому строительству, говорит тот факт, что шло оно под контролем генерал-губернатора Самарского и Уфимского наместничеств барона О. А. Игельстрома, регулярно отчитывавшегося перед императрицей о его ходе¹⁵.

В 1861 году, когда до начала присоединения Средней Азии Российской Империи оставалось ещё лет пять, в Троицке насчитывалось 328 «иностранцев» и все они были мужского пола¹⁶. Правда, в это число входили, видимо, не только постоянно проживающие в городе выходцы из Бухары, Коканда, Ташкента и Хивы, но и их соплеменники, прибывшие только на время «сотовки» (от «сату» – торг). В этом году в Троицк из-за границы въехало русских подданных 129, выехало 238, бухарцев приехало 137, выехало 60, ташкентцев приехало 82, выехало 65. Разница между въехавшими и выехавшими «иностранцами» составила 94 человека, среди которых преобладали бухарцы, если даже большинство из них проследовало транзитом вглубь России, какая-то часть всё равно оставалась в Троицке. Как писал современник: «Большую половину жителей Троицка составляют бухарцы, киргизы и татары...» (именно в такой последовательности – Р. Г.)¹⁷. О приоритете бухарского направления в товарообмене дореволюционного Троицка пишут, опираясь на «регистрационные журналы, описи досмотра и другие документы таможенных пунктов» и местные краеведы¹⁸.

Более подробные сведения имеются за 1866 год. Тогда среди горожан насчитывалось: бухарцев – 63 человека (53 мужского пола, 10 – женского), ташкентцев – 53 (52 мужского пола, 1 – женского) и 1 хивинец. Все эти 117 человек составляли чуть более 1,5% от общей численности горожан (7708 чел.) или 4,2% от числа троичких магометан (2808 чел.). Тем не менее, они занимали 5-е место в этнической структуре городского населения после «русских» («великороссов», «малороссов» и белорусов), татар (в т.ч. мещеряков, тептярей и нагайбаков), «киргизов» (казахов) и башкир, опережая евреев, поляков, немцев и мордву¹⁹.

Согласно же «Одnodневному исчислению исполненному в городе Троицке 12 сентября 1870 года» насчитывалось: бухарцев – 52 человека (44 мужского пола, 8 – женского), ташкентцев – 28 (27 мужского пола, 1 – женского) и 2 хивинца. Эти 82 человека составляли уже только 1% от общей численности горожан (8081 чел.)²⁰. В доступных источниках, к сожалению, отсутствуют данные об их этнолингвистической принадлежности. Вот, например, что писал о Троицке Д. Татаринев, учившийся здесь в конце XIX века: «Кроме киргиз, приезжавших большей частью за различными товарами, было немало других инородцев из Туркестана, который вёл большую торговлю с Троицком. Среди них были люди совсем другого типа – высокие, стройные, иногда очень красивые, в цветных дорогих халатах, красиво расшитых шапочках и чалмах»²¹. Согласитесь – из этого описания трудно понять, о ком идёт речь – о «тезиках», узбеках или сартах. Скорее всего, о последних, так как дореволюционные авторы прямо указывали: «По натуре своей сарты очень деятельны и энергичны. Они с утра до вечера способны хлопотать, поглощённые исключительно делом. В торговле они очень предприимчивы, мастера приспособиться к рынку и его требованиям, очень работоспособны в этом отношении. Коммерческий нюх и деловитость ввели сарта по торговым делам в такие отдалённые центры, как Петербург, Вена, Берлин, Париж (соседние Тибет, Китай, Индия уже давно исхожены и

изъезжены им). Если ещё принять в расчёт, что сарт всегда довольствуется малой наживой на каждой вещи, то станет ясно, что русскому торговцу, с его ленью и уже везде отжившим стремлением нажить на обмане и сразу схватить большой барыш, трудно бороться с этим ловким конкурентом, всё более и более захватывающим здесь в свои руки торговлю, домовладение, ремёсла»²².

В материалах Всероссийской переписи 1897 года сведения по выходцам из Туркестана обнаружить не удалось. Их численность пришлось выявлять, используя данные о распределении троичан по родному языку. Если из общего количества говорящих на «турецко-татарских» языках (8424 чел.) вычесть татар (7283 чел.), башкир (625), мещеряков (52) и тептярей (19) с «киргизами» (411), то оставшиеся 40 тюркоязычных горожан и будут выходцами из Средней Азии²³.

Как видим, на протяжении всей второй половины XIX века количество троичан-туркестанцев неуклонно сокращалось. Тот же Д. Татаринцов вспоминал: «Уже в моё время меновой двор начал терять своё значение...»²⁴. Причиной тому были потеря международного характера торговли и строительство железной дороги, соединившей Туркестан с центральной Россией, откуда хлынул капитал, начавший теснить средневековые формы торговли, в том числе караванную. Оставшаяся без внешней подпитки новыми членами среднеазиатская диаспора Троицка, начала постепенно растворяться в мусульманской (преимущественно татарской) общине города. Справедливости ради надо сказать, что у автора есть информация только о тех татарских семьях, главы которых привозили себе жён (в основном из Ташкента). Но, городские легенды всё-таки упорно возводят историю нескольких татарских семей к предкам – уроженцам «Узбекистана». Да и в состав православного населения Троицка могло войти некоторое число «азиатцев». Так, например, в списках крещённых в Троицке за 1885–1886 годы значится «51 магометанин». В числе новокрещённых (среди которых 35 башкир, 9 татар, 5 киргиз, 1 тептяр) указан «1 бухарец»²⁵. Тем не менее, в начале XX века представители различных ирано- и тюркоязычных групп среднеазиатского населения продолжали оставаться обязательной частью этнической палитры города, что позволяло даже перед самой революцией утверждать, что Троицк «по своей внешности это – чисто азиатский город»²⁶.

Следует отметить, что местная ярмарка влекла к себе не только торговцев, сюда часто приезжали с выступлениями среднеазиатские бродячие цирковые группы. Их представления с участием традиционных дрессировщиков, канатоходцев, маскарабозов и фокусников сопровождалось, как правило, игрой музыкантов. Такие сцены особенно поражали приезжих из Европейской России.

В этой связи нельзя не вспомнить такую фигуру, как Мирфаиз Бабажанов (Амирфаиз Бабаджанов). Музыкант, талантливый исполнитель песен тюркоязычных народов, обладавший уникальным голосом, он родился в Троицке в 1867 году и умер здесь же в 1943 году. Содержал в своем доме кумысную, зал которой, согласно восточному обычаю, был устлан войлочными паласами и тюфяками из верблюжьей шерсти, в центре стоял всегда накрытый табын – невысокий стол. Вечерами здесь собирались любители выпить кумысу, поговорить, послушать музыку и песни. К гостям часто присоединялся хозяин, исполнявший песни под собственный аккомпанемент. В кумысхане часто выступали заезжие кураисты и акыны. Бабажанов и сам активно гастролировал; вот что писалось в оренбургской газете «Вахит» в 1912 году: «В Верном состоялся кинематографический сеанс в пользу мусульманской читальни в кинематографе Сейфуллина; в четвертом отделении известный троицкий певец Бабаджанов исполнял татарские, сартовские и киргизские песни»²⁷. А год спустя он уже в Нижнем: «1913 год. Макарьевская ярмарка. Зал чайной «Подворье Хусаинова». На эстраду вышел некто средних лет с осанистой фигурой. На нем щегольской приталенный бешмет. Вышитый искусственным жемчугом каляпуш. Борода и усы пострижены чисто по мусульмански. Если бы не гармонь в его руках, то подумал бы – для чего этот представительный господин вышел сюда. Слов нет, талантливый музыкант, задушевно играет. Но он должен еще и спеть. Поневоле задумаешься – достаточен ли этот зал для голоса столь представительного человека? И вот он затягивает, присоединившись к мелодии гармони:

Идет же караван, эх, идет же...

Не из Ургенча, а из Хивы...

Дыхание ровное, вольное, голос же... Даже не знаю – как сказать. Голос не мужской, но и на женский не похож. И не тенор. Я не знаю, как назвать этот голос. Этим певцом и музыкантом был Мирфаиз Бабажанов, называемый «троицкий Мирфаиза»²⁸. Любопытно, кто слышал исполнение узбекских народных песен в традиционной манере, поймёт, о чём шла речь. Интересно другое – судя по фамилии среди предков Мирфаиза были выходцы из Средней Азии. В документах за 1843 год упоминается живший в Троицке «Бухарский караванный начальник» Искендер Бабажанов. Вполне возможно, что это он ходатайствовал в 1830 году о постройке в Троицке второй соборной мечети²⁹, и он же мог являться предком талантливого музыканта. Как бы то ни было, творчество Бабажано-

ва представляет яркую иллюстрацию культурного своеобразия тюрко-мусульманского населения Троицка.

Отметим, что над городом звучали не только узбекские песни и мелодии, но и голоса муэдзинов семи татарских мечетей, поэтому нельзя не упомянуть о влиянии, которое, как нам кажется, выходцы из Средней Азии оказывали на религиозную жизнь местной мусульманской общины. Ещё дореволюционные исследователи замечали, что именно в Троицке «мусульманство свило себе деятельный пункт» и «вообще обрядовая сторона мусульманства в Троицке проявляется ярче, чем даже в Уфе. В Троицке же сосредотачиваются носители мусульманской премудрости и бдительные стражи её интересов в лице местных мулл. Троицк является центром, откуда зорко следят за неприкосновенностью религии правоверных в окружающих странах, и где сосредотачиваются все вести о положении дел мусульманства. Местные муллы постоянно первыми поднимаются по малейшему поводу в защиту своей веры или в отстаивание попранных интересов её, и берут на себя роль ходатаев за весь мусульманский мир Приуралья и прилежащих стран даже перед высшими государственными властями, доказывая всякий раз факт фанатичности татар»¹⁰. Действительно, среди российских последователей ислама троицкие мусульмане славились не только своей религиозной учёностью, но и ортодоксальностью. Даже в советское время некоторые муллы не выдерживали высокую требовательность, предъявляемую к ним местными прихожанами. Отголоски такого ригоризма сохранялись вплоть до 70-х годов XX века, пока из жизни не стало уходить поколение, выросшее ещё до революции. Отмеченный феномен можно объяснить не только тесными и постоянными контактами с «благословенной Бухарой», но и тем, что многие имамы дореволюционного Троицка получали там образование, но и тем, что выходцы из Туркестана были в числе прихожан городских мечетей и активно участвовали в жизни мусульманской общины. Кроме того, известно, что ведение торговых дел в среднеазиатских эмиратах и ханствах, для российских, то есть прибывших из христианского государства мусульман, всегда было сопряжено с риском быть обвинёнными в нарушении каких-либо религиозных канонов, а то и в неверности. Отсюда, видимо, стремление троичан максимально соблюдать все религиозные установления и правила, давшее их городу славу «уральской Бухары».

Впрочем, после завоевания Средней Азии, именно в Троицке широкое распространение получил джадидизм – движение, выступавшее вначале за обновления в области образования, а затем за модернизацию всех сфер жизни российских мусульман. Теперь уже Троицк стал оказывать влияние на Среднюю Азию. В качестве примера можно привести судьбу караванного начальника Сейида Азимбая Мухаммадбаева, торговавшего в середине XIX века в Троицке. Изучив здесь русский язык, познакомившись с идеями и порядками пореформенной России, он на родине отпустил своих рабов на волю, стал ратовать за полную отмену рабства (его примеру последовали и некоторые другие купцы Ташкента), за преобразования и прогресс. Такая позиция выдвинула купеческого старшину Сейида Азимбая в ряды видных общественных деятелей Туркестанского края. Он был избран главой махкама – специального органа самоуправления, созданного в 1866 году русской администрацией для решения различных внутренних вопросов в соответствии с обычаями туземного населения. Честность, большие знания и опытнискали этому человеку огромное уважение сограждан. В марте 1867 года Сейид Азимбай был представлен в Санкт-Петербурге императору Александру II и пожалован званием потомственного почетного гражданина. В 1871 году он поднял вопрос о реформе образования для местного населения и об открытии школ нового типа. Критикуя старую систему религиозного обучения детей, Сейид Азимбай предложил преобразовать медресе Ишанкула-дадхо в школу, где кроме традиционных мусульманских наук преподавать современную математику, различные ремёсла и русскую грамоту. Можно сказать, что он стоял у истоков зарождения «новометодных» национальных школ Узбекистана.

Что же касается материальной сферы культуры, то влияние Востока находило отражение, прежде всего в одежде троичан (особенно мусульманской части населения) и в пище. В быт, прежде всего, татарского купечества, а затем и других слоёв, прочно вошли узбекские и таджикские блюда, а также рецептура приготовления общих для всего мусульманского Востока кушаний. Развитая торговля со Средней Азией обогатила ассортимент кухни горожан рисом, пряностями, сухофруктами (изюм, курага, урюк, чернослив), орехами и южными сладостями, в том числе тростниковым сахаром (так называемый «ташкентский сахар»). На территории Челябинской области только коренные троичане отличаются давними и прочными традициями приготовления плова и умением готовить его классические сорта (бухарский, персидский и т. п.). Пожалуй, это последнее, что ещё сохранилось в Троицке с тех, уже мифических времён...

Примечания

- ¹ Акт, относящийся до начала меновой торговли в городе Троицке // Исторический вестник. Т.9. 1882. С. 217.
- ² Троицк // Городские поселения в Российской империи. Т.3. СПб., 1863. С. 487.
- ³ Рычков П.И. Топография Оренбургская. СПб., 1762. С. 325–329.
- ⁴ Иофа Л.Е. Города Урала. М., 1951. С. 347.
- ⁵ Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М., 1960. С. 313.
- ⁶ Небольсин П.И. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856. С. 49.
- ⁷ Жданов П. О городе Троицке в коммерческом отношении // Заволжский Муравей. 1834. №15. С. 412–413.
- ⁸ ГАРФ. Ф.1053. Оп.1. Д.118.
- ⁹ Зайцев И.В. Троицкий инцидент 1802г. Эпизод из деятельности бухарской миссии в России // Восточный архив. 2008. №17. С. 16.
- ¹⁰ Материалы по истории Башкирской АССР, том V. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С.386–387.
- ¹¹ Аполлова Н.Г. Указ. соч. С. 315.
- ¹² Ильин В. Статистические сведения о городе Троицке / В. Ильин // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865г. Оренбург: Издание Оренб. губ. стат. комитета, 1864. С. 2.
- ¹³ Ястребов М. Очерки Троицкого Менового двора // Оренбургские губернские ведомости. 1849. №32, часть неофиц. С. 180 – 183.
- ¹⁴ РГВИА. Ф.1287. Оп.16. Д.1174. Л.1.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 16 «Внутреннее управление». Д. 989. Л.4.
- ¹⁶ Ильин В. Указ. соч. С.6.
- ¹⁷ г. Троицк Оренбургской губернии // Записки Императорского Экономического общества. Часть I, смесь. 1859. С. 39.
- ¹⁸ Скобелкин Е., Шамсутдинов И. Возвращаясь к прошлому. Троицк: ТЭМП, 1993. С. 37.
- ¹⁹ Справочная книжка Оренбургской губернии на 1868 год. Оренбург: Издание Оренб. губ. стат. комитета, б/г. Табл. 2.
- ²⁰ Однодневное исчисление жителей г. Троицка, произведенное 12-го сентября 1870 г. д.ч. Оренб. Губ. Стат. Комитета Р.Г. Игнатьевым // Оренбургские губернские ведомости. 1870. 28 ноября. №48. Таблица 1-я.
- ²¹ Татаринов Д.И. Воспоминания (окончание) // Башкирский край. Сборник статей. Выпуск 3. Уфа: ПКФ «Конкорд-Инвест», 1993. С. 12.
- ²² Средняя Азия и Индия / Сост. В.Н. Скопин. М.: Издание Д.П. Ефимова, 1904. С. 39–40.
- ²³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897г. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб., 1904. С. 166.
- ²⁴ Татаринов Д. Троицкая гимназия. Страницы воспоминаний // Урал. 1896. №9. С.13.
- ²⁵ Адрес-календарь и справочная книжка по Оренбургской губернии на 1888 год с приложением статистических сведений за предшествовавшие годы и карты губернии. Оренбург, 1888. С. 37.
- ²⁶ Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний и Южный. Пг., 1917. С. 562.
- ²⁷ Вакыт (Оренбург). 1912, апрель. №951.
- ²⁸ Рамиев Н. Г., Даутов Р. Н. Литературный словарь (краткий справочник по дореволюционной татарской литературе и культуре). Казань, 2001. С. 32–33.
- ²⁹ Гизатуллин Р. Н. История и архитектура троичких мечетей // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области): Материалы научно-практической конференции. Челябинск, 2003. С. 103.
- ³⁰ Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта // Записки Императорской Академии Наук. VIII серия. По историко-филологическому отделению. Том №2. СПб., 1897. С.10–11.

«САМОДЕЯТЕЛЬНЫЕ» ОБЩЕСТВА ГОРОДА ТРОИЦКА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В настоящее время в нашей стране предпринимается попытка формирования гражданского общества, то есть пространства, существующего между индивидом и государством, состоящего из частных учреждений, общественных организаций, рынка и сферы свободного выражения идей и отправления вероисповедания. В связи с этим актуальным представляется обращение к истории процесса становления гражданского общества в России, уже имевшего место во второй половине XIX – начале XX века. Отличительными чертами данного процесса были активность и инициативность жителей провинциальных городов, в том числе губернских и уездных центров Южного Урала. Горожане принимали живое участие в создании различных общественных организаций, объединений, клубов и союзов. На наш взгляд, изучение причин создания, уставов и форм работы «самодеятельных» организаций поможет выработать наиболее рациональные пути формирования подобных общественных структур сегодня. Рассмотрим их на примере культурно-просветительских и благотворительных обществ города Троицка Оренбургской губернии.

В 60 – 70-е годы XIX века император Александр II осуществил ряд преобразований, положивших начало модернизации российского общества. Реформы, носившие либеральный характер, способствовали заметному росту общественной активности. Основой этого процесса стало бурное и повсеместное возникновение общественных организаций, специфика и направленность деятельности которых была различной и представляла собой широкий спектр с точки зрения задач, целей, функций и мировоззренческих ориентиров. По словам А. С. Тумановой, занимающейся изучением форм самоорганизации общественности в дореволюционной России, вторая половина XIX века была отмечена «невиданной ранее тягой к объединению». Описывая атмосферу тех лет, мемуаристы указывали на пробуждавшиеся «общественные инстинкты», стремление к самодеятельности, накапливавшуюся «политическую энергию», потребность высказываться, проводить свои мысли в жизнь, стремление приносить пользу Родине, жить и общими, а не только узкими личными интересами». Формировалась культура общественного действия, появился слой общественных деятелей¹.

Только благотворительных обществ в начале XX века в Российской империи насчитывалось более шести тысяч: к 1901 году в городах и сельской местности их было зарегистрировано 6278². Известный политический деятель и публицист XIX века П. А. Кропоткин в работе «Взаимная помощь как фактор революции» писал: «Бесчисленное количество обществ, клубов и союзов для развлечений, для научных работ и исследований, для образовательных целей распространились за последнее время в таком количестве, что потребовались бы многие годы для простой их регистрации»³. Появление множества «самодеятельных» объединений было спровоцировано самим правительством, которое «разрушило монополию на общественную жизнь, ранее принадлежавшую самодержавию и бюрократии». Например, несмотря на то, что по-прежнему требовалось получить одобрение устава организации у центральных властей, начиная с 1862 года процесс получения разрешения был упрощен до обращения в несколько министерств⁴.

В конце XIX – начале XX века на Южном Урале, так же как и во всей Российской империи, стали появляться многочисленные добровольные общественные организации, которые должны были стать основой формирующегося гражданского общества. Большая часть обществ функционировала в городах, поскольку именно города являлись центрами индустриализации и модернизации. Например, в губернском Оренбурге с 1906 по 1916 годы было зарегистрировано 28 различных обществ, тогда как в Оренбургском уезде их было 11, в других городах и уездах губернии сложилась похожая ситуация (см. Табл. 1.)⁵.

Таблица 1.

Города и уезды Оренбургской губернии	Количество зарегистрированных обществ (1906 – 1916 гг.)
г. Оренбург	28
Оренбургский уезд	11
г. Верхнеуральск	5
Верхнеуральский уезд	2
г. Троицк	7
Троицкий уезд	0
г. Орск	3
Орский уезд	1
г. Челябинск	5
Челябинский уезд	3

Троицк не остался в стороне от общероссийского процесса массового создания общественных организаций. С благотворительными целями были созданы Троицкое мусульманское благотворительное общество (с действовавшим при нем Дамским комитетом) и Троицкое общество попечения об учащих в учебных заведениях города Троицка; Троицкое общество взаимовспоможения приказчиков стало первым профессиональным объединением в городе; культурно-просветительской работой и организацией досуга занимались Троицкое общество любителей садоводства, Троицкое общество правильной охоты и Троицкое общество охотников конского бега и т. д.

Порядок создания общественных объединений был единым во всей Российской империи. Инициативная группа устраивала открытое собрание в присутствии начальника полиции, разрабатывала на основе типичного (нормального) устава собственный устав и подавала заявку в то министерство, в сфере которого будет действовать новоявленное общество с предложением утвердить разработанный устав. Утвержденный устав печатался типографским способом, а затем рассылался в канцелярию губернатора (5 экз.), соответствующее министерство и в министерство внутренних дел. В уставе прописывалась цель общества. Например: «Троицкое общество любителей садоводства имеет целью содействовать развитию в городе Троицке и его уезде садоводства, плодоводства и огородничества и возбуждать интерес к занятию этими отраслями хозяйства, причем ближайшими задачами ставить: распространение полезных в этой области знаний, совершенствование приемов воздушной, комнатной и инженерной культуры растений, введение в культуру новых декоративных и полезных растений, акклиматизацию растений и развитие вкуса к изящному устройству садов»⁶.

Нередко влиятельные учредители просили ходатайствовать перед министром об открытии общества оренбургского губернатора. Так, троицкий дворянин Георгий Михайлович Глоба-Михайленко 29 марта 1895 года писал начальнику губернии «за себя и сотоварищей по охоте»: «Имею честь просить ходатайства Вашего Превосходительства перед господином Министром Земледелия и Государственных Имуществ об утверждении устава Троицкого Общества правильной охоты». При этом проектируемый устав прилагался к ходатайству⁷. Губернатор откликнулся на просьбу, написав 8 мая 1895 г. министру земледелия, что «учреждение в городе Троицке названного общества я, с своей стороны, находил бы вполне желательным в видах сохранения охотничьих угодий и вообще упорядочения местного охотничьего хозяйства»⁸.

Заявка на учреждение общества рассматривалась долго: троичане, желавшие открыть в городе Общество любителей садоводства, подали соответствующее прошение в 1896 году, а разрешение получили только в 1897 году⁹; учредители же Троицкого общества правильной охоты, несмотря на поддержку со стороны губернатора, получили разрешение только спустя три года после подачи заявки (1895 – 1898 гг.)¹⁰.

Инициаторами создания общественных организаций были, как правило, представители городской элиты – образованные и состоятельные люди, купцы, члены органов городского самоуправления, преподаватели мужской и женской гимназий. Однако в работе обществ активное участие принимали и рядовые горожане. Члены обществ делились на действительных, платив-

ших регулярные членские взносы, и почетных, делавших, как правило, крупное единовременное пожертвование.

В учредительных документах общественных объединений города Троицка не было ограничений по половому признаку. Например, в уставе Троицкого мусульманского благотворительного общества было записано: «в члены общества могут быть принимаемы все русско-подданные мусульмане без различия пола, звания и сословия»¹¹, однако представительницы слабого пола состояли лишь в Дамском попечительском совете при приюте для детей-сирот. В него вошли 15 женщин из наиболее известных и богатых семей троицких мусульман, в основном купцов: М. Яушева, Ф. Рахманкулова, М. Расулева, Г. Яушева, Р. Яушева, Ф. Валеева, А. Бакирова, Х. Яруллина и др. В отчетных документах других организаций женские фамилии фигурируют только в списке членов Троицкого общества любителей садоводства: среди 98 человек, входивших в состав общества, было лишь одиннадцать женщин, при этом семь из них – совместно с мужьями и четыре – самостоятельно. Не могли быть членами обществ несовершеннолетние, за исключением имевших классный чин, ограниченные в правах по суду, а также учащиеся всех учебных заведений.

Обществами, в рамках устава, управляли избранные на общем собрании должностные лица. Так, например, председателем общества любителей садоводства 5 июля 1897 года был избран уездный член Троицкого окружного суда по Троицкому уезду надворный советник А. Я. Бусыгин, Товарищем председателя – городской голова К. Н. Меркурьев, членами правления – троицкий купец А. П. Лорец, надзиратель 3 акцизного округа А. А. Голус, присяжный поверенный В. И. Орлов, младший нотариус окружного суда Г. М. Глоба-Михайленко, городской врач П. И. Покрывалов и троицкий купеческий сын Д. В. Кузнецов. Членами ревизионной комиссии – преподаватели Троицкой классической гимназии О. И. Пушнов, С. В. Риканицин (*фамилия неразборчива – Авт.*) и управляющий Троицкой конторой транспортирования кладей общества «Надежда» С. А. Чернышев¹². Президентом Троицкого общества охотников конского бега (ранее называвшегося Троицкое общество любителей коннозаводства) был избран оренбургский губернатор, который охотно вступил в эту должность. Вице-президентом общества на всем протяжении его существования был влиятельный троицкий купец Валея-Абдула Яушев¹³.

Интересно, что большинство перечисленных лиц составляли костяк всех троицких обществ, как уже упомянутый член правления Троицкого общества любителей садоводства Г. М. Глоба-Михайленко, одновременно являвшийся председателем Троицкого общества правильной охоты.

Ежегодно общества представляли подробные отчеты о своей работе, из которых видно, что сделано было немало. Например, Троицкое общество любителей садоводства в 1897 году приняло под свою опеку городской сад на Гимназической площади, а с 1 января 1898 года – все общественные сады города Троицка. При этом помимо средств, собранных членами общества, в его распоряжение поступали суммы, ассигнуемые городом на поддержание и разведение садов. Для их благоустройства обществом был нанят постоянный садовник с платой 35 руб. в месяц. Нанятый садовник, почетный гражданин М. В. Турдакин, окончил в 1894 году курс в Пензенском Училище садоводства и служил ранее в качестве садовника в имении Князя Воронцова – Графа Шувалова. Осенью на средства общества была построена теплица, чтобы садовник не бездействовал полгода. Она обошлась в 1120 руб. 10 коп. Кроме теплицы был устроен питомник для саженцев. Успехи в работе общества были оценены министром земледелия и государственных имуществ, и оно было внесено в список отечественных сельскохозяйственных обществ. Его члены получили возможность бесплатно выписывать журнал «Сельское хозяйство и Лесоводство» и другие полезные издания, посвященные, в частности, вопросу защиты садовых насаждений от всякого рода вредителей, а также получать рассылки со сведениями о возможности закупки семян в казенных заведениях и садовых фермах и т. д. Троицкому обществу предложили сотрудничество другие подобные организации и учреждения, в том числе, Императорское Российское сельскохозяйственное общество, организовавшее Всероссийский Съезд садоводов, выставку плодов и овощей, состязание по садоводству. Московская земледельческая Школа Императорского Московского Общества сельского хозяйства просила высылать экземпляры поврежденных растений и вредных насекомых. Однако тесного сотрудничества не получилось в силу отсутствия у троичан соответствующего опыта и средств¹⁴.

Больших успехов удалось добиться членам Троицкого общества охотников конского бега, которые сумели собрать значительную сумму на обустройство городского ипподрома, где начали устраивать пользовавшиеся популярностью бега. За «все хлопоты по учреждению общества и постройке ипподрома» почетными членами общества были избраны А. В. Яушев и Д.

В. Кузнецов¹⁵. В 1905 году общество пригласило на очередные конные состязания президента – оренбургского губернатора. Яушев писал в приглашении: «Обращаю внимание Вашего превосходительства, что в сезон сего 1905 года назначен к розыгрышу 17 июля сего года приз в честь Вашего имени, в день розыгрыша которого почтительнейше прошу удостоить общество Вашего присутствия»¹⁶. Правда, в отчетных документах о приезде губернатора нет ни слова. Видимо, приглашение осталось без ответа.

Общественная инициатива, нашедшая выход в создании «самодеятельных» обществ и поддержанная государством, внесла изменения в повседневную жизнь определенной части горожан. У троичан появилась возможность реализовать себя не только в профессиональной и семейной сфере, но и на общественном (городском) поприще. Благодаря участию в обсуждении и решении вопросов городского благоустройства, благотворительности, совместному проведению досуга, например, на вечерах в городском общественном собрании или на репетициях благотворительных спектаклей, члены обществ могли почувствовать себя частью городской «общины».

Как правило, формы общественной деятельности провинциалы заимствовали у столичных жителей. При этом не обходилось без курьезов. Так, на маскарад, устроенный в 1874 году Троицким общественным собранием, жена начальника местной полиции Эшенбаха явилась в длинном черном костюме, который «доброжелатели» приняли за костюм монахини и донесли об этом епископу Оренбургскому и Уральскому Митрофану. Последний, зная, что в Троицке обитает большое количество раскольников, увидел в этом акт унижения православной веры. Однако вскоре инцидент разрешился, поскольку выяснилось, что жена Эшенбаха оделась в «общепринятый маскарадный костюм «черное домино», но по неразвитости своей и незнанию светских обычаев, учитель уездного училища Красовский и бывший архиерейный певчий Сытьянов» приняли его за костюм монахини, сказав в разговоре с купцом В. Дмитриевым, что «такое подобие костюма, по их мнению, есть кощунство». Кстати, Эшенбах, зная обычаи провинциального купеческого Троицка, услышав замечание, тут же «предложил жене оставить собрание, что она и исполнила»¹⁷.

Важным предназначением общественных организаций было привлечение внимания городских властей к волнующим горожан проблемам, а также решение этих проблем силами общественности. Именно с этой целью в 1912 году было учреждено Троицкое городское общество взаимного от огня страхования, в том же году вошедшее в созданный в 1904 году «Российский союз обществ взаимного от огня страхования», целью которого была профилактика пожаров и помощь пострадавшим от них. Появление общества позволило троичанам страховать жизнь и имущество от пожара, минуя страховые компании, преследовавшие, в первую очередь, коммерческие интересы. Общество действовало на основе взаимопомощи своих членов, оказывая материальную поддержку погорельцам и осуществляя мероприятия, улучшающие борьбу с огнем (оплачивало доставляемую населением своими средствами воду для тушения пожара, выдавало ссуду Городской Управе на приобретение пожарного оборудования, субсидировало Троицкое вольно-пожарное общество, вступив в него в качестве коллективного члена). По словам троичского краеведа Р. Н. Гизатуллина, «о степени доверия горожан к обществу говорит то, что они продолжали заключать страховые договора в ноябре-декабре 1917 года»¹⁸. С той же целью – компенсировать недостаточность усилий государственных структур – было создано в 1916 году и общество попечения об учащих в учебных заведениях города Троицка. Инициатором создания общества был директор Троицкой мужской гимназии Н. М. Андрусевич¹⁹. Согласно утвержденному уставу, общество было призвано «удовлетворять насущные нужды учащихся без различия пола, возраста, состояния и вероисповедания». Для этого члены общества должны были подыскивать для учащихся дешевые квартиры, приюты, общежития, столовые, устраивать летние колонии, дачи, санатории, бани, купальни, детские площадки, организовывать загородные прогулки и экскурсии, открывать склады книг и учебных пособий и т. д. Членский взнос был установлен в размере 500 руб. единовременно для почетных членов, 100 руб. для пожизненных действительных и 5 руб. ежегодно для действительных членов, а также не менее 1 руб. в год для членов-соревнователей. Общество было внесено в реестр обществ и союзов по Оренбургской губернии за 1917 г., однако, в связи со сменой власти в стране так и не приступило к запланированной деятельности²⁰.

Таким образом, массовое общероссийское общественное движение по созданию «самодеятельных» организаций, вызванное к жизни реформами Александра II, затронуло и провинциальный Троицк. Общественные организации играли важную роль в жизни города, поскольку создавались по инициативе самих горожан. Они были призваны решать важные для города во-

просы благоустройства, организации досуга, помощи нуждающимся, восполняя недостаточное внимание к этим вопросам со стороны органов местного самоуправления. Общества брали на себя задачи, до сих пор находившиеся в ведении государства и органов самоуправления, и сигнализировали своим появлением, что предпринимаемые усилия официальных структур оказались недостаточны. Однако правительство с опаской относилось к созданию любых общественных организаций на демократических началах, поэтому все общества находились под контролем министерства внутренних дел, и полиция строго следила за тем, чтобы их деятельность не носила политическую окраску.

Примечания:

- 1 Туманова А.С. Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России конца XVIII – начала XX века. // Отечественная история, 2007, № 6. С. 55.
- 2 Благотворительность в России: В 2 т. СПб., 1907. Т.1. С. XXVII.
- 3 Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор революции. - СПб.: Знание, 1907. С. 14.
- 4 Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 81.
- 5 Таблица составлена по материалам: ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 10/8.
- 6 ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 154. Л. 12.
- 7 ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 137. Л. 1.
- 8 Там же. Л. 2.
- 9 ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 154. Л. 6.
- 10 ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 137. Л. 3.
- 11 ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 202. Л. 3 об.
- 12 ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 154. Л. 9 об.
- 13 ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 208. Л. 78.
- 14 ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 154. Л. 25–25 об.
- 15 ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 208. Л. 79.
- 16 Там же. Л. 73.
- 17 ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14415. Л. 1–6.
- 18 Гизатуллин Р.Н. Троицкое городское общество взаимного от огня страхования // Наука - агропромышленному производству и образованию: Материалы международных научно-практических конференций. 29-30 марта, 5 апреля 2006 г.: Сб. науч. тр. - Троицк: УГАВМ, 2006. С. 140–142.
- 19 ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 260. Л. 1.
- 20 Там же. Л. 5-5 об.

ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЦЕРКВИ ПОСЛЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПАТРИАРШЕСТВА В 1943 ГОДУ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ ГОРОДА ТРОИЦКА

В 1925 году скончался первый русский патриарх XX века Тихон (Белавин). В условиях непрекращающихся преследования, запретов и ограничений, обрушившихся на Церковь с первых дней Советской власти, ценой невероятных усилий он смог временно ослабить массовые репрессии против духовенства¹. Но с конца 20-х годов государство перешло в общее наступление на все религии и церкви, стремясь поставить их под тотальный контроль.

30-е годы XX века для Русской православной церкви были наиболее тяжелыми. На страницах советских газет вновь появились призывы расправиться с религиозными организациями, творческими «вражеское дело», распространяющими «реакционные, враждебные социализму идеи». Раскручивающийся в стране маховик репрессий не обошел и православное духовенство. Только среди иерархов Церкви в 1931–1934 годах было арестовано 32 человека. Как правило, им предъявлялось обвинение в «контрреволюционной и шпионской деятельности». Дальнейшая их судьба была трагична. Политические процессы в СССР над «врагами Советской власти», «шпионами» и «вредителями всех мастей» второй половины 30-х годов закономерно ударили и по Русской православной церкви. В 1935–1937 годах за «контрреволюционную деятельность» были арестованы 84 иерарха. Количество же репрессированных представителей рядового духовенства в 30-е годы исчислялось десятками тысяч².

На территории Челябинской области действующим остался лишь один православный приход – Свято-Симеоновский в Челябинске³, остальные были ликвидированы. Как и везде по стране, одни церковные здания были разрушены, другие преобразованы под советские учреждения, а то и вовсе использованы под склады и производственные помещения. Массовое закрытие храмов сопровождалось активизацией работы карательных органов по сбору компрометирующих материалов на духовенство и организацией судебных процессов. Фабриковались дела «повстанческих контрреволюционных организаций духовенства», священников арестовывали, расстреливали, отправляли в ссылки и лагеря⁴.

Однако уже в первые месяцы Великой Отечественной войны рассеялись иллюзии об успешном и повсеместном «преодолении религии» и победе «безбожного» движения, уступив место правде жизни – в стране миллионы верующих, ограниченных в возможностях удовлетворять свободно и открыто свои религиозные потребности. Но, несмотря на религиозную несвободу, религиозные центры и верующие сразу заняли патриотические позиции, всячески поддержав освободительную борьбу народов Советского Союза против фашистской Германии.

Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) 22 июня 1941 года обратился к верующим с посланием, призвав их «послужить Отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может, внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства»⁵. Воззвание это и последующие во время войны призывы к жертвованиям на нужды обороны Отечества встречали самую горячую поддержку и вызвали ответные патриотические чувства у миллионов верующих⁶.

Постепенно государство взяло курс на нормализацию отношений с религиозными организациями: перестали чиниться препятствия массовым богослужениям и общецерковным сборам в патриотические фонды, открывались, пока де-факто, молитвенные здания и религиозные центры. Изменение «церковной политики» государства диктовалось не только ситуацией внутри страны, но и необходимостью сплочения антифашистских сил, включая и религиозные, в странах антигитлеровской коалиции и оккупированных Германией. Да и союзников интересовало, как в СССР обеспечивается религиозная свобода.

После того, как 8 сентября 1943 года в Москве на Соборе епископов митрополит Сергей (Страгородский) был избран патриархом⁷, когда в России после 18-летнего перерыва было восстановлено патриаршество, государственная политика удушения церкви была изменена в сторону «замирения» с ней. Причины к этому ведущие были понятны: необходимость привлечь помощь Церкви для победы в войне с фашизмом, благодарность за материальный и духовно-патриотический вклад Церкви в дело победы, но главным образом, как уже упоминалось выше, стремление к укреплению позиций СССР на внешнеполитической арене.

Вся эта картина отражается в документах местных властей с небольшими расхождениями во времени, что вполне объяснимо расстояниями и человеческим фактором.

В городе Троицке Челябинской области в начале 1943 года местные власти еще не решились на какие-либо послабления относительно «религиозного вопроса».

Из протокола заседания Исполнительного комитета Троицкого горсовета депутатов трудящихся от 09.01.1943 года:

«Слушали: Заявление гр. Козодубовой об открытии церкви в п. Амур.

Постановили: Учитывая, что ходатайство об открытии церкви на Амуре подписано только Козодубовой, подписавшей ходатайство за неграмотностью уполномоченных от неизвестной группы верующих, а также принимая во внимание, что Амурская церковь занята под сырьевую базу для нужд оборонных предприятий, Исполнительный комитет Троицкого горсовета депутатов трудящихся

Решает: Отклонить ходатайство гр. Козодубовой об открытии Амурской церкви.

Слушали: Заявление группы польских подданных – евреев о разрешении сбора в частном доме для молений.

Постановили: Учитывая, что группа польских подданных – евреев, подписавшая ходатайство о разрешении сбора в частном доме для молений, не является представителями церковной группы, а также учитывая, что сборища в частных домах угрожают распространению эпидемических заболеваний, Исполнительный комитет Троицкого горсовета депутатов трудящихся

Решает: Ходатайство группы польских подданных – евреев о разрешении сбора для молений в частном доме – отклонить»⁹.

Только 05.12.1943 года Троицкий горсовет получил из Исполнительного комитета Челябинского областного совета депутатов трудящихся документ под грифом «Секретно» и под заголовком «Всем председателям гор(рай)исполкомов»:

«Исполком ЧелябОблсовета депутатов трудящихся предлагает не позднее 15 декабря 1943 года представить в Облисполком следующие сведения:

Список недействующих церквей, но не используемых для культурно-хозяйственных целей, и отдельно недействующих церквей, используемых для культурно-хозяйственных целей с указанием местонахождения церкви (населенный пункт), состояние ее и под какие цели используется»⁹.

12.12.1943 года на имя зам. председателя Челябинского облсовета Гольдберга под грифом «Совершенно секретно» из Троицка пришел ответ следующего содержания:

«На Ваш № 1030 от 05.12.1943 Исполнительный комитет Троицкого горсовета депутатов трудящихся сообщает, что в г. Троицке действующих церквей не имеется. Имеющиеся недействующие церкви на территории города используются под разные хозяйственные цели.

Кроме того, в городе имеются недействующие: одна старообрядческая молельня, одна еврейская синагога, один польский костел, семь мусульманских мечетей, которые используются также под разные хозяйственные цели.

Список вышеуказанных церквей и мечетей:

Александровская церковь на Амурской площади: здание кирпичное, сняты кресты, разобран алтарь, занято под склад Союзагоссырьеобработка.

Михайловская церковь на Михайловской площади: здание кирпичное, внешний вид не нарушен, разобран алтарь, требует капремонта, занято под склад Заготзерно.

Собор Уйский по ул. Красногвардейской, 1: здание кирпичное, внешний вид не нарушен, требует полной реставрации, занято заводом «Новая кровля» Горпромкомбината.

Дмитриевская церковь на русском кладбище: здание кирпичное, сняты кресты, разобран алтарь, требует капремонта, занято под склад Заготзерно.

Монастырская церковь на территории бывшего монастыря: занята Авиашколой механиков.

Старообрядческая молельня по ул. Летягина, 52: занята под жилой дом ГКХ.

Еврейская синагога по ул. Селивановской, 27: занята под столовую Ветинститута.

Польский костел по ул. Октябрьской, 55: занят под жилой дом ГКХ.

Мечеть по ул. Октябрьской, 118: занята 11 зап. ж/д полком.

Мечеть по ул. Октябрьской, 84: занята 11 зап. ж/д полком.

Мечеть по ул. Комсомольской, 2: занята 11 зап. ж/д полком.

Мечеть по ул. Крахмалева, 25: занята 11 зап. ж/д полком.

Мечеть по ул. Советской, 84: занята Авиашколой механиков.

Мечеть по ул. Ленина, 109: занята автоколонной № 42.

Мечеть на площади в Пролетарской слободе: занята автоколонной № 42»¹⁰.

Первой из вновь открытых в Троицке церквей стала церковь Александра Невского. И произошло это лишь в июне 1944 года. Предшествовал ее открытию следующий документ:

«Исполком Челябинского областного совета депутатов трудящихся от 20.06.1944 г. сообщает Председателю Троицкого Горисполкома тов. Арыкину, что решением Облисполкома от 19.06.1944 г. (протокол № 23) религиозная община православного вероисповедания г. Троицка зарегистрирована уполномоченным Советом по делам РПЦ при СНК СССР по Челябинской области П. Ефимовым.

Вам надлежит в 7-дневный срок по получении настоящего извещения передать в бесплатное и бессрочное пользование верующих молитвенное здание (церковь) и культовое имущество. На передачу здания и имущества составляются в двух экземплярах договор и опись культового имущества, подписываются представителями Горисполкома и верующими (не менее 20 человек). Один экземпляр договора и инвентарной описи культового имущества выслать мне, второй хранить в делах религиозной общины. После передачи здания можно разрешить верующим провести собрание для выбора церковного совета и ревизионной комиссии (по 3 человека). Состав церковного совета, ревизионной комиссии и священнослужитель должны быть зарегистрированы у меня и получить соответствующую справку о регистрации. Без этой справки к исполнению обязанностей не допускайте.

Уполномоченный Советом по делам РПЦ при СНК СССР по Челябинской области П. Ефимов»¹¹.

Исполнение этой директивы не заставило себя долго ждать:

Из протокола заседания Исполнительного комитета Троицкого горсовета депутатов трудящихся от 23.06.1944 года:

«*Слушали:* Об открытии церкви в г. Троицке.

В соответствии с состоявшимся постановлением Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР от 08.05.1944, одобренным СНК СССР, об открытии в г. Троицке одной церкви, согласно ходатайства группы верующих граждан п. Амур и ст. Троицк, Исполнительный комитет Троицкого горсовета депутатов трудящихся

Решает:

Передать в распоряжение религиозной общины церковь «Александра Невского» на Амуре.

Обязать т. Кочегарову (Управл. базой «Кожсырьеобработка») немедленно приступить к освобождению занятого базой помещения Александро-Невской церкви для передачи его религиозной общине, зарегистрированной 19.06. с.г. уполномоченным по делам РПЦ при Челябинском Облисполкоме.

Для передачи здания указанной церкви и имеющегося в наличии культового имущества создать комиссию в составе т. Зюзина (нач. Горкомхоза), т. Селезнева (Горфо) и т. Бакун (Горисполком). Предложить религиозной общине выделить своих представителей (не менее 15 человек) для принятия помещения церкви и культового имущества»¹².

Конечно, такая смена «гнева на милость» со стороны государства по отношению к Церкви после стольких лет гонений была слишком стремительной, чтобы на местах успевали отреагировать своевременно. Не обходилось и без курьезов:

Из телеграммы уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК СССР по Челябинской области Ефимова председателю Троицкого Горисполкома Арыкину от 17.11.1944 года:

«Вторично сообщаю, что согласно постановлению СНК СССР от 30.07. 1944 г. за № 811 о национализированном имуществе, все предметы религиозного культа подлежат возврату в бесплатное, бессрочное пользование зарегистрированной религиозной общине.

По поступившим в Облисполком сведениям, Вы отказываете вернуть общине находящиеся в Гортеатре ризы, тем самым отказываетесь выполнить постановление СНК СССР.

Прошу дать указание директору Гортеатра о передаче риз Троицкой религиозной общине»¹³.

1 декабря 1944 года вышло секретное Постановление СНК СССР «О православных церквях и молитвенных домах за № 290¹⁴. К председателю же Троицкого Горисполкома этот документ под грифом «Секретно» из Исполнительного комитета Челябинского областного совета депутатов трудящихся поступил лишь 28 декабря 1944 года в несколько переработанном виде:

«Доводится до сведения, что на основании постановления Совнаркома СССР от 01.12.1944 г.

Запрещается закрытие зарегистрированных в установленном порядке православных церквей, действующих в бывших церковных зданиях и молитвенных домов в арендуемых верующими помещениях без разрешения Совета по делам РПЦ при СНК СССР.

Запрещается переоборудование церковных зданий для других целей без разрешения Совета по делам РПЦ при СНК СССР.

Слом и разборка церковных зданий допускается по указанию Облисполкома в исключительных случаях (при угрозе обвала и т.п.) при наличии технического акта и по заключению уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК СССР.

Допускается строительство новых молитвенных зданий в отдельных случаях силами и средствами верующих, с разрешения Совета по делам РПЦ при СНК СССР.

Зам. пред. Исполкома ЧелябОблсовета депутатов трудящихся С. Борисов»¹⁵.

Однако Сталин лукавил, стремясь убедить мировое сообщество в своей абсолютной лояльности к Церкви. К ней был приставлен надежный соглядатай в лице Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР, имевший абсолютное право на мелочное вмешательство во все дела РПЦ¹⁶.

30.03.1945 года Исполнительный комитет Челябинского облсовета депутатов трудящихся разослал всем председателям гор(рай)исполкомов области, в том числе и в Троицк, директиву под грифом «Для служебного пользования» следующего содержания:

«Исполнительный комитет ЧелябОблсовета депутатов трудящихся по отдельным заявлениям верующих об открытии церкви принимает решения об отклонении их ходатайств. Свои решения Исполком Облсовета высылает только для сведения в гор(рай)исполкомы. Верующим эти решения и копии с них не только не выдаются, но и не сообщаются мотивы отклонения.

До сведения верующих доводится лишь сообщение уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК СССР по Челябинской области, высылаемое каждый раз в гор(рай)исполкомы, после принятого решения исполкомом Облсовета.

Предисполкома ЧелОблсовета депутатов трудящихся А. Белобородов»¹⁷.

15.08.1945 «уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Челябинской области на основании решения Совета по делам религиозных культов при СНК СССР от 02.06.1945 года зарегистрировано по № 610 религиозное общество верующих евреев, находящееся в г. Троицке, с представлением ему молитвенного здания (синагоги), находящегося в г. Троицке по ул. Селиванова»¹⁸ и 24.08.1945 «уполномоченным Совета по делам РК при СНК СССР по Челябинской области года на основании решения Совета по делам религиозных культов при СНК СССР от 16.05.1945 года зарегистрировано по № 2 религиозное общество верующих мусульман, находящееся в г. Троицке по ул. Октябрьской, 118, с представлением ему в пользование для удовлетворения религиозных нужд молитвенного здания (мечети)»¹⁹.

Таким образом, в Троицке к окончанию Великой Отечественной войны была зарегистрирована только одна религиозная община одной религиозной конфессии – православного храма Св. Александра Невского. К концу же 1945 года – по одной религиозной общине из трех существующих в городе конфессий.

Верующим же, подававшим ходатайства об открытии ещё одной православной церкви, Св. Димитрия Солунского, отказывали в этом и в 1945 году,²⁰ и в 1946 году с припиской: «При получении выписки решения Исполкома Облсовета мотивы отклонения верующим не сообщать и копии выписки на руки не выдавать»²¹. Лишь в 1947 году «Совет по делам РПЦ при Совмине СССР постановлением № 5 от 20.05.1947 года решил открыть Дмитриевскую церковь в гор. Троицке. Решение Совета по делам РПЦ было одобрено Советом министров СССР 02.06.1947 года № 6596 РС»²². Передача же верующим церковного здания и сохранившегося культового имущества «в бесплатное и бессрочное пользование» состоялась только 20.08.1947 года²³.

До полной свободы Церкви в Советском государстве было еще очень далеко.

Примечания

¹ Вострышев М. Патриарх Тихон. М., 1995. С. 5–181.

² Одинцов М. И. Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М.: РАГС, 1999. С. 193–194.

³ Христианские религиозные организации и группы Челябинска: Информационный справочник / М. И. Следнев, Т. А. Чумаченко. Челябинск, 2004. С. 22–23.

⁴ Лобашев А. «Верю побеждали!...»: Книга о духовном подвиге православных южноуральцев. Челябинск, 2007. С. 19–48, 29–88, 182–187, 210, 227–229.

⁵ Одинцов М. И. Указ. соч. С. 197.

⁶ Там же.

191. ⁷ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. С.
- ⁸ Архивный отдел Администрации г. Троицка. Ф. 20. Оп. 1. Д. 94. Л. 4 об., 5.
- ⁹ Там же. Д. 98. Л. 12.
- ¹⁰ Там же. Л. 13.
- ¹¹ Там же. Д. 106. Л. 43.
- ¹² Там же. Д. 101. Л. 184.
- ¹³ Там же. Д. 106. Л. 39.
- ¹⁴ Общество и власть. Российская провинция. 1917–1945. Т. 1: Челябинская область. Документы и материалы. – Челябинск: Книга, С. 526 – 527.
- ¹⁵ Архивный отдел Администрации г. Троицка. Ф. 20. Оп. 1. Д. 106. Л. 37;
- ¹⁶ Одинцов М. И. Указ. соч. С. 283–316.
- ¹⁷ Архивный отдел Администрации г. Троицка. Ф. 20. Оп. 1. Д. 106. Л. 34.
- ¹⁸ Там же. Л. 26.
- ¹⁹ Там же. Л. 20.
- ²⁰ Там же. Л. 33.
- ²¹ Там же. Д. 87. Л. 15.
- ²² Там же. Л. 1.
- ²³ Там же. Л. 2, 3.

СО СТАРЕНЬКИМ «ФЭДОМ» НА ГРОЗНОМ Т-34
(К БИОГРАФИИ А. ХОДОВА, ИЗВЕСТНОГО ЧЕЛЯБИНСКОГО ФОТОГРАФА)

Аркадий Ходов – один из легендарных фотографов Челябинской области. Долгое время, работая фотокорреспондентом в газете «Челябинский рабочий», освещал события, происходившие на территории региона.

Родился Аркадий Георгиевич в 1916 году в селе Барово Владимирской области, в большой крестьянской семье. Фотографией стал заниматься с детства. В популярном журнале «Хочу все знать» (предшественнике «Юного техника») ему попалась статья «Как самому сделать фотоаппарат», сельский подросток самостоятельно, по схеме, указанной в журнале, соорудил фотокамеру. Видя увлечение сына, родители решили купить ему фотоаппарат. Для этого пришлось сдать золоченые и серебряные оклады икон в Торгсин. Со временем увлечение переросло в профессию.

Впоследствии Аркадий перебирается в Ковров, где на оборонном заводе работал его старший брат Василий. По объявлению находит себе место лаборанта в мастерской по увеличению портретов. В тридцатые годы в Коврове была организована газета «Рабочий клич», куда для работы фотографом был приглашен Аркадий Георгиевич. Василий Георгиевич, сыгравший большую роль в судьбе младшего брата, вербует на строительство Челябинского тракторного завода и зовет с собой Аркадия. Так Аркадий Ходов появляется в Челябинске, где начинает работать в газете «Челябинский рабочий» фотокорреспондентом (надо сказать, что в этой газете Ходов проработает всю жизнь, и уже после смерти большая часть его фотоархива останется в «Челябинском рабочем»).

В 1939 году Ходов призывается в армию. Служит на Дальнем Востоке в танковых войсках. С собой Аркадий Георгиевич берет свой верный фотоаппарат «Фэд». В 1941 году начинается война и 112-ю танковую дивизию, в которой служил Ходов, перебрасывают под Москву. Впоследствии Аркадий Георгиевич вспоминал битву за Москву как одну из самых сложных – сильный холод, спать при-

Рис. 1. Калининский фронт. Танковая колонна «Революционная Монголия». Танк «Маршал Чойбалсан» на марше. Фото А. Ходова. 1943 г.

Рис. 2. Воронежский фронт. Курская дуга. 44-я гвардейская танковая бригада. Танк «Маршал Чойбалсан». Танкисты на отдыхе. Фото А. Ходова. 1943 г.

Рис. 3. Украина. 44-я гвардейская танковая бригада (1-я танковая армия). На форсированном марше. Фото А. Ходова

при выпуске военных мемуаров, многотомной «История Великой Отечественной войны Советского Союза», альбома «Великая Отечественная война 1941–1945 в фотографиях и кинодокументах», а также составили основу многих республиканских и областных выставок о войне. Эти снимки стали историческим источником той эпохи, ее безмолвными свидетелями (рис. 4).

Аркадий Георгиевич прошел всю войну: участвовал в битвах за Москву, на Курской дуге, в освобождении Украины, Польши, в штурме Берлина, за что получил немало наград, в том числе медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы»... Сменил четыре танка, войну закончил на Т-34.

После войны Аркадий Георгиевич возвращается в Челябинск, в свою родную газету «Челябинский рабочий», в которой работает фотокором даже после выхода на пенсию. Основными темами его работы становятся трудовые подвиги передовиков производства, собрания областного партийного комитета. Он фотографировал секретарей обкома партии, приезд зарубежных делегаций. В 1959 году был создан «Челябинский фотоклуб», целью которого было объединение всех любителей фотографии. Одним из инициаторов создания клуба был Ходов.

Рис. 4. Германия. Немецкие войска несут потери в живой силе и технике. Фото А. Ходова. 1945 г.

Одним из инициаторов создания клуба был Ходов.

А. Г. Ходова не стало в 2002 году. Но, как у любого истинного художника, жизнь его продолжится на века – в его фотографиях, без которых наше знание о прошедших годах, ставших уже историей, было бы неполным, скудным, сухим. А вклад репортеров, в плеяду которых вошёл и Аркадий Ходов, – тех, кто стал своеобразным фотолетописцем Отечества, поистине неоценим.

**«ЭНТУЗИАСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» –
ИВАН ПЕТРОВИЧ МАЛЮТИН**

Казалось бы, все архивные дела одинаковы – стопки сброшюрованных листов бумаги. Но это далеко не так. За каждым из них люди, их мироощущения, судьбы. И мы невольно чувствуем это, соприкасаясь с ними. Видно, и у дел есть своя аура. Даже находиться рядом с делами из личного фонда Ивана Петровича Малютина (1873–1962) (ф. Р-1565) необычайно комфортно. Они как бы излучают тепло. А весь секрет в том, что письма, дневники, фотографии, бережно собранные им за долгую жизнь, наполнены любовью и добротой. И это несмотря на то, что прожил Малютин жизнь, полную труда, лишений и невзгод.

Какие только профессии он ни перепробовал! Был «плотовщиком» и сапожником, землекопом и мастером на маслоделательном заводе, кладовщиком и весовщиком на железнодорожной станции, библиотекарем и переплетчиком.

При царизме, в 1902 году, за распространение запрещенной литературы Иван Петрович был сослан на три года в Томскую губернию. В советское время, в 1937 году был осужден по 58-й статье за связь с репрессированными писателями и сослан на пять лет в Красноярский край.

Но всегда и везде, куда бы ни забросила его судьба, он не расставался с книгами. Они помогали ему выстоять и не утратить интереса к жизни, к людям.

Рис. 1. В первом ряду: С. П. Подъячев с супругой Марией Спиридоновной, супруга Малютина Анна Ивановна; во втором ряду: И. П. Малютин с дочерью Антониной, Скребков, Максимов. Ярославль. Июль 1925 г.

Свое первое стихотворение И. П. Малютин опубликовал в 1895 году. Позднее, в 1912 году, за публикацию его свободолюбивых стихов газета «Алтайский край» была оштрафована, а затем и закрыта. В журнале «Жизнь для всех», вышедшем в марте 1916 года в Петрограде, были напечатаны – рассказ М. Горького, басни Д. Бедного, дневник Л. Н. Толстого, а на первой странице поместили стихотворение И. Малютина «В стране разоренной».

Современники называли его «писателем из народа», «писателем-самородком, собирателем и неутомимым пропагандистом книги». У него было еще одно замечательное качество: он умел дружить. В личном фонде Малютина хранится переписка с известными писателями, артистами, учеными.

Этот человек с добрыми серыми глазами и неизменной улыбкой умел тепло и сердечно писать «о хороших людях». В своих книгах «Незабываемые встречи», «Воспоминания» он описывает знакомство с М. Горьким, А. С. Серафимовичем, В. В. Вересаевым, Н. Д. Телешовым и др. На протяжении 20 лет Малютин переписывался Р. Д. Бонч-Бруевичем, с В. В. Ивановым его связывала 35-летняя дружба.

Много новых знакомых приобрел И. Малютин на первом Всероссийском съезде писателей (1934 г.). Удивительно, как этому скромному человеку из провинции удавалось стать другом для стольких знаменитых людей. Сам он объяснял это так: «Чтобы написать письмо к какому-нибудь писателю или ученому нужно этим писателем заинтересоваться, почувствовать к нему и к его произведениям особую любовь и уважение. Но и этого мало, это ведь с одной стороны, а надо еще чтобы и писатель заинтересовался тобой, чтобы и он находил в тебе что-нибудь интересное, иначе, зачем он будет отвечать». Иван Петрович обладал великим даром общения, он никогда не скупился на добрые слова и душевные письма. И люди отвечали ему тем же.

Его богатейшая переписка представляет значительную литературную ценность. Недаром Центральный музей художественной литературы и публицистики, Государственный литературный музей, Центральный государственный литературный архив и другие обратились с просьбой к Малютину передать на хранение дорогие его сердцу письма, открытки, а также часть фотографий и книг с автографами. Себе он оставил лишь снятые им копии с писем и несколько книг, которые и хранятся в Государственном архиве Челябинской области.

До последних дней Иван Петрович не выпускал пера из рук. После переезда в Челябинск в 1957 году вышла его первая книга «Незабываемые встречи». В 1958 году была издана книга «Воспоминания». В 88 лет он ездил по стране, встречался со старыми друзьями, добирал материал для автобиографической повести «Странички жизни», которая, к сожалению, осталась не оконченной.

Он всегда был в окружении людей и книг. Волею судьбы персональный пенсионер, член Союза писателей последние годы жизни провел в Челябинском доме престарелых металлургов.

Оставил он не только литературные произведения, но и бесценные документы. Его переписка объемна и интересна. Каждое письмо дает яркую характеристику автору, адресату и времени в целом, а потому трудно было отобрать для публикации всего несколько из них. Все они адресованы И. П. Малютину, поэтому в заголовках к документам указаны только их авторы. Письма публикуются без каких-либо изменений, расположены в хронологическом порядке. Текст одного документа дан в сокращении, опущенные части текста отмечены отточием в квадратных скобках.

№ 1. Из письма русского прозаика и публициста Владимира Галактионовича Короленко (опущено повествование о семейных проблемах)

В 1910 г., живя в Кургане, Малютин собрал материал о ссыльном Якубовиче-Мельшине (бывшем коллеге Короленко по редакции) сделал фотографии дома, где тот проживал и все это, вместе со своими стихами, выслал Короленко. Так началась их переписка. Последнее письмо от него Иван Петрович получил 4 октября 1921 г., а 25 декабря Короленко не стало.

28 апреля 1921 г.
Полтава

«Уважаемый Иван Петрович!

Только теперь собрался ответить Вам на Ваше письмо от 10 янв. 1921 г. с известиями о Г. Н. Потанине. Да, прожил человек чуть не Мафусаиловы годы. Вы сообщаете о лицах, которые о нем заботились в последние годы, но ничего не пишете о жене... Она ведь была сибирская поэтесса и мы с ним вели переписку о ее произведениях, когда она еще не была его женой. Правду сказать, произведения ее были довольно легковесные.

Получил я Ваше письмо с сильным опозданием, но все-таки уже довольно давно. Задержало мой ответ то обстоятельство, что у меня не оказалось никакой моей книги, которую я мог бы послать. Но все-таки надеюсь послать в скором времени.

То, что Вы сообщаете о своей личной жизни, способно возбудить зависть. И я когда-то жил в Сибири, среди ее лесов, и хотя это было в Якутской области, но все-таки я вспоминаю об этом, как о самом здоровом периоде моей жизни. Теперь я пишу продолжение «Ист. моего современника» и дошел до этого периода.

В Москве эти очерки издает «Задруга», но мне пишут, что достать их частным лицам нет возможности. У меня тоже будет только ограниченное количество. Вышел уже второй том и, пожалуй, теперь уже и третий. Должен вскоре выйти четвертый. Теперь работаю над пятым.

Здоровьем особенно похвалиться не могу. Голова работает изрядно. Глаза тоже держатся хорошо (читаю и пишу без очков), но остальное довольно плохо. Теперь надвигается лето, и мне становится лучше. На питание пожаловаться не могу, главным образом благодаря сочувствию окружающих: рабочих и остальной публики. [...]

К сожалению, ничего не могу Вам сообщить (утешительного) о лицах, о которых Вы спрашиваете: о Дрожжине ничего не знаю, о Наживине тоже. О последнем знаю только, что года три назад он жил на Кавказе. Крюков Ф. Д. умер где-то в Кубани. Это, к сожалению не слух, который мог бы оказаться неверным, а известие несомненное. [...]

Ну, еще раз желаю всего хорошего Вам и Вашей семье.

Будьте здоровы. Ваш Короленко.

Сколько верст от Вашего почтов. отд. до Морозовой? Не слишком ли затруднительно извещение о заказных письмах!?

ОГАЧО. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 74. Л. 4–7. Рукописная копия.

№ 2. Письмо русского советского писателя

Семена Павловича Подъячева

Короленко называл Подъячева «оригинальным писателем-реалистом, большим знатоком русского народного языка, мастером рассказа из народной жизни». Свое первое письмо Малютин написал Подъячеву в 1923 г. В ответ получил приглашение погостить. Писатели неоднократно встречались. Их дружба продолжалась вплоть до кончины Семена Павловича, до 1934 г.

12 ноября 1923 г.

«Дорогой Иван Петрович!

Ваши письма очень трогают меня своей задушевностью. Читаю я их, и мне как-то легче жить – Спасибо Вам.

Здоровье мое как будто ничего себе, но вообще все не то, не то и не то. По совести говорю: устал до смерти. Устал от деревенской жизни, устал от тьмы, от всего того, что творится сейчас.

Помаленьку работаю, по всему вероятно на днях появится в журнале «Прожектор» моя небольшая сценка «Встреча» в таком духе я кажется, пишу еще первый раз. Попробуйте поставить ее там у себя – что получится.

Доживу до весны – приеду к Вам по Волге от Кимры погостить, а пока буду с большой охотой отвечать на Ваши письма. Ну, всего Вам наилучшего.

С. П. Подъячев.

Да, забыл. Вы спрашиваете, как я живу в материальном отношении. Увы, и т. д. и т. д.

Хотя не голодаю и ладно.

Еще вот что. Не подыщите ли Вы там у себя где-нибудь для моего сына место по «письменной

части». Мне хотелось бы отправить его подальше. Малый хороший. Вы черкните мне об этом. Еще раз всего хорошего.

Имеется помета: Семен Павлович тяжело переживал голод, который в это время был в его родных местах. (И. М.)»

ОГАЧО. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 16. Л. 27. Машинописная копия.

№ 3. Письмо русского писателя, публициста, общественного деятеля Максима Горького (1)
9 апреля 1926 г.
Сорренто

«Спасибо Вам, Иван Петрович за Ваше интересное письмо, познакомившее меня с еще одним русским человеком. Такое знакомство всегда радость. Верить в человека и любоваться ростом его духа это лучшее, что дает нам жизнь. Посылаю Вам мою фотографию и книги, какие есть. (2) Крепко жму руку. А. Пешков».

ОГАЧО. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 116. Л. 20. Рукописная копия. (3)

1. Многие годы Малютин мечтал о знакомстве с М. Горьким (псевдоним Алексея Максимовича Пешкова), но все не было случая. Но однажды Иван Петрович обнаружил интересные архивные документы по истории знаменитой Ярославской фабрики. Горький в это время готовил материал о необходимости изучения истории фабрик и заводов, и находка могла ему пригодиться в работе. В ответ на свое послание Малютин получил бандероль из Италии, в ней было и это письмо.

2. Малютин получил от Горького: книги «Детство», «Дело Артамоновых» с дарственной надписью «Ивану Петровичу Малютину. М. Горький. 13.V.1926. Сорренто»; открытку, на которой изображена вилла в Сорренто и крестиком отмечено одно из окон, на обороте имеется надпись – «Дом, где я живу и окно моей комнаты»; несколько фотографий М. Горького; красочный альбом с видами Неаполя.

3. Оригиналы автографов приобрели институт литературы имени А. М. Горького, архив А. М. Горького. Малютину были высланы фотографии этих документов. Копии с письма он снял собственноручно.

№ 4. Письмо русского советского писателя
Вячеслава Яковлевича Шишкова (1)

25 ноября 1929 г.
Детское село

«Любезный и милый Иван Петрович.

Ласковое, как всегда, письмо Ваше получил. И то получил с карточкой (Подъячев) и с письмом тов. Ермакова. Спасибо Вам большое.

Из Москвы я вернулся недавно. Перешел из «Зифа» в «Недра». «Зиф» старые произведения не любит распространять быстро, смотрит как на завал, а «Недра» отнесутся к моим произведениям как к новым, и дорожке заплатили. Издадут все 10 томов в продолжении 1930 г. Это для меня очень важно.

Вы уж очень меня расхваливаете, не за что, не заслужил. Писатель, как писатель, не хуже и не лучше других. Я буду рад, когда выйдут мои новые книги, над которыми работаю: «Пляска», «Путь вольных птиц», «Угрюм-река». Последний роман будет равняться по объему четырем «Тайгам». Буду рад, что все эти книги попадут к Вам в руки. Вы большой ценитель, человек понимающий и сердечный. Имеется ли у Вас «Пурга»? Я эту книгу очень ценю.

Написал хороший рассказ, большой, на два листа «Бродячий цирк» и еще плохой рассказ «Сдвиги» тоже на два листа.

У нас сегодня первый снежок, а то все тепло было, +5. Квартира у нас очень хорошая, теплая, светлая, просторная. Мой кабинет 76 кв. метров.

Очень хорошо Ваше стихотворение «Бродяга». Возможно, что кусочек его я, с Вашего разрешения, включу в «Угрюм-реку». Я бы советовал Вам помаленьку писать свои воспоминания, ну хоть по строчке в день. За год у Вас получилась бы ценная книга. Принимайтесь-ка! Этой работой наполните свою жизнь, дадите выход Вашей поэтической энергии.

Кланяюсь Тонечке, Анне Ивановне (2) и иже с Вами.

Клавдия Михайловна тоже шлет привет.

Прилагаю свой пай за карточки. Ваш Вяч. Шишков.

«Ватаги» нет, высылаю завтра «Свежий ветер». (3)

ОГАЧО. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 90. Л. 7 – 7об. Машинописная копия.

1. С 1916 г. Малютин стал постоянным читателем и поклонником Шишкова. В 1926 г. решился написать. Завязалась переписка, которая быстро перешла в тесную дружбу. Писатели часто бывали в гостях друг у друга. После смерти Вячеслава Яковлевича в 1945 г. переписку продолжила его жена.

2. Антонина – младшая дочь Малютина. В юности сопровождала отца в поездках, участвовала в его переписке, сочиняла стихи, публиковалась. Защитила кандидатскую диссертацию о творчестве Некрасова.

Анна Ивановна – супруга И. П. Малютина.

3. Нередко после выхода новой книги Иван Петрович пересылал авторам деньги за один экземпляр для своей личной библиотеки.

№ 5. Письмо народного артиста СССР

Василия Ивановича Качалова

Впервые Малютин увидел Качалова в 1926 г. в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты». И был очарован его игрой. Личная встреча произошла в Ярославле 29 октября 1932 г. Ивану Петровичу не досталось билета, и он отправился в гостиницу, где жил актер, передал ему записку с просьбой помочь попасть на выступление. Свободных мест не оказалось, и его посадили в глубине сцены за роялем. После спектакля долго беседовали. Эта встреча стала началом их дружбы. Василий Иванович нередко присылал фотографии с трогательными надписями, книги. Переписка продолжалась вплоть до кончины В. Качалова – 30 сентября 1948 г.

14 января 1933 г.

«Простите меня, сердечно уважаемый Иван Петрович, за то, что до сих пор не ответил Вам на Ваши письма, которые я читал с большим удовольствием и интересом, и за которые сердечно благодарю.

Я в этом году совершенно невероятно занят, очень переутомляюсь, часто болею. Несколько раз пытался написать Вам побольше и поподробнее, но как видите, это мне оказалось не под силу.

И сейчас пишу всего несколько слов – только, чтобы Вас поблагодарить за все от Вас полученное. Не теряю надежды, что может быть вторая половина сезона окажется легче для меня, и еще удастся не раз перекинуться с Вами живым словом.

Примите мой новогодний привет и передайте его Вашей дочери.

С искренним уважением В. Качалов.

Я как-то наткнулся на не напечатанные почему-то четыре строчки Маяковского пропущенные в большом его стихотворении, вот они:

«Я хочу быть понят своей страной

А не буду понят – что ж,

По родной стране пройду стороной

Как летом косою дождь».

Посылаю Вам как поэту и любителю стихов это четверостишие, оно мне нравится».

ОГАЧО. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–1 об. Рукописная копия.

10 ноября 1933 г.
Ленинград

Дорогой Иван Петрович!

Каждый раз как получаю от Вас письмо, на душе становится можно сказать ароматно, как будто получаешь кроме всего прочего еще букет цветов. Так было с последним Вашим письмом, которое, однако, заблудилось благодаря моим переездам и запертой квартире по причине вечных дежурств моих домашних по поводу получения продуктов. Дело в том, что письмо Ваше, написанное еще в мае, дошло до меня только в ноябре.

Мы уехали из Ленинграда еще около 20 мая, а письмо помечено 24 мая 1933 г. Квартира долго была заперта и письмо Ваше прошло не знаю какие маршруты за лето, и в конце концов передано мне на днях вместе с кучей других, после моего возвращения в Ленинград.

Действительно ли Вы отказались переехать в Ленинград и живете по-прежнему с семьей в Ярославле? Это по-моему мнению самое лучшее. В такие беспокойные времена никогда не нужно менять добровольно уже насиженные места. Останешься только одиноким и беспомощным, потому что новые знакомые будут заботиться только о себе.

В Москве за все лето мне не пришлось ни разу побывать. Не был даже в Рыбинске. Все время сидел в «Борке» (2) и работал над дальнейшими томами «Христа». (3) Перспективы в этом отношении огромные и я остаюсь доволен результатами этого лета.

Зато по институту оказалось много недочетов по ремонту зданий, и мне после приезда приходится менять своего заместителя по хозяйственной части, навязанного мне райкомом, лентяй, ни на что не способный.

Сердечный привет Вам всем от меня и Ксаны. Если будете в Ленинграде, не забудьте навестить.

Сердечно Ваш Н. Морозов».

ОГАЧО, ф. Р-1565, оп. 1, д. 14, л. 69-70. Машинописная копия. (4)

1. Морозов Н. А. (1854–1946 гг.) – ученый и революционер, писатель и почетный член Академии наук СССР. В общей сложности провел в тюрьмах 29 лет за свои политические убеждения (из них 25 лет – в Шлиссельбургской крепости). За пятилетие после своего освобождения (1905 г.) Н. Морозов опубликовал около 60 работ преимущественно по естествознанию. Им были написаны сотни трудов по химии, физике, астрономии, математике, биологии, философии, политэкономии, языковедению, истории, литературе и др. Он сделал немало ценных прогнозов, которые позднее были подтверждены научно.

Прочитав биографию Морозова, Малютин «осмелился» написать ему письмо. К своему удивлению очень скоро получил ответ. Так завязалась их многолетняя дружба.

2. Имеется в виду Борки Ярославской губернии, где находился «Дом труда и отдыха академии наук» (почетный член АН СССР с 1932 г.), в котором Морозов проводил свободное от работы в научном институте время.

3. С 1924 по 1932 годы было издано 7 томов книги «Христос», в которой он пытался пересмотреть ряд коренных вопросов всемирной истории, в частности христианства. Выдвинутые им предположения были отвергнуты советскими историками.

4. В Ярославле оригиналы писем Н. А. Морозова были переданы Малютиным краеведческому музею, его книги – областной библиотеке, фотопортрет – педагогическому училищу.

№ 7. Письмо писателя и общественного деятеля
Александра Александровича Фадеева

Фадеев А. А. – автор произведений «Разгром», «Молодая гвардия» и др. В 1926–1932 годах являлся одним из руководителей Российской ассоциации пролетарских писателей, с 1939 по 1954 годы – в руководстве Союза писателей СССР. Награжден двумя орденами Ленина. Неоднократно бывал на Урале: в 1932 году посетил ММК; в 1951–1954 годах несколько раз приезжал в Челябинск и Магнитогорск.

Фадеев познакомился с Малютиным в 1920-е годы, когда жил в Ярославле. После переезда писателя в Москву между ними завязалась переписка.

24 декабря 1954 г.

«Дорогой Иван Петрович!

Извините, что долго Вам не отвечал. Объяснять Вам даже не буду этого, потому что Вы сами знаете и видите многое из прессы. Тем не менее, это, конечно, свинство и Вы на меня не сердитесь. Я думаю, что самое правильное из того, что можно сделать – это написать свои воспоминания. Не подумайте, что я говорю мимолетное доброе слово, но я по существу убежден в Вашей талантливости.

А жизнь, прожитая Вами, не похожа на других. И что же может быть лучше, чем рассказать об этой жизни? Конечно, есть опасности заехать в мелочи. Но она, эта опасность есть, увы, и у прямых прозаиков.

А все, что порождено не досужей выдумкой, а сердечным переживанием и опытом зрелого ума, то как-то «само собой» укладывается. Выходит, что Вам нечего сдаваться перед трудностями техническими.

Сердечно Вас обнимаю и крепко жму Вашу руку.

А. Фадеев».

ОГАЧО. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 26. Л. 32–33. Рукописная копия.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОПИСАНИЮ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ

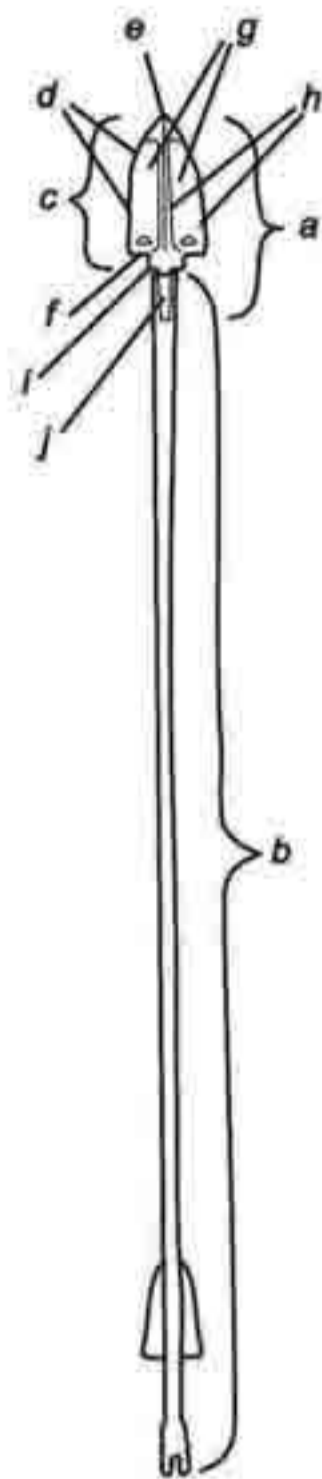

Рис. 1. Наступательное оружие дистанционного боя. Стрела. (Худяков, 1980. С. 67. Табл. XIII): а – наконечник стрелы; б – древко стрелы; с – перо; d – сторона; e – острие; f – плечико; g – грань; h – лопасть; i – упор; j – черешок

Наконечники стрел – многочисленная категория предметов, хранящихся в фондах музеев, и вызывающих неизменный интерес у посетителей. В фондах Челябинского областного краеведческого музея есть сотни наконечников стрел, как из закрытых комплексов, так и редкие по форме и технологии изготовления случайные находки, не имеющие привязки к конкретным археологическим памятникам. Наконечники стрел (каменные, бронзовые, железные) разнообразны по технологии изготовления, форме, размерам и являются одной из категорий находок, датирующих археологический памятник. При музейной обработке наконечников стрел существуют некоторые сложности при их описании. Рассмотрим правила описания металлических наконечников (бронзовых и железных). Но сначала необходимо дать основные понятия, привести типологии наконечников стрел, существующие в научной литературе.

Основные понятия

Стрела – метательное оружие дистанционного боя. Функциональное назначение – поражение цели на расстоянии.

Составные элементы стрелы (рис. 1): *наконечник* – рабочая часть, предназначенная для поражения цели; *древко* – несущая часть – для направления полета к цели. Наконечник стрелы включает следующие детали: *перо* – проникающая, ударная часть; *насад* – несущая часть, предназначенная для крепления древка, *сторона* – острый режущий край пера; *грань* – поверхность пера; *плечико* – сторона пера, обращенная к древку, ограниченная сторонами; *лопасть* – грань, возвышающаяся от основания пера; *ярус* – уступ, образуемый стороной лопасти пера; *шип* – выступ, образуемый плечиком лопасти пера; *упор* – выступ, ограничивающий перо наконечника стрелы при соединении с торцом верхнего конца древка; *черешок* – стержень насада, служащий для крепления в теле древка. В роли черешка у втульчатых наконечников служила *втулка* (втулка – деталь цилиндрической или конической формы, имеющая осевое отверстие, в которое входит другая деталь), в нее вставляли древко стрелы (Худяков, 1980. С. 75–77).

Лук со стрелами – главные предметы вооружения ранних кочевников Евразии. В погребениях кочевников находят колчаные наборы, состоящие из большого количества стрел. Для скифо-сарматской эпохи характерны бронзовые *втульчатые* (с выступающей или внутренней (скрытой) втулкой) наконечники стрел.

В VII–VI веках до н. э. употреблялись, главным образом, довольно массивные двухлопастные наконечники стрел листовидной или ромбической формы без шипа или с острым шипом на выступающей втулке. Наряду с ними существовали трехлопастные и трехгранные наконечники, имевшие выступающую втулку, иногда с шипом. Появившиеся в это же время массивные трехлопастные наконечники с внутренней втулкой, головка которых имела треугольную или сводчатую форму, вытеснили двухлопастные в конце VI – начале V века до н. э. В колчаных наборах первой половины V века до н. э. они господствовали. Вместе с ними употреблялись наконечники стрел с головкой такой же формы, но имеющие выступающую короткую втулку, а также трехгранные наконечники с внутренней и выступающей втулкой.

Во второй половине V века до н. э. меняются пропорции трех-

гранных и трехлопастных наконечников стрел. Они становятся уже в основании и более вытянутыми в длину. Концы лопастей или граней часто оформляются как острые шипы.

В IV–III веках до н. э. сколько-нибудь заметных изменений формы наконечников не прослеживаются, но более широкое распространение получили небольшие трехгранные наконечники с внутренней втулкой.

Длительное использование бронзы для изготовления наконечников стрел было вызвано тем, что большое количество наконечников легче и быстрее отлить из бронзы, чем ковать из железа. Колчанные же наборы скифов и сарматов состояли из 50–60 и более (до 300) стрел. Многие воины, особенно дружинники и знать, имели несколько колчанов.

Железные наконечники стрел зачастую находятся вместе с бронзовыми в колчанах VI века до н. э., но отсутствуют в большинстве колчанных наборов V–IV веках до н. э. В IV–III веках до н. э. они вновь появляются, но лишь на Среднем Дону и составляют большие комплексы, часто преобладавая над бронзовыми, или заполняют колчан целиком без бронзовых (Мелюкова, 1989. С. 92).

Со II века до н. э. втульчатые наконечники стрел окончательно и повсеместно уступают место железным черешковым наконечникам. У кочевников эпохи средневековья железные черешковые наконечники стрел разных форм занимают в их боевом арсенале одно из важнейших мест.

Втульчатые наконечники стрел

Типология

В основе классификации наконечников стрел раннего железного века по К. Ф. Смиронову лежит разделение стрел на группы по форме насада на древко, на отделы – по поперечному сечению головки стрелы и на типы – по форме головки и насада. Выделяются две группы наконечников – втульчатые и черешковые, пять отделов – плоские (двухлопастые), трехлопастые, трехгранные, четырехгранные (или ромбовидные), круглые, а также большое количество различных типов и их вариантов в каждом отделе. (Смиронов, 1961. С. 37).

М. К. Хабдулина распределила бронзовые наконечники стрел по типам. Тип определяет продольное сечение головки (пера). Алгоритм описания по М. К. Хабдулиной: отдел [определяет способ насада (втульчатые, черешковые) → группа (поперечное сечение головки)]. Хабдулина выделяет шесть групп. Внутри групп, по продольному сечению головки, выделяются типы (Хабдулина, 1993. С. 25). В алгоритме М. К. Хабдулиной не заложено описание втулки (внутренняя, скрытая) и ряд других признаков.

А. С. Скрипкин составил список признаков, более полно характеризующий наконечники сарматских стрел с III века до н. э. по I век н. э. Список признаков А. С. Скрипкина хорошо соответствует алгоритму описания В. В. Горбунова.

Список признаков:

- I. Материал (**группа** по В. В. Горбунову) 1 – бронза, 2 – железо, 3 – кость.
- II. Характер соединения с древком (**разряд** по В. В. Горбунову)
 1. втулка: 1 – выступающая, 2 – внутренняя;
 2. черешок: 1 – короткий, 2 – средний, 3 – длинный.
- III. Форма головки (пера)
 1. Поперечное сечение головки (**раздел** по В. В. Горбунову): 1 – плоское, 2 – трехгранное, 3 – трехлопастное, 4 – комбинированное.
 2. Продольное сечение контура головки (**отдел** по В. В. Горбунову): 1 – сводчатое, 2 – треугольное, 3 – ромбическое, 4 – ромбическое с муфтой, 5 – рапеевидное.
 3. Оформление базиса головки (**тип** по В. В. Горбунову): 1 – лопасти или грани, срезанные под прямым углом к втулке или черенку, 2 – под острым углом, 3 – под тупым углом.
 4. Пропорции, характеризующие головку (тип по В. В. Горбунову): 1 – короткая головка, 2 – средняя, 3 – длинная. Короткая головка, когда длина головки составляет не более 1,5 длины ее основания, средняя – от 1,5 до 2,5 и длинная – более 2,5. (Скрипкин А, 1990. С. 67–69).

Образцы описания. Примеры (рис. 2, 3, 4)

Наконечники бронзовые с выступающей втулкой

1. Головка короткая трехгранная, сводчатая, с гранями, срезанными под тупым углом к втулке.
2. Головка длинная, трехгранная, с треугольным контуром, грани срезаны под прямым углом к втулке.
3. Головка средняя, трехгранная, контур головки треугольный, грани срезаны под острым углом к втулке (Скрипкин, 1990. С. 67–69).

Инвентарная карточка

Фонд «Предметов археологии»	Лист 1
-----------------------------	--------

<p>ОФ-6623/38-44</p>	<p>Время и документы поступления: 2008 Протокол ЭФЗК № 39 от 14.01.2009 . Акт приема в пост.пользование (ОФ) № 1/09 от 16.01.2009</p>
	<p>Наконечники стрел с выступающей втулкой, трехлопастные. Могильник Кичигино I. Курган 3, могильная яма 2. Курган 3, могильная яма 2 (№ 9, 7 шт.). Датировка: IV в. до н.э. Материал: бронза Техника: литье, ковка Размеры: Дл. 2, 6 см, Ш. 0, 8 см. Место, дата и автор находки: Челябинская обл., Увельский р-он, Кичигино село. 2007 г. Боталов С. Г. Археологическая коллекция: Коллекция предметов, полученная при раскопках кургана 3 курганного могильника Кичигино I (ранний железный век), в 2007 году. (41 К-1) Археологический памятник: Курганный могильник Кичигино I, курган 3. Месторасположение памятника: Челябинская обл., Увельский р-он, Кичигино село; Увелька река, левый берег. История исследования: Курганная группа у с. Кичигино впервые была открыта разведкой К. В. Сальникова в 1951 г. (Сальников К. В., 1951). Сальников зафиксировал 11 насыпей. Сегодня на поверхности фиксируется лишь семь. В 2005 году «курганы у с. Кичигино» были переобследованы разведкой М. Л. Плешанова. В июле–августе 2006 г. объединенным отрядом ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет», Челябинского областного краеведческого музея и Южно-Уральского филиала Института истории и археологии Уральского отделения РАН, проводились охранные археологические исследования курганного могильника Кичигино I был раскопан курган № 3. Коллекция была передана на хранение в Челябинский областной краеведческий музей. Датировка памятника: первая половина IV до н.э.</p>
<p>Описание: Наконечники стрел с выступающими короткими, широкими втулками, трехлопастные, с треугольными головками, лопасти слегка опускаются в виде шипов, с отверстиями в нижней части головки. Сохранность: Наконечники целые, покрыты патиной Легенда: Могильник Кичигино 1, курган 3. раскопки 2007 года. Публикации: Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д 1–10. М., 1963. Табл. 14, 69.; Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблема хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. С. 70. Табл. 23, 16, 17.</p>	

Рис. 2. Образец инвентарной карточки (в комплексной автоматизированной музейной системе «КАМИС 2000») на бронзовые трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой

Алгоритм описания втульчатых наконечников стрел раннего железного века: группа (материал) → разряд (характер соединения с древком, то есть втульчатые или черешковые) → раздел (поперечное сечение головки) → отдел (продольное сечение контура головки) → тип (рассматриваем пункт 3 и 4). Если на гранях лопастей имеется орнамент, необходимо это отметить.

Описав данные пункты, снимаем размеры в сантиметрах: общую длину, длину головки, ширину (максимальную).

Затем описываем сохранность – наличие патины, повреждений.

Записываем в инвентарную карточку легенду: в какую археологическую коллекцию входит наконечник стрелы, в каком памятнике обнаружен, кто и когда проводил раскопки.

На основе изучения публикаций приводим аналогии и устанавливаем датировку описываемого наконечника стрелы.

Железные черешковые наконечники стрел

Выше была приведена типология стрел и алгоритм их описания по А. С. Скрипкину, по этому принципу можно описывать и черешковые наконечники стрел, однако для средневековых черешковых наконечников стрел существуют специально разработанные типологии, в частности, В. В. Горбунова, который на основе изучения вооружения кочевников VI–XII вв. разработал более подробную типологию описания средневековых железных, черешковых наконечников стрел. Она удобна еще и тем, что в ней даны определения каждого признака железных черешковых наконечников. Ниже рассмотрим типологию В. В. Горбунова, а также других авторов.

Увеличение количества населения, особенно заметное в сарматское время, развитие производительных сил, дальнейшее освоение технологии обработки железа – все это способствовало полному вытеснению бронзы из сферы изготовления оружия и, начиная со II века до н. э., установлению господства железных черешковых стрел. Сама форма черешка была заимствована из восточных областей Европы и, в первую очередь, из Южной Сибири и Средней Азии, так как на западе (Дон, Прикубанье, Скифия) и в эпоху бронзы, и в раннем железном веке господствовали только втульчатые наконечники стрел. Однако освоение сарматами черешкового наконечника объясняется, видимо, не только близкими связями с восточными районами, но и большим удобством и простотой изготовления из железа черешка, а не втулки. Это была наиболее рациональная форма при использовании железа для производства наконечников, поэтому она и смогла вытеснить втульчатую бронзовую стрелу. Процесс этот был очень длителен, первые известные черешковые железные стрелы появились у сарматов еще на рубеже VI–V вв. до н. э. В IV веке до н. э. они также являются редкостью и только в конце IV–III века до н. э. количество их значительно увеличивается, они сосуществуют с бронзовыми втульчатыми наконечниками, нередко встречаясь с ними в одном колчане. Но лишь погребения прохоровской культуры III–II вв. до н. э., дают устойчивое преобладание железных черешковых стрел над бронзовыми втульчатыми, что позволяет говорить о полном господстве со II века до н. э. железной черешковой стрелы (Мошкова, 1963. С. 31).

Типология

Все известные черешковые наконечники стрел по форме головки, независимо от материала, М. Г. Мошкова разделила на три отдела — плоские, трехгранные и трехлопастные (Мошкова, 1963. С. 31).

Черешковые наконечники стрел подразделяются на несколько групп, которые, в свою очередь, делятся на типы (Худяков, 1975. С. 310–326.).

Ю. С. Худяков наконечники стрел VI–XII вв. подразделил на группы – по форме сечения пера и на типы – по форме пера. (Худяков, 1980. С. 79).

В. В. Горбунов для системного описания наконечников стрел разбил по их основным признакам разбиты на шесть уровней: группа – разряд – раздел – отдел – тип – вариант. **Группа** выделяется по материалу изготовления, **разряд** определяется способом насаждения наконечника на древко, **раздел** характеризует форму пера наконечника и его поперечное сечение, **отдел** устанавливает общий силуэт пера в продольной плоскости и наличие острия, **тип** уточняет абрис (**абрис**, линейное очертание предмета, то есть его контур) пера и детали его оформления, **вариант** информирует о присутствии упора и его конструкции, а для ярусных наконечников дополнительно выявляет соотношение длины верхней и нижней частей пера.

Образы описания. Примеры

Группа I. Железные (в эпоху средневековья, все наконечники изготавливались из железа).

Разряд I. Черешковые. Наконечник вставляется в древко стрелы выступающим насадом, который сделан в виде круглого или граненого стержня.

Инвентарная карточка

ОФ-6355/1	Фонд «Предметов археологии» ОФ-6355/1 Лист 1
ОФ-6355/1	Время и документы поступления: 06. 09. 2007 Передача. Акт приема в пост.пользование (ОФ) № 6803 от 06.09.2007
	<p>Наконечник стрелы черешковый, с плоским пером (Могильник Агаповский I, курган 4) Курган 4 Датировка: XIII – XIV вв. Материал: железо Техника: литьё, ковка Размеры: Дл. – 8, 5см; Ш. – 1, 5 см; Дл. черешка – 4, 3 см Место, дата и автор находки: Челябинская обл., Агаповский р-он, пос. Агаповка (Могильник Агаповский I находится в 1, 8 км к ЮЮВ от поселка Агаповский Агаповского района Челябинской области). Урал река (левый берег реки). 1997–1998 гг. С. Г. Боталов раскопки. Археологический научный центр Южно-Уральский филиал УрО РАН. Археологическая коллекция: Археологическая коллекция предметов, полученная при раскопках могильника золотоордынского времени (XIII–XIV вв.). Могильник Агаповский I. Археологический памятник: Могильник Агаповский I . Курган 4. Месторасположение памятника: ; Урал река (левый берег реки Урал, на наклонной террасе Ключевого Лога) История исследования: Могильник исследовался летом и осенью 1997 - 1998 года отрядом Южно-Уральского отдела института истории и археологии УрО РАН. Руководитель работ С. Г. Боталов. Были исследованы все курганы могильника. Датировка памятника: (XIII–XIV вв.)</p>
<p>Описание: Наконечник стрелы черешковый, с плоским пером ассиметрично–ромбической формой пера, с черешком округлым в сечении Аналоги: Сросткинские комплексы Западной Сибири Сохранность: Археологически целый, коррозирован Атрибуция: С. Г. Боталова Публикации: Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Глава 4. Эпоха поздней древности и средневековья. Челябинск, 2006.; Боталов С.Г., Григорьев, Бабенков К. Н. Отчет о раскопках могильников Агаповский I, Агаповский II и культового комплекса в зоне строительства автодороги Магнитогорск – Сибай - Зилаир – Ира. Участок обход п. Агаповка. Челябинск. 1995.; Боталов С. Г. Отчет о раскопках могильника Агаповский I (а также Могильника Наровчатский I, Наровчатский II). Челябинск, 1998.</p>	

Рис. 3. Образец инвентарной карточки (в комплексной автоматизированной музейной системе «КАМИС 2000»), на бронзовый черешковый трехлопастной наконечник стрелы

Раздел I. Трехлопастные. Перо наконечника представляет собой тело, состоящее из трех лопастей, а его поперечное сечение имеет форму трехлучевой звезды.

Отдел I. Ярусные. Общий силуэт пера наконечника составляют две фигуры, переход между которыми образует ярус, выраженный плечиками-уступами и иногда выделенной шейкой.

Тип 1. Треугольные – асимметрично-ромбические. Верхняя часть пера по абрису напоминает треугольник, а нижняя часть – ромб, стороны которого преломляются ближе к острию. Часть наконечников этого типа имеет округлые прорезы в лопастях. Размеры пера: длина – 2,2–8 см, максимальная ширина – 1–3 см.

Вариант а – без упора, с меньшим верхним ярусом. Лопастни пера наконечника – под небольшим прямым углом или плавно переходят в черешок. Длина верхней части пера меньше длины его нижней части.

Вариант б – с кольцевым упором и меньшим верхним ярусом. Перо наконечника при переходе в черешок снабжено кольцом, приваренным под лопастями.

Вариант в – без упора, с равным или большим верхним ярусом. Длина верхней части пера равна или больше длины его нижней части.

Вариант г – с кольцевым упором, с равным – большим верхним ярусом (Горбунов, 2006. С. 27–28).

Алгоритм описания по В. В. Горбунову:

группа → разряд → раздел → отдел → тип.

Далее описываем те же пункты, что и для втульчатых наконечников стрел:

Размеры (в сантиметрах) → материал, техника → сохранность → легенда → аналогии → датировка.

Основные группы средневековых железных черешковых наконечников стрел

Группа I. Трехлопастные

Отличительной особенностью таких наконечников является трехлопастное перо, обеспечивающее стреле высокие баллистические качества. Они были наиболее устойчивы в полете и наносили при попадании болезненные рваные раны.

Трехлопастные наконечники с вытянуто-пятиугольными очертаниями пера, которые вплоть до конца I тыс. н. э. были основным типом. Функционально они предназначались для поражения незащищенного панцирем противника. Такие наконечники наиболее устойчивы в полете, с их распространением значительно возросли дальность и эффективность, прицельной стрельбы из лука.

Группа II. Трехгранно-трехлопастные

Отличительной особенностью наконечников данной группы является трехгранное сечение ударных граней пера и трехлопастное сечение плечиков. Подобные наконечники стрел представляют собой переходную форму от трехлопастных к трехгранным.

Группа III. Трехгранные

Наконечники данной группы отличаются от других, прежде всего, трехгранной монолитной боевой головкой, завершающейся упором.

Группа IV. Четырехгранные

Отличительной особенностью наконечников данной группы является четырехгранная монолитная боевая головка с упором.

Тип. 4. Томары Наконечники с вытянуто-трапециевидным пером, тупым острием и упором.

Группа V. Круглые

Отличительная особенность наконечников данной группы — округлое в сечении, удлиненное «пулевидное» перо.

Группа VI. Плоские

Наконечники этой группы отличаются от других, прежде всего, плоским пером, завершающимся упором. Подобные наконечники наиболее просты в изготовлении.

Группа VII. Двухлопастные

Отличительной особенностью наконечников данной группы является двухлопастное плоское сечение пера с выступающим по центру ребром основания пера. Их можно отнести к типу асимметрично-ромбических.

Грамотное описание музейных предметов – наконечников стрел, поиск аналогий позволит атрибутировать предмет, вставить его в исторический контекст, аргументировать реконструкцию применения, расширить диапазон его демонстрации в экспозиции.

Инвентарная карточка

ОФ-1733	Фонд «Предметов археологии»	Лист 1
---------	-----------------------------	--------

ОФ-1733	<p>Время и документы поступления: 1960 от Н. Е. Ермолина. Дар. Акт приема в пост.пользование (ОФ) № 889 от 19. 10. 1960</p>
	<p>Наконечник стрелы черешковый (записан как наконечник дротика), трехлопастной, с треугольной формой пера Датировка: IV - II в. до н. э. Материал: бронза Техника: литье,ковка Размеры: Дл. общая – 6, 2 см, Дл. пера– 3, 2 см, Дл. черешка – 3 см; Ш. 1, 6 см. Археологический памятник: Случайная находка.</p>
<p>Описание: Наконечник стрелы черешковый (записан как наконечник дротика), трехлопастной, с треугольной формой пера, черешок овальный сечении, расплюсчен в нижней части. Сохранность: Целый, одна лопасть имеет надпил, в черешке в верхней части высверлено отверстие для пробы металла. Легенда: В акте записано: «Наконечник стрелы, найден в мае 1960 года в бору в промоине ручья Колхозном районе Челябинской области, Молочный кордон (7 км от Глазуновского) от Молочного района кордона на запад километрах в 5». Публикации: Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // Свод археологических источников. Выпуск Д 1 -10. М., 1963. Таб. 17.</p>	

Рис. 4. Образец инвентарной карточки (в комплексной автоматизированной музейной системе «КАМИС 2000»), на железный черешковый, плоский, с ассиметрично-ромбической формой пера наконечник стрелы

Список литературы

1. Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III – XIV вв. Часть II. Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул, 2006.
2. Мелюкова А. И. Оружие, конское снаряжение, повозки, наверхия // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
3. Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д 1-10. — 1963.
4. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. — Саратов, 1990.
5. Смиронов К. Ф. Вооружение савроматов // Материалы и исследования по археологии СССР. — М., 1961.
6. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
7. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. – М., 1971.
8. Хабдулина М. К. Хронология наконечников стрел раннего железного века Северного Казахстана // Кочевники Урало-Казахстанских степей. – Екатеринбург, 1993.
9. Худяков Ю. С. Опыт типологической классификации наконечников стрел енисейских кыргызов IX-XII вв. // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск, 1975.
10. Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв.— Новосибирск, 1980.

Сокращения

САИ - Свод археологических источников. Москва; Ленинград.

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

В последние годы на территории Челябинской области найдено значительное количество предметов древности, в том числе относящихся к эпохе ранних кочевников. Некоторая их часть оказалась доступной для обработки и может быть введена в научный оборот. Выражаем искреннюю признательность Д. Г. Богданову, И. А. Малявкину, Е. А. Назаренко, Е. Пяткину, М. Якимовичу, предоставившим находки для их научной обработки и публикации.

На территории Башкортостана в верховьях реки Уй найден бронзовый четырехлопастной наконечник стрелы с узкой овальной головкой и выступающей втулкой (рис. 1, 1). Узкие хорошо выраженные лопасти плавно переходят во втулку, диаметр которой почти равен ширине головки. Острие наконечника утрачено в результате окисления. На одной стороне втулки имеется небольшое круглое отверстие, служившее, вероятно, для крепления наконечника к древку. Два незначительных отверстия, являющихся, очевидно, литейным браком, отмечены и у основания одной из лопастей. Длина наконечника 5,6 см, длина головки 3,4 см, ширина – 0,7 см. Внешний диаметр втулки – 0,8 см. Аналогии наконечнику нам неизвестны. Общий архаичный облик наконечника дает основание для отнесения его к раннесакскому времени (VIII – начало VI вв. до н. э.).

В Брединском районе на полевой дороге, идущей вдоль левого берега реки Бирсуат, был найден бронзовый двухлопастной наконечник стрелы с симметрично-ромбовидной головкой и выступающей втулкой (тип I, ВБ по К. Ф. Смирнову). В результате сильного удара о твердую поверхность острие его сплющилось (рис. 1, 3). Современная длина наконечника 4,1 см; длина головки 3,3 см, ширина – 1,5 см; внешний диаметр втулки 0,7 см. Наконечники стрел этого типа широко представлены в комплексах VII и отчасти VI вв. до н. э. европейской части степной Евразии, в азиатской части региона они встречаются лишь изредка (Смирнов, 1961. С. 41; Яблонский, 1996. С. 36. Рис. 35; Маргулан и др., 1966. С. 377).

К распространенным в VII–VI вв. до н. э. в азиатских степях и предгорьях типам наконечников принадлежит экземпляр, найденный в сосновом бору на левом берегу реки Увелька севернее могильника Кичигино I у села Кичигино Увельского района (рис. 1, 2). Это бронзовый трехгранно-трехлопастной наконечник со сплюснутым черешком, сводчатой головкой и прямым основанием лопастей (тип I, I, Б, 1a1 – по Л. Т. Яблонскому) (Яблонский, 1996. С. 36, 38. Рис. 35, 4). Длина наконечника 6,0 см; высота головки 2,2 см, ширина – 1,0 см; диаметр черешка у головки 0,5 см, наибольшая ширина уплощенной части 0,6 см. Аналогичные формы наконечников встречены и в ряде погребальных комплексов VII–VI вв. до н. э. Южного Зауралья (Таиров, 2007. Рис. 42, 14, 31; 43, 29).

На межкурганном пространстве могильника Кичигино I найдена пара бронзовых псалиев из одного уздечного набора (рис. 1, 4, 5). Обнаружены они были в пахотном слое в 20–22 м друг от друга. На внутренней стороне одного из псалиев (рис. 1, 4) фиксируется четкий след лемеха плуга, в результате воздействия которого изделие слегка изогнулось. Обследование места находок не выявило следов каких-либо конструкций.

Оба псалия могут быть отнесены к характерному для Южного Урала типу V по классификации К. Ф. Смирнова (1961. С. 96) – двудырчатые прямые с симметрично расположенными на концах головками животных или хищных птиц. На окончаниях обоих кичигинских псалиев изображены головы птиц со звериными ушами («ушастые грифоны»). У них мощный, круто загнутый клюв с четко очерченной восковицей, большой круглый глаз с рельефным валиком, создающим внешний контур. Ниже уровня глаз расположено рельефно проработанное ухо полукруглой формы. Длина псалиев 11, 3–11, 8 см. Стержни их у окончаний, у голов «ушастых грифонов» имеют в сечении ромбовидную форму размерами 0,6 × 0,7 см. В центре, между отверстиями, в сечении они овальные, размером 0,7 × 0,9 см. Диаметр отверстий для ремней уздечки – 0,6 см. В месте расположения отверстий псалии в сечении имеют овальную форму размерами 0,7–0,8 × 1,3–1,4 см.

Псалии этого типа в Южном Зауралье обнаружены в кургане 3 могильника Маровый Шлях и кургана 1 могильника Солончанка II, которые датированы концом VI – первой половиной V вв. до н. э. (Таиров, 2006. С. 89. Рис. 5, 2; 8, 2, 3). Бронзовые псалии с головой «ушастого грифона» на

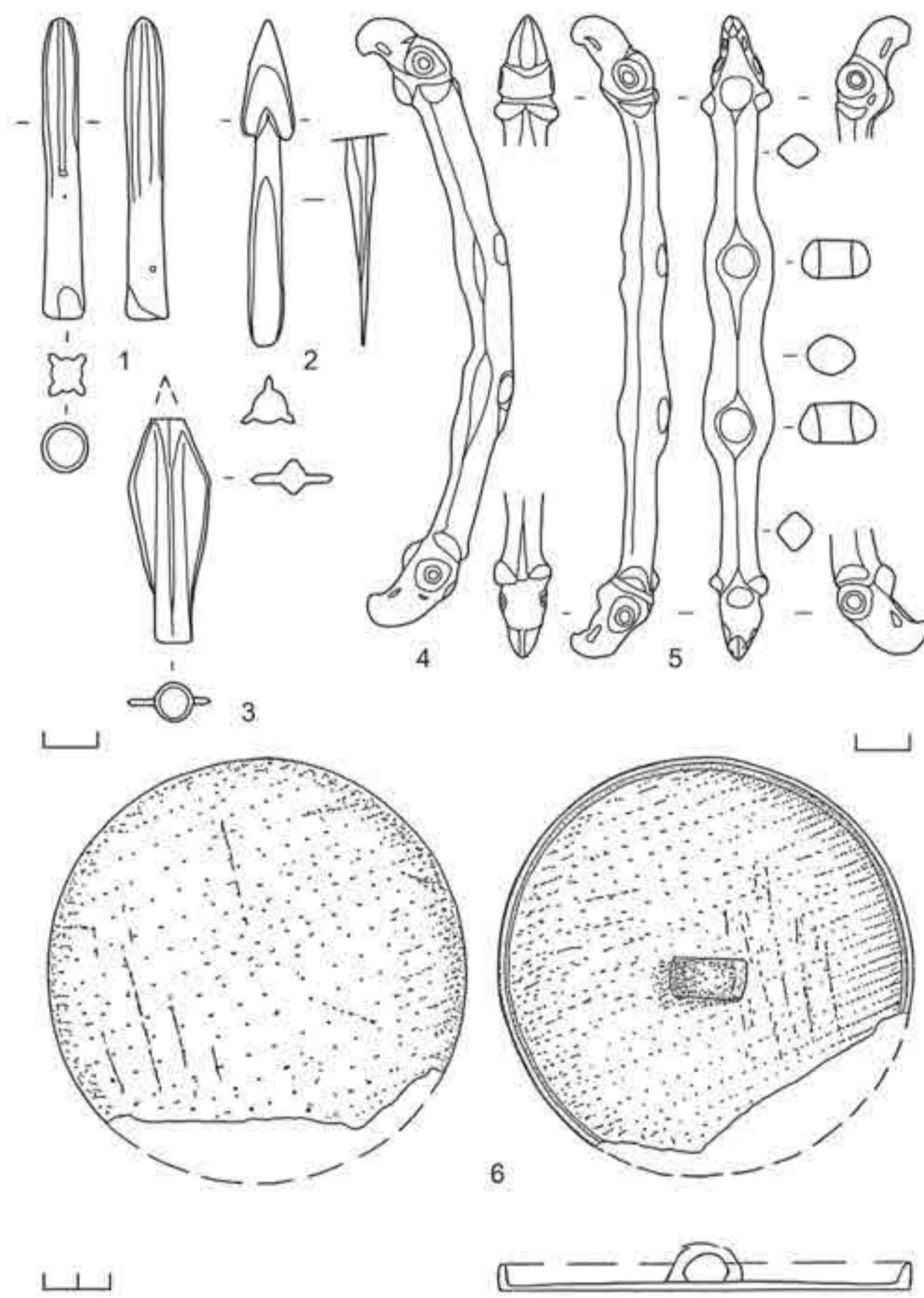

Рис. 1. Случайные находки раннего железного века с Южного Урала.
 1 – верховья реки Уй; 2 – окрестности села Кичигино; 3 – Брединский район, левый берег реки Берсуат;
 4–5 – площадка могильника Кичигино I; 6 – площадка Бобровского курганного могильника.
 1–6 – бронза

окончаниях известны и в комплексах этого же времени Южного Приуралья (см. например: Кадырбаев, 1984. Рис. 1, 23; Скифы..., 2007. С. 76; Гуцалов, 2007. Рис. 12; 13; 2010. Рис. 3). Приведенные аналогии позволяют датировать описываемые псалии концом VI – первой половиной V вв. до н. э.

На площадке разрушенного Бобровского курганного могильника найдено бронзовое зеркало (рис. 1, 6). Могильник находится на левом берегу реки Уй, примерно в 3, 5 км к востоку от поселка Бобровка Троицкого района Челябинской области. Открытый в 1959 году, он состоял из четырех курганов. В 1961 году археологической экспедицией Троицкого краеведческого музея были произведены доисследования двух разрушенных курганов (№ 3 и № 4). В кургане № 3 найдены отдельные кости человека, стеклянная бусина и обломок керамического пряслица. В кургане № 4 выявлено непо потревоженное воинское погребение VII–VI вв. до н. э. с уникальным набором инвентаря, включающим бронзовые кинжал, рукоять нагайки, «зеркало» с длинной ножевидной ручкой, бляшку в виде горного козла, поясные обоймы, «костылек», а также каменный оселок (Матвеева, 1964; Таиров, 2007. Рис. 40). К настоящему времени сохранился лишь сильно разрушенный грабительскими раскопками, наиболее крупный в могильнике, курган № 1, стоящий на самом краю карьера. Курган № 2, находящийся южнее первого, разрушен в результате сгребания дерна бульдозером, вероятно, при закладке данного карьера. Возможно, зеркало происходит из этого кургана.

Зеркало в форме диска с вертикальным бортиком и центральной ручкой-петелькой на обороте относится к I отделу, I типу, I виду, I варианту (петелька-сегмент) по классификации Т. М. Кузнецовой (2002. С. 33). Сечение бортика не везде одинаково. На одной стороне оно подпрямоугольное, а на другой имеет вид высокого прямоугольного треугольника. Верхний край бортика скруглен. Его внешняя стенка в основном вертикальная, но в ряде мест она слегка наклонена вовнутрь или имеет бочкообразный вид. Наклон внутреннего края бортика неравномерен – от почти вертикального до отчетливо наклонного наружу. После отливки край бортика подвергся, очевидно, дополнительной обработке – выравниванию.

Широкая ручка-петелька сегментовидной формы отлита вместе с диском. К основанию она чуть шире, чем в центре. Переход от петли к диску с одной стороны скруглен, с другой он достаточно резкий, с загибом вовнутрь и без следов скругления.

Размеры зеркала. Диск: диаметр: с бортиком – 128,1–128,9 мм, без бортика – 126,6 мм; толщина: по краям – 2,1 мм, в центре – 3,1 мм. Бортик: высота – 7,2–9,6 мм, толщина по низу – 3,1–5,6 мм, по верху – 2,2–2,7 мм. Петелька: длина по основанию 18,2–21,2 мм; ширина: внизу – 13,0–13,4 мм, вверху (по центру) – 12,3 мм; высота – 10,6–11,2 мм; толщина: внизу 3,7–4,0 мм, вверху (по центру) – 2,7–2,8 мм. Отверстие в петле: ширина по основанию 11,4–12,8 мм, высота 7,9–8,4 мм. Часть диска обломана. Слом старый, со следами легкой патины и точечными очагами окислов.

Зеркало не отличается высоким качеством отливки. Его лицевая и обратная поверхности пористые – с многочисленными мелкими выемками. На оборотной стороне зеркала фиксируются нитевидные окислы или их углубленные следы, похожие на минерализованные волоски меха.

Аналогии зеркалам с сегментовидными ручками-петельками встречаются на обширных территориях степной и лесостепной Евразии. Датируются они в рамках VII–VI вв. до н. э. По форме бортика и широкой неорнаментированной ручки-петельки зеркало из Бобровки имеет наиболее близкие аналогии среди находок на Южном Урале – курган 7 у поселка Сухомесово под Челябинском и курган 2 могильника Целинный в Зауральской Башкирии (Смирнов К.Ф., 1964. С. 155. Рис. 9, 36; 72, 5; Пшеничнюк, 1983. С. 34. Табл. XXVI, 5), в Волго-Камье – Ананьинский могильник (Кузнецова, 2002. С. 22. Табл. 2, 27-а), в Восточном Приуралье – могильник Уйгарак, курганы 11 и 51, могильник Южный Тагискен, курган 36 (Вишневская, 1973. С. 84. Табл. II, 9; XVI, 13; Итина, Яблонский, 1997. Рис. 18, 8), в Северном Казахстане – курган у озера Большое Чебачье (Грязнов, 1956. С. 10. Рис. 2, 4), в Центральном Казахстане могильник Тасмола I, курган 19 (Маргулан и др., 1966. С. 312. Рис. 5, 10), на Алтае – Майэмир, курган 1 (Грязнов, 1947. С. 10. Рис. 4, 10), в Туве – могильник в урочище Дён-Терек, курган 2 (Маннай-Оол, 1970. Рис. 7, 9).

Таким образом, зеркало из Бобровского курганного могильника можно датировать VII–VI вв. до н. э. и связывать с памятниками бобровского этапа бобровско-тасмолинской археологической культуры, характеризующей ранних кочевников Южного Урала сакского времени (Таиров, 2009. С. 144).

В мае 2001 года в Троицкий филиал Челябинского государственного университета поступил железный кинжал (рис. 2, 1). Согласно данным, полученным от информаторов, он был обнаружен в 1999 году на полевой дороге, проходящей в северо-восточном направлении от кладбища, расположенного на северо-западной окраине села Клястицкое Троицкого района Челябинской области. Более точной информации о месте находки нет. Проведенное полевое обследование

местности выявило, что полевая дорога проходит по склону и вершине коренной террасы левого берега реки Увелька по участку, ограниченному с севера пашней, с востока и юга – многочисленными березовыми колками. В этой же местности располагается летний выгон для скота. Вся площадь вероятного места обнаружения кинжала существенно подвергается антропогенному воздействию: на поверхности пашни и террасы встречаются битый кирпич, мусор, терраса изрыта ямами и завалена кучами земли. Визуально различимых надмогильных сооружений в виде курганных насыпей не обнаружено. Таким образом, точно проследить весь археологический комплекс, в который входила описываемая находка, не представляется возможным.

Общая длина кинжала 34 см. Обоюдоострый клинок вытянуто-треугольной формы, длиной 21,4 см, обломан на конце еще в древности. На расстоянии 3 см от окончания он имеет небольшой сгиб. Ширина клинка у перекрестия 3,8 см, на месте сгиба – 1,2 см. В нижней трети он имеет ромбическое сечение с четко выраженным ребром жесткости, проходящим посередине по всей длине лезвия. В верхних двух третях клинка по обеим его сторонам параллельно расположены на расстоянии 0,2–0,4 см друг от друга два желобка треугольной формы, шириной 0,4–0,5 см, глубиной 0,2 см. Прямое брусковидное перекрестие имеет длину 6 см и выступает по обеим сторонам клинка на 1,1 см. В сечении перекрестие имеет форму близкую к овалу, с шириной у концов 0,6–0,8 см, у рукояти 1,8 см. Рукоять длиной 8,0 см, в сечении округлая. Кольцевое овальное незамкнутое навершие с биконическими утолщениями на концах изготовлено из округлого в сечении железного прута толщиной 0,5 см. Одно из биконических утолщений несколько больше другого: диаметр большего 1,5 см, меньшего – 1,3 см. На нижних сторонах утолщений имеется ряд насечек.

На Южном Урале кинжалы и мечи с прямым перекрестием и кольцевым разомкнутым навершием встречаются достаточно часто. Датируются они, как правило, III–II вв. до н. э. Впрочем, некоторые исследователи предлагают ограничить время их бытования III в. до н. э. (Горбунов, Исмагилов, 1976. С. 245). Навершие кинжала из окрестностей села Клястицкое может быть сопоставлено с навершием кинжала из Стерлитамакского музея. Загнутые концы его волют с изображением сильно стилизованных головок зверей или птиц образуют почти замкнутый круг (Горбунов, Исмагилов, 1976. С. 245. Рис. 3, 26). Очень близко клястицкому навершию меча с прямым перекрестием из погребения 6 кургана 2 могильника у совхоза Приозерный в Заволжье. Отличие состоит в том, что волюты у него завершаются шаровидными, а не биконическими утолщениями. Погребение по всему комплексу инвентаря датировано II–I вв. до н. э. (Скрипкин, 2003. С. 290. Рис. 1, 2). Биконическими утолщениями, но без насечек, заканчивается навершие меча из погребения 3 кургана 7 могильника у хутора Ветютнев, датируемого I в. до н. э. (Мордвинцева В.И., Клепиков В.М., 1998. С. 86, 93. Рис. 4, 1). Анализируя южноуральские мечи и кинжалы, В.С. Горбунов и Р.Б. Исмагилов отметили, что для оружия среднесарматского времени (вторая половина II в. до н. э. – II в. н. э.) характерны гладкие, ромбические в сечении лезвия, чем они и отличаются от раннесарматских кинжалов (Горбунов, Исмагилов, 1976. С. 244). Исходя из всего выше сказанного, мы склонны датировать кинжал, найденный у села Клястицкое, III в. до н. э.

Интересно отметить широкое распространение наверший в виде незамкнутого кольца с круглыми или биконическими утолщениями на концах на палашах I–III вв. н. э. Волго-Уралья (Зубов, 2007. С. 128–130).

В музее истории Троицкого филиала Челябинского государственного университета хранятся вещи, поступившие из окрестностей поселка Суналы Троицкого района (рис. 1, 2–8). Точное место их находки не известно, поэтому невозможно определить, происходят ли вещи из одного или нескольких комплексов.

1. Ножка каменного жертвенника с зооморфным изображением (рис. 2, 8). Первоначально жертвенник имел, вероятно, форму круглой чаши с тремя ножками. Диаметр чаши около 24 см, толщина 2 см. Изготовлен он из темно-серого песчаника.

Ножка подпрямоугольной формы, высотой 5 см, шириной 4,5 см, толщиной 6 см, выполнена в виде головы животного, предположительно, семейства кошачьих. На боковых сторонах ножки рельефно выделены глаза округлой формы диаметром 2–2,3 см, а также оскаленная пасть в виде углубленной полуокружности диаметром 2,5 см, внутри которой насечкой выделен слегка изогнутый клык, шириной 1 см, сужающийся к низу. С одной стороны на поверхности ножки имеется относительно свежий скол в виде поперечной борозды шириной 0,5 см, представляющий, вероятно, след от плуга. Каменные жертвенники с зооморфно оформленными ножками являются характерной особенностью памятников Южного Урала савроматского времени (вторая половина VI–третья четверть V вв. до н. э.).

2. Бронзовые трехлопастные втульчатые наконечники стрел со скрытой или выступающей втулкой – 4 экземпляра (рис. 2, 3–6). Наконечники со скрытой втулкой представлены экземпля-

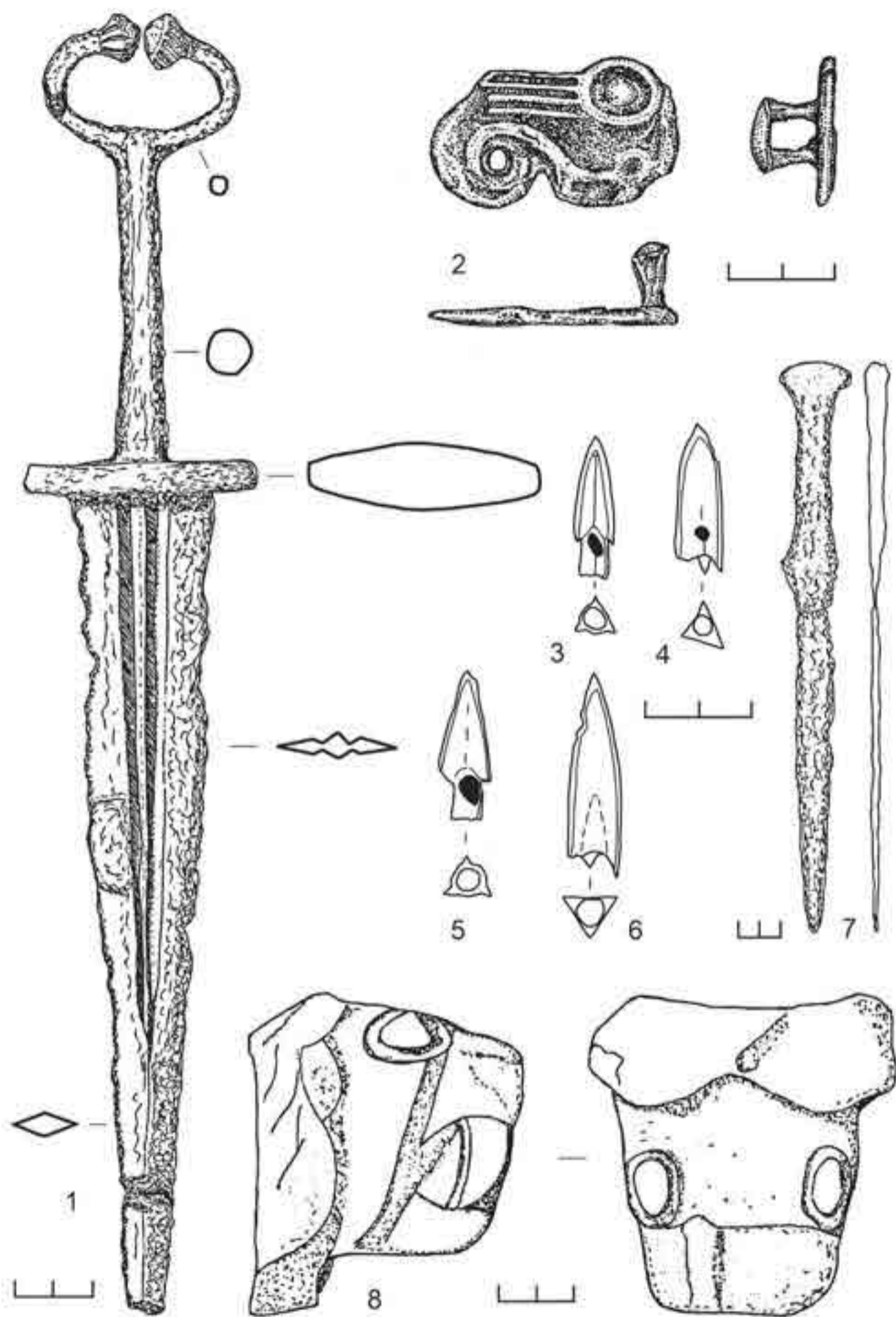

Рис. 2. Случайные находки с территории Троицкого района.
 1 – окраина села Клястицкое; 2–8 – окрестности поселка Суналы.
 1, 7 – железо; 2–6 – бронза; 8 – камень

рами со сводчатой (рис. 2, 6) или башневидной (рис. 2, 4) головкой и выступающими за основание втулки лопастями. Размеры их, соответственно, 3,7 и 2,7 см, диаметр втулки 0,6 и 0,5 см.

Наконечники с выступающими втулками имеют сводчатую (рис. 2, 3) или подтреугольную головку (рис. 2, 5). У первого наконечника заостренные лопасти образуют небольшие шипы, а у второго лопасти опущены к втулке под тупым углом. Общая длина наконечников, соответственно, 2,6 и 2,7 см, длина головки 1,8 и 2,0 см, диаметр втулки 0,5 см.

Все наконечники имеют многочисленные аналогии в погребальных комплексах Южного Урала V – IV вв. до н.э.

3. Сбруйная бляшка в виде стилизованной головы хищной птицы (рис. 2, 2). Глаз птицы передан рельефной окружностью, внутри которой находится «зрачок» – небольшое круглое возвышение. Верхняя часть клюва (восковица) оформлена тремя параллельными рельефными валиками, примыкающими к рельефно же оформленному глазу. Клюв закручен в спираль, образуя сквозное отверстие в нижней левой части бляшки. Размеры бляшки – 4,5 × 2,8 см при толщине 0,5 см. На оборотной стороне изделия имеется петля, выполненная из двух столбиков, длиной 0,7 см и толщиной 0,2 см, перекрытых сверху грибовидной шляпкой, длиной 1,6 см, высотой 0,4 см, шириной 0,5 см. Внутренние размеры петли – 0,7 × 0,5 см.

Иконографические особенности изображения птичьей головы (мощный загнутый клюв, большой круглый глаз, массивная восковица, отсутствие уха) на бляшке из Суналы находят аналогии в иконографии художественных изделий кочевников скифского времени лесостепи и степи Восточной Европы (Королькова, 2006. С. 55–56. Табл. 21). На наш взгляд, суналинская бляшка является еще одним подтверждением тесных связей, существовавших в VI–V вв. до н. э. между кочевниками Южного Зауралья и «скифами» восточноевропейской степи и лесостепи.

4. Железный кинжал (рис. 2,7) плохой сохранности, представлен двумя крупными фрагментами, составляющими единое целое. Перекрестие утрачено в древности. Лезвие обоюдоострое с параллельными, сужающимися в последней трети сторонами. Рукоять плоская. Брусковидное подпрямоугольное в сечении навершие имеет слегка выпуклую «спинку». Общая длина кинжала 25,8 см, длина линзовидного в сечении лезвия 16,5 см, ширина его у перекрестия 1,8 см, толщина – 0,3 см. Длина рукояти 7,5 см, ширина – 1,8 см, толщина – 0,6 см. Длина навершия 3,8 см, высота 1,3 см, толщина – 1,1 см. Датировка кинжала, в виду его плохой сохранности, весьма затруднительна. Однако общий облик рукояти и навершия дают возможность относить его к VI–IV вв. до н. э.

Все описанные выше изделия, несмотря на их разрозненность и случайный характер нахождения, дополняют наши знания о материальной и духовной культуре ранних кочевников Южного Урала, их этнокультурных связях.

Литература

1. Вишневецкая О. А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака) // ТХАЭЭ. 1973. Т. VIII. – 160 с.
2. Грязнов М. П. Памятники майэмирского этапа ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. XVIII. С. 9–17.
3. Грязнов М. П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. 1956. Вып. 61. С. 8–16.
4. Гуцалов С. Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2 (30). С. 75–92.
5. Гуцалов С. Ю. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // РА. 2010. № 2. С. 51–66.
6. Зубов С.Э. Ранние палаши Волго-Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 124–133.
7. Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН, 1997. – 187 с.
8. Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 272 с.
9. Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI–II вв. до н.э. Том I. М.: Изд-во «Индрик», 2002. – 352 с.

10. Маннай-Оол М. Х., 1970. Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука, гл. ред. вост. лит., 1970. – 118 с.
11. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1966. – 435 с.
12. Матвеева Г. И. Погребение воина савроматского времени близ г. Троицка // АЭБ. 1964. Т. II. С. 212–214.
13. Мордвинцева В. И., Клепиков В.М. Сарматские погребения у х. Ветютнев // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1998. Вып. 6.
14. Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. – 200 с.
15. Скифы Западного Казахстана. Алматы: Исламнур, 2007. – 208 с.
16. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101. – 162 с.
17. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. М.: Наука, 1964. – 380 с.
18. Таиров А. Д. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа: Гилем, 2006. С. 76–91.
19. Таиров А. Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 274 с.
20. Таиров А. Д., 2009. О трансформации культуры кочевников Южного Урала в конце V – начале IV в. до н. э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2009. С. 137–148.
21. Яблонский Л. Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.: б. и., 1996. – 186 с.

Список сокращений:

- АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва. Ленинград.
РА – Российская археология. Москва.
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва.

ОРУЖИЕ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ II в. ДО Н.Э.–II в. Н.Э.

Предметы вооружения – важный археологический источник. В нем нашли отражение различные сферы человеческой жизни: мифологические представления, структура общества, развитие металлургии и металлообработки, этнокультурные контакты и многие другие. Именно благодаря высокой информативности исследователи чаще всего привлекают комплексы вооружения для проведения этнических и исторических реконструкций. Первоочередной задачей при работе с материалами выступает их систематизация.

В настоящее время для территории Южного Урала специальных исследований, направленных на изучение предметов вооружения из погребальных комплексов II в. до н. э.–II в. н. э., не проводилось. Впервые оружие этого периода было рассмотрено в работе А. М. Хазанова в 1971 году, где основное внимание автор уделил материалам Поволжья (Хазанов, 2008). Приуральские данные привлекались лишь в качестве аналогий. В 1970–80-х годах происходит накопление южноуральских материалов. Здесь следует обратить внимание на работу А. Х. Пшеничнюка 1983 года, в которой была дана общая характеристика «среднесарматской» культуры по материалам Башкирии (Пшеничнюк, 1983) и статью В. С. Горбунова и Р. Б. Исмагилова (Горбунов, Исмагилов, 1976), в которой были опубликованы случайные находки клинкового оружия. В последнее время оружие Южного Урала анализировалось несколькими авторами. Но основные акценты в этих работах расставлены на смежных периодах. Так, в работах В. Н. Васильева рассматривается, в первую очередь, прохоровское время. В них была дана детальная характеристика оружия кочевников Южного Урала VI–II вв. до н. э. (Васильев, 2001). В статье 2005 года на материалах Южного Приуралья и Юго-Западного Приаралья он дал этнокультурную характеристику длинных мечей без навершия с коротким дуговым перекрестием (Васильев, 2005. С. 98–100). В работах С. Г. Боталова памятники рубежа эр привлекаются лишь в качестве примеров, или краткого описания, без детального рассмотрения (Боталов, 2003, 2009). Таким образом, налицо необходимость в проведении самостоятельного исследования, направленного на изучение оружия II в. до н. э.–II в. н. э. с территории Южного Урала.

Всего при написании настоящей работы было рассмотрено 36 погребальных комплексов, в которых содержались различные предметы вооружения. Так как основной целью настоящего исследования является систематизация имеющегося материала, структура работы построена следующим образом. Отдельно рассматриваются клинковое оружие, наконечники стрел, копья и детали защитного вооружения.

Клинковое оружие

Всего в исследовании было использовано 29 клинков четырех различных типов. Из них 16 – с кольцевым навершием и прямым перекрестием; три – мечи без металлического навершия с прямым или дуговым перекрестием; четыре – клинки без металлического навершия и перекрестия; четыре – мечи и кинжалы с серповидным навершием и прямым перекрестием. Три клинка не типологизируются.

Клинки с кольцевым навершием и прямым перекрестием (рис. 1, 16, 17). Первые экземпляры мечей и кинжалов с кольцевым навершием на Южном Урале зафиксированы в могильниках Сынтас и Сара VI–V вв. до н. э. (Васильев, 2001. С. 52). В IV–III веках до н. э. существует разрыв в традиции изготовления и использования клинкового оружия с кольцевым навершием у населения Южного Урала. На рубеже III–II века до н. э. появляются кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестием (могильники Старые Кишки, Бишунгарово, Лебедевка VII). По мнению С. Ю. Гуцалова, уже в конце IV века до н. э. у номадов Южного Урала проявилась мода на мечи и кинжалы с кольцевым навершием (Гуцалов, 2007. С. 14). Однако следует заметить, что мечей и кинжалов этого типа, датированных IV в. до н. э., на территории Южного Урала пока не найдено.

Вопрос о происхождении кольцевого навершия очень важен для реконструкции этнокультурных процессов на Южном Урале. Большинство исследователей считают клинковое оружие с кольцевым навершием и прямым перекрестием устойчивым типом, характерным для среднесарматской

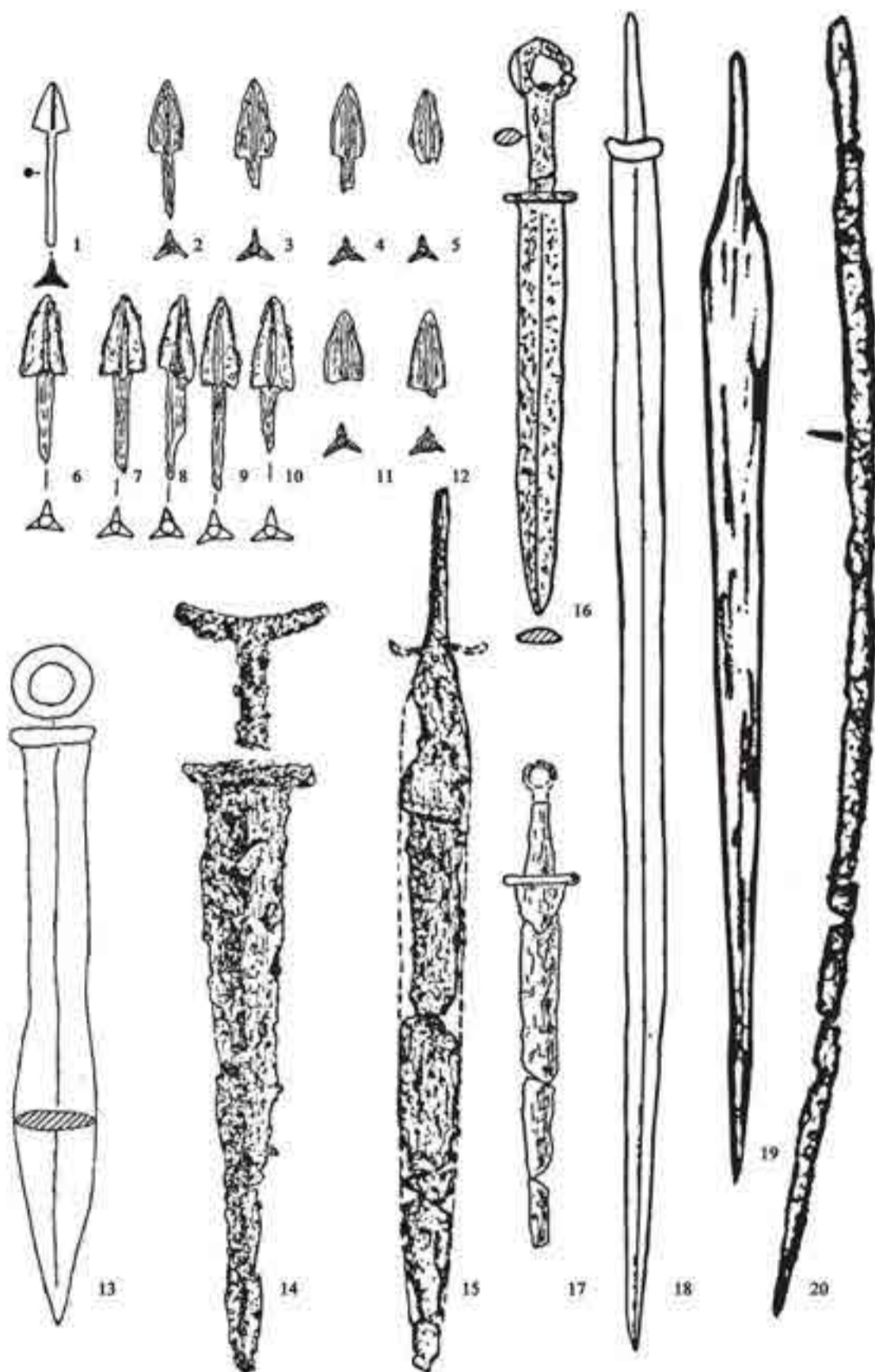

Рис. 2. Железные предметы вооружения из погребальных комплексов кочевников Южного Урала II в. до н.э. – II в. н.э.

1–12 – наконечники стрел; 13 – наконечник копья; 14–20 – клинковое оружие.

1 – Целинный, курган 11; 2–5, 11, 12 – Солянка II, курган 1; 6–10 – Красный Яр, курган 19; 13 – Карасу, курган 7; 14, 15 – Старые Кишки, курган 20; 16 – Карасу, курган 2; 17 – Красный Яр, курган 1; 18 – Кардаилово I, курган 11; 19 – Кардаилово I, курган 3; 20 – Старые Кишки, курган 13.

культуры. Вопрос происхождения кольцевого навершия рассматривался отдельно от происхождения прямого перекрестия. Это позволило построить схему эволюции типа и проследить его распространение среди сарматского населения.

Наиболее полно схема эволюции кольцевого навершия была представлена в работе А. М. Хазанова 1971 года. Он разделяет предложение В. Гинтерса 1928 года и К. Ф. Смирнова 1961 года о том, что кольцевое навершие произошло от «одного из типов савроматских мечей» (Хазанов, 2008. С. 27). По их общему мнению исходной формой могли послужить мечи с антенным или зооморфным навершием VI–V вв. до н. э. Иногда концы таких волют почти смыкаются, образуя разорванное кольцо (Смирнов, 1961). Исходной формой прямого перекрестия было перекрестие, сломанное под тупым углом. Постепенное его распрямление завершилось к III веку до н. э. (Хазанов, 2008. С. 31). Родиной клинкового оружия с кольцевым навершием было принято считать Нижнее Поволжье и Южное Приуралье (Хазанов, 2008. С. 30). Основанием для таких выводов явились находки на этой территории мечей и кинжалов сочетающих кольцевое навершие и различные формы архаичных перекрестий. Представительная выборка таких мечей, опубликованная А. М. Хазановым в работе 1971 года, может быть дополнена исследованием С. Ю. Гуцалова 2007 года (Хазанов, 2008. С. 30–31; Гуцалов, 2001. С. 12). Не исключает А. М. Хазанов и восточного влияния, видя образцы подобных мечей и кинжалов в Минусинской котловине. Но, по его мнению, если такое влияние имело место, то оно было незначительным и лишь содействовало утверждению кольцевого навершия и прямого перекрестия (Хазанов, 2008. С. 33). Такой точки зрения придерживалось до последнего момента большинство исследователей (Погодин, 1998. С. 18). Таким образом, согласно «традиционной» точке зрения, тип мечей и кинжалов с кольцевым навершием и прямым перекрестием зародился в VI–V веке до н. э., к III веку до н. э. произошло его окончательное оформление, а с II века до н. э. они становятся типичным оружием среднесарматской культуры.

Следует обратить внимание, что еще в 1967 году Н. Л. Членова, анализируя предметы вооружения тагарской культуры, отметила распространение бронзовых кинжалов с кольцевым навершием и прямым перекрестием в VII–VI веке до н.э. уже в сложившемся виде на территории Минусинской котловины. При этом отмечалось, что «кинжалы с прямым перекрестием более древние и восходят к карасукским прототипам» (Членова, 1967). Однако долгое время исследователи были не склонны рассматривать территорию Южной Сибири как возможную «родину» таких кинжалов и отрицали восточное влияние на оформление этого типа клинкового оружия в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири (Погодин, 1998. С. 19). Постепенно, по мере накопления и обобщения материалов Сибири, северного и северо-западного Китая, получила развитие другая точка зрения.

В 2000 году была опубликована статья А. С. Скрипкина, который обобщил восточные инновации в материальной культуре и погребальном обряде сарматов Поволжья (впервые он обратился к этой теме в 90-е годы XX века). Клиновое оружие с кольцевым навершием и прямым перекрестием автор отнес к предметам восточного происхождения, подчеркнув отсутствие исходных форм в западных областях Евразийских степей (Скрипкин, 2000. С. 26). Регионом, в котором сформировалось такое оформление оружия, автор считает территорию Алтая, Тувы, Северного Китая. Время их появления и бытования здесь VI–III века до н.э., к II–I веку до н.э. они получают широкое распространение в степях западной Евразии, прежде всего в Поволжье и Приуралье. Появление большого количества восточных инноваций (в том числе и интересующего нас типа мечей и кинжалов) А. С. Скрипкин связывает с изменением геополитической ситуации на территории Северо-Западного Китая. Это связано с появлением и расцветом Циньского и Ханьского Китая, разгромом юэчжей и усуней хуннами. Поражение привело к миграции восточных племен в Среднюю Азию и дальше на запад (Скрипкин, 2000. С. 27). На сегодняшний день большинство исследователей древней истории Урала и Поволжья разделяют точку зрения о восточном происхождении мечей и кинжалов с кольцевым навершием и прямым перекрестием (см. напр.: Гуцалов, 2001. С. 14; Сергацков, 2007).

На наш взгляд, следует различать клинковое оружие с кольцевым навершием VI–V вв. до н. э., III–II вв. до н. э. и II в. до н. э.–II в. н. э.

В первом случае (находки, датированные VI–V вв. до н. э.) имеет место внутренняя эволюция, вызванная стремлением оптимизировать уже существующие формы. Для оружия этого периода характерно сочетание кольцевого навершия с бабочковидным и другими архаичными формами перекрестия, само кольцо имеет форму не до конца сомкнутых волют. Такого оружия очень мало, что говорит о слабости традиции. Особенно следует выделить овально-кольцевое навершие меча из кургана 1 могильника Сынтас. По мнению В. А. Могильникова, «овально-кольчатое» навершие было распространено в Ахеменидском Иране в V веке до н. э. Появление подобных наверший у кочевников Южного Урала может быть связано с походами персов в Среднюю Азию и демонстрирует связи

кочевников с иранским миром (Могильников, 1997). Однако мечи и кинжалы с овально-кольцевым навершием широко распространены у населения Алтая VI в. до н. э. (Кубарев, Шульга, 2007; Шульга, 2007). Исходя из приведенных фактов, нам кажется, что появление овального навершия в Ахеменидском Иране – это проявление влияния на них кочевников, а не наоборот. Меч из могильника Сынтас если и демонстрирует какие-либо связи, то это связь с восточными кочевниками.

Находки, датированные III–II вв. до н. э., встречены в погребениях оставленных населением позднепрохоровского периода истории кочевников. Основная масса носителей прохоровской культуры к III веку до н. э. покинула степи Южного Урала. Оставшееся население оставило несколько своеобразных могильников, сочетающих в погребальном обряде и материальной культуре прохоровские и среднесарматские черты. В погребениях Старые Кишки, Бишунгарово, Лебедевка VII впервые на территории Южного Урала появляются кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестием характерные для среднесарматской культуры. На наш взгляд, это говорит о том, что проникновение центральноазиатских кочевников в степи Южного Урала могло происходить уже на рубеже III–II вв. до н. э. Видимо, это были небольшие группы кочевников, с присутствием которых на Южном Урале мы пока не можем четко связать какие-либо погребения. Дальнейшее накопление материала позволит нам лучше охарактеризовать контакты населения различных регионов Степной Евразии этого периода.

Для памятников II в. до н. э.–II в. н. э. мы имеем достаточно однообразные формы кинжалов и коротких мечей, сочетающих четко оформленное кольцевое навершие и прямое перекрестие. В сложившемся виде такие кинжалы неоднократно отмечены в материалах Северного Китая и Южной Сибири уже в VI веке до н. э. На наш взгляд, такие мечи и кинжалы следует связывать с массовой миграцией на Запад племен юэчжийского союза и освоением ими степей Южного Урала.

Мечи и кинжалы без металлического навершия (рис. 1, 18, 19). В погребениях II в. до н. э.–II в. н. э. встречены несколько экземпляров длинных «всаднических» мечей без навершия. Некоторые из них не имеют перекрестия, у других оно представлено небольшим брусом. К «всадническим» мечам относится клинковое оружие длиной от 70 см, что позволяет эффективно использовать его в конном бою.

Мечи и кинжалы без навершия и перекрестия считаются «типичными для позднесарматского времени» (Погодин, 1998. С. 19; Хазанов, 2008. С. 45). В 1971 году А. М. Хазанов уточнил типологию К. Ф. Смирнова и выделил пять типов таких мечей. Мечи, найденные в погребальных комплексах II в. до н. э.–II в. н. э., относятся к 1 и 2 типу клинкового оружия без навершия. Тип 1 – без навершия с прямым перекрестием. Перекрестие короткое и очень тонкое, делалось из железа, реже из бронзы, может быть слегка изогнуто вершиной к острию меча. Тип 2 – мечи и кинжалы без навершия и перекрестия. Клинок плавно переходит в рукоятку-штырь (Хазанов, 2008. С. 50).

По вопросу происхождения таких типов мечей существует несколько точек зрения. По мнению А. М. Хазанова, общее направление развития клинкового оружия без навершия выглядит следующим образом: появление и распространение всаднических мечей, исчезновение у них навершия, и в меньшей степени исчезновение у них перекрестия (Хазанов, 2008. С. 53). Территорией, на которой происходит становление этого типа мечей, А. М. Хазанов считает Поволжье, Приаралье, Прикубанье и Среднюю Азию, где широко распространены всаднические мечи. Восточные границы автор четко назвать затрудняется, что связано со слабой изученностью восточных регионов Евразии в 70-е годы XX века. В целом, происхождение мечей без навершия связывается с савроматским населением Поволжья и Приуралья. Время их появления определяется VI–V веком до н. э., окончательное оформление происходит в прохоровское время (Хазанов, 2008. С. 57). Особо автор подчеркивает непрерывность традиции развития мечей без навершия в сарматском мире и предполагает, что подобным образом шло развитие таких мечей и в других областях сарматского мира. Таким образом, А. М. Хазанов считает происхождение клинкового оружия без навершия автохтонным, присущим сарматскому миру. «В последние века до н. э. мечи с прямым перекрестием без металлического навершия оказываются распространенными на обширной территории, области расселения сарматов, Средняя Азия, некоторые районы Сибири» (Хазанов, 2008. С. 57).

Другая точка зрения на происхождение мечей без металлического навершия с коротким прямым перекрестием предложена А. С. Скрипкиным. Древнейшими прототипами этих мечей автор считает китайское клинковое оружие (Скрипкин, 2000. С. 18). Длинные железные мечи распространяются в Китае в циньско-ханьскую эпоху. Широко используются в ханьском Китае и нефритовые скобы для ношения меча. Подобные каменные скобы изредка встречаются в сарматских погребениях с длинными мечами. Время появления таких мечей в погребениях кочевников Евразии А. С. Скрипкин определяет II–I вв. до н. э. и существуют они здесь до II – III века н. э. Распространение

таких мечей у кочевников Евразии А. С. Скрипкин связывает с развитием конницы в китайской армии, в которой номады служили наемниками (Скрипкин, 2000. С. 23). О связи мечей без навершия с коротким перекрестием с Китаем говорят их находки с лаковыми ножнами. На лаковые ножны в погребениях саргатской культуры внимание обратил Л. И. Погодин в работе 1998 года. Учитывая нетранспортабельность смолы лаковых деревьев, Л. И. Погодин считает, что лаковые изделия производились на территории Ханьского Китая и Восточного Туркестана, то есть на родине лаковых деревьев (Погодин, 1998. С. 28). Распространение китайского оружия, длинных двуручных мечей, мечей без навершия и перекрестия автор связывает с расцветом Шелкового пути и вытеснением в «Великую степь» племен северных сюнну (Погодин, 1998. С. 33). А. С. Скрипкин не склонен сводить распространение китайских вещей исключительно к торговым операциям и к перемещению сюнну. Китайские инновации, по его мнению, распространяются в среде наемников, служивших в китайской армии, а также за счет китайских мастеров, бежавших к кочевникам или захваченных в походах (Скрипкин, 2000. С. 24).

Путей появления восточных инноваций много, но, на наш взгляд, не следует забывать о том, что население Китая и кочевники развивались в тесном взаимодействии. Конница как отдельное крупное подразделение в армии появилось в Китае под влиянием кочевников. Длинные мечи широко распространены в сарматском мире с VI века до н. э., но именно Китай оказал влияние на появление мечей с коротким тонким перекрестием без навершия на рубеже эр, что признается сегодня большинством ученых (Симоненко, 2008, С. 245; Васильев, 2005. С. 100; Гуцалов, 2007. С. 15; Глебов, 2007., С. 95; Сергацков, 2007. С. 63).

Мечи без навершия и перекрестия (тип 2 по Хазанову А. М.) имеют более туманное происхождение. Этот тип мечей появляется в III веке до н. э. на всех территориях, населенных сарматскими племенами, но господствующим становится в позднесарматское время (Симоненко, 2008. С. 245). Учитывая, что длинные позднесарматские мечи этого типа сформировались под влиянием центральноазиатских традиций, можно предполагать и в более раннее время некое восточное влияние (Сергацков, 2007. С. 63).

Клиновое оружие с серповидным навершием и прямым перекрестием (рис. 1, 14). В исследуемой выборке встречено несколько мечей и кинжалов с серповидным навершием и прямым перекрестием. Мечи такого типа считаются типично прохоровскими и не имеют ранних прототипов к западу от Волги (Васильев, 2001. С. 53). Возможно, регионом, где происходило их формирование, были приалтайские степи. Самые ранние находки длинных мечей с серповидным навершием датируются концом VI–V вв. до н. э. (Могильников, 1997. С. 45; Кубарев, Шульга, 2007. С. 75). Первые экземпляры, сочетающие прямое перекрестие и серповидное навершие, появляются не ранее IV века до н. э. (Смирнов, 1961. С. 27). По мнению В. Н. Васильева, массово такой тип клинкового оружия в сарматских погребениях на Южном Урале появляется только с III–II века до н. э. (Васильев, 2001. С. 45). Важен тот факт, что клинки этого типа в нашей выборке встречены преимущественно в погребениях могильников Старые Кишки и Бишунгарово. Датированы III–II вв. до н. э. и связаны с освоением прохоровским населением лесостепных районов Южного Урала.

К уникальным типам оружия относится меч с изогнутым лезвием, встреченный в могильнике Старые Кишки (рис. 1, 20). Лезвие меча расположено на вогнутой стороне. Существует две точки зрения, которые объясняют его происхождение. А. Х. Пшеничнюк считает его продуктом развития местного финно-пермского наступательного оружия (Пшеничнюк, 1964. С. 227). Аналогии ему он находит в погребении 31 Биктимировского могильника. В. Н. Васильев разделяет мнение А. С. Скрипкина о том, что это – подражание греческой махайре (Васильев, 2001. С. 51). Учитывая, что оба образца встречены в контактной зоне степи и лесостепи, на наш взгляд, правильней считать происхождение такого типа оружия продуктом местных мастеров. Аналогом могут являться массивные ножи с «горбатой спинкой», распространенные в ананьинской культуре (Збруева, 1952. Табл. XII, III).

Другой уникальной находкой из могильника Старые Кишки является меч, сделанный под влиянием западных (возможно – кельтских?) традиций (Симоненко, 1989. С. 57). Оформление этого меча крайне необычно, что затрудняет поиск аналогий (рис. 1, 15).

Наконечники стрел. Оружие дистанционного боя в памятниках II в. до н. э.–II в. н. э. представлено наконечниками стрел. В ряде погребальных комплексов было встречено сочетание в одном колчане бронзовых и железных наконечников стрел. Абсолютное большинство колчаных наборов составляют железные черешковые трехлопастные наконечники (рис. 1, 1–12). Различаются они формой головки и длиной черешка. Несмотря на плохую сохранность железных наконечников стрел, мы можем выделить треугольную, сводчатую, башневидную форму головки. Но отметить

какие-то особенности формы или сечения нет возможности. Связано это не только с плохой сохранностью, но и с низким качеством иллюстративного материала. Поэтому более дробное выделение типов мы считаем нецелесообразным.

Железные наконечники стрел в памятниках кочевников на территории Южного Урала появляются в VII веке до н. э. Но в большом количестве такие наконечники появляются лишь в III веке до н. э. С II века до н. э. железные наконечники доминируют в погребениях, являясь основой колчаных наборов.

Постепенное изменение форм оружия дистанционного боя началось, судя по всему, с III века до н.э. Это отразилось в появлении железных наконечников стрел в колчаных наборах прохоровских погребений. Поиски новых типов вооружения привели к тому, что изменилась конструкция лука, он стал мощнее и, соответственно, появилась необходимость в более тяжелых наконечниках. Например, в погребении 2 кургана 3 могильника Солнце III встречены костяные накладки на лук, которые служат для увеличения мощности выстрела.

В прохоровских памятниках Поволжья сочетание бронзовых наконечников стрел с железными в колчаных наборах характерно и для II века до н. э., что отличает эти памятники от южноуральских материалов. Предполагается, что южноуральские памятники III–II вв. до н. э. оставлены новым населением, не связанным происхождением и материальной культурой с «прохоровцами». Это новое население принесло с собой традицию использования исключительно железных наконечников стрел. Кроме того, распространение железных наконечников стрел может быть свидетельством влияния культуры стран Переднего Востока, где уже на рубеже I тысячелетия до н. э. распространяются железные черешковые наконечники стрел.

На наш взгляд, правильнее говорить о целом комплексе причин, которые привели к изменению колчанного набора кочевников Южного Урала на рубеже эр.

Копья. Наконечники копий были найдены в четырех погребальных комплексах (Барбастау III, к. 3, п. 7; Карасу I, к. 4, п. 1, п. 4; к. 7, п. 3). Плохая сохранность материала не позволяет провести детальную типологизацию этой категории инвентаря (рис. 1, 13). Важным в данном случае выступает факт распространения копий не на всей исследуемой территории, а лишь в юго-западной группе памятников. Мы склонны считать, что это проявление влияния западных кочевников на местное население.

Доспех. В одном погребальном комплексе из представленной выборки (Карасу I, к. 7, п. 3) встречены остатки доспеха. Автор описывает их, как «часть кольчуги, состоявшей из мелких (диаметр до 1 см) железных колец» (Кушаев, 1978. С. 81). Учитывая плохую сохранность находки, восстановить доспех не представляется возможным. По нашему мнению, важным является то, что это наиболее ранняя находка элементов кольчатого доспеха на Южном Урале. По мнению ряда исследователей, кольчужное плетение появляется у сармат не ранее I века до н. э. (Хазанов, 2008. С. 138; Симоненко, 1989. С. 68). В целом, происхождение кольчуги и появление подобного вида доспеха на сарматских территориях – вопросы весьма дискуссионные и требуют отдельного детального исследования.

* * *

Рассмотренное оружие фиксирует особенности развития комплекса вооружения населения южноуральских степей III в. до н. э.–II в. н. э. В памятниках III–II вв. до н. э. мы видим сочетание прохоровских и «среднесарматских» традиций. Это выражается в сочетании в одном могильнике клинков с серповидным навершием и прямым перекрестием, клинков с кольцевидным навершием, бронзовых и железных наконечников стрел.

С II века до н. э. распространяется типичное для «среднесарматского» времени клинковое оружие с кольцевым навершием и прямым перекрестием. Из погребальных комплексов этого времени полностью исчезают бронзовые наконечники стрел. На рубеже эр появляются длинные всаднические мечи без навершия с прямым перекрестием или без него. На исследуемую территорию такие формы оружия были привнесены в готовом виде.

На наш взгляд, изменение типов оружия может свидетельствовать о приходе с III века до н. э. на территории Южного Урала новых групп населения из Центральной Азии.

Отличительной чертой исследуемых комплексов от одновременных памятников сопредельных территорий можно считать то, что типы вооружения на Южном Урале сменяются во II веке до н. э. полностью. Традиции предшествовавшего времени в оформлении оружия полностью исчезают.

Настоящее исследование позволяет перейти к реконструкции комплекса вооружения и структуры войска кочевников II в. до н. э.–II в. н. э.

Литература

1. Боталов С. Г. Сарматские памятники Урало-Казахстанских степей и Среднеазиатских оазисов конца III–I вв. до н. э. (юэчжийско-сарматский историко-культурный комплекс) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2003.
2. Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск, 2009. – 671 с.
3. Васильев В. Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа, 2001. – 153 с.
4. Васильев В. Н. Об одном редком типе мечей Южного Приуралья и Юго-Западного Приаралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актобе, 2005. С. 98–100.
5. Виноградов Н. Б., Таиров А. Д. Сарматские погребения могильника Солнце III // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, издательство «Рифей», 1996. С. 164–177.
6. Глебов В. П. Вооружение и военное дело кочевников Нижнего Подонья раннесарматского времени (II–I вв. до н.э.) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 88–98.
7. Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА, 1976. Вып. 3. С. 229–246.
8. Гуцалов С. Ю. Мечи и кинжалы кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н. э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 11–15.
9. Гуцалов С. Ю. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века Южного Урала и Устюрта // Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития. МАЭ. Уфа, 2001.
10. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА, 1952, №30. Том V.
11. Кубарев В. Д. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула) / В. Д. Кубарев, П. И. Шульга. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 282 с.
12. Кушаев Г. А. 1978. Новые памятники железного века Западного Казахстана // КСИА. 1978. Вып. 154.
13. Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. Москва, 1997. – 196 с.
14. Погодин, Л. И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск: Изд-во ОмГУ, 1998. – 88 с.
15. Пшеничнюк А. Х. Биктимировский могильник // АЭБ. Уфа, 1964. Том 2.
16. Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983.
17. Сергацков И. В. Мечи и кинжалы в среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: сб. науч. тр. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 58–64.
18. Симоненко А. В. Импортное оружие у сармат // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск, 1989. С. 56–73.
19. Симоненко А. В. Тридцать пять лет спустя. Послесловие-комментарий // Хазанов А. Х., 2008. Очерки военного дела сарматов. Издание второе, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 238–287.
20. Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. 2000. Вып. 3. С. 17–40.
21. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. Москва: Изд-во «Наука», 1961. – 162 с.
22. Таиров А. Д. Этнокультурные процессы на Южном Урале в VII–II вв. до н. э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: Изд-во ООО ЦИКР «Рифей», 2006. С. 312–340.
23. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. Издание второе, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2008. – 294 с.
24. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. Москва: Изд-во «Наука», 1967. – 300 с.
25. Шульга П. И. Вооружение на Алтае в VI–III вв. до н. э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 142–157.

КАМЕННЫЕ ЖЕРТВЕННИКИ ИЗ ФОНДОВ ЧЕЛЯБИНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Каменные жертвенники являются часто встречаемым инвентарем в погребениях кочевников VII – IV вв. до н.э. В науке до сих пор с каменными жертвенниками, или алтариками, связано несколько спорных моментов. Не до конца решен вопрос об их функциональном назначении, классификации, не составлена полная база данных с учетом территориальных особенностей, также не проведен анализ взаимовстречаемости жертвенников с другими категориями инвентаря, не установлена взаимосвязь с половозрастными характеристиками погребенных. В данной работе рассматриваются жертвенники, хранящиеся в фондах Челябинского областного краеведческого музея. Данная работа включает в себя их описание, классификацию и проведение корреляции с другими категориями инвентаря.

Первые исследования, посвященные каменным алтарикам, начались еще в 60-е годы XX века, К. Ф. Смирнов в своей монографии¹ предложил типологию и хронологию каменных блюд, коснулся вопроса их происхождения и распространения. В основу классификации К. Ф. Смирнова был положен морфологический принцип, где группа определяется наличием или отсутствием ножек, а тип – формой столика или блюда. В. Н. Васильев² также классифицировал жертвенники Южного Урала и провел корреляцию жертвенников с другими категориями инвентаря. Автор в своей работе основывается на принципе К. Ф. Смирнова, в основу которого положен признак наличия или отсутствия ножек, также были выделены подтипы. В основу выделения подтипов в первой группе (без ножек) были положены технология и качество изготовления жертвенников. В группе алтариков с ножками в основу был положен принцип количества ножек. В проведенном анализе взаимовстречаемости жертвенника с другими категориями инвентаря, автор выделяет так называемый «жреческий комплекс», в который входит жертвенник, зеркала, красящие вещества, раковины *Griphaea*. М. Г. Мошкова³ в своей работе проанализировала 72 жертвенника с территории Приуралья и Зауралья, а также Приаралья и обозначила хронологический период распространения алтариков с ножками и без. Первая группа с округлой формой блюда без ножек охватывала хронологически VI в. до н.э., вторая группа с лодьевидными, овальными, корытообразными и прямоугольными столиками распространены в VII–V веках до н.э. Жертвенники на ножках не имеют четкой связи между формой столика и датировкой, условно период их распространения VI–V века до н.э. М. Г. Мошкова выделяет так называемые клювовидные жертвенники VII – середины VI вв. до н.э. в отдельный тип, характерный, по ее мнению, для территории Приаралья. Нами были классифицированы 105 алтариков с территории урало-казахстанских степей. В основу классификации был положен морфологический принцип, наличия или отсутствия ножек, использованный в работе К. Ф. Смирнова, но тип характеризовался формой блюда, а подтипы выделялись по принципу В. Н. Васильева, основанному на каких-то определенных чертах отдельного предмета⁴.

В фондах Челябинского областного краеведческого музея хранятся пять каменных жертвенников, относящихся к VII – V вв. до н.э. Жертвенник овальной формы без ножек из кургана 1, могильника Кумкуль II, относится к группе I, тип I. В эту же группу I был включен клювовидный алтарь из кургана 5, могильника Шатрово, но по своей форме отнесен к типу II. Алтарь круглой формы из кургана 3, могильника Кумкуль II, отнесен к группе I, типу IV. Два каменных столика на двух ножках прямоугольной формы из погребений 3 и 4, кургана около села Наваринка, принадлежат к группе II (с ножками), подгруппе III (на двух ножках), тип II (прямоугольные). Аналоги данных предметов широко распространены на территории урало-казахстанских степей. Овальные и округлые жертвенники без ножек встречены на территории Приаралья, Центрального и Северного Казахстана, Южного Зауралья. Клювовидные алтарики распространены в Приаралье, Северном Казахстане и Южном Зауралье. В Центральном Казахстане данная форма пока не известна. В Приаралье из 59 жертвенников 4 алтарика имеют овальную форму, 4 – клювовидную, 6 – округлую. В Центральном Казахстане из 12 алтариков, 6 – овальные, 3 – круглые. На территории Северного Казахстана из 25 ритуальных каменных столиков 20 были овальной формы, 2 – клювовидной формы. В Южном Зауралье встречаются 5 жертвенников овальной формы, 2 алтарика клювовидной формы из 30 исследованных памятников, в которых встречаются каменные жертвенники⁵. Что касается алтариков на двух ножках, то похожие каменные столики были найдены в Башкирском Зауралье, в погребении 2, кургане 5, могильнике Гумарово, и в Петропавловском кургане⁶.

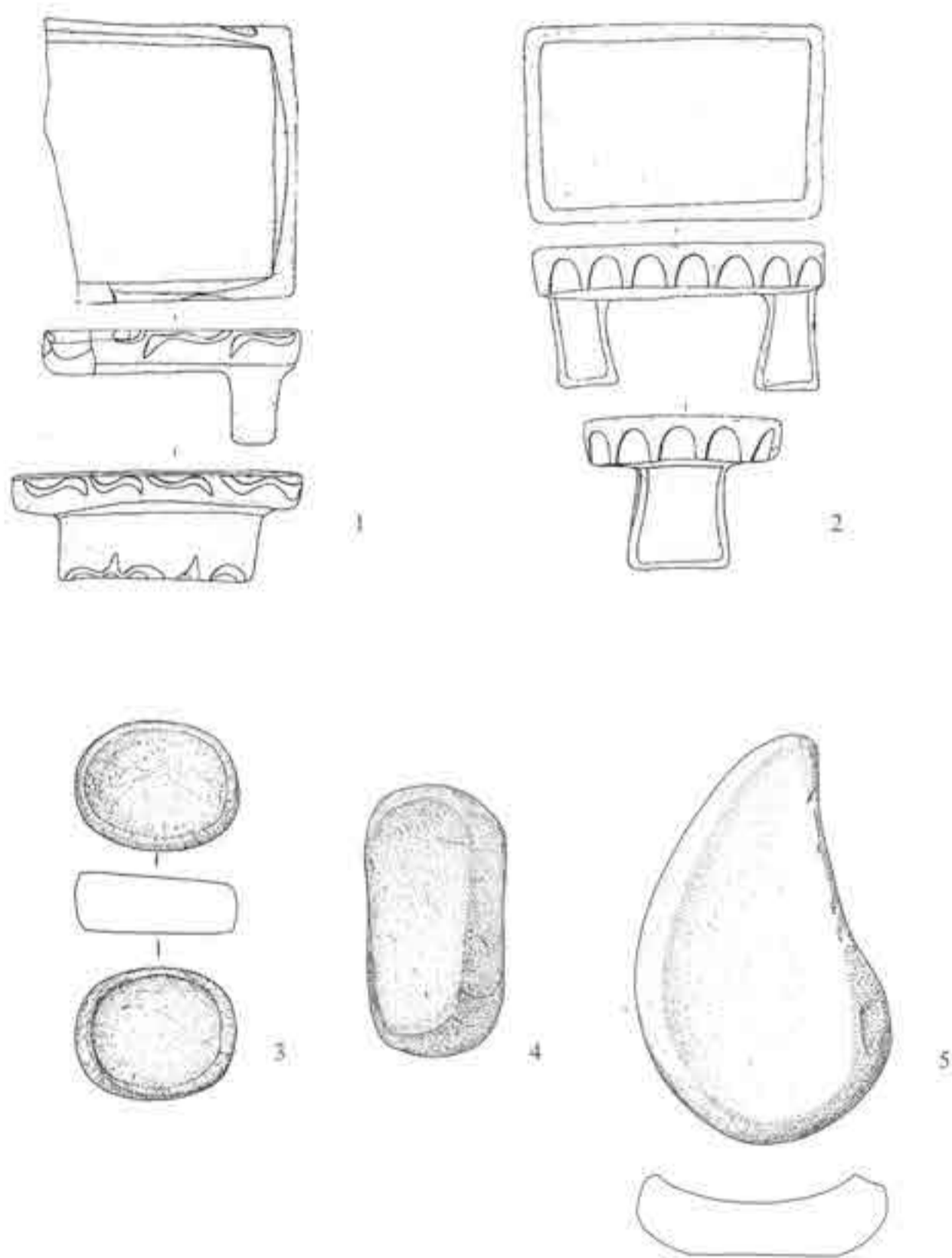

Рис. 1. Каменные жертвенники из фондов Челябинского Областного Краеведческого музея. 1,2 – Курган у села Наваринка (1 – погребение 4; 2 – погребение 3); 3, 4 – Кумкуль II (3 – курган 3; 4 – курган 1); 5 – Шатрово, курган 5. 1, 2 – по: (Гуцалов, Боталов, 2001); 3, 4 – по: (Боталов, 2007); 5 – по: (Епимахов, 2001)

Каменный жертвенник из кургана 3, могильника Кумкуль II (рис. 1, 3), овальной формы, его размеры составляли 10,3 × 8,4 см, высота жертвенника от 3–3,7 см, боковые стенки слегка выпуклые, сделан из красновато-коричневого гранита. Он углублен с двух сторон: глубина углублений составляет 1–1,4 см. В могильной яме алтарь располагался слева от погребенного, в области предплечья. На нем лежали слоями красная и синяя краска, уголь. Над ними – костяная трубочка размерами 4,3 × 0,9 см, заполненная краской синего цвета. Близ жертвенника была обнаружена бронзовая игла, длиной – 4,9 см, диаметр сечения – 1 мм. Одно из ее окончаний было обмотано бронзовой проволокой на длину 2,2 см. В этой части толщина иглы увеличена до 2,5 см. Помимо этих предметов тазовых костей погребенного было обнаружено бронзовое зеркало с бортиком по краю и ручкой-петелькой в кожаном чехле. В левой руке погребенной был зажат железный нож.

В кургане 1, могильника Кумкуль II (рис. 1, 4), был обнаружен каменный алтарь овальной формы, размерами 18,5 × 9,2 см, высота стенок варьирует от 5,2 см до 4,7 см. Он был сделан из гранита серо-зеленого оттенка. Жертвенник стоял на материковой ступеньке в западной части ямы, захоронение было разграблено еще в древности. Оба погребения датируются VII–VI вв. до н.э.⁷

В кургане 5, могильника Шатрово (рис. 1, 5), был найден клювовидный алтарь со слегка выпуклыми стенками из песчаника. Данный предмет имеет крупные размеры: максимальная длина – 26,5 см, ширина – 16 см, высота – около 5 см. Поверхность отшлифована, имеются небольшие сколы вдоль одного из бортов. Следы воздействия огня и других ритуальных действий отсутствуют. Жертвенник был расположен вблизи левого запястья и локтя. Справа от погребенного, размещался керамический сосуд, справа у головы лежало бронзовое зеркало с небольшим бортиком по краю. По обеим сторонам в области колен были размещены две пары округлых камней с явными следами воздействия огня (кумалаки). Погребение было потревожено еще в древности. Хронологически погребение относится к VI–V вв. до н.э.⁸

Из кургана у села Наваринка происходят два каменных ритуальных столика прямоугольной формы на двух ножках с волнообразным бортиком по краю сделаны из песчаника. Алтарь из погребения 4 (рис. 1, 1), длиной 22 см, шириной 14,6 см, высотой 11 см; высота ножек – 7 см, ширина – 3,8 см, длина – 6,5 см. В ступнях ножек углубление прямоугольной формы 5 × 2,5 × 0,5 см. По верху корытца жертвенника идет бордюр, по бортам столика – орнамент в виде полуовальных углублений. Местами на поверхности алтарика видны следы копоти и розовой краски. Копоть прослеживается и на ножках жертвенника. В могильной яме вместе с жертвенником лежало бронзовое зеркало в меховом мешочке, керамические сосуды. Погребение разграблено, поэтому проследить порядок положения вещей невозможно. Обломок алтарика из погребения 3 (рис. 1, 2) представляет более половины целого жертвенника. Ножка не высокая. По бордюру столика вытесан орнамент в виде прерванной волны. Размеры сохранившейся ножки: длина – 13,3 см, ширина – 3 см, высота – 5,5 см. По ее нижней части идет резной орнамент, аналогичной тому, что имеется по бортику жертвенника. Аналогично погребению 4, погребение 3 было разграблено, алтарь лежал справа у черепа. Датируются оба погребения началом V в. до н.э.⁹

Проводя корреляцию, были учтены только два погребения с каменными жертвенниками, это могильник Кумкуль II, курган 3 и могильник Шатрово, курган 5, только эти два кургана содержали хоть какую-то информацию о положении вещей, несмотря на то, что могильник Шатрово, курган 5 еще был потревожен в древности. Что касается аналогий, то поделки из трубчатой кости встречены на территории Приаралья (могильник Южный Тагискен, курган 56¹⁰) и Центрального Казахстана (могильник Тасмола VI, погребение «а»¹¹ и могильник Нурманбет II, курган 2, могильная яма 2¹²), в могильнике Нурманбет также трубочка была заполнена синей минеральной краской. Аналоги игл вместе с жертвенниками встречаются на территории Северного Казахстана (могильник Графские развалины, курган 7; могильник Улубай, курган 13¹³), в Приаралье и в Центральном Казахстане такие находки не обнаружены. Зеркала были встречены в 36 памятниках с жертвенниками из 105 исследованных на территории урало-казахстанских степей. Кумалаки были встречены только на территории Южного Урала (могильник Тара-Бутак, курган 3, 2; могильник Горбатый мост, курган 5; могильник Яковлевка, курган 2 и другие¹⁴).

Таким образом, рассмотренные нами жертвенники довольно широко распространены на территории урало-казахстанских степей, время их существования VII–V вв. до н.э. Данные жертвенники вписываются в общий контекст распространения жертвенников на территории урало-казахстанских степей.

Примечания

¹ Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. – М.: Наука, 1964. – С. 162–163.

² Васильев В. Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. – 1998. – Выпуск 1. – С. 25–43.

³ Мошкова М. Г. Еще раз о каменных «жертвенниках» и «савроматской» археологической культуре // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. – М.: ИА РАН, 2000. – С. 201–215.

⁴ Коноплева К. Г. Классификация каменных жертвенников Урало-Казахстанских степей (в печати).

⁵ Коноплева К. Г. Указ. Соч.

⁶ Васильев В. Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. – 1998. – Выпуск 1. – С. 30–31.

⁷ Боталов С. Г. Отчет об охранных археологических исследованиях курганного могильника Кумкуль II в Аргаяшском районе Челябинской области. – Челябинск, 2007 // архив Южноуральского филиала Института истории и археологии УрО РАН.

⁸ Епимахов А. В. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в 2000 г // ГОУ ВПО Челябинский краеведческий музей. – Челябинск, 2001.

⁹ Гуцалов С. Ю., Боталов С. Г. Курганы прохоровской культуры в районе г. Магнитогорска // Уфимский археологический вестник. – 2001. – Вып. 3. – С. 148–162.

¹⁰ Яблонский Л. Т., Итина М. А. Саки Нижней Сырдарьи. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 23–24.

¹¹ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К. и др. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – С. 335.

¹² Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К. и др. Указ. соч. – С. 365.

¹³ Хабдулина М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Гылым, Ракурс, 1994. – С. 60.

¹⁴ Васильев В. Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. – 1998. – Выпуск 1. – С. 30–31.

ИХТИОФАУНА ОЗЁР ЮЖНОГО УРАЛА

Озёра Южного Урала довольно разнообразны вследствие различных физико-географических условий территории. Такая картина сформировалась в течение голоценового времени. Видовой состав ихтиофауны, соответственно, также неоднороден.

Для удобства условно разделим водоёмы региона на две группы: озёра Зауралья и озёра горной части и восточного склона Южного Урала.

Озёра Зауралья

Как правило, значительно эвтрофированные. В тёплый сезон года равномерно и, что важнее, быстро прогреваются. В большинстве своём, водоёмы эти невелики и имеют небольшую глубину. Перечисленные факторы во многом способствуют высокой биопродуктивности. Озёра обильны планктоном и высшей растительностью.

Важная особенность. Высокая биопродуктивность водоемов никак не связана с видовым разнообразием рыб. Иначе говоря, количество аборигенных видов ихтиофауны Зауральских озёр невелико. Это некоторые виды (в отдельно взятом водоеме) из нижеследующего списка:

1. Обыкновенная щука – *Esox lucius* Linnaeus. Немногочисленный, обычный вид.
 2. Обыкновенная плотва – *Rutilus rutilus* (Linnaeus).
 3. Обыкновенный елец – *Leuciscus leuciscus* (Linnaeus). Крайне редко, только в верхней части некоторых водохранилищ.
 4. Язь – *L. Idus* (Linnaeus). Очень редко в водохранилищах.
 5. Обыкновенный гольян – *Ph. Ph. Phoxinus* (Linnaeus). Немногочислен.
 6. Краснопёрка – *Scardinius erythrophthalmus* (Linnaeus). Единичные случаи. Верхнеуральское водохранилище, верхняя часть.
 7. Линь – *Tinca tinca* (Linnaeus). Немногочислен.
 8. Пескарь – *Gobio gobio* (Linnaeus). Очень редок, верхняя часть водохранилищ.
 9. Обыкновенная уклейка – *Alburnus alburnus* (Linnaeus). Немногочисленна.
 10. Золотой [обыкновенный] карась – *Carassius carassius*.
 11. Серебряный карась – *C. auratus* (Linnaeus).
 12. Обыкновенная [сибирская] щиповка – *Cobitis taenia* Linnaeus. Редко, верхняя часть водохранилищ.
 13. Обыкновенный вьюн – *Misgurnus fossilis* (Linnaeus). Редко.
 14. Обыкновенный налим – *Lota lota* (Linnaeus). Очень редок. Водоохранилища. Обычен как акклиматизант.
 15. Обыкновенный окунь – *Perca fluviatilis* Linnaeus.
 16. Обыкновенный ёрш – *Gymnocephalus cernuus* (Linnaeus). Редко.
- В случае искусственного зарыбления водоема, видовой состав может быть обогащен:
17. Европейская ряпушка – *Coregonus albula* (Linnaeus). Обычно.
 18. Пелядь – *C. Peled* (Gmelin). Обычно.
- Изредка другими видами семейства сиговые, из перечисленных в списке для озёр Восточного склона Южного Урала, также гибридами сиговых;
19. Буффало – *Ictiobus* sp. Вид интродуцировался в водохранилищах. Редко.
 20. Амур (белый) – *Stenopharyngodon idella* (Valenciennes). Редко.
 21. Обыкновенный лещ – *Abramis brama* (Linnaeus). Редко.
 22. Сазан, карп – *Cyprinus carpio* (Linnaeus). Всё многообразие форм, даже самые экзотические – кои, оз. Шугуняк;
 23. Обыкновенный толстолобик – *Hypophthalmichthys molitrix* (Valenciennes). Редко.
 24. Обыкновенный судак – *Sizostedion lucioperca* (Linnaeus). Редко.
 25. Американский [карликовый] сомик – *Ictalurus nebulosus* (Lesueur). Крайне редко. Троицкое водохранилище.
 26. Головёшка-ротан – *Percottus glehni* Dybowski. Обычен. Немногочислен.

Видовой состав озёр (водоемов) можно охарактеризовать как крайне бедный. Для водоемов Зауралья это совершенно естественное, исторически сложившееся экологическое равновесие. При-

чём, в отдельно взятом водоёме (озере) или водохранилище количество видов значительно меньше, чем в приводимом списке. Три – пять видов, реже, более. Исключение – озёра, в которые искусственно заселялись какие-либо виды. Водоёмы, пережившие рыбохозяйственные мероприятия по увеличению видового разнообразия рыб, порой могут быть населены десятью видами.

В отдельных водоёмах региона ихтиофауна представляет собой исключительно продукт культурных, рыбохозяйственных мероприятий. В озере Кунтуды аборигенных видов рыб нет. Ихтиофауна состоит из акклиматизантов: пелядь – *C. Peled* (Gmelin), (белый) амур – *Stenopharyngodon idella* (Valenciennes) и карп – *Cyprinus carpio* (Linnaeus). Упомянутое озеро не единственное такого типа в области.

Отличия в ихтиофауне озёр и водохранилищ иногда существенны. В водохранилищах, в их верхней части, порой отмечаются типично речные виды, иногда редкие для фауны области. Поэтому присутствие некоторых видов в списке озёрной ихтиофауны весьма условно. В частности, елец, пескарь и др.

Ещё одна важная особенность. Некоторые водоемы населены только локальными популяциями серебряного и золотого карася, в этом случае говорить о видовом разнообразии вовсе не приходится. Для озёр Зауралья подобная особенность типична и естественна, являясь результатом исторически обусловленных экологических условий. В одном водоёме обитает порой только два вида карасей, или вовсе один – золотой карась – *Carassius carassius*. Реже, окунь – *Perca fluviatilis* (в последние десять лет) и ротан-головёшка – *Percotus glehni*. Как правило, в небольших водоёмах так называемого заморного типа (в основном), мелководных, быстро промерзающих при определённых значениях низких температур в зимний период.

В заключение обзора ихтиофауны Зауральских водоемов отметим следующий факт. В недалёких окрестностях города Магнитогорска в мелких изолированных водоемах отмечался обыкновенный солнечник – *Lepomis gibbosus* (Linnaeus). Автору известны единичные случаи. Не каждый год. В тёплые сезоны, разных лет наблюдения. Естественный исходный ареал вида – Североамериканский континент, восточная часть. Встречается в водоёмах значительной части Европы. Обычный вид для Украины и Южной России, но никак не для Урала, даже Южного. Подобные случаи – явный результат антропогенного влияния (искусственного вселения). Поскольку нигде далее (южнее, юго-западнее, юго-восточнее) вид никем не зафиксирован. Севернее, вид, конечно, не отмечался, это локальное проявление.

Озёра горной части и Восточного склона Южного Урала

Озёра горной части Южного Урала, расположенные в межгорных понижениях эрозионно-тектонического образования (оз. Зюраткуль), и самые крупные и глубокие озера тектонического происхождения, находящиеся на восточном склоне Южного Урала (Большой Кисегач, Тургойак, Большое Миассово, Увильды, и др.), как правило, олиготрофного или мезотрофного типов. В сравнении с Зауральскими, водоёмы бедны органикой. Ихтиофауна напротив богаче. Увеличение количества видов обусловлено увеличением разнообразия условий обитания, пригодных для разных видов рыб. В крупных водоёмах имеются мелководные участки, заросшие высшей растительностью, как правило, в заливах, где формируются хорошие условия для нереста многих видов рыб. Одновременно растительность служит укрытием для молоди. Поскольку мелководье прекрасно прогревается, создаются благоприятные условия и для развития планктонных организмов, в свою очередь, являющихся кормом для мальков. Помимо мелководных участков, пригодных в качестве нерестилищ, данные водоёмы обычно характеризуются наличием сложного рельефа дна: перепадами глубин, каменными грядами, мысами, намытыми песчаными косами, отдельно расположенными островами или их группами, с присущим им микрорельефом дна. Большие озёра не подвержены заморным явлениям, в них значительную часть года благоприятный кислородный и температурный режим. Перечисленные особенности создают необходимое разнообразие условий, как для разных видов, так и для разновозрастных групп рыб. Соответственно список аборигенных видов озёрной ихтиофауны для этого региона обширнее, нежели в Зауралье:

1. Сибирский осётр – *Acipenser baeri* Brandt. Крайне редко.
2. Кумжа (форель) – *S. trutta trutta* Linnaeus. Редко.
3. Таймень – *Hucho taimen* (Pallas). Вдхр. Крайне редко.
4. Радужная форель – *S. gairdneri* Richardson
5. Европейская ряпушка – *Coregonus albula* (Linnaeus).
6. Байкальский, арктический омуль – *C. autumnalis* (Pallas). Редко.
7. Пелядь – *C. Peled* (Gmelin)

8. Чир – *C. nasus* (Pallas).
9. Обыкновенный сиг – *C. lavaretus lavaretus* (Linnaeus).
10. Чудской сиг – *C. lavaretus maraenoides* (Poljakow)
11. Муксун – *C. muksun* (Pallas). Редко.
12. Гибриды сиговых.
13. Обыкновенная щука – *Esox lucius* Linnaeus
14. Обыкновенная плотва – *Rutilus rutilus* (Linnaeus).
15. Обыкновенный елец – *Leuciscus leuciscus* (Linnaeus).
16. Язь – *L. idus* (Linnaeus).
17. Озёрный гольян – *Phoxinus p. percnurus* (Pallas).
18. Обыкновенный гольян – *Ph. Ph. Phoxinus* (Linnaeus).
19. Обыкновенная верховка (Heckel) – *Leucaspius delineatus*.
20. Линь – *Tinca tinca* (Linnaeus).
21. Пескарь – *Gobio gobio* (Linnaeus).
22. Обыкновенная уклейка – *Alburnus alburnus* (Linnaeus).
23. Закавказская густера – *Blicca bjoerkna* (Linnaeus).
24. Обыкновенный лещ – *Abramis brama* (Linnaeus).
25. Золотой [обыкновенный] карась – *Carassius carassius*.
26. Серебряный карась – *C. auratus* (Linnaeus).
27. Сазан, карп – *Cyprinus carpio* (Linnaeus).
28. Белый амур – *Stenopharyngodon idella* (Valenciennes).
29. Обыкновенная [сибирская] щиповка – *Cobitis taenia* Linnaeus.
30. Обыкновенный вьюн – *Misgurnus fossilis* (Linnaeus). Редко.
31. Обыкновенный налим – *Lota lota* (Linnaeus)
32. Обыкновенный судак – *Sizostedion lucioperca* (Linnaeus)
33. Обыкновенный окунь – *Perca fluviatilis* Linnaeus.
34. Обыкновенный ёрш – *Gymnocephalus cernuus* (Linnaeus).
35. Головёшка-ротан – *Percottus glehni* Dybowski.

Часть видов, приводимых в этом списке, не являются аборигенными для области. Прежде всего, осетровые – сибирский осётр; лососёвые – радужная форель; сиговые – европейская ряпушка, омуть, пелядь, чир, сиг, муксун; некоторые карповые – лещ, карп, белый амур; окунёвые – судак. Как объект стихийной акклиматизации или естественной экспансии, типичен головёшка-ротан – *Percottus glehni* Dybowski. Некоторые виды редки, но отмечались порой единожды или дважды. Например, таймень – *Hucho taimen* (Pallas). Для каждого озера, список специфичен. Список же аборигенных видов в отдельно взятом водоёме будет включать пять – семь видов, в редких случаях восемь, с учётом акклиматизированных – до двенадцати. В Зауралье списки компактнее.

С девяностых годов XX века в некоторых водоемах Восточного склона Южного Урала в частном порядке осуществляются проекты по разведению радужной форели. По сути, речь идёт об интродукции. Не все проекты существуют поныне. Говорить о каких-то успехах акклиматизации бессмысленно, тем не менее, в списке ихтиофауны озёр Южного Урала вид присутствует. Первые попытки в этом направлении были предприняты ещё в начале XX века основоположником промышленного рыбководства в нашем регионе рыбоводом И. В. Кучиным. Нужно признать, что 107 лет назад подобные работы сопровождались более осмысленными действиями и результатами.

В целом, говоря об ихтиофауне озёр Южного Урала, отметим, прежде всего, ее небогатый перечень, что является следствием воздействия абиотических (географических) и биотических факторов естественного характера. Также велико воздействие антропогенного фактора, что вполне очевидно. Учитывая тот факт, что Челябинская область богата озёрами, было бы разумным несуетно, вдумчиво и централизованно осуществлять рыбохозяйственные мероприятия на местных озёрах. Регион имеет в этом смысле уникальный, значительный потенциал. Есть возможность обогатить состав ихтиофауны водоёмов новыми, ценными видами рыб. Ценными для рыбопромышленного хозяйства и для всё интенсивнее развивающегося рекреационного рыболовства (в США рыбалка – национальный вид отдыха). Осуществимость подобных мероприятий вполне очевидна и выгодна экономически. Свидетельство тому – опыт стран Европы, Азии, Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии и многих других. Осмысленные усилия, прилагаемые в данном направлении, позволят сохранить и аборигенную ихтиофауну, которая в области имеет аллохтонный характер и представлена (за исключением двух сибирских) европейскими видами.

1. Андреева М. А. Озёра Среднего и Южного Урала. Челябинск, 1973. – 256 с.
2. Решетников Ю. С. (ред.) Атлас пресноводных рыб России: В 2 т./ РАН. Ин-т пробл. экологии и эволюции. М.: Наука. 2002. Т. 1. 379 с; Т. 2. 253 с.
3. Шайгородский Э. А., Решетников М. А. Обзор фауны рыб Челябинской области (1874 – 1994 гг.) // Материалы по флоре и фауне Челябинской области. Сб. науч. тр. Миасс, 1994. С. 48–53.

Дерягин В. В., Дерягин А. В.

*Лимнологическо-экологический центр
Челябинского государственного педагогического университета,
г. Челябинск*

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ПАЛЕОЛИМНОЛОГИИ ЮЖНОГО УРАЛА

Постоянно возрастающие потребности в хозяйственном использовании водных ресурсов Среднего, Южного Урала и Зауралья приводят к освоению (вовлечению все новых и новых) побережий озер и их водных масс. Следствием нерациональной организации природопользования является эвтрофирование водоемов и потеря ими хозяйственной привлекательности.

Можно ли при современном уровне изученности озер этой территории прогнозировать их развитие в условиях антропогенного пресса и рекомендовать организацию оптимальных систем природопользования на озерных территориях? Развернутый ответ на этот вопрос будет решением проблемы гармоничного взаимодействия современного общества с озерами на исследуемой территории. И решение это возможно лишь через привлечение теоретических палеогеографических (в частности, палеолимнологических – об эволюции озер) знаний к прогностической и далее – к хозяйственной деятельности.

Цель данной работы – кратко охарактеризовать историю лимнологических и палеолимнологических исследований голоцена Зауралья, Среднего и Южного Урала; а также современную изученность озер этой территории в гидрологическом и палеолимнологическом аспектах.

В соответствии с историей развития науки в целом и изменения потребностей российского общества, мы считаем необходимым выделить две эпохи изучения озер: доинструментального изучения (до 1905 г.) и инструментальных исследований озер южной части Урала и Зауралья, которые включают 9 этапов.

Доинструментальная эпоха изучения озер (1560–1905 гг.). Фактически это первичное (методами наблюдения и описания) накопление знаний об особенностях природы территории Зауралья, Среднего и Южного Урала и, в частности, о размещении и свойствах гидрологических объектов. Вслед за Станиславом Павловичем Китаевым (2008), эту эпоху можно считать предысторией лимнологии Урала.

Формально, по наличию сохранившихся карт с гидрографическими объектами, эпоха началась в XVI веке с возникновения династии царей Романовых (Михаила Федоровича и Алексея Михайловича), и продолжалась до формирования рыбоводческого направления в использовании озер в начале XX века, которое совпало со временем проникновения идей Франсуа Альфонса Фореля в виде «Инструкции для исследования озер» (1887). С нашей точки зрения, его целесообразно подразделить на три этапа.

Целью первого этапа эпохи (до 30-х гг. XVIII в.) в аспекте наших исследований можно считать формирование наиболее общих представлений о территории российского государства. Вследствие этого карты мелкомасштабны, гидрография Уральских гор и Зауралья имеет исключительно приблизительные очертания. Главная задача того времени – характеристика гидрографической сети в аспекте наличия водных объектов, их географического положения и размеров. Поэтому первые документальные свидетельства о гидрографии Южного Урала и Зауралья, дошедшие до нас, относятся к XVI–XVII вв. Основная гидрографическая сеть рассматриваемой территории нанесена в грубо приближенном виде на карты Энтони Дженкинсона (1562 г.), Гесселя Геритса (1613 г.), Абрахама Ортелиуса (1617 г.), Исаака Массы (1633 г.), а также Клоаса Прютца (1674 г.) и Семёна Ульяновича Ремезова (1701 г.), составленные по не дошедшему до нас «Чертежу Сибирской земле»

тобольского воеводы Петра Ивановича Годунова (1667 г.).

Однако мнение Р. Осьмининой (1979) позволяет предположить наличие средне- и крупномасштабных карт данных территорий уже в середине XVI века, не сохранившихся из-за периодических пожаров государственных учреждений («приказов» и архивов). Несомненно, знания «государевых людей» об этой территории намного превосходили информированность иностранных картографов, которым предоставляли, по всей видимости, строго «дозированную» информацию.

В целом, первая часть эпохи может быть названа периодом картографирования территории и началом формирования представлений о гидрографических ее особенностях.

Вторая часть эпохи (30-е годы XVIII века – середина XIX века) – это период освоения русскими Южного Урала и Зауралья. Процесс колонизации не мог не сопровождаться конкретизацией общих представлений о гидрографии территории путем исследования локальных водных объектов методами наблюдения и описания.

Целью данного периода освоения было обеспечение безопасности на пограничных рубежах российского государства. В понятие безопасности входит не только оборона рубежей, но и обеспечение жизнедеятельности, в частности, наличие источников водоснабжения. Поэтому все крепости Южного Урала и Зауралья (Исетской линии) строились у водоемов, как например, Чебаркульская. Строительство Чебаркульской крепости (1736 г.) было начато полковником И. С. Арсеньевым на полуострове в восточной части озера, для чего была произведена глазомерная съемка северо-восточной части озера Чебаркуль.

Вероятно, к этому времени относится вывод Василия Никитича Татищева: «...озер в Сибири, а наипаче подле Урала такое великое множество, что их всех исчислить и описать великого труда стоит» (Татищев, 1950).

Во второй половине XVIII века, по поручению Российской Академии наук, сведения о природе Урала, в том числе реках и озерах (в частности, о морфометрии, гидробионтах и водном режиме озер Южного Урала) с той или иной степенью подробности собирались и систематизировались несколькими известными путешественниками-географами. Среди них Иоганн Георг Гмелин и Иван Иванович Лепёхин (1742 г.), Петр Симон Паллас и Иоганн Петер Фальк (1770 г.), описавшие современное им состояние таких озер Южного Урала, как Чебаркуль, Кундровинское, Иткуль, Касли, Иртяш, Сунгуль, Аллаки, Кисегач, Мыркай, Треустан и многих других. На основании собранной информации И. П. Фальк предпринял первую попытку классификации озер Южного Урала и Зауралья.

С утилитарными (продовольственными) целями наблюдения за режимом уровня озер и их гидробионтами проводили и военные чины, которых интересовала водность и наличие рыбы. Именно на восточном склоне Южного Урала и в Зауралье русские столкнулись с явлением периодического усыхания и обводнения озер, что потребовало особого внимания к водоемам этой территории.

Второй этап эпохи доинструментального изучения озер может быть назван периодом формирования представлений о ресурсах водоемов Южного Урала и Зауралья.

Третий этап длился со II половины XIX века до середины первого десятилетия XX века. Данный отрезок времени (1850-е гг. – 1905 г.) можно считать началом интенсификации хозяйственного использования озер и первичной систематизации лимнологической информации.

Во второй половине XIX века и в начале XX века на озерах восточного склона Южного Урала интенсивно развивается рыбный промысел. В частности, озера Табанкуль, Б. Боляш, Еловое, М. Миссова и другие в различные годы сдавались в аренду. К тому же времени (1860 г.) относятся первые попытки искусственного зарыбления. Соответственно и изучение озер во второй половине XIX века шло в рыбохозяйственном отношении, данные по биологии рыб и экономике рыбного промысла приводятся в работах зоологов.

В середине XIX века зауральские озера посетил Ипполит Михайлович Крашенинников. Он отметил типично степной их облик, а также особенности замерзания, мелководность и зарастание. На основании собранных им данных он говорит о значительном понижении озер бывшего Челябинского уезда в период 1845 года.

В 1871–1873 гг. на троицко-челябинских озерах работал Владимир Дмитриевич Аленицын. Он посетил около 30 озер, среди которых – Аргази, Касарги, Смолино, Второе, Дуван-Куль, Курлады, Саран-Куль, Ан-Ташты, Боз-куль, охарактеризовал состояние и изменение их уровней, дал описания ихтиофауны и макрофитов этих озер. На основе проведенных исследований в 1873 году выходит в свет его работа под названием «Очерк Троицко-Челябинских озер и их ихтиологической фауны». В. Д. Аленицын же в 1873 году сделал первую удачную попытку классификации озер Южного Урала. Он дал подробное мотивированное разделение озер на шесть типов, «соединенных» постепенными переходами и изменением характерных признаков. Эти шесть типов в дальнейшем показали свою

связь с донными отложениями.

Обстоятельный рыбохозяйственный очерк, где содержится характеристика 50-ти озер, в том числе озер Иткуль, Чебаркуль и окружающей их местности, принадлежит перу Леонида Павловича Сабанеева. Для озер восточных склонов Урала и Зауралья Л. П. Сабанеевым в 1878 году было выделено (по географическому положению) три типа озер: горные, приуральские и степные. В очерке уделяется внимание биологии рыб, рыболовству и экономике этого промысла.

Интерес к водным ресурсам Южного Урала и Зауралья резко возрастает во второй половине XIX века при изучении рек как путей сообщения с целью устройства соединительных каналов. Почти одновременно с этим на трассе транссибирской железной дороги развернулись гидрографические и гидрогеологические исследования для целей водоснабжения и строительства различных сооружений. Еще несколько позже начинаются работы Переселенческого управления, ведшего подготовку колонизационных участков. В связи с этим появляется целый ряд гидрографических, гидрогеологических работ, прямо или косвенно имеющих отношение к исследуемому району. В частности, интереснейшее описание некоторых озер дал Щелкановский в 10 томе «Землеведения» (1903).

В 1905 году И. М. Крашенинников исследовал озера Троицко-Челябинского района (от озер Кулат и Асли-куль до озер Горькое, Кум-Куль и Шантрапай), составив подробное их описание и классификацию.

Подводя итоги третьей части эпохи доинструментального исследования озер Южного Урала и Зауралья, можно охарактеризовать ее как период первичной систематизации сведений о ресурсах озер региона и первых попыток организации рыборазведения на некоторых из них.

В доинструментальную эпоху изучения озер лимнология Урала, как таковая, не выделяется из научных задач. Сама наука лимнология ведет свою историю с VI географического конгресса в Лондоне (1895 г.), когда Ф. А. Форель обосновал и сформулировал цели и основные задачи лимнологии (Китаев С. П., 2008). Уже тогда в программу исследований озер, состоящую из 9 пунктов, он включил геологию (происхождение озер) и петрографию (донные отложения). Однако при изучении уральских озер в это время превалируют картографические задачи и утилитарные цели (примитивное природопользование). Происходило это, видимо, в связи с тем, что здесь еще не была известна «Инструкция для исследования озер», составленная Ф. А. Форелем по просьбе Императорского Русского Географического общества в 1887-м году и изданная в переводе Ю. М. Шокальского двумя изданиями в 1888-м и 1904-м годах.

Начало XX века для истории лимнологии знаменательно тем, что в Швейцарии в это время Франсуа Альфонс Форель издал книгу «Руководство по озероведению (Общая лимнология)» (1901 г., рус. пер. – 1912 г.), которая явилась фундаментом новой отрасли гидрологии.

Эпоха инструментального изучения озер Урала (1905 г. – современность) несомненно, началась благодаря использованию «Инструкции...» Ф. А. Фореля. Эпоху можно подразделить на шесть этапов.

Четвертый этап (1905–1916 гг.) – начало инструментальных исследований озер Зауралья, Среднего и Южного Урала. Для этапа характерны сбор и систематизация научных (полученных методами измерения) знаний об особенностях гидрологических объектов и их взаимосвязях с другими компонентами природного комплекса (геологией, рельефом, климатом, растительностью и почвами). Начавшись в 1905 году исследованиями Владимира Николаевича Сементовского, он был прерван продолжающейся Первой мировой войной в 1916 году и далее Октябрьским переворотом с последовавшей за ним Гражданской войной. Внутренне относительно целостный (без деления на периоды), этап характеризуется возрастанием роли инструментальных исследований озер и увеличением масштаба лимнологических работ на Южном, Среднем Урале и в Зауралье.

Фактически этот этап исследований озер Урала можно считать первым в истории уральской лимнологии – этапом формирования первичных научных лимнологических знаний, полученных научными методами.

Пятый этап (1916–1941 гг.). Дальнейшее развитие инструментария лимнологических исследований и совершенствование системы изучения озер: начало реализации принципа системности в лимнологическом мониторинге. Декларирование комплексного подхода в лимнологических исследованиях.

Этап, длившийся с 1916-го по 1941-й годы, включает, как мы считаем, два периода: период отсутствия исследований в 1916–1922 годах в связи с Первой мировой войной (1914–1918 гг.), Октябрьским переворотом и Гражданской войной (1917–1922 гг.); а также период изучения хозяйственно-питьевых, рыбных и рекреационно-лечебных ресурсов озер (1922–1941 гг.).

Необходимо отметить, что именно в это время развивались представления об изменениях

природных обстановок в голоцене на основе схемы Блитта-Сернандера. Были опубликованы работы по методике анализа пыльцы в торфе В. С. Доктуровского (1923), Д. А. Герасимова (1924), В. С. Доктуровского и В. В. Кудряшова (1923), «...которые дали толчок к широкому применению палинологического анализа при изучении голоценовых отложений в нашей стране» (цит. по Хотинскому, 1977). Первый опыт определения лесных фаз на Урале в голоцене и установления возраста озерно-болотных отложений осуществил Д. А. Герасимов (1926) для Язевского прииска Шигирского болота.

В связи с накоплением в этот период данных по значительному количеству озер Среднего, Южного Урала и Зауралья начато создание первого кадастра водных ресурсов. Исследовательские работы ведутся экспедициями центральных научных учреждений и их уральских филиалов.

Центральным и Уральским институтами курортологии и физиотерапии в 1930-е годы было начато систематическое изучение минеральных озер Челябинской области, а также бальнеологических свойств сапропеля.

В 1936 году краевед Владимир Павлович Бирюков опубликовал в справочном издании «Челябинская область. Природные богатства и их использование» восемнадцатистраничную статью «Озера», которую, с нашей точки зрения, можно назвать программной. В 12-ти пунктах своей статьи он наметил научные проблемы лимнологии (озероведения) того времени, поставив ряд вопросов, актуальных и по сей день.

В этот же период большой вклад в изучение озер Урала внес кандидат географических наук Виктор Семенович Старцев, который одним из первых начал изучать практическое применение сапропелей.

О перспективах использования сапропелей пишет в своей статье «Богатства Уральских озер» профессор Модест Онисимович Клер («Челябинский рабочий», 1939 г., 6 января).

Заметным явлением стала небольшая, но важная работа Г. Ю. Верещагина «Задачи исследования озер Ильменской группы» (Верещагин, 1938). В ней он освещает вопросы, поднятые на специальной небольшой конференции, созванной в декабре 1936 года по инициативе Ильменского заповедника Академии наук СССР и Челябинского рыбтреста по вопросам научно-исследовательских работ, связанных с научным обоснованием плана рыбохозяйственного использования озер Ильменской группы.

Конференция констатировала, что имеющихся данных о природе озер недостаточно для научного обоснования рыбохозяйственного плана, и наметила организацию ряда новых исследований.

На основании этого Г. Ю. Верещагин говорит о том, что «...исследования озер, производящиеся в целях разрешения конкретных запросов народного хозяйства, необходимо ставить комплексно-лимнологически для того, чтобы результаты исследования отвечали комплексным же запросам, предъявляемым к озерам различными сторонами их хозяйственного использования. При постановке таких исследований одновременно разрешается и ряд вопросов теоретического озероведения, имеющих общее значение».

На предвоенном этапе развития лимнологии Урала главенствовал интерес к озерным ресурсам, которые можно быстро включить в хозяйственный оборот. Наряду с этим присутствовало понимание недостаточности накопленных знаний для всестороннего использования озер, поэтому инициировались углубленные исследования компонентов водоемов и, в частности, донных отложений.

Фактически, это этап начала исследований донных отложений озер Зауралья, Среднего и Южного Урала, который может считаться началом палеогеографических исследований. Несмотря на то, что была озвучена необходимость комплексного лимнологического подхода, сохранялся компонентный подход в исследованиях озер, вызванный недостаточной лабораторно-методической базой лимнологии Урала.

Шестой этап (1941–1965 гг.). Обобщение накопленных знаний о закономерностях существования озер Урала, их группировка (при продолжающемся пополнении данных). Кроме того, этап может быть отмечен как время проведения первых палеолимнологических исследований с применением палеолимнологических методов.

Этап, как и предыдущий, включает два периода: эпизодических лимнологических исследований в период Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет (1941–1948 гг.); период активизации лимнологических исследований для интенсификации природопользования на озерах (1948–1965 гг.).

Во время Великой Отечественной войны на Среднем и Южном Урале проводил исследования озерных сапропелей Владимир Николаевич Сукачев.

В середине 40-х годов В. Н. Сукачев совместно с Г. И. Поплавской опубликовал «Очерк истории озер и растительности Среднего Урала в течение голоцена по данным изучения сапропелевых

отложений» (Сукачев, 1946), в котором приводит сведения о сапропелевых отложениях более 100 озер и нескольких торфяниках, в том числе и озер-спутников Увильдов: озер Б. Байк и Зибикуль.

Большей частью исследования ведутся силами уральских научных центров: УралНИИВХ, Ильменским заповедником, ЧГПИ. В этот период введен регулярный отбор проб воды на озерах санитарно-эпидемиологическими станциями.

Михаил Александрович Манько в 1957-м году систематизировал данные о колебании уровней озер с XVIII века до середины XX века. На основании полученных выводов он сформулировал первоочередные задачи для развития лимнологии Среднего, Южного Урала и Зауралья на ближайшие 15–20 лет с точки зрения рационального включения озерных ресурсов в хозяйственную деятельность (Манько, 1957).

Для формирования представлений об эволюции природных обстановок важное значение имели работы М. И. Нейштадта, в частности, детальная палинологическая-стратиграфическая схема хронологии голоцена и истории лесов центральной части Русской равнины (1957). Эта схема, как наиболее характерная, была взята им за основу при выделении среднерусского типа пыльцевых диаграмм и увязана с зональной шкалой Константина Константиновича Маркова (1934) для Ленинградской области и с периодами Блитта-Сернандера (Хотинский, 1977).

На послевоенном этапе происходит дальнейшее формирование системы лимнологических исследований. Водоемы изучаются с применением современных этапов лимнологических (в том числе палеолимнологических) методов. При этом видна тенденция отсутствия общего направления лимнологических исследований, наличие разрозненности и узковедомственных подходов. Выявленные свойства сапропелей показали их малую экономическую выгоду, что способствовало падению интереса хозяйственников к донным отложениям.

Фактически В. Н. Сукачевым и Г. И. Поплавской проведено первое палеолимнологическое исследование озер Урала. В науке начинают формироваться представления об эволюции природных обстановок в голоцене севера Евразии.

Седьмой этап (1965–1973 гг.). Для этапа характерны обобщение и синтез лимнологических данных по Зауралю, Среднему и Южному Уралу; создание первых теорий, объясняющих закономерности существования озер этой территории. Впервые в лимнологии Урала применен системный подход.

В 1965-м году на крупных озерах восточного склона Южного Урала работала экспедиция лаборатории озероведения при институте географии АН СССР. Изучался химический состав вод, накопление и содержание органики в донных отложениях; отмечались неточности в работах предыдущих исследователей. Руководителем работ был Леонид Леонидович Россолимо. В своих трудах он отмечает своеобразные черты олиготрофии озер Б. Кисегач, Б. Миассово и Увильды (нетипичный кислородный режим в придонных слоях и сравнительно высокая доля органики в донных отложениях). Им делается вывод об особых путях эволюции крупных олиготрофных озер Южного Урала, которые обуславливают длительное сохранение трофического статуса при условии ограниченного антропогенного влияния. Примечательно, что Л. Л. Россолимо особо настаивал на необходимости строгой охраны крупнейших озер Южного Урала от антропогенного воздействия, подчеркивая их уязвимость.

В 1960–70-е годы озера Зауралья, Среднего и Южного Урала изучаются Марией Андреевной Андреевой (Челябинский государственный педагогический институт). Исследуются в основном их морфометрические, термические и гидрохимические особенности, вопросы происхождения озерных котловин и хозяйственное использование (Андреева, 1964).

В это же время выходит статья С. С. Жарикова о донных отложениях и палеогеографических этапах развития некоторых озер Ильменского заповедника (1967).

В 1972–1974-м годах на озерах Южного Урала работает комплексная экспедиция Института Озероведения АН СССР. Исследуются 17 озер в горно-лесной и лесостепной зонах. Главные выводы содержатся в монографии «Ландшафтный фактор в формировании гидрологии озер Южного Урала» (1978), сохраняющей свою актуальность по сей день.

На озерах Б. Кисегач, Аргаяш (Ильменский), Шантропай и других были проведены палеолимнологические исследования, которые позволили выявить этапы эволюции озер в голоцене и определить время возникновения некоторых из них.

В течение седьмого этапа были выявлены особенности озер Зауралья, Среднего и Южного Урала, делающие их отличными от озер других районов мира и обуславливающие необходимость их индивидуального изучения. Впервые обращено внимание на необходимость исследования донных отложений как важнейшего компонента в озерной геосистеме.

Восьмой этап (1973–1995 гг.). Углубление и расширение исследований. Применение матема-

тического аппарата для статистического анализа лимнологических данных. Возникновение лимнологических теорий.

Этот период отличается возникновением новых классификаций озер. Так, Ольга Филипповна Якушко в 70-х годах XX века предлагает генетическую классификацию малых озер зоны смешанных лесов, которая применяется, в том числе, для озер Среднего и Южного Урала. Она основана на зональных признаках, а также на ряде региональных и частных характеристик. Данная классификация имеет большое значение и для классификации процессов озерного осадконакопления.

В 1973-м году опубликована работа М. А. Андреевой «Озера Среднего и Южного Урала». Это один из первых опытов обобщающей работы, в которой, на основании морфометрической, термической и гидрохимической классификаций изученных озер дается комплексная характеристика их гидрологии и обосновывается лимнологическое районирование Среднего и Южного Урала. Работы М. А. Андреевой объяснили локально-региональные ритмы обводнения и усыхания озер рассматриваемой территории, ответив на большинство вопросов, поставленных в трудах М. А. Манько. Эта работа имеет огромное значение для понимания закономерностей эволюции озер Зауралья, Среднего и Южного Урала, особенно – флуктуаций уровня режима и естественного трофического статуса, тех характеристик, которые более других влияют на процесс озерного осадконакопления.

В это же время среди научной общественности все шире распространяется мысль о важности изучения донных отложений как индикатора антропогенного воздействия.

В 1970-е годы озера Зауралья, Среднего и Южного Урала исследуются сотрудниками УралНИИВХ и УрГМС. Главным образом, изучается гидрохимический режим озерных вод. На основании естественно-исторического и математико-статистического анализа гидрохимической информации вскрывается лимнохимическая зональность Урала. Описаны закономерности распределения и формы нахождения химических элементов в водах озер и основные факторы формирования химического состава вод. Эти же факторы определяют основные особенности донных отложений озер.

В 70–80-е годы XX века продолжаются исследовательские работы по изучению озер, пригодных или используемых в целях здравоохранения, то есть постройки санаториев, домов отдыха и т. д. Исследуется воздействие антропогенной нагрузки на озера, качество воды, идет разведка грязевых залежей для уральской бальнеологии и т. д.

В рассматриваемый этап развития лимнологии и палеолимнологии Урала выявлены механизмы природно-ритмического изменения характеристик озерных геосистем лесной, лесостепной и степной природных зон, где расположены Зауралье, Средний и Южный Урал. Уточняются и существенно расширяются представления о палеогеографических условиях существования отдельных озер и их водосборных территорий в голоцене (поздне- и послеледниковье) для восточного склона Южного Урала и Зауралья.

Этот этап был прерван известными политическими событиями начала 90-х годов XX века и экономической перестройкой, затруднившими ведение исследовательской работы. Начиная с 1995-го года, изучение озер проводится на другой экономической основе.

Девятый этап (1995 г. – современность). Для этапа характерны, наряду с узковедомственными лимнологическими, комплексные палеолимнологические исследования. Остановимся лишь на тех из них, которые прямо или косвенно касаются палеолимнологии Зауралья, Среднего и Южного Урала.

В 1995 году были закончены исследования эволюции и современного состояния экосистемы крупнейшего на Южном Урале озера Увильды (Радаева, 1995). Наибольший вклад в палеогеографию озера внесли ученые Института озероведения РАН (Санкт-Петербург): палинолог Валентина Ивановна Хомутова, диатомист Наталья Наумовна Давыдова, остракодолог Ирина Юрьевна Неуструева, седиментолог Дмитрий Александрович Субетто, а из челябинских гидрологов – Виктория Юрьевна Радаева. Результаты этих исследований позволили считать разрез донных отложений озера Увильды стратотипическим для данного региона (Хомутова и др., 1995).

Изучение донных отложений озера Аргаяш Аргаяшского района Челябинской области выявило долготные различия во времени возникновения озер Южного Урала и Зауралья (Subetto et al, 1996).

Обобщение полученных к концу XX века данных по палеолимнологии озер восточного склона Южного Урала позволило автору этих строк с помощью палинологов Института озероведения В. И. Хомутовой и Татьяны Валентиновны Сапелко создать палеогеографическую реконструкцию природных обстановок на северной территории восточного склона Южного Урала и примыкающего к нему Зауралья (Дерягин, 1999).

Для Южного Урала, района древней металлургии, исключительно интересны данные по естественному геохимическому фону для тяжелых металлов, сохраняющемуся в донных отложениях озер.

Сопоставление концентраций тяжелых металлов в нижних и верхних горизонтах озерных осадков, проводимое Валерием Николаевичем Удачным (Институт минералогии УрО РАН, г. Миасс), дает возможность определить степень техногенного загрязнения обширных территорий (Удачин и др., 2009).

Накопленная информация по палеолимнологии позволяет, например, при использовании археологических данных Николая Борисовича Виноградова (ЧГПУ), проводить палеогеографические реконструкции условий деятельности древних металлургов на озерах Южного Урала (Дерягин, 2005).

С 2001 года и по настоящее время Челябинским государственным педагогическим университетом в содружестве с Институтом минералогии УрО РАН (г. Миасс), Уральским научно-практическим центром радиационной медицины (Челябинск) и Биологической станцией Института экологии растений и животных УрО РАН (г. Заречный Свердловской области) ведется комплексное изучение озер Восточно-Уральского радиоактивного следа (ВУРС). Руководителем работ является декан естественно-технологического факультета ЧГПУ Серафима Георгиевна Левина. Главная цель исследований – составление характеристики современного радиологического состояния озерных экосистем в целом (Левина и др., 2003–2010) и основных их компонентов, в том числе донных отложений (Дерягин, 2006).

Продолжаются палеолимнологические исследования: в Институте минералогии Анной Валерьевной Масленниковой осуществлен спорово-пыльцевой, диатомовый и геохимический анализ донных отложений озер Уфимское и Иткуль, отобранных В. В. Дерягиным и В. Н. Удачным (Масленникова, Дерягин, 2009; 2010).

В атласе Челябинской области (2010) опубликована первая для этой территории детальная карта минерализации озер Челябинской области, составленная Сергеем Геннадьевичем Захаровым по собственным данным и результатам предыдущих исследований. Известно, что с минерализацией озера тесно связан тип седиментогенеза.

Современный этап развития лимнологии (и палеолимнологии, в частности) характеризуется комплексными исследованиями с применением широкого спектра географических, биологических и палеонтологических, геохимических, лимнологических и палеолимнологических методов. С определенной долей условности такие исследования можно назвать биогеосистемными. Конечным результатом современных исследований могут быть не только детальные картины природных обстановок прошлого, но и прогнозы развития озерных геосистем при различных уровнях антропогенных нагрузок. Данный этап должен перейти в этап прогностической палеолимнологии, когда результаты палеорекострукции озерных геосистем будут при экономическом планировании определять особенности их хозяйственного использования.

Подводя итоги девяти этапам двух эпох развития лимнологии Урала, необходимо отметить, что качество и количество лимнологических исследований определялось хозяйственными потребностями и научно-прикладными возможностями.

Таким образом, эпоха доинструментального изучения озер может считаться предысторией лимнологии Зауралья, Среднего и Южного Урала. История лимнологии на Южном Урале начинается с 1905 года – начала инструментальных исследований «горных озер Урала» В. Н. Семеновским. Развитие уральской лимнологии, в свою очередь, может считаться предысторией палеолимнологии Урала, ведущей свое начало от изучения донных отложений ста озер Среднего и Южного Урала В. Н. Сукачевым (1946). Причиной поэтапного развития лимнологии является постепенное развитие материальных потребностей человеческого общества. Степень изученности водоемов во всем мире обусловлена социально-экономическими причинами.

Несмотря на многовековое использование озер на Южном Урале, здесь до сих пор неизвестно их точное количество. Далеко не все из них изучены в гидрологическом плане. Наиболее полная база данных озер Челябинской области насчитывает около 500 озер, что составляет седьмую часть известного для Южного Урала их количества.

Степень изученности озер Зауралья, Среднего и Южного Урала современными методами в палеолимнологическом плане мала: их всего девять (в хронологическом порядке изучения: Б. Кисегач, Аргаяш Ильменский, Шантропай, Горькое, Увильды, Аргаяш Аргаяшский, Серебры, Иткуль, Уфимское). Результаты палеолимнологических исследований В. Н. Сукачева невозможно сопоставлять с данными, полученными по современным методикам. Исходя из этого, одна из главных задач современной палеолимнологии Урала – расширить количество исследованных объектов.

Сложившиеся направления и технологии хозяйственного использования озер приводят к антропогенному эвтрофированию и техногенному загрязнению озерных экосистем, а далее – к практически полной потере привлекательности этими экосистемами. Палеолимнологические изыскания

могли бы охарактеризовать перспективы того или иного вида хозяйствования на конкретном озере. При современном уровне изученности озер Среднего и Южного Урала (а также Зауралья) исключительно сложно прогнозировать их развитие в условиях антропогенного пресса и рекомендовать организацию оптимальных систем природопользования на озерных территориях. Необходима детализация выявленных на сегодня природных палео-событий, зафиксированных в донных осадках озер; дальнейшая корреляция их с глобальными и регионально-локальными изменениями компонентов озерных геосистем; выявление эволюционного тренда под воздействием как естественных, так и антропогенных факторов. Решение поставленной проблемы возможно только при детальном, с высокой степенью разрешения, исследовании донных отложений возможно большего количества озер Зауралья, Среднего и Южного Урала.

Литература

- Алабышев В. В. Зональность озерных отложений // Изв. Сапропел. ком. 1932. Вып. 6. С. 1–44.
- Андреева М. А. Из истории исследования озер Челябинской области // Край родной. Вып. 3. Челябинск, 1967. С. 42–48.
- Андреева М. А. О происхождении озер Челябинской области // Сб. статей по краеведению и истории географии. Челябинск, 1963. С. 61–69.
- Андреева М. А. Озера Среднего и Южного Урала. Челябинск, 1973. – 270 с.
- Андреева М. А. Физико-географические особенности озер Челябинской области и их хозяйственное использование. Дисс. на соискание ученой степени кандидата географических наук. Пермь, 1964. – 23 с.
- Архипова Н. П., Ястребов Е. В. Как были открыты Уральские горы: Очерки истории открытия и изучения природы Урала. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 304 с.
- Благовещенский Г. А. Об ископаемых и современных торфяниках среднего Зауралья // Сов. ботаника, 1940. № 3. С. 59–76.
- Верещагин Г. Ю. Задачи исследования озер Ильменской группы // Известия Гос. Географического Общества. 1938. Вып. 1. С. 45–49.
- Герасимов Д. А. Геоботаническое исследование болот Урала // Торфяное дело. 1926. № 12. С. 12–25.
- Герасимов Д. А. К вопросу об изменении ландшафта в послеледниковую эпоху. Почвоведение. 1936. № 2.
- Гильзен К. К. Исследование грунта озер России. Ладожское озеро // Изв. Русск. географ. общества. Т. 41. Вып. 4. СПб., 1905.
- Драбкова В. Г., Давыдова Н. К., Сергеева Л. В. и др. Палеолимнология озера Большой Кисегач // Палеолимнологический подход к изучению антропогенного воздействия на озера. Л., 1981. С. 73–83.
- Жариков С. С. Палеогеография озер Ильменской группы и формирование ионного состава их вод // Антропогенный фактор в развитии озер. М., 1967. С. 44–57.
- Захаров С. Г. Оценка экологического состояния озер Чебаркульской группы в условиях антропогенного воздействия. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Екатеринбург, 1997.
- Инструкция для исследования озер. СПб., 1908. – 297 с.
- История озер Севера Азии. (Серия: «История озер») / Ред. Н. Н. Давыдова, Г. Г. Мартинсон, Д. В. Севастьянов. СПб., 1995. – 288 с.
- Китаев С. П. Экологические основы биопродуктивности озер разных природных зон (тундра, тайга, смешанный лес). Л., 1984. – 260 с.
- Китаев С. П. Основы лимнологии для гидробиологов. Петрозаводск, 2008.
- Ландшафтный фактор в формировании гидрологии озер Южного Урала. Л.: Наука, 1978. – 248 с.
- Ласточкин Д. А. Очерки по палеолимнологии Среднего Урала // Тр. Лаб. сапропелевых отложений, 1949. Т. 3. С. 101–135.
- Манько М. А. Основные моменты истории исследования вопроса о колебании уровней озер в Зауральской лесостепи // Ученые записки Челяб. отд. геогр. общ. СССР. Вып. 2, 1957.
- Нейштадт М. И. К истории развития озер в послеледниковое время // Почвоведение. 1936. № 2. С. 269–276.
- Общие закономерности возникновения и развития озер. Методы изучения истории озер (Се-

- рия: История озер СССР). Л., 1986. – 254 с.
- Осьминина Р. (журнал «Вокруг света», №3 (2462) март 1979 г.
- Паллас. П. С. Путешествия по разным местам Российского государства. Перевод Томанского, Ч. II, Кн. 2, Ч. III, Кн. 3, 1786.
- Панова Н. К. История лесной и болотной растительности центральной горной провинции Южного Урала в голоцене (по данным спорово-пыльцевого анализа торфа). Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. Свердловск, 1987. – 23 с.
- Подлесный А. В. К характеристике озер Аргаяшского кантона. Уфа, 1929. – 29 с.
- Присадский С. М. Предварительный отчет по исследованию озер на восточном склоне Урала // Изв. Импер. Рус. геогр. общ. Т. 50, Вып. 5 и 6, 1914.
- Радаева В. Ю. Эволюция и современное состояние экосистемы озера Увильды (Южный Урал). Автореф. дис. ... канд. геогр. наук / Рос. НИИ комплекс. использования и охраны вод. ресурсов. Екатеринбург, 1995. – 22 с.
- Россолимо Л. Л., Федорова Е. И. Олиготрофия озер Южного Урала // Антропогенный фактор в развитии озер, М., 1967, С. 5–43.
- Сементовский В. Н. Горные озера Урала // Изв. Импер. Рус. геогр. общ. Т. 50. 1914.
- Сергеева Л. В., Хомутова В. И. Палеогеография голоцена Восточного Зауралья по палинологическим и геохимическим данным // Тез. докл. Всесоюз. конф.: Палеогеографические основы рационального использования природных ресурсов. Киев, 1977. С. 196–198.
- Сухачев В. Н., Поплавская Г. И. Очерк истории озер и растительности Среднего Урала в течение голоцена по данным изучения сапропелевых отложений // Бюл. Комисс. по изучению четвертичного периода, 1946. № 8. С. 5–37.
- Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 56.
- Форель Ф. А. Руководство по озероведению (Общая лимнология). СПб, 1912.
- Хомутова В. И. Спорово-пыльцевой анализ донных отложений // Ландшафтный фактор в формировании гидрологии озер Южного Урала. Л.: Наука, 1978. С. 222–227.
- Хомутова В. И., Андреева М. А., Давыдова Н. Н., Неуструева И. Ю., Радаева В. Ю., Субетто Д. А. Южный Урал. Озеро Увильды // История озер Севера Азии. СПб: Наука, 1995. С. 22–40.
- Хотинский Н. А. Голоцен Северной Азии. М., 1977. – 200 с.
- Черняева А. Е., Черняев А. М., Еремеева М. Н. Гидрохимия озер. Гидрометеиздат. СПб, 1997.
- Щелкановцев Я. П. О некоторых озерах бассейна реки Миасс // Землеведение, Т. 10; Кн. 2–3. 1903.
- Эколого-продукционные особенности озер различных ландшафтов Южного Урала. Л., 1978. – 212 с.
- Якушко О. Ф. Озероведение: География озер Белоруссии. Минск, 1981. – 223 с.
- Davidova N., Drabkova V., Sergeeva L., Khomutova V., Sokolova L. Bottom sediments of the Big Kisegach Lake and its paleolimnology // Abstracts 11 Intern. sympos. on paleolimnology, Poland, 1976. P. 20–21.
- Davidova N., Drabkova V., Yakovleva L., Khomutova V., Sergeeva L. Bottom sediments of Big Kisegach Lake and its paleolimnology // Pol., Asch. Hydrobiol., 1978. V. 25. № 1/2, P. 95–97.
- Khomutova V. I. The significance of zonal, regional and local vegetation elements in lacustrine pollen spectra. Grana 34, 1995., P. 246–250.
- Subetto D., Pushenko M., Pisareva V., Neustrueva I., Tarasov P., Harrison S. Argayash Lake, Cheliabinsk Region, Russia // Lake Status Records from the Former Soviet Union and Mongolia: Documentation of the Second Version of the Data Base., Boulder, Colorado, USA. 1996, P. 95–97.

Сокращения

- ЧГПИ (ЧГПУ) – Челябинский государственный педагогический институт (университет)
 УралНИИВХ - Уральский научно-исследовательский институт водного хозяйства
 УрГМС – Уральская гидрометеорологическая служба
 РАН – Российская академия наук

II. ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕЛЯБИНСКОМ ОБЛАСТНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Н. А. Антипин

Челябинский областной краеведческий музей, г. Челябинск

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Представляемый читателю первый выпуск «Гороховского сборника» и Первые Гороховские чтения – это начало, думаю, неплохой традиции, которая позволит создать еще одну площадку для общения и обмена опытом людей, занятых одним делом – музеем. Основную часть настоящего сборника составляют материалы конференции. Кроме того, краеведческий музей, организаторы конференции, составители планируют публиковать в сборнике краеведческие материалы, работы научных сотрудников музея и другое, чтобы каждый «Гороховский сборник» имел свои особенности. В настоящем сборнике публикуются воспоминания сотрудников Челябинского областного краеведческого музея, работающих или работавших в музее: Т. В. Палагиной и В. С. Боже.

На самом деле написать воспоминания о своей работе в музее, о музее прошлого, принципах его работы, облике, сотрудниках и так далее было предложено многим, кто когда-либо работал в музее, а также тем, кто и сегодня продолжает трудиться в нем. Однако эта просьба вызвала различную реакцию у старейших сотрудников музея. Большинство из них задавало вопросы: Зачем вспоминать «музейное» прошлое? Кому это будет интересно? Как писать? О чем писать и о чем не писать? Все эти и другие вопросы показались неоправданными, что позволило мне допустить, что у ветеранов музея, как выразилась в своих воспоминаниях Т. В. Палагина, имеются другие причины, чтобы не вспоминать публично недавнее прошлое, безвозвратно ушедшее от нас.

К сожалению, и сегодня многие полагают, что воспоминания могут писать лишь те, кто как-то «отличился», «выделился», стал известным и получил должную оценку со стороны общества и власти. Подобная позиция мне кажется архаичной: сегодня появляются целые архивы эго-документов, целенаправленно собираются воспоминания «обычных» людей. При этом опыт каждого человека неповторим, интересен и важен для изучения. Он позволяет создавать не «государственную» или «политическую» историю, а историю отдельного человека и людей.

Надеюсь, публикуемые воспоминания заинтересуют читателей современных и будущих, так как в них рассказывается не только о жизни мемуариста, но и об истории Челябинска, о переломном времени в истории России в XX веке и как этот период переживали отдельные люди и такие учреждения, как музей. В помещенных ниже воспоминаниях посвященный читатель найдет немало лакун, что нельзя ставить в вину авторам. Продолжить мемуарную историю Челябинского областного краеведческого музея предстоит другим его сотрудникам.

Выражаю благодарность всем, кто откликнулся на предложение записать свои воспоминания и опубликовать их, и не пожалел на это свое время.

Сентябрь 2010 года

ЧЕРЕДОЙ ВОСПОМИНАНИЙ...

Я ветеран музея, работаю в нем с 1980 года. Думаю, что кажусь молодым коллегам, которые столько лет еще и не прожили на свете, какой-то музейной древностью. Наверное, поэтому автор книги по истории музея Николай Антипин попросил меня написать воспоминания. Ну, что ж, постараюсь сделать это предельно честно, искренно, не искажая факты, а излагая так, как их вижу, понимаю и чувствую. То, о чем не хочется говорить откровенно (думаю, такое есть у каждого человека), я просто упущу в своем изложении.

Так уж случилось, что после длительного домашнего «заточения» по уходу за детьми-погодками, когда я, наконец, смогла выйти на работу (преподавать историю в школе), – мне в конце второй четверти предложили школы на окраинах города. Поездив по городу, оказалась в центре. Смотрю – стоит музей, решила зайти. Был понедельник, 15 декабря, выходной день, в ответ на мой звонок я услышала легкие шаги, и тяжелая дверь бывшего церковного здания распахнулась. Передо мной оказалось почти воздушное существо с разлетающимися кудрями и улыбающимся лицом: это была сотрудница массового отдела Таня Фриз-Палий (увы, эта легкость и это обаяние впоследствии изменили ей – Татьяне Юрьевне Адуковой). Приняла меня в кабинете, уставленном старинными полукреслами с львиными головками директор музея Нина Сергеевна Алексеевских. Она вызвала исполняющую обязанности заведующей досоветским отделом (ставки заведующего отделом тогда просто не было) – и в кабинет вошла... моя однокурсница, с которой мы пять лет проучились в одной группе в Челябинском педагогическом институте и даже писали совместную дипломную работу, Наташа Бухвастова. Вопрос приема в досоветский отдел на должность младшего научного сотрудника был решен (ах, эта должность: как не провести ассоциацию с фразой из знаменитой комедии «Джентльмены удачи»: «А это: наш младший научный сотрудник»). Итак, моя трудовая судьба определилась – на время, как мне казалось: до начала следующего учебного года. Однако, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное, так оно и продолжается вот уже почти 30 лет.

Нина Сергеевна, побеседовав со мной, сказала несколько гадостей в адрес моей новой начальницы, не подозревая о нашем близком знакомстве, потом в таком же духе прошла насчет экскурсовода Лазаря Ароновича Циприса, больше нам никто в этот день не попался. С этого началось мое знакомство с музеем и его сотрудниками. В первый же рабочий день ко мне подошла очень деловая и неприступно серьезная сотрудница массового отдела методист Татьяна Васильевна Павлова (Бородин) – ныне заведующая орготделом, прекрасный специалист – и строго потребовала, чтобы я немедленно встала на профсоюзный учет. Как-то сразу стало неуютно. Правда, рядом была Наташа, но у нее были свои проблемы и странности, а с директрисой она действительно не ладила. Еще была милая, скромная и отзывчивая Аза Георгиевна Шалгина – заведующая отделом природы,

¹ Палагина Татьяна Владимировна (р. 21.11.1949, Харбин, Китай), историк, организатор музейного дела, заслуженный работник культуры РФ (1999). Окончила исторический факультет ЧГПИ (1972). В 1972—1975 гг. методист Всесоюзного пионерского лагеря «Артек», с 1975 года преподаватель истории в Новопокровской сельской школе (Киргизия). С 1980 года в ЧОКМ: научный сотрудник, с 1984 года заведующая отделом досоветской истории (историческим отделом), с 2005 года ведущий специалист, с 2006 года заместитель директора по экспозиционной работе. Подготовила к экспонированию выставки из материалов фонда музея: «Искусство украшения тканей», «Русское серебро», «Я без Урала не могу» (по материалам архива поэтессы Л. К. Татьянической) и др. В 2000 году под ее руководством создана новая экспозиция по истории края. Автор научных концепций музеев: истории медицины Челябинска, Копейского городского, Кусинского районных краеведческих, страховой компании «Южурал-АСКО», Челябинского областного суда, Челябинского театра драмы, Челябинского электролитного цинкового завода; автор экспозиции Верхнеуральского краеведческого музея (2004). Принимала участие в разработке программ «Концепция развития Челябинского областного краеведческого музея», «Программа развития музейной сети Челябинской области», «Истоки» (по развитию краеведения в Кусинском районе), подготовке документов по музеефикации памятника истории и культуры Сикияз-Тамакский пещерный комплекс. Участница научных экспедиций, конференций; читала курс краеведения в челябинском лицее № 11, музейно-педагогические дисциплины в ЧГАКИ. Научный консультант 20-серийного документального фильма «Челябинок, XX век».

в 1985 году она ушла на пенсию. Думаю, что я у нее многому научилась в отношении к музейной работе. Был Сергей Борисович Куклин – человек, прошедший войну, прекрасный фенолог. Как член партии, он в те годы был очень принципиален и даже придирчив к окружающим. Над ним по-доброму подтрунивали – Сергей Борисович опять на целый день ушел в парк наблюдать за «бабочками». Еще в нашем кабинете на верхнем этаже Свято-Троицкой церкви работали Вера Александровна Уткина – жизнерадостный человек с легким характером (уйдя из музея, она работала в музее ЧПИ (ныне ЮУрГУ), к сожалению, она рано умерла), Нина Сигабатулина – милая, скромная женщина, покинувшая музей после рождения дочери. Моей визави была Людмила Николаевна Рябова, впоследствии была хранителем в отделе фондов – очень серьезный и основательный работник. Позднее появилась Ира Бавыкина, которая служит для меня примером жизнелюбия, стойкости, жизненной энергии; в музее она проработала недолго.

Каждый новичок получал испытательный срок. В течение месяца он должен был разработать свой текст экскурсии, освоить его и сдать строгим членам методсовета. Экспозиция была довольно-таки большая, она охватывала историю края с древнейших времен до 1917 года, причем рубежом была не октябрьская, а февральская революция. Экспозиция была создана в 1974–1975-м годах еще при прежнем директоре Надежде Петровне Казанцевой. О том, каким она была замечательным специалистом и человеком, в музее ходили легенды, все очень жалели по поводу ее вынужденного ухода из музея, как говорили сотрудники, «ее «сожрали» члены историко-революционной секции». Об этом образовании в структуре музея я расскажу позже.

Так вот, экспозиция была по уровню музейного дела в 1970-е и даже 1980-е годы хорошей, добротной, насыщенной большим количеством подлинников и справочных материалов в виде диаграмм, таблиц, текстов, в том числе, конечно, цитат классиков марксизма-ленинизма. Это называлось ведущими текстами, все остальное – пояснительными. Удивительно то, что авторы смогли отразить все главные темы российской истории на местном материале: здесь было и восстание декабристов, и социально-политическая ситуация накануне отмены крепостного права, и сами реформы 1860-х годов и так далее. Были и художественные изыски: в центре второго этажа под потолком висел короб с живописными сюжетами на тему дореволюционной истории (естественно, с акцентом на классовую борьбу). На первом этаже завершала экспозицию огромная карта, кажется, выполненная в керамике, тема карты – то ли большевизация советов, то ли победоносное шествие советской власти. Отдел природы на первом этаже тоже был очень насыщенным и интересным. Здесь был центр с картой Челябинской области, а перед ней представлены все геологические периоды истории Земли. Было много диорам: несколько крупных и еще несколько поменьше. Задники диорам писали очень хорошие художники, помню работы Лаптева. Экспозиция включала много тем: климат, гидрология, почвы и так далее. Было очень много образцов минералов и поделок из уральского камня, этот фонд Аза Георгиевна постоянно пополняла. Запомнились влажные препараты земноводных и чучела рыб.

При входе в зал были установлены красивые чугунные ворота, рядом с входом, уже в экспозиции, стояли напольные часы, которые регулярно заводили, и они добросовестно отбивали часы. На второй этаж экспозиции вела широкая металлическая лестница из двух пролетов, посетителям нравилось ходить по ней. А вот на второй этаж к сотрудникам вела очень крутая деревянная лестница, были случаи падений, но без больших неприятностей. Из основного кабинета с двумя маленькими оконцами (одно из них было за моей спиной и выходило на Зеленый рынок, где находился киоск звукозаписи, откуда весь день доносились надоевшие эстрадные хиты) несколько ступенек вело в маленький кабинет – «светелку». Здесь находились рабочие места заведующей массовым отделом Татьяны Юрьевны Мороз (Александрович) и сотрудницы Ольги Алексеевны Новоселовой. Место было удобное для разного рода посиделок, отсюда же дверь вела в экспозицию второго этажа – прямо в раздел археологии.

Итак, я пишу текст экскурсии. Когда-то в институте (ЧГПИ) ныне покойный Александр Иванович Александров (известный в городе учитель истории школы № 1) читал нам короткий курс краеведения. К описываемому времени это было уже давно. Помогла наша музейная библиотека и славная Ирина Ильинична Кинзина. Так долго, как она, в музее, пожалуй, никто не работал, разве что сам Иван Гаврилович Горохов. О себе Ирина Ильинична любила рассказывать так: «Жил-был маленький библиотекарь (ее рост, наверное, не превышал 145 сантиметров), у него была маленькая библиотека и маленькая-маленькая зарплата...». Ирина Ильинична удивительно хорошо знала свой книжный фонд, она не только находила нужную книгу, но, по-моему, знала, на какой странице что написано. Ее запас знаний по истории, естественным наукам, краеведению был потрясающим. К людям она относилась с доверием. Библиотека располагалась в помещении музея на улице Кас-

Рис. 1. Сотрудники Челябинского областного краеведческого музея 1 июля 1983 года. Слева направо, первый ряд: научный сотрудник отдела истории О. А. Тимофеева, научный сотрудник отдела фондов Е. Б. Суворова, сотрудник организационно-массового отдела, научный сотрудник отдела советской истории И. Новокрещенова, учитель истории, краевед А. И. Александров, заведующая хозяйством музея И. Ф. Калетина, смотритель А. И. Агеева, смотрители, смотритель А. Мартынова, смотритель А. Ф. Медведев. Второй ряд: научный сотрудник отдела досоветской истории Л. Н. Рябова, научный сотрудник отдела фондов Н. А. Лапина, директор музея Н. С. Алексеевских, сотрудник организационно-массового отдела О. В. Суботина, заместитель начальника Главного управления культуры Челябинской области В. С. Леонченков, научный сотрудник отдела советской истории Н. А. Ваганова. Третий ряд: главный хранитель фондов А. Г. Савченко, неизвестный, заведующая отделом природы А. Г. Шалгина, научный сотрудник отдела природы И. С. Егурная, заведующая отделом советской истории Э. Б. Иванова, научный сотрудник отдела советской истории Л. Г. Куковица, научный сотрудник отдела природы В. Н. Кутепов, председатель историко-революционной секции М. Б. Гуревич, дворник И. В. Калетин, смотритель, заместитель начальника Главного управления культуры Челябинской области В. Н. Ваганов, смотритель, инструктор горкома КПСС С. И. Бурсуков, инспектор по музеям Главного управления культуры Челябинской области А. И. Зыкова, неизвестный, экскурсовод Л. А. Циприс

линской, 15, где на первом этаже размещалась экспозиция советского периода. Эта экспозиция создавалась в то же время, что и на улице Кирова, 60-а, но была ужасно политизирована и ужасно скучна (много красного цвета, много тем о «роли КПСС», об участниках революции и гражданской войны, партийных съездов и социалистических соревнований). И еще было много планшетов, на которые намертво наклеены музейные документы и фотографии. Так вот, библиотека в одной комнате совмещала служебный кабинет, книгохранилище, читальный зал и клуб для общения. В этом же здании находился отдел истории советского периода и отдел фондов.

Короче говоря, текст экскурсии в отведенное время я написать успела и с первого раза сдала экскурсию на заседании методсовета. Надо сказать, что это удавалось не каждому даже опытному сотруднику. Экскурсоводы готовились очень тщательно, требования были высокими. Помню случай, когда В. Морев не сдал с нескольких попыток экскурсию, его признали негодным для работы в музее, и он был уволен. С некоторыми сотрудниками долго работали. Помню, как «натаскивали» Ю. Бошнякова: экскурсию с ним разучивали почти как лесню. Много раз сдавала лекцию А. Сотникова: у нее были дефекты речи – и ведь добились, что она стала хорошо говорить, потом она много лет проработала в библиотеке имени Л. Татьянической.

Экскурсий проводить приходилось много. У нас были обязательные нормы экскурсионной нагрузки: у сотрудника 16 экскурсий в месяц, у экскурсовода – 101. Единственным (по штатному расписанию) экскурсоводом был Лазарь Аронович Циприс. Он обладал удивительным запасом

информации из разных областей знаний, которые непостижимым образом перемешивались в его голове, так что он мог во время экскурсии с помощью 2–3 фраз перейти, например, от рассказа о музыкальной шкатулке к конным парадом в Москве (логика такова: механизм шкатулки – Кремлевские куранты – Красная площадь – парады). У Лазаря Ароновича была одна слабость: он легко впадал в дрему, причем, встрепенувшись, мгновенно продолжал строчить что-то в своем блокноте. В 1990-е годы он с семьей уехал в Израиль, что стало для него тяжелым испытанием. Так вот, об экскурсионных нормах. Иногда их удавалось перевыполнить, особенно когда музей посещали группы из турпоездов. За перевыполнение нормы полагалась премия: чуть меньше рубля за экскурсию. Поэтому проведение в месяц сверх нормы 3–5 экскурсий было удачей, так как зарплата составляла: у младшего научного сотрудника 110 рублей, у старшего 120 (или 130) рублей, а у заведующего отделом 160 рублей. Иногда в выходной день привозили до 30 групп. В залах было пыльно, народу – как в автобусе в часы пик. Вообще, посещаемость была хорошая: и за счет турфирм, и за счет удобного месторасположения – рядом с рынком. В год музей посещало до 230 тысяч человек. Билет в музей был дешевый: 5 копеек для детей и, кажется, 20 копеек для взрослых. В целом отношение к музеям было другое, их миссию видели не в приобщении посетителя к истории через подлинные предметы, вызывающие определенные эмоции и размышления. Главной функцией музея была просветительская: передача посетителям знаний в соответствии с марксистско-ленинской концепцией истории, а главной была экспозиция по истории советского периода.

Этой функции соответствовал и так называемый передвижной музей, или музей на колесах. Специально для этой цели в музее имелся автобус «Кубань». Этой редкой по неуклюжести и расходу бензина машиной обеспечивались областные музеи, районные отделы культуры, клубы для обслуживания села. Музей готовил экспозицию на планшетах размером метр на метр по теме «Челябинская область в 9-й пятилетке» или «Наши земляки – участники XXV съезда КПСС» и так далее. К планшетах имелись специальные металлические стойки, на которые они крепились, как гармошка. Все это грузилось в «Кубань», заведующему передвижным музеем выписывали командировку, иногда вместе с ним еще 1–2 сотрудникам – лекторам, все садились все в ту же «Кубань» и колесили по отдаленным районам области. Там в селе: в клубе, в школе, а иногда прямо на ферме или на полевом стане – выставка устанавливалась, и начиналось приобщение населения к «музейным ценностям». Музей считался идеологическим учреждением и находился под пристальным вниманием партийных органов. За поведением и обликом сотрудников (идеологических работников) следила партийная организация. Ветераны музея помнят случаи, когда члены партии писали доносы на сотрудников. Например, на Т. Ю. Александрович было заявление о том, что она выходила проводить экскурсию в джинсах, тем самым, пропагандируя образ жизни стран «загнивающего капитализма».

Таким внутренним идеологическим образованием, кроме первичной партийной организации, была историко-революционная секция. Она оправдывала свое название: действительно, в состав этого объединения входили старые большевики, участники революции и гражданской войны. В середине 1980-х годов, когда меня назначили ответственной за работу с секцией, всем ее членам было далеко за 80 лет. В силу своего возраста эти люди уже не могли так активно влиять на жизнь музея, как это было в 1970-е годы. Они большей частью собирались сами для себя, обсуждали какие-то организационные вопросы, сдавали в фонды свои личные документы. Руководил секцией Борис Михайлович (Беус Меерович) Гуревич. Как-то он предложил мне вступить в партию, обещал дать рекомендацию. Я из вежливости сказала, что подумаю, и больше мы к этому вопросу не возвращались. Членом секции (уже формально) был участник гражданской войны И. Хлызов. Он воевал на Дальнем Востоке и решил передать в музей свое боевое оружие. Это было охотничье ружье 12 калибра. Чтобы составить информацию о предмете, я ходила по охотничьим магазинам и мастерским. Все специалисты очень высоко оценили качество ружья и жалели, что оно попадет в музей, при этом, естественно, будет выведено из рабочего состояния. Но это была именно музейная ценность: из этого ружья убивали врагов советской власти... Я никогда не забуду своего прихода в квартиру Хлызова. Он жил на углу проспекта Победы и Свердловского проспекта. Не буду описывать убожество, грязь и запах в квартире. Это был одинокий слепой старик. Он был одет в «семейные» трусы, невообразимо грязную и рваную майку и женские хлопчатобумажные чулки в резинку (сейчас таких не носят), которые свисали гармошкой. Кроме ружья, он передал в музей несколько серебряных царских монет, которые лежали на столе среди хлама. Все это я сдала в фонды, и старику выплатили хоть какие-то деньги.

Помню, как первый раз попала в отдел фондов – он казался каким-то чуть ли не святым местом, перед его сотрудниками немного робела, хотя это были славные женщины, в то время еще

совсем молоденькие: Алла Лушникова (тогда еще студентка), Лида Лихоткина, Лена Суворова, Мариам Новохатская. Старше всех была главный хранитель Людмила Анатольевна Степанова. Как я теперь хорошо понимаю, работал отдел фондов очень непрофессионально. Чехарда со сменой главных хранителей, которая началась после ухода Горохова, чья-то нечистоплотность (это уже по устным преданиям) привели к полному хаосу, несмотря на то, что у Горохова все дела были в идеальном порядке. Наверное, сыграл роль и личный фактор: Людмила Анатольевна находилась не на своем месте, неслучайно после музея она ушла работать к станку. Теперь, десятилетия спустя, разбирая путаницу учетных записей, атрибуции, маркировки, мы говорим: «А, это сделано при Степановой». Несомненное давление на Степанову оказывали директор и ее заместитель по науке Тамара Абрамовна Яббаровна. Во всяком случае, во время проведения сверки 1979–1981-го годов с их легкой руки покрывались недостачи одних коллекций за счет других. В общем, фондам в тот период не везло.

Я помню шкафы с одеждой, где висели съеденные молью платья. Помню рассказы очевидцев об ужасном потопе 1979-го года в подвале жилого дома по улице Каслинской, 15, где по распоряжению то ли дирекции музея, то ли вышестоящего начальства хранились фонды музея. Все было настолько затоплено фекальными водами, что вызвали солдат, которые совковыми лопатами вычерпывали из подвала грязь вместе с музейными предметами (так любовно, вещь за вещь собранными Гороховым и его единомышленниками). Правда, потом в этом подвале почти ничего из фондовых материалов не хранилось. Но и на первом этаже было не лучше. Прежде чем помещение было оборудовано отдельными хранилищами, все 250 тысяч предметов были упакованы в ящики, где содержались не один год – делать профилактику было невозможно из-за строительных работ. Потом, когда ящики стали распаковывать, в некоторых оказалась одна труха. Ночью помещение охранялось сторожем, который, в принципе, при желании имел доступ к ящикам. Даже когда все было распаковано и разложено, с завидной регулярностью фонды топили жильцы верхних этажей. Помню, как мы собирали в ведра воду совковыми лопатами... К сказанному следует добавить, что часть фондов хранилась в подвале на Кирова, 60-а. Там была похожая беда: подвал топило, но чистой горячей водой. В 1983-м году главным хранителем была назначена Ольга Витальевна Субботина, до этого пару лет проработавшая в массовом отделе. Главным хранителем не становятся, получив приказ о назначении, на это уходят годы. Вот и Ольга Витальевна получила квалификацию с годами работы. Думаю, как и для меня, это был не менее чем 10–15-летний стаж. Теперь ее цель – навести порядок в учете и хранении фондов. С получением современного хранилища, хорошего оборудования, штата работников это реально выполнимая задача.

Моей первой экспозицией была выставка к 245-летию Челябинска. Вообще выставки планировались с учетом календаря знаменательных дат. Мне поручили работу совместно с другим младшим научным сотрудником Раисой Калимулиной. Она работала в советском отделе, соответственно история города и наша выставка делились на две части. В первой части – досоветском периоде – все или почти все было плохо, а потом история города и он сам становились все лучше. Выставка была на планшетах: настоящие планшеты из фанеры, обтянутые ватманом. Все было серьезно. Мы написали тематико-экспозиционный план, его утвердили на методсовете, потом мы сдали его в обллит, где тексты, иллюстрации, подписи к ним были тщательно проверены, и была получена печать с разрешением публикации. Потом за дело взялись художники худфонда – и мою первую выставку увидели посетители.

Как я узнала, эта работа называлась научно-экспозиционной и вообще мы были научные сотрудники (хотя и младшие) и должны были вести научную работу. Помню, тогда для нас заказали в типографии бланки на желтоватой, но плотной бумаге. Это были бланки для выписок из книг. В здании на Каслинской, 15 висел большой лист ватмана с фамилиями сотрудников и днями календаря. В каждой клеточке против фамилии писали цифру: сколько выписок сделал сотрудник за день. Никто не смеялся, все было достаточно серьезно и Тамара Абрамовна лично или заведующий отделом пересчитывали эти выписки. Нерадивых «прорабатывали» на собраниях. Еще одной популярной формой работы была подготовка статей в газеты. Тон задавала ученый секретарь Наталья Савина. На всех собраниях она внушала нам, что девизом каждого должны стать слова «Ни дня без строчки!» (что в шутку вызывало желание открыть швейную мастерскую). Больше, пожалуй, о научной работе вспомнить нечего.

А вообще, конечно, музей проводил историко-бытовые экспедиции, но это было раньше – в 1970-е годы. Была попытка провести подобную экспедицию, кажется, в 1984-м году, но кроме тяжелого следа в воспоминаниях участников (не буду их называть), она, кажется, ничего не оставила. Несколько экспедиций проведено в начале 1990-х годов, возможно, они были не совсем правильно

организованы, но это была хорошая школа для сотрудников исторического отдела. Особо хочется сказать об археологических экспедициях. Как известно, музей в течение многих десятилетий, начиная с С. Н. Дурылина, проводил собственные археологические исследования. Очень хотелось их возобновить. Для этого нужен был свой археолог. Я тогда уже была заведующей досоветским отделом, обратилась к Н. Б. Виноградову в ЧГПИ, и он порекомендовал своего студента. Так в музее появился Вадим Булдашев. Милый мальчик, он, конечно, уже тогда имел свои далеко идущие планы, но я это говорю совсем не в осуждение. Короче говоря, он получил открытый лист и удачно провел экспедицию на памятнике раннего железного века Мурзино (Каргапольский район Курганской области). Экспедиция была очень солидно подготовлена: имела свой транспорт и даже газовый пистолет для охраны участников экспедиции. Вместе с Вадимом работали Юрий Ларин, а потом Дмитрий Нелин. Затем Нелин проводил свои раскопки. Оба они, Булдашев и Нелин, защитили кандидатские диссертации и ушли работать в вузы. Однако тот факт, что в эти непростые годы нам удалось возобновить археологическую экспедицию, проводившуюся исключительно собственными (!) силами, я расцениваю очень высоко.

Ну, и чтобы закончить с экспедициями, необходимо несколько слов сказать о «филиале» музея Сикияз-Тамакский пещерный комплекс (СТПК). Я написала это слово в кавычках, так как, по большому счету, филиал не был организован. Все мы были очень наивны в этом вопросе. СТПК постановлением Законодательного собрания был объявлен в 1998 году памятником истории и культуры областного значения, министерство культуры своим приказом объявило его филиалом музея. Музей сформировал штат, оформил внутренние документы, прежде всего, положение, зарегистрировал его в Саткинском районе (налоговая инспекция, комитет по имуществу) – и на этом официальные шаги были приостановлены – вроде бы филиал получил свой статус. Заведующий филиалом подполковник в отставке В. И. Юрин, занимающийся спелеоархеологией, – человек исключительно увлеченный и энергичный. Он умел заразить своим энтузиазмом всех окружающих, в том числе и начальство (на территории комплекса, кажется, побывало все министерство культуры). Он ежегодно проводил на территории комплекса работы, привлекая хороших специалистов из разных городов. Ездили туда и сотрудники музея. Моей мечтой была музеефикация комплекса (тоже фантастическая затея в условиях отсутствия на месте персонала и финансирования). Но нам удалось при участии студентов-архитекторов из ЮУрГУ построить несколько смотровых площадок, устроить ограждения, ступени, укрепить тропу. По прошествии 10 лет осталась жива, увы, только одна смотровая площадка. Юрин, по своей природе разведчик, исследователь, вожатый – не был готов к административной работе, да и не хотел тратить на нее время, круг его интересов составляла вся Челябинская область, а затем и другие территории. Поэтому дальнейших реальных шагов по оформлению документации или по строительству на территории комплекса не произошло (хотя, к слову сказать, Агропромпроектом был выполнен проект застройки), что, очевидно, к лучшему, так как территория слишком удалена от областного центра – не только расстоянием, но и условиями сообщения. После ухода из музея В. И. Юрина «филиал» прекратил существование.

Рассказывая о филиале, я отвлеклась от начала повествования, которое относится к первым годам моей работы в музее – началу 1980-х годов. Уже в 1983 году произошли события, потрясшие весь музей. Начался конфликт между трудовым коллективом и руководством. Началу его положил инцидент, связанный с незаконным увольнением главного хранителя фондов Владимира Стейгоновича Боже. Мы ходили в обком профсоюзов, в министерство (тогда главное управление культуры). В. С. Боже вернулся на работу, правда, не на должность главного хранителя, но конфликт разрастался. Нина Сергеевна пошла по пути ужесточения режима: стояла у входа с часами в руках в начале рабочего дня, проверяла уход сотрудников по служебным делам, налагала административные взыскания. В ответ были шумные профсоюзные собрания (в этот период меня выбрали профсоюзным лидером), письма в разные инстанции с подписями всех членов коллектива, собрания с участием начальника Главного управления культуры К. Н. Сидорова. В чем была суть конфликта? Я думаю, в основном, в том, что Нина Сергеевна (ничего не хочу сказать о ней плохого как о человеке) по своему стилю руководства, по уровню подготовки просто не соответствовала должности директора музея. Вместо создания творческой обстановки, личной организаторской и творческой активности был ненужный прессинг, формализм, а порой просто чисто женское преследование того, кто не нравился. В итоге наша, уже относительно немолодая, Нина Сергеевна, очевидно, в качестве выхода из создавшейся ситуации, уходит в декретный отпуск. Вместе с ней – по собственному желанию – из музея ушли Т. Яббарова и Н. Савина.

Единственным начальником в музее остался новый главный хранитель Андрей Григорьевич Савченко. Он после ухода Т. Яббаровой стал секретарем партийной организации и был назначен

исполняющим обязанности директора музея. Так в одном лице образовался триумvirат, а точнее, как шутили в коллективе, диктатура Савченко. Это была беззлобная шутка, так как люди приняли его доброжелательно: Андрей Григорьевич был умен, молод, обаятелен и деликатен в общении с коллегами. После «победы» коллектива жить в музее стало интересно и весело, все очень сдружились и проводили много времени вместе даже вне работы. Особенно запомнились праздники: Новый год, 8 Марта и другие: проводили вечера с играми, конкурсами, устраивали даже маленькие импровизированные спектакли, выпускали стенгазету, выпускали рукописный журнал с серьезными статьями. Заводилами были В. С. Боже (журнал – его детище, может быть, это был первый шаг в его дальнейшей работе по подготовке замечательных книг по краеведению?), И. Новокрещенова (сотрудница советского отдела, потом она работала в Москве), А. Лушникова (ныне кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой музееведения ЧГАКИ), Н. Лапина (к сожалению, она сломала свою судьбу и трагически погибла) и другие. Все мы были молоды, примерно одного возраста, и всех нас сплотил музей.

Естественно, мы не хотели стоять на месте. Наша экспозиция прожила 10 лет и начала стареть физически и устаревать морально. Тогда был задуман проект создания новой экспозиции. Мне поручили написать концепцию и отправили ее в Ленинград в КЖОИ (комбинат живописно-оформительского искусства). Оттуда прислали художника, который должен был с нами работать. Но мы, как энтузиасты сохранения памятников истории и культуры, хотели, чтобы обновилась не только экспозиция, но и было восстановлено здание бывшей Свято-Троицкой церкви. Писали письма, обращались, выступали... Время оказалось подходящее – вторая половина 1980-х годов – и вопрос решился. Начался ремонт кровли, чистка фасада пескоструйным аппаратом, а в сейфе директора лежало золото для куполов. В то время директором был назначен бывший инструктор райкома партии Ленинского района Владимир Петрович Васильев. Несчастный человек, он страдал алкоголизмом, какое-то время ему удавалось это скрывать, но потом срывы стали все чаще и его убрали (не могу сказать, как это произошло, так как в это время находилась в отпуске по уходу за ребенком). Место оказалось вакантным, и тогда от имени коллектива было написано в министерство письмо с просьбой назначить директором А. Г. Савченко (в то время он уже ушел из музея) – и эта просьба была услышана. А. Г. Савченко проработал в должности директора музея с 1987-го по 2004-й годы. Однако вернусь к зданию. Сами купола находились внутри помещения, именно там мастера покрывали их золотом. Это было очень интересно наблюдать. Особым событием была установка куполов на барабаны храма. Этот момент был заснят на видеопленку, которую решили хранить в фондах.

Как только здание засияло куполами, начались поползновения церковников. Советская власть шаталась и готова была на любые уступки. Быстро появился документ: вот он, передо мной – решение Челябинского облисполкома № 512 от 29 декабря 1989 года, подписано Б. М. Исаевым. В пункте 1 постановления указано: горисполкому совместно с Главным управлением культуры поручено найти место для перемещения ценностей музея. Они это место нашли, очевидно, очень легко: это помещения музея: Каслинская, 15 и Ленина, 49. Несколько слов о здании на проспекте Ленина, 49. Этот первый этаж здания постройки 1950-х годов в центре города (второй дом от площади Революции) когда-то предназначался для магазина. До нас там находилось Главное архитектурно-планировочное управление. В 1982-м году помещение было передано музею для экспозиции советского периода (как вы помните, фонды после аварии 1979-го года оказались на первом этаже здания на Каслинской, 15, где одновременно находилась экспозиция советского периода). В помещении состоялся ремонт, и началось строительство экспозиции. В 1986-м году открылись первые два зала, затем еще третий. Полностью экспозиция так и не была завершена, так как настал этот самый 1989-й год.

Фонды паковались и увозились на Каслинскую, оборудование в подвал на Ленина, сотрудников тоже распределили – кого на Каслинскую, кого на Ленина. Многого пришлось оставить: остались фондовые колокола на колокольне, какое-то оборудование от экспозиции. Мне было жаль чугунные ворота. С этого времени начался самый мрачный период в истории музея: 17 лет без здания, без настоящей экспозиции, без возможности реализовать творческий потенциал. В этих условиях главная задача была – сохранить фонды, то есть сохранить музей. И то, чего можно было опасаться, произошло. Произошла крупнейшая в истории российских музеев этого периода кража музейных ценностей 28 марта 1995 года. Ей предшествовало несколько обстоятельств.

В музее работал некий А. Харламов, который занимал должность заместителя директора по коммерческой работе. Он задумал выставку по истории оружия с участием конфискованных образцов, хранившихся в правоохранительных органах. В музей по этому поводу поступило письмо

из прокуратуры с предложением о выставке. Как потом выяснилось, это письмо было поддельным. Вскоре отношения Савченко и Харламова резко испортились, и директор увольняет Харламова за прогул (тогда это было строго: отсутствие на рабочем месте более трех часов – и составлялся акт с тремя подписями – виновный уже никак не мог изменить ситуацию, если руководитель не соглашался на более мягкие меры). Связано ли было увольнение Харламова с последовавшим вскоре арестом директора или нет, сказать невозможно. Но факт остается фактом: Савченко был арестован по обвинению в хищении в особо крупных размерах и три месяца провел в СИЗО. Последовавший затем суд закрыл дело. Тем временем после ареста Савченко (оперативник майор Емцов) в фондохранилище нагрянул майор Филичкин с оператором и произвел тщательную видеосъемку помещений, где хранились музейные ценности. Потом сюжет, сделанный на основе этой съемки, неоднократно демонстрировался по телевидению. И уже после этого состоялось хищение. Преступники были хорошо осведомлены о месте расположения хранилища драгметаллов и способах проникновения. Они нейтрализовали сторожа (сторожа часто менялись, так как зарплата была 80 рублей, как правило, это были пожилые женщины) и, используя автоген, вскрыли хранилище и сейфы. Возможно, преступники знали и о ценностях, за которыми охотились – это были не просто изделия из серебра, а ценнейшая нумизматическая коллекция. «По горячим следам» очень странно велось следствие: допрашивались случайные люди. Например, в районное отделение милиции вызывали моих старших дочерей и спрашивали, как я отреагировала на известие о краже. Признаюсь, после мысли о том, что меня могут хотя бы подозревать в таком масштабном преступлении, мой авторитет в собственных глазах значительно вырос – это, конечно, всего лишь казус. Но связаны ли все изложенные мной обстоятельства, либо какая-то их часть, между собой – или все это случайные факты – об этом сказать невозможно. Удивительно, что за 15 прошедших лет нигде не всплыл ни один предмет похищенной коллекции. Дело не закрыто. Будет ли когда-нибудь хоть что-то возвращено в музей?

Главной задачей, которую стремилось решить руководство музея, был вопрос о материальной базе музея. В кабинете А. Г. Савченко хранилась пухлая картонная папка, в которой были собраны все предпринятые шаги. Это были письма в вышестоящие инстанции: местные (управление культуры, облисполком, обком КПСС и так далее), в центральные – вплоть до Съезда Советов (заседания которого остались в памяти тех, кто смотрел тогда телевизор, как незабываемое шоу), до Б. Н. Ельцина. Все письма и обращения в центр возвращались с какими-то резолюциями в Челябинск. Ни первые, ни вторые обращения последствий не имели. Еще были открытые письма через прессу, их по нашей просьбе подписывали авторитетные в городе люди. Кроме того, разрабатывались программы развития музея, музейев Челябинской области в расчете на то, что они будут рассмотрены властными органами и приняты. Возможно, все эти шаги были наивными и неверными, но в то время никто не знал, что нужно предпринять. Музей поддержал П. И. Сумина накануне его первых выборов. Под его эгидой в рамках предвыборной борьбы группа поддержки организовала в музее выставку картин К. Васильева. Это был смелый шаг в условиях обычного в нашем отечестве верноподданничества власть предержащим, а тогда позиции В. П. Соловьева казались незыблемыми. Правда, этот шаг тоже не имел непосредственных последствий, но, возможно, П. И. Сумин не забыл данный факт и он сыграл свою роль в принятии им решения о строительстве здания для музея, когда для этого сложились необходимые условия.

Несмотря на то, что проблема материальной базы в этот период не была решена, нельзя не сказать о тех подвижках в жизни музея, которые происходили в эти тяжелые для всей страны 90-е годы. В этот период музей смог перейти на новые условия хозяйствования и получил определенную финансово-экономическую самостоятельность. До этого времени музей обслуживался централизованной бухгалтерией Главного управления культуры. Теперь у нас появились свой собственный счет в банке и своя бухгалтерия, мы смогли хоть как-то самостоятельно распоряжаться своим бюджетом. Одними из первых среди российских музейев мы начали компьютерный учет фондов. Правда, сначала в фондах был всего один компьютер, система КАМИС еще просто не существовала, но музей накапливал опыт. Начала стабилизироваться работа отдела фондов (наверное, последним «беспределом» была выдача по приказу директора скопом, практически без документов, предметов для новой экспозиции по истории советского периода – важная идеологическая работа). Наладилась деятельность по изготовлению чучел нашим замечательным таксидермистом Н. А. Балдиным. Кроме экспедиций, о которых уже говорилось, следует упомянуть и полевые работы отдела природы. Одними из первых мы перестроили десятилетиями строго регламентированную структуру музея. Наш музей был в числе учредителей Союза музейев России и до сих пор остается его членом, а также членом Ассоциации музейных работников России – в общем, как-то стали ощущать себя частью му-

Рис. 2. Сотрудники Челябинского областного краеведческого музея на открытии выставки «Сказка за сказкой» в здании музея на проспекте Ленина, 49. Слева направо: сотрудник отдела истории Е. А. Чайко, заведующая отделом истории Т. В. Палагина, смотритель А. И. Агеева, инженер Н. А. Торицин, научный сотрудник отдела истории Д. В. Смирнов. Середина 1990-х гг.

зейного сообщества. В 2002-м году удалось первый раз поехать на Интермузей, а в следующем году уже участвовали в этом фестивале с выставкой, там мы смогли впервые показать проект будущего здания. Я думаю, все это значимые события, о которых стоило упомянуть.

Ничего не сказала о нашей экспозиционной деятельности в этот период. После изъятия у музея здания Свято-Троицкой церкви музей лишился своих основных экспозиционных площадей. В то время продолжались работы по созданию экспозиции по истории советского периода на проспекте Ленина, 49. Экспозиция была интересной, особенно если ее сравнивать с унылой предыдущей экспозицией. Авторы – сотрудники советского отдела во главе с энергичной и внешне никогда не унывающей Эллой Борисовной Ивановой. Большую творческую фантазию проявил В. С. Боже. Надо сказать, что новая экспозиция была общемузейным делом, нам всем давали различные задания. Я, например, ездила в Кыштым, добывала на машзаводе какие-то коронки для буровых машин. Художником был Л. Н. Надеждин, прошедший обучение у ведущих в 1980-е годы столичных художников экспозиции. Однако, по большому счету, история советского периода в то время не привлекала внимание посетителей. Оставаться на годы с единственной непопулярной экспозицией площадью 500 квадратных метров и отказаться от всякой экспозиционной работы – было невозможно.

Было принято решение демонтировать так до конца и незавершенную экспозицию и перейти на выставочный вариант работы. В это время в музее произошли и структурные изменения. В перестроечный период многие музеи отказались от деления истории на советский и досоветский отделы. У нас тоже появился единый отдел, появился и новый руководитель. В памяти остались только фамилия Иопель и длинные ноги, которые он по утрам выставлял в проход между столами и передевал носки «на глазах изумленной публики». Вскоре часть сотрудников бывшего советского отдела решила отделиться от музея, вероятно, видя отсутствие перспектив для своего профессионального роста. Никто не осуждал их решения, но было странно, что все готовилось тайком, точно заговор. Так или иначе, в городе появился Центр историко-культурного наследия, который занялся сбором материалов для создания музея Челябинска и краеведческими изданиями. Кроме

Рис. 3. Сотрудники Челябинского областного краеведческого музея на открытии выставки «Сказка за сказкой» в здании музея на проспекте Ленина, 49. Слева направо: сотрудник отдела истории Е. А. Чайко, заведующая отделом истории Т. В. Палагина, смотритель А. И. Агеева, инженер Н. А. Торицин, научный сотрудник отдела истории Д. В. Смирнов. Середина 1990-х гг.

разные передвижные «кунсткамеры». Выставки восковых фигур появились именно в эти годы. Интерес у посетителей к ним был огромный, так как до этого времени население города и области не имело возможности видеть восковые фигуры. Наверное, ни один из провинциальных музеев не остался в стороне от этого искушения: на фоне задержек неправдоподобно низкой заработной платы, которая ежедневно обесценивалась инфляцией – получить 10% от дохода собственников выставки и выдать сотрудникам премию (у нас это тогда называлось соцподдержкой, что больше соответствовало действительности; кстати, именно это и было инкриминировано Савченко в качестве преступления). Сейчас, по прошествии 10 лет, кажется: как можно было соглашаться на такую низкопробную вещь? Однако и эти выставки старались обслуживать на хорошем уровне: искали материалы об известных людях, о тайнах природы, вызывающих различные аномалии в облике человека – чтобы все это рассказать посетителям. Надо признаться, что первые выставки были интересны даже и для нас, сотрудников музея. Что ж, всему свое время.

Как ни хороши временные выставки, даже когда они дают возможность поднять интересные фондовые коллекции, они оправдывают себя, когда есть постоянная экспозиция. Отсутствие экспозиции, а следовательно, с точки зрения посетителей, отсутствие музея, мы поняли очень быстро. Предоставление музею крошечного помещения на улице Елькина, 50 для отдела природы проблему

В. С. Боже, который стал директором Центра, ушли Э. Б. Иванова, А. И. Скориков (ныне руководитель Центра) и И. С. Егурная, в последнее время работавшая в музее ученым секретарем.

За 10 лет (1989–1999 гг.) музей провел огромное количество выставок, среди которых было очень много удачных. Назову несколько: «Портреты в памятниках нумизматики» (В. С. Боже), «Гора горя» – о Золотой горе (Э. Б. Иванова), «Старый добрый самовар» (Р. Калимулина), выставки для детей «Сказка за сказкой» и «На старом Уральском заводе» (Е. А. Чайко и А. В. Лушников), «Обыкновенное чудо хлеб» и «Из истории вещей» (С. П. Судья). Назову и пару своих выставок: «Русское серебро», «Я без Урала не могу» (по материалам архива Л. К. Татьяничевой). Кроме выставок из фондов музея, проводилось много других. Именно в эти годы началось тесное сотрудничество музея с Областным центром народного творчества (тогда отделом ДПИ руководила В. И. Панасенко, а нынешний руководитель Е. И. Артюшкина принимала участие в качестве автора). Много музей работал с обществом инвалидов, проводил выставки их творчества, организовывал большие запоминающиеся праздники, руководила этой работой, требующей большой отдачи душевных сил, Т. Ю. Александрович. Были и различные привозные выставки, как уже упоминавшаяся выставка К. Васильева, выставка голографии и другие.

Не скрою, зачастую музей проводил и так называемые коммерческие выставки: восковые фигуры, рептилии,

восковые фигуры, рептилии,

восковые фигуры, рептилии,

не решило. Экспозиция была создана. Авторы экспозиции (заведующий отделом О. В. Запорожский, сотрудники Э. А. Шайгородский, А. А. Школьникова) решили показать только животный мир: на первом этаже – ледникового периода, на втором – современный. Как можно было еще развернуться на площади 160 квадратных метров (площадь небольшой квартиры по нынешним меркам)? Показали самые интересные коллекции: палеонтологическую и зоологическую. Эту экспозицию старались рекламировать, особенно для учащихся, однако бывали случаи, когда посетители, побродив в районе указанного адреса, так и не находили его. После начала строительства в этом районе старинный особнячок в одночасье был снесен.

Что касается здания на проспекте Ленина, 49, то постоянная экспозиция все-таки была построена в четырех залах (около 300 кв. метров). Помог юбилей музея. В 1998 году отмечалось 75-летие музея. По этому поводу была проведена научная конференция. Сделаю небольшое отступление. Заместитель директора по науке Н. А. Ваганова смогла сделать такую конференцию ежегодной. Она составляла программу, рассылала ее потенциальным участникам, собирала доклады и издавала сборник – это и было основное направление научной работы в музее в эти годы. Так вот, на юбилейной конференции тогдашний министр культуры Челябинской области В. Н. Макаров объявил, что министерство дарит музею подарок – 100 тысяч рублей. Это был необычный случай. К слову сказать, в 1990-е годы музей не получал денег даже на закупку; фонды музея комплектовались «бесплатными» материалами об общественно-политических движениях, о выборах руководящих органов разного уровня, об областных выставках различных направлений и так далее. Кстати, тогда это казалось не очень интересным, зато теперь мы имеем полный документальный срез той эпохи по Челябинской области. Так вот, 100 тысяч рублей – огромные деньги для музея (хотя слово «огромные» надо поставить в кавычки) – решено было потратить на постоянную экспозицию.

Было предложено показать несколько «фрагментов» истории досоветского периода. 1-й зал: «Древняя история» и «Башкиры – коренное население края»; 2-й зал: «Заселение края русскими» и «Казачество»; 3-й зал: «Горнозаводская промышленность» и «Железнодорожное строительство»; 4-й зал: «Торговля» и «Городской быт». В качестве художника был приглашен доцент кафедры архитектуры ЮУрГУ В. И. Иванов. По взаимозачетам (форма бартерного обмена между предприятиями в период перестройки и всеобщего упадка экономики) было поставлено экспозиционное оборудование. Во всех отношениях оно было очень низкого качества, но оно было новое в отличие от шкафов, эксплуатировавшихся с 1975 года. Для остальных нужд экспозиции было предложено использовать деревянные рейки: как дополнительное оборудование, как художественное решение и как экспозиционное пространство (в залах практически не было стен, залы – система открытого коридора и окна во все стены). В разделе «башкиры» они напоминали юрту, в разделах «заселение» – частокол, «казачество» – копия, «город» – бревенчатые стены домов и так далее. Экспозиция была насыщена интересными подлинными экспонатами и на крошечном пространстве можно было рассказать посетителям о некоторых вехах истории края.

Экспозиция просуществовала недолго. Почему-то выделили деньги на проведение косметического ремонта: видимо, подошел срок, залы, действительно, выглядели ужасающе после многочисленных потопов с верхних этажей. Кроме того, произошло обрушение потолка, а это 10-сантиметровый слой штукатурки с дранкой – пробило подиум из ДСП, пострадало несколько экспонатов, хорошо, что обрушение произошло ночью, и никто не пострадал. Но еще долго музей жил с зияющей дырой в потолке и местами нависающими слоями потолка. Ремонт произошел, что, кстати сказать, не улучшило эстетику интерьеров зала, но экспозиция была навсегда разобрана. Казалось, что все перспективы для дальнейшего не только развития, но и самого существования музея отсутствуют. И вот получено известие о том, что губернатором П. И. Суминым подписано постановление о строительстве нового здания для музея. Откровенно скажу, что в это не верилось. Не верилось тогда, когда был заложен первый камень на месте строительства; когда в течение почти года обсуждался, а потом был утвержден архитектурный проект; и даже когда чудесным образом за два года здание выросло на пустом месте (а вдруг отберут?). То, что мне удалось внести и свой, хотя бы маленький вклад в освоение этого здания, в строительство экспозиции – это не только реализация накопленных музейных знаний и опыта – это большое профессиональное счастье. Но это уже новый этап истории музея и совсем другая череда воспоминаний.

МУЗЕЙНАЯ ДЮЖИНА ВОСПОМИНАНИЯ О ГОДАХ РАБОТЫ В ЧЕЛЯБИНСКОМ ОБЛАСТНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Я работал в музее с 1981-й по 1993-й годы, чуть больше 12 лет. Это были насыщенные в жизненном и творческом плане годы, в которые фактически состоялось моё становление и как человека, и как историка-краеведа. Поэтому я всегда с удовольствием вспоминаю об этих годах, хотя и были они порой довольно тяжелыми.

В то время, когда я пришел в музей, он переживал не лучшее своё время. В здании Троицкой церкви располагались отделы природы и дореволюционного прошлого. Рядом, почти вплотную к церкви, подходил Зелёный рынок, напоминавший пчелиный улей. Было тесно, в каком-то вечном броуновском движении перемещались люди. На полную мощь работал динамик киоска звукозаписи, помногу раз повторяя одни и те же хиты тогдашней популярной музыки. Здесь же, летом можно было купить мороженое, а зимой – беляши по 15 копеек. Зелёный рынок не жадничал и многие, придя на него, заходили и в музей погреться или посмотреть, что внутри, коль уж оказались рядом. В начале 80-х годов прошлого века были популярными автобусные и железнодорожные маршруты выходного дня, регулярно поставлявшие посетителей музею. Поэтому, когда я вспоминаю экспозицию в здании Троицкой церкви, то возникающие картины музейных залов в моём сознании всегда полны посетителями. Сотрудники музея, приняв сразу две или три группы, проявляли чудеса изобретательности, ведя группы так, чтобы они могли слышать экскурсовода и не врезались в соседнюю группу. Тут как нигде важно было проявлять фантазию и изобретательность, чтобы соединить разрозненные рассказы о тех или иных экспонатах в единое целое. Иную картину являло собой другое музейное помещение, расположенное в здании по улице Каслинской, 15. Это был нижний этаж в обычном пятиэтажном жилом доме – «хрущёвке». На улице Каслинской располагались экспозиция отдела истории советского периода и отдел фондов с хранилищами. Здание находилось как бы на обочине, в стороне от магистральных городских путей, а потому людей здесь всегда было намного меньше, чем в здании по улице Кирова. Время от времени экспозицию топили жильцы сверху, а в подвале, где хранились минералогические и некоторые другие естественнонаучные

² Боже Владимир Стейгонович (р. 14.01.1956, Копейск), историк, краевед, общест. деятель. Выпускник ист. факультета ЧелГУ. Участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС (1986). В 1981–1993 гг. главный хранитель, научный сотрудник ЧОКМ. С 1993 г. директор, научный сотрудник Центра историко-культурного наследия г. Челябинска. Член коллегии Комитета по делам архивов администрации Челябинской области. Краеведением занимается с 1981 г. Основные направления исследований: история челябинского краеведения, история религии и церкви в Челябинске и области, народное образование в дореволюционном Челябинске. Подготовил тематические планы экспозиции зала первых пятилеток отдела истории советского периода ЧОКМ и более 15 краеведческих выставок («Уездный город Ч-ъ и его обитатели», «Черный репортаж с искрой надежды», «Купола над городом», «Зеркальные сны», «Рисунки на песке», «Великая Отечественная» и др.). Автор более 1000 работ, посвященных истории Челябинска и Южного Урала. Научный редактор и составитель краеведческих сборников «Челябинск неизвестный», «Дореволюционный Челябинск в слове современников», «Нет, весь я не умру...», «Врата Рифея» и др. Научный редактор учебного пособия «Челябинск: История моего города» (1999). Автор идеи и составитель энциклопедии «Челябинск» (2001); член редакционной коллегии, научный консультант энциклопедии «Челябинская область». Член авторской группы по разработке офиц. символов г. Челябинска и Челябинской области (1996–2000). Член геральдической комиссии Челябинской области (2002). Участвовал в работе организационного съезда Союза краеведов России в Челябинске (1990). Член Общественной палаты Челябинской области (2006). Почетный член-академик Академии российской энциклопедии (2000). Лауреат премии имени В. П. Бирюкова (1997), победитель челябинского городского конкурса «Человек года» (2000) в номинации «Культура». Награжден медалью «За боевые заслуги» (1988), почетным знаком Министерства культуры СССР «За отличную работу» (1988); медалью «За вклад в наследие народов России» (2002), памятной медалью МАНПО «За развитие культуры и искусства» имени П. М. Третьякова (2003), медалью М. А. Шолохова (2004).

коллекции, царили блохи.

Все музейные экспозиции были сделаны в традиционном для того времени стиле «иллюстративного музея» и представляли собой такую большую книгу, страницы которой были развешаны по стенам в виде планшетов, а иллюстрации к ним представлены в горизонтальных витринах или на подиумах. Причем в исторических экспозициях безраздельно господствовал тематико-хронологический принцип, в то время как в отделе природы – коллекционный. Сделано всё было довольно профессионально и добротнo. В экспозициях было не только много подлинных экспонатов, но и специально для экспозиций сделанных диорам, картин, рисунков, макетов.

В 70–80-е годы прошлого века власти ещё видели в краеведческих музеях идеологические учреждения, а потому с одной стороны финансировали экспозиции и реэкспозиции, а с другой стороны требовали, чтобы они были идеологически выдержаны. По существовавшим в те годы методикам, около 40 % площадей исторических экспозиций должны были быть посвящены периоду так называемого «развитого социализма». На практике эти куски экспозиций являли собой выставку достижений народного хозяйства, где была представлена всевозможная продукция предприятий, перемежаясь с подарками, которые привезли различные делегации, фотоматериалами, грамотами передовиков, делегатов съездов партии и комсомола. Публика обычно здесь не задерживалась, но во всех музеях эти обширные идеологические «аздромы» в обязательном порядке имелись. Открыть новый музей было целой историей. Это можно было сделать только с разрешения Москвы. Поэтому областной музей имел ряд филиалов в других городах, которые числились за областным музеем, но никаких реальных связей с ним не имели.

Главной проблемой челябинского музея начала 80-х годов прошлого века была текучесть кадров, в иной год менялось до 30 % научных сотрудников. Это объяснялось ни низкой заработной платой, она соответствовала общему невысокому уровню того времени (110–140 рублей получали научные сотрудники, 170 рублей – главный хранитель и другие специалисты его ранга). Вполне обычными были и условия труда. Главной причиной того, что люди уходили, была морально-психологическая обстановка, сложившаяся в музее. Фактически, придя в музей, я застал вяло текущий конфликт между администрацией и коллективом, который то затихал, то вспыхивал с необыкновенной силой. Руководство музея в лице директора Нины Сергеевны Алексеевских (Яковлевой), заместителя директора Яббаровой Тамары Абрамовны и ученого секретаря Натальи Евгеньевны Савиной, пыталась административными мерами обеспечить армейскую дисциплину. Сотрудники должны были беспрекословно выполнять все распоряжения администрации, какими бы непродуманными и противозаконными они ни были. Объяснительные записки с одной стороны, выговоры – с другой, лились рекой. Люди приходили в музей, и пока не входили в курс дела, выполняли то, что от них требовали, а затем начинали что-то понимать, с чем-то не соглашались, и тогда репрессивная машина обрушивалась на них всей своей мощью. Не желая тратить на склоку свою жизнь, и не веря, что ситуацию можно переломить, многие уходили.

Вскоре после моего прихода в музей освободилась должность главного хранителя, мне предложили её, я согласился. И вот тут мне объяснили, что в коллективе есть некоторые сотрудники, которые не понимают задач, стоящих перед музеем, и поэтому мне надо поддержать администрацию в борьбе с ними. Я отказался это сделать, объяснив это тем, что недавно пришел в музей и вряд ли имею основания кого-либо судить. Во время коллективной поездки сотрудников музея в Свердловск на выставку из Эрмитажа, Алексеевских попыталась убедить меня, что «пока не надо проводить по учётам безномерное серебро, так как оно может понадобиться для реставрации или ещё чего» (всего этого серебра оказалось что-то около полутора килограммов). Я по приезду сразу же занялся выявлением безномерного, сообразив, что, если следовать советам директора музея, то со временем есть шансы познакомиться с нашими правоохранительными органами. Вместе с экспертом по драгметаллам Н. М. Мальковым мы делали технические паспорта на коллекции, присваивали безномерному номера, и как следствие – я попал в число тех, кто не понимает «задач, стоящих перед музеем». Не буду подробно излагать ход борьбы, длившейся более года. Я пережил два увольнения, но завершилось всё тем, что покинула музей административная тройка, а я по протестам прокуратуры и правовой комиссии облсовпрофа летом 1983 года был восстановлен в той должности, на которую пришел, став старшим научным сотрудником. Работая в отделе фондов, я увлёкся нумизматикой, подготовил лекцию и выставку, посвященные медальерному искусству России XVIII–начала XX вв., начал делать каталог древнеримских монет из коллекции Н. К. Минко. Впервые соприкоснулся с материалами И. Г. Горохова и С. Н. Дурылина, о которых в последующем неоднократно писал. Да и писать небольшие статьи в газету я начал, работая в отделе фондов. Помнится, первая моя заметка, опубликованная в «Вечернем Челябинске», касалась экспонатов,

поступивших в фонды музея. В начале 80-х годов я заинтересовался историей Челябинска, стал встречаться со старожилами, записывать их рассказы. Попытался организовать сотрудников на написание справочника по дореволюционному Челябинску, тогда трудно себе было представить, что это как-то можно было опубликовать, но инициативу эту я проявил. Не могу сказать, что кто-то кроме меня, после проведенной мною встречи в библиотеке музея, начал это делать, но материалы я стал собирать и истоки моих книг «Краеведы и краеведческие организации Челябинска (до 1941 г.)» и «Школьный мир дореволюционного Челябинска» лежат именно в этой придуманной мною затее. Благодаря моей инициативе, в музей поступило ряд ценных коллекций – архив челябинского художника И. Л. Вандышева, учительницы З. И. Иовлевой, нумизматическая коллекция А. Д. Кишкина и другие материалы. Работать мне было интересно, именно поэтому, видимо, я не ушел, а вступил в борьбу с администрацией музея и остался работать в нём. Следующий этап моей музейной жизни был связан с экспозиционной деятельностью, в которой я нашел для себя новые интересы.

В это время музею передали здание мечети и помещения по проспекту Ленина, 49. В мечети мне и предложено было сделать Музей Дружбы народов Южного Урала, я написал обоснование и переименовал музей в археолого-этнографический, с соответствующим названием – Музей народов Южного Урала. Алексеевских с этим согласилась, предложила мне сходить в отпуск, а когда я вернулся из него, её в музее уже не было. Период нервов и баталий в музее завершился. На смену ему пришел период эйфории, когда музей на фоне общегосударственного движения к демократизации жизни и в ходе горбачёвской перестройки зажил весело. Стали отмечаться проводы на пенсию, юбилеи, новогодние и другие праздники. Чего только мы не придумывали в это время! Так, в один из новогодних праздников мы решили, что обычный Дед Мороз для нас уже не интересен, а вот Дед Мороз – негр... Володя Владиславлев, наш музейный Кулибин, подержал пробку от шампанского (тогда они были натуральными, а не пластмассовыми) над огнём и образовавшимся от этого нагаром покрасил лицо в «негритянский» цвет... Когда осваивали здание по проспекту Ленина, 49, мы с Сергеем Коровиным, ботаником, работавшим учёным секретарём музея, расписали новогодними рисунками целую стену, площадью метров в 30. Помнится, к обзорам книг, проводимым библиотекарем И. И. Кинзиной, я готовил и обзоры новинок грамзаписи, считая, что музейные работники должны быть в курсе того, что происходит в отечественной музыкальной культуре. Исполняющая обязанности директора музея Э. Б. Иванова (ныне – Дружинина), а затем директор музея В. П. Васильев этому не препятствовали, так как нормальная психологическая обстановка в коллективе благотворно сказывалась и на работе. Музею предстояло сделать экспозицию советского периода. И работа началась. Первоначально предполагалось, что я сделаю для этой экспозиции две стационарные выставки – по денежной реформе 1922–1924-го годов и по оборонным обществам.

Но жизнь распорядилась иначе. Возникли проблемы со вторым залом – залом первых пятилеток. Попытки экспозиционно решить его предпринимали Лариса Куковица и Алла Бывалова, но приемлемого варианта не получалось и Э. Б. Иванова, заведующая советским отделом, предложила сделать этот зал мне. В это время мне в руки попала книжка со сценарием Музея Революции в Москве, провозглашавшая новые подходы к созданию экспозиции. Это направление в музееведении получило наименование «Новый музей». Методика создания иллюстративной экспозиции была примитивна. Музейный работник брал за основу создания экспозиции устоявшуюся хронологию и темы, определённые ещё «Кратким курсом истории ВКП (б)». Применительно к первым пятилеткам это были – «Коллективизация», «Индустриализация» и «Культурная революция». Просматривал книжки по этим темам применительно к истории края, выписывал цитаты из решений партийных съездов, статистические данные, просматривал фонды музея, подбирая фотографии, документы, музейные предметы и сообщал художнику, какое оборудование ему нужно для размещения материала. Художник всё это старался органично разместить. Экспозиция насыщалась произведениями искусства, макетами и диорамами. Задача, таким образом, считалась решенной. Главным в такой экспозиции был экспонат. «Новый музей» предлагал иное. Экспозиционер и художник здесь работали в единой упряжке. Их задачей было совместно создать художественно-экспозиционные комплексы, объединив подлинники с художественным вымыслом. Главным становился художественный образ, позволяющий на уровне сознательного и подсознательного воздействовать на посетителя, который в результате осмотра экспозиции должен был понять суть явления, о котором рассказывала экспозиция, авторский замысел экспозиционера и художника. Музейный предмет в этом варианте сохранял свою значимость, но должен был служить раскрытию некоей идеи, завязываясь с другими предметами и художественными деталями.

Экспозиционер должен был написать сценарий, в котором давалось видение того или иного события, расставлялись акценты, оговаривались возможные образы. А художник должен был

всё это пропустить через себя и выдать некий художественный продукт с совместным авторским видением того, о чём рассказывала экспозиция. Создание экспозиции превращалось в творческий акт. Это было уже интересно. Поэтому я засучил рукава и написал сценарий для второго зала экспозиции. Но вскоре выяснилось, что Л. Н. Надеждин, работавший над экспозицией, совсем не горит желанием его реализовывать. Ранее ему уже были даны сведения о том, какое оборудование требуется для размещения экспонатов, он сделал макет и не хотел ничего переделывать. Разговор, произошедший в мастерской Надеждина, завершился тем, что он сказал, что понимает, о чем идёт речь, но делать всё это надо было раньше. Я оставил ему сценарий, и мы с Э. Б. Ивановой удалились восвояси, размышляя о том, что же мы можем в этой ситуации сделать. У зала фактически не было акцентов, не говоря об образах. Равномерно расставленные шкафы не спасали ситуацию. Поговорив с Энвером Темендаровым, моим приятелем, работавшим раньше бутафором в челябинских театрах, а затем рабочим у нас в музее, я пришел к выводу, что центральную экспозицию зала могли бы сделать художники из челябинского драмтеатра. Энвер прозондировал вопрос о возможных суммах, Элла решила финансовые вопросы и мы заключили договор с художником драмтеатра Олегом Ивановичем Петровым и бутафором Рафом Аминовым. Зрителей должны были встречать люди тридцатых годов – в человеческий рост черно-белые фотографии, почти тени, о которых мы, люди второй половины 80-х годов XX века, знали очень немного. Какой была их жизнь, каким был их быт, над чем они смеялись и плакали, что искали и к чему пришли? Учебники истории рисовали всё через призму побед, демонстраций, лозунгов. Именно через эти образы мы тогда представляли тридцатые годы. Всё это цветастое, объемное, яркое должно было соединиться с бестелесными незнакомыми нам людьми тридцатых. Объемные фигуры священника и капиталиста, сделанные из папье-маше по аналогии с реально существовавшими и запечатленными на фотографиях, знамена тридцатых годов, транспаранты, создали в центре зала яркое, цветное пятно. От этого центра я и решил развивать экспозицию.

Пришедший в музей Л. Н. Надеждин был в шоке, его симметрия была порушена. Но горевал он не долго и, к нашему удовольствию, оперативно подключился к дальнейшей работе над залом. Времени на перекройку структуры зала уже не было. Но две темы я всё-таки добавил. Это была тема репрессий, которая тогда только ещё начинала разрабатываться, и тема городского быта 20–30-х годов XX столетия. Были усилены и темы, связанные с развитием промышленности и сельского хозяйства. Через антитезу «достижения – цена этих достижений» я совместно с Л. Н. Надеждиным попытался обострить эти темы, стремясь показать античеловеческий характер существовавшего в 30-е годы в нашей стране политического режима. Открывшаяся экспозиция второго зала вызвала сразу же много споров. Особенно много дискуссий было по теме, отражающей культ личности Сталина. Люди, рассматривая шкаф, в котором эта тема была раскрыта, видели разное, а потому занимали и противоположные позиции. Одни возмущались и говорили: «этого изверга вообще не надо показывать», другие требовали наказать авторов за то, что те «издеваются над Иосифом Виссарионовичем». Дело дошло до обкома КПСС. Прибывшая инструктор обкома КПСС потребовала показать решения XX съезда КПСС «о преодолении культа личности». Никакие аргументы относительно того, что эти партийные решения будут показаны в следующем зале, не были приняты и нас вынудили поместить в этом шкафу книжицу с решениями о преодолении культа. Трудная ситуация сложилась с залом, посвященном развитию края в годы войны. Он вызвал мою бурную дискуссию с художником Надеждиным. Изначально он заложил индивидуальный цвет для каждого зала. Зал первых пятилеток имел цвет глины, который должен был ассоциироваться со стройками первых пятилеток. В этот цвет были покрашены стены, этот цвет имела ткань, наклеенная в витринах и шкафах. Войну Леонид Николаевич увидел в черном и красном цветах (цвета земли и крови). Экспонатура по войне в музее была не очень многочисленной и автор зала Ира Новокрещенова включила в экспозицию всё, что было, включая станок ДИП тридцатых годов. Эффект получился неожиданным. Благодарности Верховного Главнокомандующего, золотистые рапорта Сталину, украшенные златоустовской гравюрой на стали, транспаранты и знамена – всё это создавало атмосферу праздника, а не тяжелого, трудного периода в жизни страны и людей. Попытались исправить ситуацию, меняя в некоторых шкафах подкладку, делая фотографии большого формата, сокращая количество «красивых» экспонатов. Много дискуссий вызвала тема победы. Я был категорически против плакатного показа темы победы через образ праздничного салюта, который предлагал Л. Н. Надеждин. Мне победа виделась паузой, когда война завершилась, а мирная жизнь ещё не наступила. Когда кто-то более остро почувствовал потерю близких, кто-то умирал от ран, полученных на войне, кто-то строил планы на будущее, абсолютно неизвестное. Я предлагал Лёне радикальный вариант с парящими душами солдат над ещё дымящимся полем боя и словом «ПОБЕДА!», которое

вдруг вторглось в жизнь советских людей. Леонид Николаевич не был готов к подобным «подвигам», но подверг завершающую тему значительной редакции. Тогда же мы приобрели и внедрили в экспозицию прекрасную работу художника Я. Линдта «День Победы», которая вполне вписывалась в моё видение темы победы, но которую категорически отказывался оценить Союз художников. Это было связано с тем, что Линдт не был членом Союза, так как не смог завершить художественного образования из-за войны, попав в трудармию.

Между тем шла перестройка, эпоха, привнёсшая в нашу жизнь огромное количество информации, и мы не могли на неё не откликаться. Думали, как показать застойные годы, когда процветали лицемерие и цинизм. Я придумал, помнится, такой образ – высохшее дерево, на котором висят значки, вымпелы и прочая мишура... Но сделать зал застоя нам не пришлось. Решили закончить экспозицию позитивным аккордом. Придя к мысли, что нет времени-пустоцвета, мы стали думать о том, что позитивного останется после нашего времени. И решили, что это может быть искусство, которое отразит нерв нашего времени, наши поиски и находки, наши переживания и заблуждения. С Игорем Пыщевым мы обошли более 20 мастерских челябинских художников. Это было интереснейшее время, многое давшее нам в человеческом плане. Музей же получил неплохую подборку работ челябинских художников. Эта коллекция была дважды показана в музее как выставка «Зеркальные сны». Один зал в здании по проспекту Ленина, 49 был отдан под выставки, которые в обилии в конце 80-х–начале 90-х годов XX века делались сотрудниками советского отдела. Эти выставки достойны отдельных воспоминаний, и как-нибудь я напишу, возможно, и об этом.

Завершить же свои краткие воспоминания о работе в музее я хотел бы кратким объяснением причин, почему я и несколько сотрудников бывшего советского отдела покинули музей. Связано это было главным образом с тем, что мы хотели сделать музей истории города Челябинска. Поначалу попытались провести эту идею в рамках областного музея, но не смогли этого добиться. Многочисленные реорганизации отдела, разбивавшие, сложившийся коллектив, также направили наши поиски в решении проблемы не в рамках музея. 5 мая 1993 года я уволился из музея и стал директором Центра историко-культурного наследия г. Челябинска. На следующий день сотрудниками Центра стали музейщики Элла Борисовна Дружинина, Ирина Сергеевна Егурная и Андрей Ильич Скориков, в последующем немало потрудившиеся над изучением природы и истории нашего города. Мы никогда не забывали, что вышли из Челябинского областного краеведческого музея, который привёл нас к делу жизни. Спасибо ему за это.

Ответственная за выпуск Н.О. Иванова

Редакционная коллегия:
Н.О. Иванова, Н.А. Антипин, Е.М. Есикова,
А.А. Гамазова, Э.О. Запорожская, М.Ш. Гайнуллин

Гороховские чтения
Материалы первой региональной музейной конференции
(11-12 ноября 2010 г.)

Технический редактор Н.О. Иванова

Подписано в печать 3.11.2010. Формат А4.
Тираж 100 экз.
Макет Каримова Дамира
Отпечатано в типографии «Перспектив»
пр. Ленина, 53, тел.:(351) 263-13-14, 230-82-00

 ПЕРСПЕКТИВ
типография